

АФРИКА: ВСТРЕЧИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Издательство «Мысль»

Москва • 1970

АФРИКА: ВСТРЕЧИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*Под редакцией
В. Б. Мириманова*

Открытие Тропической Африки

Ю. М. Кобищанов

- 31 Тропическая Африка в классической литературе
- 33 Встреча Африки с Древним Востоком
- 38 Египет в Куше и Куш в Египте
- 54 Золото Куша
- 57 Выход Судана на арену всемирной истории
- 70 Египтяне в стране благовоний
- 75 Проникновение в Африку древних семитских народов
- 85 Колонисты из Южной Аравии в Африке
- 88 Древние индийцы у африканских берегов
- 93 Эллинистический мир и Тропическая Африка
- 102 Византия, Аксум и Нубия
- 103 Первые христиане
- 104 Крещение Эфиопии
- 108 Византийские путешественники в Аксуме
- 110 Византия и эфиопо-хымьаритские войны
- 114 Козьма Индикоплов
- 115 Византия и блеммийцы
- 118 Путешествие Олимпиодора
- 119 Византийские миссионеры в Нубии
- 127 Через три океана. Арабо-африканские связи

- 128 Ислам и аксумиты
- 129 Эфиопия и халифат
- 131 Походы арабов в Нубию
- 136 Арабы и беджа
- 145 Арабо-африканские племена
- 149 Начало арабизации Судана
- 170 Ислам и арабы на западе Африки
- 175 На верблюдах через Сахару
- 177 Транссахарская торговля
- 179 Североафриканские поселки в негритянских городах
- 182 Распространение ислама в Западной Африке
- 189 Университет Санкорэ
- 192 Посольства и паломничества
- 197 Арабская колонизация Восточной Африки
- 204 Арабские путешествия по Африке
- 217 Роль ислама и арабской культуры в Африке
- 220 Китайское открытие Африки
- 229 Франки под Южным Крестом
- 232 Доминиканцы в Африке
- 233 Генуэзцы плывут в Индию
- 234 Марко Поло
- 235 Путешествие Гильома Адана
- 236 Ансельм д'Изальегие на Нигере
- 239 Успехи картографии
- 241 Португальские каравеллы в Атлантике
- 242 Италия и Португалия

Сосна и пальма

Ю. М. Кобищанов

- 265 Что знали об Африке в Средней Азии в средние века?
- 273 Бухарец в Эфиопии XVII в.
- 276 Закавказье и Африка
- 278 Ранние связи армян и грузин с эфиопами
- 282 Хождение Эвостатевоса
- 285 Армяне в средневековой Эфиопии
- 287 Армянские путешествия конца XVII — начала XVIII в.
- 290 Грузины в Эфиопии
- 293 Путешествие азербайджанского ученого
— Армяне и грузины в Эфиопии в XIX—XX вв.
- 294 Абрам Петров Ганнибал
- 301 Первые встречи русских с африканцами
- 314 Афанасий Никитин и Василий Гагара
- 315 Иван Лукьянов
- 316 О. И. Сенковский
- 317 Встречи в Египте
- 318 Украинцы в Африке

А. Д. Дридзо

- 343 Курляндская колония в Гамбии
- 347 Эстонские африканисты

Взаимодействие культур

Ю. М. Кобищанов

- 367 Загадочные рукописи

В. Б. Мириманов

- 382 Встречи цивилизаций

Иллюстрации

Главная редакция
социально-экономической литературы

Введение

У этой книги несколько авторов: кандидат исторических наук Ю. М. Кобищанов (Институт Африки АН СССР, Москва), кандидат исторических наук А. Д. Дридзе (Институт этнографии АН СССР, Ленинград), кандидат искусствоведения В. Б. Мириманов (Институт мировой литературы АН СССР). Если читатель этой книги знает предыдущую нашу работу «Африка еще не открыта», то он знаком с двумя из этих авторов.

Обе наши книги рассказывают об Африке южнее Сахары, о ее месте в истории человечества. Но если первая говорит о самостоятельной ценности африканских цивилизаций, то вторая рассказывает о связях этих цивилизаций с внешним миром, о контактах между разными по характеру цивилизациями — от простых встреч, порой разрушительных столкновений, до плодотворного усвоения культурных достижений и великого взаимодействия культур.

Почему мы говорим о контактах цивилизаций, а не о связях между народами? Народ — это этническая общность людей в отличие от общества — общности социальной; эти две категории не всегда совпадают: порой один народ бывает расколот на два общества (например, когда единая этническая территория разделена политическими границами, а части одного народа привязаны к разным экономико-политическим структурам) или, чаще, два или несколько народов образуют одно социальное целое. Каждый народ имеет свою культуру, однако, если несколько народов составляют единое общество, они обычно относятся к одной и той же цивилизации. Например, греки, римляне, копты, сирийцы и другие народы Римской империи принадлежали к римской цивилизации, арабы и персы в Арабском халифате — к исламской цивилизации, средневековые народы Западной Европы — к феодально-католической, воспринимаемой на Востоке и в Африке как цивилизация франков, и т. д. Цивилизация объединяет часто не одно, а несколько обществ, а также отделившиеся от них группы людей. Например, к средневековой славяно-православной цивилизации, являвшейся в свою очередь северным

ответвлением византийской, принадлежали не только феодальные общества южных и восточных славян, но и монахи северных русских «пустыней» и казаки. Порой же границы народа, общества и цивилизации почти (редко полностью) совпадали, как это было у грузин, японцев и др. Следует учесть, что цивилизация предполагает достаточно высокий уровень развития общества и его культуры: занятие земледелием и животноводством, ремеслами, классовую структуру общества, появление профессионалов, занимающихся искусством, религией и наукой, городской образ жизни. Характерные признаки цивилизации — города, государственная власть, монументальное строительство, письменность. Таким образом, цивилизация — это совокупность производства, социальной структуры, духовной и материальной культуры на определенной стадии их развития, обладающая определенным, неповторимо своеобразным обликом.

В отдаленном прошлом, с которого начинается рассказ в этой книге, цивилизаций на Африканском континенте еще не существовало. Расселяясь по Земле, первобытные люди обладали весьма схожей примитивной культурой и почти одинаковым общественным строем. Так было на протяжении тысячелетий, в течение которых орды охотников и собирателей диких растений, личинок, моллюсков и пр. заселили просторы всех континентов Земли. Связи между этими группами людей были крайне слабы, носили случайный характер либо совсем отсутствовали. Дальнейший прогресс человечества выражался в количественном и качественном росте производительных сил, развитии общественных отношений, культуры, в усложнении их структур, далеко не равномерном в разных обществах, на разных концах ойкумены. Постепенно большая часть человечества перешла от охотничье-собираческого хозяйства к занятию земледелием и скотоводством. Раньше всего этот переход совершился в Передней Азии (в IX—VI тысячелетиях до н. э.), несколько позднее — в Египте и Сахаре, которая тогда не была пустыней, еще позднее (в IV тысячелетии до н. э.) — в Нубии и Эфиопии, в IV—II тысячелетиях

до н. э. — в Западной Африке, распространяясь все далее и далее на юг.

Первобытные племена, населявшие Африку, постепенно начинали культивировать местные дикорастущие растения: злаки, овощи, пальмы. Возникли самостоятельные африканские очаги культивации растений. Древнейшим из них был сахарский, ныне почти исчезнувший из-за высыхания этой огромной части Африки. В горах древней Сахары, тогда обильно орошаемых и поросших лесами и травянистыми степями, было одомашнено дикое просо. Несколько позднее появился нило-эфиопский очаг (в Нубии и Эфиопии), где впервые начали возделывать некоторые виды дикого проса, сорго, кофе, бесплодный банан, корни которого идут в пищу, некоторые виды хлопка, сезам, капусту-горчицу и другие растения. Третий древний очаг культивации растений возник в Западной Африке, где были одомашнены фонио (злак вроде проса), дикий ямс, орехи кола, масличная пальма и другие растения. Приобретая навыки земледелия, африканцы могли заимствовать культурные растения, одомашненные за пределами их родины. Почти повсеместно в доколониальной Африке были распространены растения — пришельцы из Передней и Юго-Восточной Азии, Америки. Американские виды: маис, фасоль, табак, помидоры и др. — появились в Африке, очевидно, не ранее XVI в., но распространились необычно быстро и широко. Пшеница, ячмень и полба пришли в Африку из Передней Азии, но не продвинулись далее Нубии, Эфиопии и некоторых районов на границе Сахары. Однако со временем в горах Эфиопии были выведены тысячи новых сортов этих злаков. Из Юго-Восточной Азии в Африку были перенесены некоторые виды проса, риса и других злаков, банан, кокосовая пальма и т. д.

Они распространились в основном в экваториальных областях. Таким образом, на полях и огородах Африки заключен не только труд многих поколений африканцев, создавших и поддерживавших земледельческую культуру, но и какая-то частица труда тех древних народов Азии и Африки, которые впервые одомашнили многие виды

культурных растений. Есть здесь и труд тех мореплавателей, которые впервые завезли в Африку банан, маис, фасоль.

Вместе с культурными растениями и домашними животными передавались от одного народа к другому и навыки ухода за ними. Например, скотоводы Восточной Африки доят коров тем же способом, что и древние скифы, и, хотя не употребляют в пищу коровьего масла, умеют его сбивать. Видимо, этот способ доения и получения сливочного масла входил в комплекс ухода за скотом еще в то время, когда скотоводство проникло в Тропическую Африку с Ближнего Востока.

Отсюда же, но гораздо позднее, не более двух с половиной — трех тысяч лет назад, в Тропическую Африку проник примитивный плуг. До прихода европейцев его применяли лишь эфиопы и суданцы долины Нила. У последних имелось также водоливное колесо — сакия, заимствованное ими у египтян две с половиной тысячи лет назад. В Эфиопии и особенно в Нубии был достигнут самый высокий уровень развития земледелия, какой только знала доколониальная Тропическая Африка. Это стало возможным благодаря контактам этих народов с Ближним Востоком.

Вероятно, отсюда же была заимствована техника получения бронзового литья, которым так прославились мастера древней Нубии и древнего Аксума, средневековых государств Западной Африки: Ифе, Ойо, Бенина, Дагомеи, недавно открытой культуры Игбо и других, Зимбабве — на юго-востоке Африки.

Можно предположить, что древние народы, обитавшие во внутренних областях Африки, самостоятельно открыли железо и научились его выплавлять из руд. Правда, еще раньше это открытие было сделано племенами, обитавшими на территории современных Турции и Армении. Не так легко решить, откуда — с севера или юга — заимствовали искусство черной металлургии древние жители Нубии, Эфиопии, долины Нок в Северной Нигерии, имевшие контакты как с глубинными районами Африки, так и с Ближним Востоком.

Еще сложнее вопрос о добыче золота в Тропической Африке. Несомненно, золото, которым Африка так богата, было издавна известно африканцам. Однако этот металл в отличие от железа они добывали в основном не для собственных нужд, а для торговли с народами других регионов. Характерно, что в Конго и Анголе этот драгоценный металл не разрабатывался вплоть до начала нового времени, когда его стали понемногу добывать для обмена с европейцами. В других районах Африки начало золотых разработок связано с установлением самых первых контактов этих земель с Северной Африкой и Аравией. В погоне за вожделенным металлом иноземные искатели наживы проникали в самые отдаленные уголки континента. Африканское золото сыграло важную роль не только в истории самой Африки, как причина межконтинентальных связей и первый по значению товар, производство и торговля которым влияли на общественную структуру африканцев; африканское золото сделало Древний Египет богатейшей страной тогдашнего мира, а в Европе оно почти монопольно обслуживало торговлю и ювелирное искусство вплоть до XVI в., когда в порты Пиренейского полуострова прибыли каравеллы с драгоценным металлом, награбленным в Америке и азиатских странах. Арабы в течение всей своей истории получали золото из африканских стран, сначала из Северо-Восточной Африки, затем из Восточной, позднее из Западной. Богатства еврейских купцов в странах Средиземноморья также основывались на торговле африканским золотом и отдаче его в рост.

До сих пор мы говорили о двух путях развития производства: путем изобретения его на месте и путем заимствования. Однако на ранней стадии имел очень большое значение еще один путь — переселение народов. Основные миграции земледельцев и особенно скотоводов проходили внутри Тропической Африки, в области, заселенные сравнительно слабо и хозяйственно сравнительно слабо используемые. Земледельцы-банту проникали внутрь великого экваториального леса, где бродили малочисленные группы охотников-пигмеев, или в саванны и степи Юга, где кочевали охотники-бушмены. Ското-

воды занимали истощенные участки саванны между деревьями земледельцев и пасли своих коров на заброшенных для отдыха землях. Благодаря массовым миграциям языки банту распространились почти по всей южной половине Африки — от Камеруна и Кении до ЮАР, а семито-хамитские языки — по всей северной части материка до Сомали, Северной Нигерии и Мавритании. Одновременно распространялись различные элементы материальной и духовной культуры. В отдельных случаях в Тропическую Африку переселялись народы из других регионов земли, создавая на новой родине устойчивые этнические общности.

В I тысячелетии до н. э. в Эфиопию переселились древние жители Аравии. Эта миграция перенесла в Эфиопию многие из основных элементов ее культуры, прослеживающиеся до наших дней, в том числе основу семито-эфиопских языков, на которых говорит большинство эфиопов. Точно так же переселение древних индонезийцев на Мадагаскар определило культурный и языковый облик этой страны. Позднее, в X—XVII вв., на окраинах Тропической Африки возникли торговые поселки и бедуинские кочевья арабов; Мавритания и в меньшей степени Судан и Чад стали арабскими странами. В Южной Африке образовалась европейская по происхождению культура африкаанеров, которые лишь из-за политики апартеида не могут образовать нации, слившись с говорящими на их языке «цветными» и другими неполноправными группами.

Таким образом, общение между Тропической Африкой и внешним миром существовало еще в самые отдаленные времена. Доклассовые, догосударственные, нецивилизованные общества, жившие первобытнообщинным строем, имели очень низкие темпы развития и мало точек соприкосновения как между собой, так и с цивилизованными обществами. Для них была характерна наибольшая степень изоляции от внешнего мира.

Но с развитием производства и общественных отношений (в том числе и в результате культурных контактов) народы Тропической Африки создавали цивилизации. Раньше всего это произошло на

северо-востоке и северо-западе Тропической Африки, расположенных ближе всего к Египту, Аравии, Средиземноморью. Затем самостоятельные цивилизации возникли на юге Западной Африки, в районе Великих африканских озер, в двуречье Замбези и Лимпопо, в Катанге, в низовьях Конго. Первоначально для них была характерна большая изоляция, но постепенно они стали вступать в контакты с цивилизациями внешнего мира. Это приводит к интенсивному обмену продуктами труда, к активному культурному общению. Чем выше степень развития народа, тем больше он способен устанавливать и поддерживать международные связи, заимствовать достижения чужих культур и передавать плоды своей культуры другим народам.

В этом процессе Тропическая Африка чаще оказывалась берущей, чем дающей стороной. В отличие от Северной Африки и Евразии она не создала самостоятельно крупных ремесленных мастерских, мануфактур, плантаций, продукты которых нуждались во внешних рынках. Она не стала колыбелью какой-либо мировой религии в отличие от Индии или Ближнего Востока. Однако из Римско-Византийской империи в IV—VI вв., а в XVI—XX вв. — из Западной Европы в Тропическую Африку проникло христианство, из арабского мира — ислам; эти две религии распространены почти во всех африканских странах и до сих пор оказывают огромное влияние на их культуру и образ жизни населения. Вместе с ними проникали нормы религиозного и государственного права, произведения изобразительного искусства, фольклора, письменных литератур, само письмо. Все без исключения развитые системы письма, распространенные в современной Африке, либо непосредственно произошли от письменных систем Северной Африки и Евразии (ливийского, сабейского, арабского и латинского письма), либо сложились под их влиянием (системы письма Западной Африки и Сомали).

В обмен на эти и многие другие дары Тропическая Африка давала различные экзотические товары, из которых на Севере и Востоке изготовлялись произведения искусства и художественного ремесла,

благовонные смолы и лекарственные растения, а также медицинские знания. В произведениях средневековых арабских географов и врачей нередко упоминаются лекарственные средства и методы лечения болезней, применяемые африканцами. Некоторые растения, как сенна, или александрийский лист, эфиопский шалфей, кассо, плоды сикомора, тамаринда, унаби и другие, были известны и средневековой европейской медицине. Изредка в Европе практиковали врачи, специально изучавшие медицину африканцев. Таким был известный доктор Салернской школы (в Италии) Константин Африканец (XI в.), родом из Карфагена, который совершил в познавательных целях путешествие по Египту, Эфиопии, Индии, Сирии и другим странам, а затем лечил и преподавал медицину в Салерно. До сих пор европейско-американская наука изучает народную медицину Тропической Африки, сумев получить уже несколько сот лекарственных препаратов. Европа лишь в наши дни открывает для себя африканскую музыку. Между тем в древности и в средние века музыка народов Нубии, Эфиопии, Южной Сахары оказывала значительное влияние на древнеегипетскую и арабскую музыку и сама в свою очередь испытывала ее влияние (вместе с так называемым турецким оркестром некоторые африканские элементы достигли Европы).

В результате плодотворных контактов возникли самобытные и блестящие цивилизации Тропической Африки, оригинальность которых несколько не пострадала от того, что они сумели использовать и развить многие элементы чужеродных культур. Чем больше оказывалось таких элементов и чем разнообразнее по характеру и происхождению они были, тем богаче становились африканские цивилизации.

В истории контактов Тропической Африки с внешним миром можно выделить шесть основных периодов.

В древнейшую эпоху, до III—II тысячелетий до н. э., на Африканском материке еще не существовало сколько-нибудь развитых цивилизаций, за исключением древнеегипетской. Вся Африка, кроме Египта, представляла собой территорию первобытных племен с не-

многими очагами земледелия. Сахара и восточные пустыни вместе с лежащей между ними долиной Нила являлись в тот период основной и почти единственной зоной контактов Тропической Африки с внешним миром. Здесь было сравнительно густое земледельческо-скотоводческое население. Пустыни (Сахара и Нубийская) еще не превратились в «третий океан» Африки, который, постепенно разливаясь (со скоростью примерно 100 км в столетие), отодвинул Северную Африку от Тропической.

Зато оба настоящих океана — Индийский и Атлантический — были практически непреодолимыми препятствиями для людей, обладавших лишь крайне примитивными средствами мореходства. Только в самом конце этого древнейшего периода, в III тысячелетии до н. э., народы Тропической Африки установили контакт с народами Ближнего и Среднего Востока через Красное море и Индийский океан.

Следующий период наступил во II тысячелетии до н. э. и продолжался до VII в. н. э. В то время в Африке южнее Северного тропика существовало уже несколько городских культур. К югу от египетской возникла древняя нубийская цивилизация, достигшая расцвета в период государств Напата (VIII — VI вв. до н. э.) и Мероэ (VI в. до н. э. — начало IV в. н. э.). На севере Эфиопского нагорья в V в. до н. э. возникли древнейшая цивилизация и первое по времени Эфиопское царство. Подобно тому как древняя Нубия развивалась под сильнейшим воздействием Древнего Египта, ранняя эфиопская цивилизация возникла и развивалась под действием древней южноаравийской цивилизации. Во II — IX вв. н. э. в Северной Эфиопии существовало могучее Аксумское царство, распространившее свою власть и влияние на соседние страны — Восточный Судан, Южную и Западную Аравию и др. В Нубии на обломках Мероитского царства образовалось несколько новых государств, находившихся под культурным и политическим влиянием Эфиопии, коптского Египта и Византии, которой принадлежал Египет. На юге Эфиопии развивались другие культуры, связанные с северозападноафриканской, аксумской, но не тождественные ей.

Северо-Восток Африки (Эфиопия и Нубия) представлял собой важнейшую контактную зону того периода. Сами государства и города образовались здесь под несомненным влиянием извне, но с дальнейшим развитием в рамках местных независимых государств цивилизации Нубии и Эфиопии приобрели неповторимое своеобразие и блеск.

В тот исторический период в Евразии складывалась мировая политика, формировалась мировая история, и Северо-Восточная Африка оказалась втянутой в нее. Нубия дважды становилась феодальной колонией Древнего Египта, а в VIII в. до н. э. она сама покорила бывшую метрополию. В следующем веке нубийцы вступили в борьбу с сильнейшей в тогдашнем мире Ассирийской державой и в результате вынуждены были оставить Египет. В VI в. до н. э. древние нубийцы остановили агрессию мировой империи Ахеменидов, в I в. до н. э. — экспансию Рима. Аксум еще более решительно, чем древняя Нубия, вмешивался в мировую политику, и с ним вынуждены были считаться обе соперничавшие друг с другом империи: Римско-Византийская и Иранская (государство Сасанидов).

В тот период главными воротами в Тропическую Африку была Нильская Нубия. Благодаря отваге и стойкости народа Нубии эти ворота были закрыты для иноземных вторжений с X в. до н. э. до XIII в. н. э.

Но это отнюдь не исключало всевозможных контактов — экономических, политических, религиозных — между Нубией и внешним миром. Плодами этих контактов пользовалась и остальная Африка, куда проникало влияние древних и средневековых нубийских цивилизаций.

Успехи мореходства открыли для Северной Африки, Азии и Европы два других пути в Тропическую Африку — через просторы омывающих ее океанов и морей. Здесь важнейшей зоной контактов была Северная Эфиопия. Другими такими зонами стали побережья Восточной Африки и, возможно, Атлантическое побережье Мавритании и Сенегала. В конце этого периода Индийский океан пересекли

древние индонезийцы и заселили Мадагаскар и Коморские острова. Здесь образовалась новая зона контактов.

В то же время в глубине материка развивались оригинальные земледельческие культуры, создатели которых самостоятельно открыли плавку железа, образовали первые государства и поселки-города. Таковы культура Нок в Северной Нигерии, Нигере и Восточном Мали, скульптура которой получила всемирную известность; западным отпрыском культуры Нок являлась культура древней Ганы. Согласно местным преданиям, здесь уже к началу IV в. возникло государство, подчинившее себе позднее многие страны Западной Африки — от устья Сенегала до Восточного Мали, а также оазисы Западной Сахары.

В Родезии, в междуречье Замбези и Лимпопо, возникла древняя культура Зимбабве, более молодая, чем культура Нок, но не менее высокая и оригинальная.

Остается неясным, имели ли эти цивилизации постоянные связи с внешним миром. Некоторые археологические находки как будто бы говорят об отдельных контактах; кое-что известно и о попытках древних народов Средиземноморья проникнуть в эти страны. Об этом подробнее рассказано ниже, но данных еще так мало, что доказать ничего невозможно. Однако и древняя Гана, и область культуры Нок лежат непосредственно к югу от Сахары, а от Зимбабве до побережья Индийского океана путь недолг и сравнительно удобен. Видимо, Сахара тоже играла значительную роль в связях между Средиземноморьем и Тропической Африкой, хотя и не столь важную, как в предшествующий и последующий периоды.

Третий период наступил со времени арабского завоевания Северной Африки в VII в. К концу VIII — началу IX в. между Африкой южнее Сахары и остальным миром легла широкая полоса арабских владений; в Индийском океане также господствовал арабский флот. В течение почти всего средневековья большая часть внешних контактов Тропической Африки осуществлялась с арабами или через посредство арабов. В это время сюда проник ислам, начал распростра-

няться арабский язык. Важнейшие зоны контактов оставались теми же, что и в предшествующий период, причем возросло значение Сахары, которую в разных направлениях пересекали караванные пути.

В Тропической Африке появляются новые городские культуры. В Нубии это христианско-нубийская, а также суданское ответвление арабской цивилизации, зарождение которого прослеживается в одной из глав этой книги; в Эфиопии — средневековая эфиопская культура, выросшая на основе аксумской, а также оригинальная южноэфиопская цивилизация и мусульманская культура Восточной Эфиопии. Здесь, на северо-востоке Африки, отдельные очаги государственности постепенно растут и к XV—XVIII вв. сливаются в одну почти сплошную зону, лишь кое-где прерываемую территориями сравнительно отсталых племен, еще не поглощенных феодальными государствами.

Здесь, на северо-востоке, в XI—XVIII вв. произошел переход от раннего феодализма к развитому, причем периферийные области так и не успели его совершить вплоть до начала XX в. Государства долины Нила и Северная и Центральная Эфиопия, где переход к развитому феодализму все-таки совершился, представляли собой к тому времени наиболее передовые страны Африки южнее Сахары.

В Западной Африке в течение всего средневековья росли государства и города. Отдельные очаги цивилизаций растекались по долинам Сенегала, Нигера, бассейна озера Чад, по нагорьям к югу от Нигера и между Чадом и Нилом. Культуры древней Ганы, древнего Гао, «глиняная цивилизация» Сао, культуры Канема и Загава (в современной Республике Чад) пришли в соприкосновение с арабским миром через Сахару, исламизировались и постепенно слились в единую западноафриканскую (или суданскую) культуру. В XIII—XV вв. образовалась единая цивилизованная зона, простиравшаяся от Атлантического океана в районе Сенегала до нынешней Республики Судан, где она соприкасалась с государствами Северо-Восточной Африки. Эта зона была политически и экономически объединена в мусульманских империях Мали, Сонгаи и Борну.

К югу от нее, западнее излучины Нигера, начиналась другая группа очагов культуры, сливавшихся в небольшую цивилизованную зону. Это были страны: Догон на юге современной Республики Мали, Моси в Верхней Вольте, Ашанти в нынешней Гане, города-государства йорубов и Бенин в Южной Нигерии, Дагомея и страна эве к западу от нее. Еще дальше, к западу от Ашанти и к югу от Сенегала, простиралась огромная область сравнительно отсталых племен, находившихся, однако, под сильным влиянием обеих цивилизованных зон и постепенно заселявшихся выходцами из них. Более отсталыми, чем жители долины Нигера, были племена Атлантического побережья, но и они приходили в контакт с городскими культурами Западной Африки, ведя с ними оживленную торговлю.

К юго-востоку от этих двух цивилизованных зон простиралась обширная область тропических лесов, населенная частично отсталыми земледельцами-рыболовами, отчасти же примитивными охотниками и собирателями пигмеями. И лишь на юге и востоке, на границе саванн, в джунглях, возникли отдельные очаги государственности, близкие по происхождению к древним культурам Зимбабве и Калангани.

Одним из самых древних государств этого района было царство Бушонго народа бакуба, возникшее, по преданию, в X в. Западнее Бушонго в позднее средневековье появились государства Конго и Ангола, южнее — Лунда (царство Муата-Ямво), восточнее — Балуба. Еще дальше на юго-восток продолжала развиваться древняя культура Зимбабве. К северу же от нее, в районе Великих африканских озер, развивался еще один очаг цивилизации. Здесь около XIV в. возникло государство Китара, затем Буньоро и Вуньямвези, позднее Буганда, Торо, Руанда, Бурунди и др. К XV — XVI вв. очаги цивилизаций к югу от лесов Центральной Африки слились почти в сплошную полосу — от берегов Атлантики на Нижнем Конго и в Анголе до берегов Индийского океана у Софалы. Здесь эта зона прилегала с севера к узкой полосе суахилийской культуры, простиравшейся далее до Сомали, а в районе озера Танганьика она близко соседство-

вала с небольшой зоной культуры Великих озер. Наконец, на крайнем юге она доходила до Трансвааля.

В позднее средневековье в этом регионе возникли раннефеодальные империи Конго (на крайнем западе) и Мономотапа — на юго-востоке. Уже накануне колониального раздела Африки все три зоны — суахильская, озерная и южная, населенные народами банту, начали сливаться в одну, по которой прокатились нашествия племен игуни из Южной Африки и отряды мусульман-суахили из Занзибара. В Занзибаре и его островных и материковых владениях феодализм достиг наивысшего развития у банту; но в целом этот район отставал в своем развитии от цивилизаций Западной Африки и тем более от главных центров северо-востока.

Интересно отметить, что, в то время как культура Великих озер или Бушонго с его соседями развивалась в полной (или почти полной) изоляции от внешнего мира, суахильская культура обязана своим появлением контактам береговых рыбаков и земледельцев банту с древними цивилизациями Азии. Ниже будет рассказано о связях этого района с греко-римским миром, древней Южной Аравией, средневековыми арабами, персами, индийцами, китайцами.

Впрочем, пока археологическое изучение Африки не продвинется дальше, мы будем знать очень мало о связях Бушонго или района Великих озер с внешним миром. Ведь Бушонго было как-то связано с Катангой и Родезией, а эти последние — с побережьем Индийского океана. Что касается области Великих озер, то она имела какие-то точки соприкосновения с так называемыми азангийскими цивилизациями, ныне исчезнувшими, но в средние века создавшими многочисленные города, многочисленные ирригационные сооружения на территории от Южной Эфиопии до Центральной Танзании.

Во всяком случае в средние века не только Северо-Восточная, но и Западная Африка, особенно своей северной частью, и побережье Индийского океана, и даже часть южной цивилизованной зоны, а также Мадагаскар вступили в круг мировой истории, оказались связаны с внешним миром торговыми контактами и — в меньшей

мере — перипетиями мировой политики. В Тропической Африке эта связь чувствовалась слабо, пока у ее берегов не появились конкистадоры эпохи Великих географических открытий: китайцы, турки, особенно же португальцы, испанцы и другие европейские нации.

В XIV—XV вв., когда большинство африканских цивилизаций переживали наивысший подъем, на континенте процветали многочисленные и богатые города, обширные государства. Тем не менее производительность труда оставалась низкой, техника — примитивной (в Тропической Африке, например, не было гончарного круга; нигде, кроме Эфиопии и Нубии, не употребляли пахотных орудий, обрабатывая землю мотыгами и колями); крестьяне и ремесленники пользовались самыми простейшими орудиями; как бы прекрасны ни были произведения африканских мастеров, на них затрачивалось несравненно больше труда, чем в Западной Европе, Иране, Китае, Индии или Японии. В связи с этим в Африке южнее Сахары сохранялись примитивные формы кооперации труда. Основу мелкого натурального производства составляла не столько малая семья (муж, жена, дети), сколько большесемейная община и патронимия — родовое и хозяйственное объединение родственников.

Нигде южнее Сахары не сложился единый класс феодально зависимых крестьян. Ремесленники же в большинстве своем составляли низшие касты, либо, наоборот, важнейшие ремесла были привилегией родовой аристократии. Если Нубия и часть Эфиопии вступили в развитый феодализм, то Западная Африка лишь кое-где приближалась к этому уровню развития (главным образом в средней части долины Нигера и в стране Хауса), а многие обширные районы только что вступили в стадию раннего феодализма. Наконец, часть Африки жила еще в условиях первобытнообщинного строя.

На материке не сложилось единой зоны цивилизаций, а прогресс отдельных цивилизованных стран сдерживался их постоянным контактом с менее развитыми, доклассовыми обществами, окружавшими их. Время от времени варварские завоевания захлестывали старые культурные центры, снижая уровень их развития, а порой начисто

сметая их с лица земли (так было с «азанийскими» городами и поселками в XVII—XVIII вв., с Мапунгубве в Трансваале и др.).

В средние века, да и позднее, до XIX в., Тропическая Африка вывозила в основном не продукты сельского хозяйства и ремесленной промышленности, а побочные продукты охоты и собирательства (слоновая кость, носорожий рог, зубы гиппопотама, звериные шкуры, живые звери, ценные породы дерева, смолы, специи), а также золото (как сырье, а не в виде монет или ювелирных изделий) и рабов. Лишь в XIX в. сельское хозяйство Тропической Африки начинает приспособляться к нуждам мирового рынка, при этом вывозились опять-таки побочные или дополнительные продукты земледелия, скотоводства, лесного собирательства (из Южной Нигерии — пальмовое масло, из Эфиопии — шкуры, воск диких и домашних пчел, страусовые перья, цибет, дикий и культивированный кофе и пр.).

Между тем во внешнем мире — от Японии до Англии — происходило Возрождение, подготовленное подъемом производительных сил, ростом товарности общественного хозяйства, городов; в главных цивилизованных странах Старого Света (включая Тунис и Египет) зарождались капиталистические отношения.

Ничего этого не было в Африке южнее Сахары, которая весьма отставала от Египта и Туниса, европейских и азиатских стран.

С конца XVI—XVII вв. на всем континенте наступил застой, а кое-где упадок. Обратите внимание: застой по всей Африке наступил почти одновременно с разницей не более чем в 100 лет. Одни и те же руки — европейские — остановили часы истории во всех африканских странах. Северная Африка также была захвачена этим процессом, только здесь кроме западноевропейцев в дело вмешались европейские мусульмане — турки. Контакты Африки с Европой периода первоначального накопления капитала привели этот огромный материк в состояние длительного застоя.

Десятки миллионов человеческих жизней и труд многих поколений потеряла Африка от работорговли и связанных с нею войн. Лишь немногие, прежде сравнительно отсталые, прибрежные общины

получили выгоды от торговли рабами и экзотическими продуктами тропиков. Направление товарных потоков изменилось; старые города, выросшие на торговле с арабским миром, медленно, но неуклонно приходили в упадок. Их место заняли прибрежные поселения, большей частью фактории европейских держав. Эти фактории не имели самостоятельного значения и не становились центрами новых цивилизованных стран; они были простым придатком мировой торговой системы, через посредство которой богатства Африки перекачивались в Европу и Америку (единственное исключение — Капская колония на юге материка, уже за пределами Тропической Африки).

Сфера деятельности африканских купцов все более ограничивалась. Наплыв дешевых промышленных товаров подрывал традиционные ремесла, вел к их постепенной деградации. Вместе с тем обесценивались такие виды местной валюты, как железные крицы, пожн, мотыги, металлические браслеты, местные ткани и пр., которые теперь привозились из-за океана. Невиданные прежде болезни, занесенные из Европы и Америки, с поразительной быстротой распространялись по всему континенту. Ни один африканский знахарь не умел лечить от сифилиса или туберкулеза, которые убивали и ослабляли людей.

Эта эпоха, продолжавшаяся примерно до 1870 г. (в отдельных африканских странах она наступила несколькими десятилетиями ранее или позднее), закончилась колониальным разделом материка. Вслед за тем наступил колониальный период, конец которому пришел в наши дни. Колониальный раздел насильственно приобщил самые глухие районы Африки к участию в мировой истории, но ограничил это участие до предела.

В наше время африканские народы — полноправные участники всемирно-исторического процесса. Мы являемся свидетелями начала новой эпохи африканской истории и вместе с тем нового периода в истории внешних контактов Тропической Африки. Только в настоящее время в условиях независимости контакты Африки с остальным

миром принимают многосторонний характер, правда, еще далеко не везде.

К сожалению, объем книги заставил нас ограничить систематическое описание связей Африки с внешним миром рубежом XV—XVI вв. Продолжение этого рассказа придется отложить до следующего, может быть, более благоприятного случая.

* *

*

Во второй части мы предлагаем читателям материал, особенно им близкий: историю самых ранних связей народов Тропической Африки с народами Советского Союза.

Обычно считают, что эти контакты относятся в лучшем случае к XIX — началу XX в., т. е. к периоду русских экспедиций, посольств и туризма в африканские страны. Однако многие факты, которые мы приведем ниже, говорят о несравненно более ранних и разносторонних связях. Например, первые встречи жителей Средней Азии с народами Судана произошли, возможно, еще в VI в. до н. э., когда Средняя Азия и Египет вошли в состав мировой империи Ахеменидов, а еще за 200 лет до того Средняя Азия, Закавказье и Судан были связаны системой отношений, которая теперь называется «мировой политикой». В VI в. н. э. армяне и народы Средней Азии оказались таким же образом связаны с Эфиопией, где процветало могущественное Аксумское царство; тогда же в историю Нубии вошел армянин Нерсес Камсар. А какой клубок политических интересов — эфиопских, нубийских, армянских, грузинских, русских, украинских — затянулся вокруг тысячелетнего вопроса о святых местах Иерусалима!

К сожалению, материалы по истории Африки чрезвычайно скудны и плохо изучены. Однако и то, что удалось нам узнать, неопровержимо свидетельствует о важном всемирно-историческом значении

связей Тропической Африки с народами Закавказья, Средней Азии, России, Украины, Прибалтики. Прежде всего выходцы из этих стран внесли немалый вклад в изучение Африканского материка, который до сих пор еще не оценен по достоинству. Армяне Аствацатур Тымбук и Аветик Багдасарьян проникли в район озера Чад; эстонские миссионеры первыми в мире начали изучение некоторых африканских языков; украинец А. Булатович первым проник в отдаленные районы Эфиопии. В Средней Азии в средние века существовала целая литература об Африке южнее Сахары; сведения о христианах Эфиопии разбросаны в ранних произведениях русской паломнической литературы; в Эстонии имелась собственная школа африканистики; на армянском языке есть целый ряд источников, рассказывающих об Эфиопии и Судане и частью еще не изданных. Среди важных для африканистов, но до сих пор не изданных книг ниже будут названы записки грузинских, азербайджанских, русских, украинских путешественников и другие материалы.

Но есть и другая сторона вопроса. Наиболее развитые из африканских государств — Эфиопия и Нубия — стремились привлечь к себе искусных и образованных людей, специалистов, как теперь их называют. Среди них преобладали восточные христиане — выходцы из арабских стран, греки, а также армяне, грузины и принявшие христианство мусульмане (об одном бухарце будет рассказано в особой главе). До XVII в. вместе с ними находились и выходцы из стран Западной Европы, но в эпоху так называемого первоначального накопления капитала они сумели себя так зарекомендовать, что Эфиопия и Судан закрыли перед ними свои границы. Тем больше возросло значение восточных христиан. С XVI в. Судан окончательно стал мусульманской страной, правда, находившейся в некоторой зависимости от христианской Эфиопии; в то же время эфиопская церковь поддерживала тесную связь с армянами.

Правители Эфиопии понимали, насколько опасно ее положение между европейскими колонизаторами и турецкими захватчиками; они искали третьей силы, на которую можно было бы опереться

в борьбе за независимость. Уже с конца XVII в. подобные надежды начали возлагать на Россию, а также на Грузию — последнее из независимых государств Закавказья. В конце XIX в. Россия действительно поддержала Эфиопию Менелика II в борьбе с итальянской агрессией.

Бывали случаи и прямого боевого содружества — такие, как совместные действия латышских колонистов и негров Гамбии в XVII в. против англичан, участие армян в эфиопской армии в XVIII в., охотника-финна — в войсках зулусов, отстаивавших независимость своей родины от английских колонизаторов, русских офицеров — в армиях Менелика II.

В третьей части нашей книги будет рассказано о взаимодействии культур Тропической Африки и внешнего мира.

До сих пор мы говорили о воздействии более развитых обществ на менее развитые. Эта тема прозвучит и в третьей части нашей работы. Неоспоримо влияние европейской, американской, а также арабской и других культур на современную Африку. Вместе с тем пора поднять вопрос и о вполне определенном ответном воздействии африканской культуры на современную мировую цивилизацию. Сейчас мировая музыкальная культура немыслима без джаза и негро-африканских ритмов; африканская скульптура влияет на мировое изобразительное искусство; ритмы, краски и эмоциональность африканской поэзии проникают в литературы на европейских языках.

Несмотря на историческое отставание Тропической Африки от Европы, Азии и Северной Африки, ее народы создали культурные ценности непреходящего значения. Традиционное искусство народов Тропической Африки не достигло той степени интеллектуализма и не выработало столь сложных и совершенных форм, как классическое искусство Европы и Азии. Однако в поэзии, музыке и изобразитель-

ном искусстве африканцев мы находим разнообразные ритмы, яркую и свежую непосредственность, выразительность, глубокий оптимизм.

Традиционная культура африканских народов изучена еще далеко не достаточно для того, чтобы можно было написать историю ее связей с литературой и искусством других народов земли. Поэтому авторы этой книги ограничились отдельными очерками, посвященными некоторым сторонам того великого синтеза мировой культуры, в котором участвует Тропическая Африка.

ОТКРЫТИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Тропическая Африка в классической литературе

Археологическое изучение Африки южнее Сахары в сущности только начинается. Каждый год приносит новые открытия, значительно расширяющие наши знания по истории этого материка. Вместе с тем накапливается количество старинных вещей иноземного происхождения, а также произведений африканского искусства, носящих следы контактов Тропической Африки с цивилизациями внешнего мира. Однако еще до сих пор главный источник наших знаний по этому предмету — письменные памятники народов Северной Африки, Азии, Европы, отчасти Эфиопии, Судана и мусульманских народов Восточной и Западной Африки.

Не только в специальной исторической и географической литературе, но даже в романах, поэзии, фольклоре некоторых древних и средневековых народов встречаются сведения о Тропической Африке, точности которых мы можем лишь удивляться.

В «Одиссее», например, говорится, что чернокожие «эфиопы» живут на обоих — восточном и западном — берегах омывающего Африку Мирового океана. В начале «Одиссеи» Посейдон отвлекся от преследования Улисса. Бог моря пировал:

...В то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.
Там он, сидя на пиру, веселился. . .

В переводе с языка греческой мифологии присутствие Посейдона означает, что «эфиопы» населяют морские берега, а нисхождение «светоносного бога» и его восхождение — соответственно запад и восток. Покинув «край эфиопов», Посейдон взойшел на Солимские горы (в Ливии) и отсюда вдалеке увидел плот Одиссея, плывущий на запад, в счастливую страну феаков. Следовательно, автор поэмы довольно ясно представлял себе, где находится земля чернокожих.

В «Одиссее» не кто иной, как злосчастный Менелай, говорит о своем путешествии в «страну эфиопов»:

Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам. . .

Итак, путь в эту страну, по Гомеру, лежал через Египет. Через Египет, вверх по Нилу, можно было проникнуть еще дальше в глубь Африки, туда, где за областью нильских болот, у истоков великой реки, среди вечного сумрака тропического леса живет карликовая раса пигмеев. В «Илиаде» есть поразительный рассказ об этих людях:

Крик таков журавлей раздается под небом высоким
Если, избегнув и зимних бурь, и дождей бесконечных,
С криком стадами летят через быстрый поток Океана,
Бранью грозя и убийством мужам малорослым, пигмеям,
С яростью страшной на конх с воздушных высот нападают.

Эта «сказка» получила рациональное объяснение только во второй половине XIX в., когда немецкий путешественник Г. Швейфурт (уроженец Прибалтики) открыл одну из групп африканских пигмеев. Они до сих пор живут в Центральной Африке, занимая территорию от Габона и Конго (Браззавиль) до верховьев Нила. Сюда прилетают зимовать наши европейские журавли. Обычно такие мирные, эти птицы становятся в Африке смелыми и драчливыми; между тем пигмеи любят охотиться на них, подкрадываясь в утренних сумерках к местам их ночевки. Гомер допускает сильное преувеличение, говоря, что стая журавлей способна принести войну и смерть маленьким лесным охотникам, в остальном же все верно!

О пигмеях писали и другие древнегреческие авторы, их рисовали на вазах и фресках. Например, в VI в. до н. э. Гекатей сообщал, что пигмеи охотятся на журавлей, подкрадываясь к ним или вспугивая их трещоткой. Знал о них и Аристотель.

В романе грека из Ливана Гелиодора «Эфиопика», написанном около 300 г., подробно рассказывается о реках, составляющих истоки Нила, открытых только в XIX в. Впрочем, еще у древних римлян

существовала поговорка: «Искать исток Нила», когда речь шла о недостижимом или безнадежно запутанном деле.

Данте в «Аду» описывает небо южного полушария (об этом будет подробнее рассказано в главе «Франки под Южным Крестом»), а в раннее средневековье в художественных произведениях разных народов — в древнеисландской «Эдде», старофранцузской «Песне о Роланде», танских новеллах Китая, персо-таджикской «Кабус-намэ» и др. — фигурируют чернокожие африканцы.

Корейская карта начала XVI в. дает названия десятков стран, городов и островов Восточной Африки, китайский роман того времени сообщает о них довольно точные сведения (см. главу «Китайское открытие Африки»).

С другой стороны, в средневековой эфиопской литературе упоминаются многие страны Ближнего Востока, Индия, Рим.

В новое время благодаря переводам, книгопечатанию и распространению образования сведения об Африке проникают в самые отдаленные уголки цивилизованного мира. При Петре I в Архангельске или Якутске можно было достать русскую «Географию», где сообщалось о климате Африки, ее населении и государствах: Эфиопии, королевстве Конго, Мономотапе.

К тому времени Африка, за исключением глубинных районов, уже была открыта географами-путешественниками. Внутренние же области материка открывались постепенно вплоть до начала XX в.

Вернемся теперь к письменным источникам самых отдаленных от нас времен. Попытаемся проследить по ним первые контакты Тропической Африки с внешним миром, первые шаги открытия Африки.

Встреча Африки с Древним Востоком

Взгляните на карту Африки. Это один из континентов Земли, окруженный со всех сторон океанами и морями; лишь узкий Суэцкий перешеек соединяет его с Азией. Почти посередине Африканский

материк пересекает условная линия — экватор. Параллельно ей, но не в центре, а на севере и на юге Африки проходят две другие условные линии — Северный и Южный тропики. К северу от Северного тропика лежит Северная Африка, к югу от Южного тропика — Южная Африка. Большая часть материка, расположенная по обе стороны экватора между Северным и Южным тропиками, называется Тропической Африкой. Помимо условных линий эти три основные части Африки разделены природно-климатическими барьерами.

Вдоль Северного тропика лежит величайшая в мире пустыня Сахара, восточным продолжением которой является Аравийская пустыня Египта и Нубийская пустыня Судана. Вдоль Южного тропика проходит другая, меньшая полоса пустынь — Намиб и ее восточное продолжение Калахари. В целом Тропическая и Южная Африка называются Африкой южнее Сахары; эти части материка имеют гораздо больше общего между собой, чем с Северной Африкой, лежащей к северу от Сахары.

Природно-климатические барьеры проходят и внутри Тропической Африки. Самый главный из них — протянувшийся вдоль экватора пояс гилей — влажных тропических лесов. Его окружают массивы более сухих тропических листопадно-вечнозеленых лесов, где в сезоны засухи деревья сбрасывают листву, как у нас в холодное время года. За поясом этих лесов лежит саванна, постепенно переходящая в полупустыню и пустыню. Леса обширнее и гуще в западной части Африки, ближе к берегам Гвинейского залива; на востоке лесные массивы занимают меньшую площадь и расчленены саваннами и степями. Другие природные барьеры — это озера, образующие в центре Африки длинную прерывистую цепь, идущую с севера на юг; болота, особенно обширные в тех местах, где собираются вместе основные притоки Нила и Конго; горные цепи, поросшие лесами, поднимающиеся порой до снеговой линии либо до уровня, где климат становится прохладным; реки, пороги рек Нил и Конго и пр. Большие и малые природные барьеры подразделяют Тропическую Африку на географические регионы, субрегионы, страны и т. д.

На востоке Африки в этих барьерах имеются бреши, через них переброшены своего рода природные мосты. Один такой мост — долина Нила, прорезающая Сахару с юга на север и соединяющая Средиземноморье с Тропической Африкой. Другой, хотя и «взорванный», природный мост — район Баб-эль-Мандебского пролива, где берега Северо-Восточной Африки близко подходят к берегам Южной Аравии. Между Великими африканскими озерами и пустыней Калахари лежат широкие полосы саванн, перемежающихся лесами и полупустынями; они соединяют Северо-Восточную Африку с Южной, северный пояс саванн, расположенный к северу от экваториальных лесов, — с южным поясом, лежащим между ними и пустынями Намиб и Калахари; в конечных пунктах «восточного природного пути» субтропики Средиземноморья соединяются с субтропиками Капской области.

Природно-климатические барьеры препятствуют продвижению как людей, так и животных (поэтому Африка южнее Сахары составляет особую зоогеографическую область, а Южная Африка — ее отдельную подобласть). Однако продвижение людей осложнялось еще и общественными факторами, действовавшими во взаимосвязи с природно-климатическими. Прежде всего люди связаны со своими средствами производства, которые далеко не всегда способны преодолеть природно-климатические барьеры.

Даже в настоящее время, когда индустриальная техника достигла высочайшего развития, она испытывает на себе разрушительное действие тропического климата. В Тропической Африке требуются несравненно большие усилия для поддержания в порядке шоссейных и железных дорог, разного рода машин и механизмов, чем в субтропическом или умеренном климате. В допромышленные эпохи человек еще больше зависел от земли, по которой он передвигался, и климата, который господствовал на этой земле. Дорог в Тропической Африке не было вовсе, имелись только тропы. Не было колесного транспорта. Еще в глубокой древности колесницы, запряженные конями, достигали берегов Нигера в нынешнем Мали (где они изображены на ска-

лах). В Нубии колесницы производились из местного материала по приказу египетских фараонов. В Северной Эфиопии колесницы как предмет роскоши имелись у аксумских царей. И все-таки повозки не нашли применения в Тропической Африке. Ведь колесный транспорт требует дорог, а их строительство и поддержание в порядке оказывались слишком трудным делом, непосильным для большинства древних африканских обществ. Здесь в лучшем случае можно было передвигаться верхом и перевозить грузы во вьюках. Но и это было возможно далеко не везде.

Природно-климатические барьеры препятствовали распространению домашних животных. Лошадь трудно разводить во влажном и жарком тропическом климате экваториальных лесов. В пустынях лошадь не находит корма. Когда территория нынешней Сахары превратилась в пустыню, лошади и коровы не смогли в ней жить и были заменены верблюдами. Верблюды — важнейшее вьючное и верховое животное Сахары и прилегающих к ней областей. В Сахаре, Нубии и Нубийской пустыне местные воины сражались верхом на верблюдах; в Нубии и Сомали верблюдов запрягали в плуг. Однако в сравнительно влажном климате типичных саванн и тем более лесов верблюды не может жить. Осел и мул используются в качестве вьючных и верховых животных лишь в специфических условиях Северо-Восточной Африки. Хотя именно здесь, в Нубии, произошло приручение дикого осла, домашние ослы и мулы не разводятся в остальных частях Тропической Африки. На просторах Африканского материка более широко распространились различные породы крупного и мелкого рогатого скота: коровы двух или трех видов, овцы и козы. Там, где быки являются единственными крупными домашними животными, на них даже ездят. Этот обычай поразил первых арабских и европейских наблюдателей. Знаменитый арабский географ ал-Масуди писал в X в. о войске царя зинджей Восточной Африки численностью в сотни тысяч человек, сидящем верхом на быках. Разумеется, в этом сообщении допущены преувеличения: и численность войска, и значение быков для передвижения людей (воины никогда не

сражались верхом на быках). Несколькими веками позднее арабы-баггара, переселившиеся в Кордофан (в Судане), переняли у местного населения обычай езды на быках, хотя имели и лошадей, и верблюдов, но в недостаточных количествах из-за климата саванн. В XVIII в. шотландский путешественник Джеймс Брюс видел, как ездят верхом на быках галла Северной Эфиопии, а голландские колонисты в Южной Африке наблюдали езду готтентотов верхом на коровах. В XIX в. потомки этих колонистов — буры запрягли быков в огромные фургоны и двинулись на север и северо-восток. Однако в Тропической Африке ни фургонов, ни других повозок не существовало, а езда верхом на быках годилась лишь при перегонах животных на новые пастбища; из стада коров невозможно составить караван либо кавалькаду. Это не транспортные животные. Кроме того, во многих районах муха цеце делала невозможным разведение домашних животных. Поэтому на просторах Тропической Африки, где не были распространены ни верблюды, ни ослы, ни лошади, практически единственным способом передвижения был пеший, и все грузы переносились носильщиками. Разумеется, это крайне ограничивало возможность передвижения по суше. Так же слабо был развит водный транспорт. Дощатые и парусные морские суда имелись лишь на берегах Индийского океана, однако и здесь они были менее совершенными, чем в Средиземноморье, европейской Атлантике или на Дальнем Востоке. На Атлантическом побережье Африки и в устьях впадающих в Атлантику рек были известны лишь большие и малые каноэ, сделанные из целого древесного ствола, приводимые в движение веслами. На озерах и реках Тропической Африки, во многих местах, прегражденных порогами и зарослями плавающих растений, имелись только тростниковые и деревянные плоты, каноэ и другие примитивные типы судов, лишь в немногих местах — дощатые барки, конструкция которых была заимствована у древних египтян и средневековых арабов. Парус во внутренних районах Африки не был известен. Судходных каналов здесь никогда не существовало, за исключением тех, которые были построены в Нижней Нубии древ-

ними египтянами. Поэтому сообщение по рекам и озерам Тропической Африки, в прибрежных водах Атлантики и южной части Индийского океана играло до появления здесь европейцев сравнительно небольшую роль. Оживленное судоходство, хотя и на малых судах, наблюдалось только в Индийском океане от Красного моря до Мозамбикского пролива и на некоторых участках Нила и Нигера, т. е. на северной и северо-восточной периферии Тропической Африки.

Первыми узнали о Черной Африке древние египтяне, ливийцы, арабы. В древнейший период своей истории египтяне населяли не только Египет, но и северную часть Нубии (северо-восточная часть Судана). Они жили бок о бок с неграми и народами, родственными эфиопам. Позднее темнокожие племена продвинулись на север до Асуана, где находится I нильский порог — естественная граница между Египтом и Нубией, — на тысячи лет I порог Нила стал пограничным столбом между двумя мирами: Черной Африкой и Востоком.

Богатый золотом, драгоценными камнями, слоновой костью, эбеновым деревом, скотом и дикими животными, Судан лежал непосредственно к югу от Египта, который в III—II тысячелетиях до н. э. был одной из передовых стран тогдашнего мира.

«Судан» по-арабски значит «черные». То же самое значение на языке суданских беджа имеет слово «кышья», от которого пошли «Кас», «Касу», «Куш» — древнеегипетские и семитские названия Судана. В страну Куш фараоны Египта направляли военные экспедиции. Иногда им удавалось подчинить северные районы Куша.

Египет в Куше и Куш в Египте

В музее сицилийского города Палермо хранится каменная плита — стела. На ней красивыми древнеегипетскими иероглифами высечены анналы царствования первого фараона IV династии по имени Снофру, который жил в XXVIII в. до н. э., около 4700 лет тому назад. Его воины захватили в Нубии 7 тыс. мужчин и женщин, 200 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота.

Вероятно, подобные же походы на юг совершали и преемники Снофру — фараоны IV и V династий. Отсюда египтяне получали не только скот, но и ценные материалы для ремесленной промышленности. Особое значение имела доставка из Нубии золота и строительного камня, в том числе огромных глыб для изготовления величественных статуй.

На скалах Нижней Нубии сохранилось немало египетских надписей эпохи Древнего Царства, особенно V и VI династий. Многие из них упоминают имена «начальников караванов». Советская археологическая экспедиция, работавшая здесь зимой 1961/62 г. под руководством академика Б. Б. Пиотровского, обнаружила на скале в урочище Хор-Дауд (урочище Давида) еще одну, неизвестную прежде надпись, оставленную «начальником каравана Туау» (в других надписях это имя читается как «Туа», или «Туа, сын Саби», а его титул — как «начальник переводчиков»). Туау был достаточно тщеславен, чтобы оставить несколько сохранившихся до наших дней надписей в долине Хаммамат, в Аравийской и Нубийской пустынях. Если он был «начальником переводчиков», то, надо полагать, к работам каравана привлекались местные жители, древние нубийцы. К такому выводу пришел изучивший надписи Б. Б. Пиотровский.

В период VI династии Египта в Нижней (Северной) Нубии возникают первые межплеменные объединения, прообраз будущих государств. Древнеегипетские надписи сообщают, что один из нубийских вождей объединил под своей властью местные племена ирчет и сечу, а затем присоединил к ним племя вават, земля которого лежала по обоим берегам Нила и изобиловала золотом. «Золото Вават» доставлялось в Египет в обмен на изделия искусных египетских ремесленников. Фараоны посылали специальных агентов для торговли с вождями Нубии. Об этом рассказывают по меньшей мере четыре египетские надписи того периода.

Наиболее интересны из них две: биографические надписи живших в одно и то же время (XXVI—XXV вв. до н. э.) египетских чиновников Уны и Хирхуфа, или, в другом чтении, Хуэфхора.

Уна служил трем фараонам VI династии: Тети, Пиопи (или Пепи) I и Меренра I. Он был правителем южных областей Верхнего Египта, пограничных с Нубией и племенами Нубийской пустыни. Когда восстали номады, обитавшие где-то восточнее Асуана, энергичный Уна отправился в Нубию, чтобы нанять вспомогательное войско из местных племен ирчет, сечу, вават, меджа, има и каау. В итоге восстание было подавлено с помощью нубийских племен.

Уна сообщает и о крупных инженерных работах, совершенных в Северной Нубии под его руководством по приказу Меренра I. Фараон поручил Уне изготовить и доставить из каменоломен Асуана и Северной Нубии большой каменный саркофаг и обработанные гранитные блоки для строительства храма. Для выполнения этого задания было приказано «прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из дерева страны Вават». Уна оказался на высоте положения. Всего за один год он провел каналы, спустил на воду суда и доставил на них в Египет требуемые изделия из камня.

Хирхуф, или Хуэфхор, был младшим современником Уны и служил фараонам Меренра I и Пиопи II. Хирхуф прожил долгую жизнь, в течение которой трижды по приказу фараона совершал путешествия в Нубию. Он был номархом (губернатором) Элефантины и управлял не только южными, пограничными с Нубией, районами Египта, но и территорией между I и II порогами, которая в то время уже платила Египту дань. Хирхуф лично собирал ее в казну фараона. Но кроме того, он проник далее на юг, выше II порога, в страну Иам.

Первый раз он был послан сюда по приказу фараона Меренра, «чтобы открыть эту страну». «Выполнил я это, — сообщал Хирхуф, — за семь месяцев и доставил оттуда всевозможные дорогие дары».

Во время второго путешествия, которое заняло восемь месяцев, Хирхуф собирал дань с племен Северной Нубии и снова посетил Иам.

Во время третьего путешествия, уже при Пиопи II, Хирхуф

собирал в Северной Нубии дань скотом, затем прибыл в Иам и стал свидетелем важного исторического события. «Встретил я вождя Иама, когда он направлялся к стране ливийцев, чтобы поразить ливийцев до западного края горизонта». Вместе с царем Иама Хирхуф участвовал в этом походе, а затем привел его войско в Северную Нубию. Формально хитрый номарх как бы санкционировал проход армии Иама через владения, признавшие власть фараона: ведь так она могла ударить на ливийцев с тыла. Но Хирхуф не только установил и укрепил союз Египта с Иамом, но и заодно запугал правителя Северной Нубии мощью союзных сил. Тот увидел «силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся со мной ко двору [царя], и [египетских] воинов, посланных со мной». После этого нубийский вождь пригнал номарху причитающуюся ему дань: крупный и мелкий рогатый скот. Кроме того, Хирхуф доставил из Иама и Северной Нубии ценные экзотические товары: шкуры пантер, слоновую кость, черное эбеновое дерево и другие дары.

Самым ценным из них был признан карлик, привезенный откуда-то с юга Нубии, может быть, из лесов Верхнего Нила. На внешней стороне гробницы Хирхуфа высечен текст письма фараона, касающегося этого подарка. Фараон Пиопи II, который был тогда мальчиком, несказанно обрадовался живой игрушке. Он особенно просил номарха о том, чтобы тот позаботился о карлике, доставил его здоровым и невредимым: «Сторожи его, чтобы не упал он в воду. Когда он будет спать ночью, поставь надежных людей, чтобы спали они позади него в палатке. Проверяй по десять раз ночью».

Надписи, сделанные египетскими вельможами эпохи VI династии Сабии и Пиопинахом, говорят о расправе карательных войск фараона с непокорными племенами Северной Нубии.

Для упрочения своей власти египтяне построили в Нубии крепости (у селений Кубан, Западная Коштамна и др.).

Но в конце VI династии Египет охватили смуты: классовая борьба, феодальные междоусобицы и вторжения иноземцев. В Ниж-

нюю Нубию также вторглись с юга негроидные племена, занимавшиеся в основном скотоводством. Они заняли всю страну, смешавшись с аборигенным населением, и вернули ей независимость.

После падения VI династии в Египте правили слабые фараоны VII—X династий. В то время в Нубии быстро развивалась культура, создавалась собственная государственность, пользовавшаяся, впрочем, древнеегипетскими формами. На скалах Северной Нубии высечены короткие надписи каких-то «фараонов», имена которых не известны в самом Египте; очевидно, это местные вожди, подражавшие фараонам Древнего Царства своими титулами и, вероятно, образом жизни, придворным церемониалом и официальной идеологией.

Несколько позднее в средней части Нубии, южнее III порога, возникает раннегосударственное объединение местных племен со столицей в Керме; поблизости археологи обнаружили царские погребения и укрепленное торговое поселение древних египтян. В погребениях под огромными курганами было найдено множество древнеегипетских изделий, в том числе каменных скульптур. Цари Кермы, видимо, не вполне одобряли это иноземное искусство, но прекрасно понимали его превосходство над произведениями местных ремесленников. И они нашли выход, поистине золотую середину: египетские статуи были подвергнуты переделкам! Разумеется, в таком виде эти скульптуры не стали произведениями древнениубийского искусства, которое расцвело намного позднее под мощным влиянием искусства Древнего Египта.

Начало возвышения Кермы совпало с упадком Египта в конце эпохи Древнего Царства, а ее расцвет — с правлением XI—XII династий в эпоху Среднего Царства.

Когда египетское Древнее Царство распалось на враждующие между собой княжества-номы (XXIII—XXII вв. до н. э.), негроидные племена Верхней (Южной) Нубии продвинулись на север, и вся Нубия вышла из-под контроля Египта. Более того, негроидные племена распространились даже севернее I порога, в пределы Верхнего Египта. Эта земля получила название страны луков (название проис-

ходит от оружия древних и средневековых нубийцев, которым они мастерски владели; об этом см. ниже).

Однако в 2151 г. до н. э. Египет снова объединяется под властью фараонов XI династии, бывших первоначально номархами Фиваиды — пограничной с Нубией части Египта. Фараоны XI династии проявляют интерес к стране, лежащей на юг от их владений, где местные племена, культура которых достигла сравнительно высокого развития, приступили к разработке золотых россыпей и рудников. Фараон этой династии Ментухотеп IV на 41-м году своего царствования посылает в Нубию казначея, который посещает золотоносную страну Вават.

При XII династии Египет снова становится достаточно силен для того, чтобы вооруженной силой подчинить себе Нубию. Фараон этой династии Аменемхет I (2000—1980 гг. до н. э.) совершил в Нубию победоносный поход и покорил некоторые ее области. Его преемник Сенусерт I (1980—1935 гг. до н. э.) несколько раз посылал в Нубию войска, доходившие почти до II порога; здесь, в Вади-Хальфа, на границе современных государств ОАР и Судан, его полководец Ментухотеп оставил каменную стелу, увековечившую победы войск Сенусерта I.

Один из номархов времени Сенусерта I, по имени Амени, подробно рассказывает о своих походах в страну Куш, как теперь стали называть Нубию (в эпоху Древнего Царства это название употреблялось крайне редко).

В первый раз Амени попал в Куш в составе свиты фараона. Он вспоминает: «Сопровождал я моего владыку, когда он плыл к югу, чтобы уничтожить своих врагов — четырех варваров... Прошел я Куш, плывя к югу, достиг я границы земли, принес я все дары. Хвала моя достигла неба. Тогда Его Величество возвратился в мире, уничтожив всех врагов своих в подлом Куше... не было потерь в войске моем».

Второй поход в Куш Амени совершил в обществе наследника престола, будущего фараона Аменемхета II. С ними было 400 отбор-

ных воинов. Цель похода — доставка в Египет золотой руды из Нубии — была успешно достигнута, причем экспедиция не понесла потерь.

В третьем походе Амени сопровождало уже 600 человек: видимо, сопротивление нубийцев возрастало. Но и на этот раз все обошлось благополучно.

Фараон Сенусерт III (1887—1849 гг. до н. э.) совершил в Нубию четыре похода и покорил ее до III порога Нила. Ему удалось окончательно сломить сопротивление местных племен и подавить восстания. Присланные из Египта мастера восстанавливали и расширяли старые крепости времен VI династии и строили новые. Всего в Куше было воздвигнуто 12 мощных крепостей; позднее на крайнем юге тогдашних египетских владений в Нубии, у самого III порога, была построена из больших отесанных каменных плит 13-я крепость — Деффур. Деффур стал центром товарообмена между независимыми нубийскими племенами и египетской казной. К северу от него, между III и II порогами Нила, располагались две другие мощные крепости: одна, называемая «Могущество Хакаура» (Хакаура — второе имя Сенусерта III), в Семне и вторая крепость в Кумме. Они имели важное стратегическое значение, тогда как крепость в Деффуре служила прежде всего египетской факторией.

Для облегчения судоходства между Египтом и Нубией у порогов был прорыт канал, названный «Великолепны пути Хакаура». По каналу следовали на север суда, построенные из нубийского дерева и нагруженные нубийским золотом и экзотическими товарами. На этих судах находились царские агенты, по-древнеегипетски «шемсу» — сопровождающие или слуги. Между прочим, знаменитая сказка о потерпевшем кораблекрушение, о которой будет рассказано ниже, ведется от имени такого шемсу, только что возвратившегося в Египет из страны Вават, где находились рудники фараона. Нубийское золото наполняло казну фараонов XII династии; в Абидосе главный казначей фараона, по имени Ихернофрет, реставрировал статую Осириса, употребляя для этого нубийское золото.

В каждой из 13 крепостей Куша разместились египетские гарнизоны, чиновники и жрецы; впрочем, между чиновником и жрецом тогда не было особой разницы. В крепостях были построены храмы, притом не только египетских, но и местных богов. Так, в Семне был сооружен храм нубийского бога Дедуна. Это содействовало умиротворению страны, так как объединяло египетских колонистов и местное население единством культа.

На границе Египта и Куша Сенусерт III воздвиг свою колоссальную статую как символ власти над обеими странами. Память о его религиозной и военной политике долго жила в Египте, где в эпоху Нового Царства Сенусерт III почитался в качестве бога наравне с нубийским Дедуном, также прижившимся на египетской почве.

За пределами крепостей египетского населения почти не было, и порой крепости подвергались осаде восставших нубийских племен. Так, уже Сенусерт III на 16-м году своего царствования подавлял восстание нубийцев, причем карательные войска сжигали посевы и угоняли у крестьян скот. Очевидно, египтяне селились главным образом в городах Нубии, управление которыми было организовано по образцу Египта. Сельские общины Нубии продолжали управляться традиционными вождями.

Даже золотые копи Куша и прилегающей к нему пустыни оставались в руках местных вождей, добывавших здесь драгоценный металл под контролем египетского государства. Сохранилась надпись египтянина Сахатхора, который при фараоне Аменемхете II занимал пост помощника казначея; он сообщает, что в молодости посещал золотые рудники и заставлял местных вождей добывать золото для фараона.

Золотые слитки из Куша доставлялись в Египет в качестве дани от вождей племен, подвластных фараону. Фактически египетская монархия монополизировала в своих руках распределение драгоценного металла во всех землях, на которые распространялась ее власть. Однако далеко на юге, за пределами египетских владений, древние нубийцы свободно добывали золото и торговали им с соседними

странами. Сюда устремлялись наиболее предприимчивые из подданных фараона, которые могли по своему положению совершать подобные путешествия. Одним из них был Хаанхейф, мелкий чиновник из Верхнего Египта, который жил в конце Среднего Царства. Он совершил 30-дневную поездку на «юг Куша», за границу, и вывез оттуда золото и слуганок.

В XVIII в. до н. э. наступает катастрофа: в долину Нила из Азии вторгаются гиксосы. Даже огромная армия фараонов не могла выдержать натиск их колесниц, запряженных четверками коней, и разбежалась. Древнейшее в Африке государство распалось на части. На севере правили гиксосские цари семитского происхождения, на юге часть Египта захватили нубийские вожди. Они заняли крепости, построенные в Нубии египтянами, и кое-где воздвигли с помощью египетских архитекторов новые замки. Эти вожди порой принимали пышные титулы фараонов Верхнего и Нижнего Египта, подобно тому как это было после падения VI династии. Следовательно, сохранялась какая-то преемственность в государственности и культуре.

После изгнания гиксосов из Египта над Нубией снова нависла угроза египетского завоевания, на этот раз фараонами XVIII династии, основателями Нового Царства.

Уже первый из них, Яхмос (Амасис) I, совершил военную экспедицию в Северную Нубию. Его сын Аменхотеп I, внук Тутмоса (Тутмоса) I, и их преемники продолжали агрессию против этой многострадальной страны. Имя Яхмоса I и его брата Камеса высечено севернее II порога на скале у деревни Тошка. Эта надпись слишком коротка, чтобы по ней можно было восстановить подробности похода. Зато в гробнице одного древнеегипетского вельможи, «начальника гребцов» Яхмоса, описаны походы в Нубию первых трех фараонов XVIII династии, в которых он лично принимал участие.

Первую экспедицию в эту страну «начальник гребцов» совершил с войсками своего царственного тезки Яхмоса I. «После того, как его величество перебил соседние азиатские племена, он поплыл вверх по Нилу в Северную Нубию... с целью истребить нубийских кочев-

ников. И его величество произвел среди них страшное опустошение. И я захватил там добычу: 2 живых мужчин и 3 руки (убитых. — *Авт.*). И меня снова одарили золотом. И вот мне дали двух рабынь».

Далее надпись рассказывает о подавлении восстания в нубийской области Тентаа. Нубийцы сражались против захватчиков на речных судах, или попросту лодках. «Начальник гребцов» принял деятельное участие в сражениях и после победы над мятежниками получил в награду двух молодых воинов с судна бунтовщиков.

Затем описывается поход Аменхотепа I: «И я вез на гребном судне царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Джосеркара (Аменхотепа I), когда он плыл вверх по Нилу в Нубию с целью расширить границы Египта. И его величество сразил того нубийского кочевника посреди его воинов. Они были взяты в добычу крепко связанные, причем никто из них не ускользнул... Я доставил его величество за два дня в Египет от Верхнего колодца (т. е. района второго порога), и меня одарили золотом».

В третий раз Яхмос вел гребные суда в Нубию, переправляя сюда карательную экспедицию фараона Тутмеса I. Надпись рассказывает от имени «начальника гребцов»: «И я вез на гребном судне царя Верхнего и Нижнего Египта, покойного Охеперкара (одно из имен Тутмеса I. — *Авт.*), когда он плыл вверх по Нилу в Северную Нубию с целью покарать мятеж во вражеских странах и отразить вторжение из области пустыни. И я выказал свою доблесть перед ним на нильских порогах... (далее текст испорчен. — *Авт.*) суда на опасном месте. И меня назначили начальником гребцов... Его величество поплыл вниз по Нилу, имея все вражеские страны у себя в кулаке и того подлого нубийца-кочевника висящим вниз головой на носу царского судна его величества».

Может создаться впечатление, что египтяне в тот период ограничивались отдельными набегами на своих южных соседей, не будучи в состоянии закрепиться в их стране. На самом деле это не так. В надписи «начальника гребцов» Яхмоса речь идет о подавлении отдельных мятежей. Фараоны считали Северную Нубию своим вла-

дением, и так оно и было на самом деле. Даже манифест о восшествии Тутмеса I на престол был высечен в Нубии в двух местах: в крепости Бак, у деревни Кубан, откуда начиналась дорога в Нубийскую пустыню, и у II порога Нила. Не только при Тутмесе, но и при Аменхотепе I уже существовала должность наместника Нубии — «начальника южных стран», или «царского сына Куша». Позднее этот титул стал даваться вице-королям Нубии, не являвшимся в то же время наследниками египетского престола.

Наконец, фараон Тутмес III, один из величайших монархов эпохи Нового Царства, завоевал Нубию до IV порога. Это произошло в середине XV в. до н. э.

На пилонах знаменитого храма Амона-Ра в Карнаке (египетские Фивы) высечен длинный список земель и племен Нубии, покоренных великим Тутмесом. Надпись, высеченная на стеле этого фараона, установленной в храме Гебель-Баркал (Нубия), перечисляет подати, собранные им в Нубии, в том числе большое количество золота, более 300 чернокожих рабов и рабынь, 275 коров, судно, груженное слоновой костью, черным эбеновым деревом и другими ценными материалами. На стенах храма Амона-Ра в Карнаке отмечено количество золота, поступившего в разные годы царствования Тутмеса III из покоренного Куша.

Власть египетских фараонов на этих территориях сохранялась в течение четырех столетий, при XIX и XX династиях. Они составили колонию Куш, в которую целиком вошли Керма, Северная Нубия и другие земли долины Нила и Нубийской пустыни от I до IV порога и побережье Красного моря.

Старые египетские крепости времен Древнего и Среднего Царств были восстановлены и расширены, в крепостях Амада и Семна были построены храмы, в скале у крепости Ибрим высечен пещерный храм. Все они были сравнительно невелики по своим размерам. Несравненно более величественные храмы были воздвигнуты в Нубии при фараонах XIX и XX династий. Они без конца расширялись, достраивались, украшались и продолжали служить для отправления

культы после падения власти Египта в этой стране и даже еще позднее — после гибели древнеегипетской религии.

Некоторые из храмов интересны тем, что в их архитектуре обнаруживается известное своеобразие — еще не национальный, а только провинциальный стиль. Такими чертами отличается храм в Герф эль-Хусейне с его обширными, высеченными в скале залами, статуями египетских богов. Перед храмом сооружен портик с колоннами и карниатидами, которые на сотни лет старше самых древних из греческих кариатид.

Но самым знаменитым и прекрасным является величественный храм Рамсеса II в Абу-Симбел, в настоящее время перевезенный на новое место, выше уровня водохранилища, образованного высотной Асуанской плотиной. Вот как его описывает академик Б. Б. Пиотровский, которому посчастливилось посетить храм до его демонтажа:

«...Абу-Симбел, поражающий и подавляющий своей грандиозностью. Он является выразительным символом египетского владычества над замиренной Нубией. Фасад храма украшен четырьмя колоссальными статуями, изображающими сидящего фараона, у ног которого помещены статуи матери, жены и дочерей. Сохранились следы яркой раскраски фасада: тело царя было кирпичным, а женщин — желтым, одежды были белого цвета, а иероглифы синего. Великолепны рельефы, изображающие пленных нубийцев и сирийцев, помещенные в проходе во внутренние помещения храма. В большом зале с карниатидами на стенах помещены знаменитые сцены войны Рамсеса II с хеттами, в частности битвы при Кадеше, повторенные и в других храмах Египта, и менее выразительные сцены нубийских походов. Неподалеку от большого храма Рамсеса II находится несколько меньший по размерам, также высеченный в скале храм, посвященный царице Нефертити, с монументальными фигурами царя и богов на фасаде и великолепными, несколько утонченного стиля, рельефами внутри».

Походы Рамсеса II в Нубию были вызваны восстаниями местных племен и, конечно, не могли идти ни в какое сравнение с его

затяжной войной против великой Хеттской державы и ее сирийских союзников.

Рельефные изображения Абу-Симбела, олицетворявшего древнеегипетское владычество в Нубии, в то же время символизируют связь судеб Судана и Передней Азии через Египет. Недаром здесь изображены вместе такие различные народы, как египтяне, нубийцы, семиты Сирии и Палестины, хетты Малой Азии.

Контакты Нубии с Ближним Востоком через посредство Египта продолжались и даже усилились при фараоне-реформаторе Эхнатоне. Этот монарх приказал воздвигнуть своему единому солнечному богу Атону храм в Сесеби, между II и III порогами Нила. Официально утвержденный фараоном и его богословами гимн Солнцу называет Нубию наравне с Сирией и Египтом среди стран, поклоняющихся единому богу.

Впервые Нубия и Передняя Азия оказались в какой-то мере связаны общей религией и впервые в Африке южнее Сахары появился монотеистический храм и культ. Однако не только в Судане, но и в самом Египте единобожие в то время не могло еще привиться и вновь уступило место многобожию. Да и в лучшие дни царствования Эхнатона и его жены Нефертити монотеизм Солнца исповедовала лишь небольшая часть их подданных, в основном чиновники, офицеры и жрецы бога Атона.

О положении Нубии во времена Тутанхамона, преемника Эхнатона и Нефертити, мы можем судить по фрескам и надписям из гробницы Хеви, наместника Нубии при Тутанхамоне.

«На стенах одного из помещений гробницы в росписях, выполненных весьма художественно, с соблюдением деталей, — описывает академик Б. Б. Пиотровский гробницу, — приведены сцены назначения Хеви наместником Нубии, его прибытие к месту назначения, получение даров и доставка их в Египет ко двору Тутанхамона. В росписи изображено много людей, положение которых, а часто и имена передаются короткими пояснительными иероглифическими надписями. Изображено, как в присутствии сидящего на троне фа-

раона «опахалоносец справа от царя» Хеви из рук начальника сокровищницы получает приказ о назначении его начальником области от Нехена (Иераконполя) до Несут-тауи (Напаты), т. е. обширной территории, включающей в себя страны Вават и Куш. Соответственно этому в росписях неоднократно встречаются заместители (уполномоченные) по этим двум странам.

Ниже изображено, как Хеви из рук второго придворного чиновника... получает печать канцелярии «царского сына Куша».

На второй части стены... помещена сцена прибытия Хеви в Нубию на роскошных, богато украшенных парусных кораблях. Для быстроты передвижения корабль снабжен еще большим количеством гребцов. Нового наместника встречают его заместители по Вават и Кушу, князя, начальник скота, представители местной администрации и жречества, подносящие золото и различные дары. Женщины в честь Хеви поют песни и танцуют.

Далее изображен сбор даров. Процессии людей подходят к наместнику с золотом в кольцах, с мешочками в руках, в которых насыпан золотой песок... Князя из свиты наместника принимают золотые кольца и золотой песок, складывают их вместе со шкурами леопардов, богатыми ларцами и сосудами. Писцы взвешивают доставленное золото и ведут учет поступившим драгоценностям. Среди приносящих дары изображены не только мужчины, но и женщины, старухи и матери с детьми. По-видимому, это должно было передать всеобщий сбор.

Наибольший интерес среди росписей этой гробницы представляет сцена доставки дани из Нубии ко двору Тутанхамона. Три ряда к трону фараона движутся нубийцы, подносящие дары и пригоняющие скот. Перед царем стоят чаши с золотом, серебром и драгоценными камнями, лежат кучи слоновых бивней и кусков черного дерева... Удивительно богатыми показаны разноцветные макеты с деталями из золота, воспроизводящие пирамиды, пальмы, жирафов и нубийцев. Среди даров — щиты, луки, колесница, роскошные ложа, троны, скамейки. Многие из них напоминают предметы, найденные

в гробнице Тутанхамона; таким образом, из Нубии доставлялось не только дорогое сырье, но и предметы художественного ремесла.

Первый ряд росписи изображает шествие наиболее знатных нубийцев страны Вават, которое возглавляет князь города Миама (Анибы) Хеканофр, как указывает короткая надпись, помещенная около его коленопреклоненной фигуры с ярко отмеченными негроидными чертами... За вельможами, стоящими уже перед царем на коленях, идут богато одетые «дети знатных людей разных стран», как называет их надпись. За ними два нубийца несут золото, а в колеснице, запряженной быками, под крупным зонтом из страусовых перьев едет принцесса. Шествие замыкают рабы.

Во втором и третьем ряду дары приносят знатные люди «страны Куш», т. е. более южных областей. Кроме золота, драгоценных камней, шкур и страусовых перьев они гонят рогатый скот и жирафов. В нижнем ряду изображены домочадцы, выходящие из пилыона дома и приветствующие хозяина.

Все шествие приносящих дары показано движущимся от берега Нила, у которого на причале стоят корабли... Над кораблями помещена надпись, повествующая о благополучном возвращении «царского сына страны Куш» в Фивы».

Фрески гробницы Хеви и другие древнеегипетские документы (а также фрески и тексты гробниц тогдашних нубийских князей, в том числе упоминаемого выше современника Хеви князя города Миама Хеканофра, усыпальница которого была недавно открыта американскими археологами) знакомят нас с нубийским колониальным обществом эпохи Нового Царства.

Основную массу трудящегося населения составляли местные общинники, обязанные выполнять трудовые повинности в пользу фараона (в лице его наместника, двух заместителей, князей и глав храмовой администрации). Отбывали повинность они на горнодобывающих работах. Кроме того, общинники, будучи мелкими сельскими производителями, были обложены податями, в счет уплаты которых поставляли наиболее ценные продукты (слоповую кость, благовон-

ные смолы, шкуры пантер и жирафов и пр.), что также надолго отвлекало крестьян от работы в собственных хозяйствах. Нам неизвестна продолжительность трудовых повинностей в тогдашней Нубии, но в метрополии, в Египте, она занимала два месяца в году.

Наряду с местным населением многие виды работ выполняли солдаты египетских гарнизонов. Кроме того, при храмах имелись собственные хозяйства, где трудились разные категории зависимого населения, как египетского, так и неегипетского. Среди последнего, по-видимому, находилось немало военнопленных рабов, чернокожих — из внутренних областей Африки, светлокожих — из Сирии и Палестины, а также ссыльных египтян.

«...Нубийцы, — заявлял в своей надписи Тутмес III, — подданные моего величества. Они работают для меня, как один, обложенные податями в виде бесчисленных многообразных вещей «отрогов земли» (т. е. минерального сырья, строительного камня, руд и драгоценных камней. — *Авт.*) и бессчетным количеством золота страны Вават. Там строят ежегодно для двора... суда и корабли многочисленное, чем команды [корабельщиков], кроме податей нубийцев слоновой костью и черным деревом. Ко мне приходят деревянные изделия из Куша, бревна думпальмы и изделия в бесконечном количестве из акации крайнего юга земли. Их обработали мои воины в Нубии, что находились там в несметном количестве... множество кораблей из думпальмы, доставленных моим величеством после победы».

Здесь ничего не говорится о положении в храмовых хозяйствах, зато кое-что об этом можно узнать из указов фараонов Рамсеса I, Сети I и наместника Нубии Псиура (времени XX династии).

В каждом храме был «дом работ» — пер шнау, к которому благочестивые фараоны приписывали в виде подарка храмам пленных рабов и рабынь. В храмовых хозяйствах трудились также писцы, пастухи, жрецы различных рангов. Всем заправляло высшее жречество, эксплуатировавшее труд нубийского крестьянства, рабов и низшего храмового персонала.

Золото Куша

Выжженная солнцем, каменистая и лесистая страна, где больше пустошей и пастбищ, чем обрабатываемых земель, не была в глазах египтян ни благодатной, ни плодородной. Они называли Нубию жалкой страной Куш и не желали переселяться туда по доброй воле. Но эта неприветливая земля была сказочно богата драгоценным металлом — золотом.

Овладев Нубией, в период Нового Царства Египет стал самой богатой державой древнего мира. В области Вават и кое-где в Средней Нубии золотоносные земли подходили к самому берегу Нила. Но основная их часть лежала в Нубийской пустыне, на обширной территории, продолжением которой на севере были золотоносные районы Аравийской пустыни Египта, а на юге — месторождения Северной Эфиопии. Золото здесь встречалось в россыпях, в виде песка, в виде вкраплений в кварцах и других породах камня. Нубийцы разрабатывали россыпи золота; что касается рудников в толще каменных пород, то работы велись там египетскими рудокопами, отряды которых посылались в обе провинции колонии — Вават и Куш, а также в глубину пустыни.

У селения Кубан, где еще со времен VI династии существовала египетская крепость, начиналась дорога в лежащую посреди Нубийской пустыни долину ал-Аллаки, «страну Акиту» египтян, сказочно богатую золотом. Этот африканский Клондайк встретится нам и двумя тысячелетиями позднее, в истории средних веков (см. главу «Через три океана»). Много раз направлялись сюда караваны египетских рудокопов. И каждый раз сотни людей гибли в пути, не достигнув цели. Каждый рудокоп получал от государства на дорогу скудный паек хлеба, деревянный посох, сандалии, два глиняных сосуда и бурдюк для хранения воды. У селения Кубан рудокопы наполняли речной водой бурдюки, строились в колонну и выступали в путь. Дальше, в раскаленной каменистой пустыне, не было ни колодца, ни ручья, ни лужи дождевой воды, откуда можно было бы

утолить жажду, пока наконец в 1282 г. до н. э. великий Рамсес II не выполнил задачу, казавшуюся безнадежной его предшественникам: по дороге в Акиту был вырыт артезианский колодец и устроены цистерны, после чего удалось наладить регулярное сообщение с золотоносной страной.

К этому времени в пустыне возникло несколько рудников, рудничные поселки, в которых жили золотоискатели, или, лучше сказать, рабочие, вооруженная охрана, писцы и чины рудничной администрации. План одного из таких поселков изображен на так называемом Туринском папирусе, написанном около 1400 г. до н. э. Здесь видны улицы и различные строения поселка, разработки золота, окрестные горы. На рудниках работали осужденные преступники и военнопленные; да и кто согласился бы на этот каторжный труд!

Во II в. до н. э. греческий историк Диодор Сицилийский дал яркое описание рудников Нубийской пустыни. Собственно говоря, Диодор, автор «Исторической библиотеки», пересказал не дошедший до нас древний источник: сам он в Нубии не был. Вот отрывок из его труда:

«В конце Египта, на границе Аравии и Эфиопии, находится страна, изобилующая золотыми рудниками, откуда с большими издержками и тяжелым трудом добывают этот металл. Земля черного цвета наполнена прожилками и жилами мрамора поразительной белизны, осколки которого превосходят своим блеском все известные продукты природы. Именно в этой земле надсмотрщики над рудничными работами с помощью большого числа рабочих добывают золото. Этими рабочими по преимуществу являются осужденные преступники, военнопленные... Вот таковы были способы, употреблявшиеся, чтобы использовать рудники. Подвергали сильному огню наиболее твердую часть земли, содержащую золото, ее при этом растрескивало, и ее затем обрабатывали вручную. Скала размягчалась таким же способом, и, когда она была приведена в состояние, уступавшее умеренному усилию... ломали ее с помощью тех же железных инструментов, которые обычно употреблялись при резке

камня... Дети проникали через галереи и выемки в скале, собирали отбитые с трудом осколки камня и выносили их из галерей. Другие, возрастом старше 30 лет, брали некоторое количество этих осколков и дробили их в каменных ступках железными пестами до тех пор, пока они не достигали величины горошины. Около них находились женщины и старики, которые, получая эти камешки, бросали их под жернова, последовательно расположенные, и трое или двое из них, находясь у рукоятки каждого жернова, поворачивали его до тех пор, пока не превращали выданные им камешки в пыль, тонкую, как пшеничная мука... Наконец, люди, обученные металлургии, брали истолченный камень и завершали работу: сперва на широкой и слегка наклонной доске¹ раскладывали этот растертый в порошок камень, а затем размешивали, поливая водой. Затем его часть, содержащая землю, размытую водой, течет по наклонной доске вниз, а золото вследствие тяжести остается на доске. Они повторяли эту операцию несколько раз, причем породу слегка растирали руками; затем, слегка выжимая пористыми губками, они удаляли понемногу распыленную породу, пока на доске не оставались лишь крупинки золота. Другие получали определенное количество этих крупинок, выдаваемых им по весу, сыпали их в сосуды из пористой глины и смешивали с кусками свинца в определенных пропорциях с количеством золота. К этому добавляли еще крупцу соли, еще немного олова и ячменных отрубей. После этого сосуды замазывались глиной и ставились в печь на пять дней и пять ночей без перерыва. Затем сосуды вынимали из огня, ставили охладиться и после того, как их открывали, в них находили совершенно чистое золото, которое очень мало потеряло в весе; все остальные вещества исчезали². Таким образом добывают золото в рудниках, расположенных на краю Египта; видно, каких

¹ Такие каменные доски, или промывальные столы, сохранились до наших дней во многих местах Нубийской пустыни, там, где находились древние золотые рудники.

² Среди этих «остальных веществ» большую часть составляло серебро, а также олово, свинец, медь.

огромных усилий стоит добыча этого металла... Открытие же этих рудников восходит к отдаленной древности и к наиболее древним (египетским) царям».

Жизнь на этих рудниках, даже для чиновников и солдат охраны, была самым незавидным уделом, какой только мог ожидать египтянина. Что касается рудокопов и других рабочих, то вряд ли они были в состоянии долго выдержать эту каторгу. Иные пытались бежать, но большинство беглецов либо погибали в безводной, раскаленной пустыне, либо, отчаявшись достигнуть Нила, сами возвращались на рудники. Других ловили охрана или кочевые племена. В этом случае беглецов ждало страшное наказание. Можно лишь предполагать, сколько стоил один дебен золота Куша!

Только за самые тяжкие преступления ссылали египтян на работу в золотые рудники Нубийской пустыни. Например, сохранилось несколько таких приговоров за кощунственное разграбление царских пирамид. В древнем египетском суде даже существовала страшная клятва: «Все сказанное мной — правда, если я потом буду говорить обратное, то пусть я буду отдан на работу в Куш!»

Здесь, на каторге, вместе жили, трудились, страдали и умирали пленные воины из стран Передней Азии, негры из южных областей Судана, осужденные преступники из Египта, Палестины, Синая или близкой, но недостижимой для беглецов Нубии.

Выход Судана на арену всемирной истории

В царствование Рамсеса II владычество Египта в Куше достигло вершины, затем оно начало медленно, но неуклонно падать. В метрополии сменилась династия, началось нашествие «морских народов» из Европы и Малой Азии, затем наступила временная стабилизация. Рамсес III (1204—1173 гг. до н. э.), второй фараон XX династии, провел важную военную реформу: вместо египтян он укомплектовал свои полки иностранцами — ливийцами, нубийцами, шардана (сар-

динцами) и другими жителями Средиземноморья, которых поселил в пограничных и внутренних крепостях. Так, отнюдь не по своей воле первые европейцы — шардана — попали в Тропическую Африку. В свою очередь нубийских стрелков посылали служить на север — в Нижний Египет, Сирию, Южную Палестину, города Верхнего Египта.

С помощью полков, набранных из пленников и наемников, Рамсес III сумел удержать в пределах своей империи колонию Куш и южную часть Палестины. Это позволило ему утверждать, что при нем «воины могли спокойно и беззаботно вытянуться на своих спинах. Не было врага ни в Нубии, ни в Сирии. Лук и оружие мирно лежали в арсеналах, воины могли есть досыта и пить в свое удовольствие; их жены и дети были при них».

Но преемники Рамсеса быстро потеряли власть. Рамсес XI и Рамсес XII еще назначали наместников Куша, но этот важный пост доставался теперь верховным жрецам Амона-Ра, первосвященникам Фив. Верховный жрец и наместник Нубии Херихор фактически отстранил Рамсеса XII от власти, и, хотя от имени Рамсеса на 17-м году его царствования еще был издан указ о назначении сына Херихора Пианхи «царским сыном Куша», на самом деле, очевидно, Херихор просто назначил себе наследника.

Рамсес XII был последним фараоном XX династии, а его указ о назначении Пианхи — последним памятником египетского владычества в Куше. С падением XX династии Нубия полностью освободилась от власти Египта, вернув себе политическую и экономическую самостоятельность.

В XI—IX вв. до н. э. обе провинции древнеегипетской колонии Куш — Вават и собственно Куш — распались на несколько фактически независимых феодальных владений. Во главе некоторых из них стояли, вероятно, потомки знатных египетских колонистов — администраторов и жрецов, но большинство областей находилось под властью местной египтизированной знати. Центральная власть в Куше на время исчезла, но государственность сохранилась, и вме-

сте с ней сохранилась храмовая организация. Храмы египетских богов продолжали функционировать, несмотря на все перемены в политической обстановке, по крайней мере некоторые из них. Цари и жрецы Нубии по-прежнему поддерживали связь с влиятельным жречеством Фив, тогдашней столицы Египта.

В VIII в. до н. э. правители города Напата, по имени Алара, Кашта и Пианхи, объединили под своей властью все бывшие египетские владения в Нубии и присоединили к ним новые земли на юге. В 751 г. до н. э. Пианхи вступил на престол, приняв титул фараона, а в 736 г. до н. э. двинул войска на Египет. Фиванское жречество поддерживало его, видя в нубийском фараоне восстановителя Нового Царства, покровителя древнеегипетской религии и защитника интересов духовенства. Пианхи действительно оказывал египетским жрецам всевозможные почести как в Нубии, так и в самом Египте; разумеется, эти почести прежде всего относились к богам, особенно к Амону-Ра, покровителю Фив. Пианхи издал приказ по своей армии: «Когда вы достигнете Фив и будете перед Карнаком, войдите в воду, очиститесь в реке, оденьтесь в лучшие полотняные одежды (а не в шкуры зверей! — *Авт.*), отложите луки и стрелы. Не похваляйтесь чрезмерно силой, — нет могущества у не знающих бога Амона!.. Окропитесь водой от его алтаря, поцелуйте землю перед ним».

Многие правители номов Египта без сопротивления переходили под высокую руку фараона Куша. Но Тefнахт, номарх Саиса, возглавил его врагов и выступил с многочисленным войском на юг, навстречу нубийцам. Пианхи принял вызов и одержал целый ряд побед над Тefнахтом, последовательно захватывая города и номы. При этом он везде старался не допустить эксцессов, поддерживая свою репутацию как защитника порядка и религии, преемника древних фараонов. Подступив к сильно укрепленному и многолюдному Мемфису, он обещал городу в случае добровольной сдачи оставить его в сохранности, население — в здравии, принести жертву богу Пта — покровителю города, а также другим «богам, обитающим

в Мемфисе». Но его ультиматум не был принят, и Мемфис нубийцы взяли штурмом.

Теперь и сам Тefнахт понял, что сопротивление бесполезно, и, верно оценив обстановку и личные качества своего противника, капитулировал. Пианхи обошелся с ним милостиво, как и с другими правителями провинций, которые теперь стали его вассалами.

И вот царь Напаты принимает корону фараонов Верхнего и Нижнего Египта. Египет и Нубия снова объединяются в личной унии; Фивы наряду с Напатой становятся одной из двух столиц новой династии, XXV по египетскому исчислению.

Однако власть Пианхи в Египте была еще очень непрочной, особенно в северных и центральных провинциях. Зদেশние правители призывают на помощь Ассирию, которая первой в истории претендует на роль мировой державы.

Шабака, ближайший преемник Пианхи, на время укрепил свою власть во всем Египте, но тут к его границам на Синае подступили ассирийские войска, посланные царем Синахерибом. В кровопролитных боях на Синае вторжение азиатских войск было остановлено, причем в боях участвовал и сын Пианхи, будущий фараон Тахарка.

При раскопках дворца Синахериба в Ниневии была найдена глиняная булла, которая скрепляла, вероятно, текст договора между Ассирией и Напатой. На булле сохранились оттиски двух печатей: Синахериба и Шабаки (сам документ, к сожалению, сгорел). Не сохранилась или по крайней мере не найдена его копия на египетской или нубийской территории. Но сам факт заключения мирного договора можно считать установленным.

Тахарка вступил на престол после смерти Шабаки в 690 г. до н. э. С первых лет царствования он продолжал борьбу с Ассирией. Сначала его чернокожие армии достигли временного успеха, но в 671 г. потерпели решительное поражение. Ассирийские полки царя Асархаддона разгромили войска Тахарки, захватили Нижний Египет, Мемфис, Фивы и вышли на границу с Нубией. Тахарка бежал на

юг, в Напату, где его положение было намного прочнее, чем в Египте.

Ассирийцы присоединили к своей державе одну из древнейших стран мира и, может быть, помышляли о дальнейших завоеваниях на Африканском материке. Из Египта в Ниневию были доставлены статуи фараонов, в том числе самого Тахарки, и выставлены для всеобщего обозрения в городских воротах. Там и нашли их современные археологи. В надписи на стеле Асархаддон велел изобразить Тахарку в виде своего пленника, стоящего на коленях с веревкой на шее. Это, конечно, только символическое изображение, потому что нубийский фараон никогда не был в ассирийском плену, однако оно говорит, может быть, о намерениях Асархаддона. Недаром царь на той же стеле именует себя царем не только Верхнего и Нижнего Египта, но и Куша.

Цари Напаты не прекратили борьбы. Они продолжали интриговать в Египте, посылали туда войска, готовили восстания против ассирийского владычества. Ашшурбанипал, преемник Асархаддона, дважды посылал в Египет свои войска, чтобы поддержать ассирийское владычество в этой стране и власть своих вассалов — преемников того самого Тefнахта, которого в свое время пощадил Пианхи. У нубийских владык было очень мало шансов выиграть борьбу, но дела на севере приняли вскоре новый оборот: среди азиатских держав у Ассирии появились могучие соперники, каждый из которых стремился к мировому господству. В конечном счете победила Персия, но пока что эти государства привели Ассирийскую империю к распаду.

Правители Саиса, потомки Тefнахта, сумели между тем объединить Египет и восстановить его самостоятельность. Так началось правление XXVI династии Древнего Египта. Уже второй из ее фараонов, Псаметик II, царствовавший в конце VII в. до н. э., сумел не только отбросить нубийцев за I порог, но и захватить Северную Нубию, бывшую страну Вават. Его войска состояли из наемников — уроженцев Средиземноморья: ливийцев, евреев, греков,

карийцев из Малой Азии. Сам фараон, как и его предки, был ливийского происхождения; покровительствовал он и грекам, как искренний эллинофил. При нем греческие купцы, наемники, ремесленники массами прибывали в Египет. Они горой стояли за своего фараона и участвовали в походах против нубийцев. На колоссальной статуе у входа в храм Абу-Симбел сохранилась архаичная греческая надпись времени Псамметика II, сына и преемника Псамметика I: «Когда царь Псамметик прибыл в Элефантину (крайний юг Египта. — *Авт.*), люди, бывшие с Псамметиком, сыном Теокла, написали это. Они поднялись выше Керкиса до места, где перестает [быть судоходной] река (т. е. до II порога Нила. — *Авт.*). Потасимто командовал наемниками, Амасис — египтянами». В египетских Фивах, в храме богини Мут, сохранились рельефы на каменных плитах, изображающие речные суда, доставившие в Египет золото и скот из Нубии. Во главе флотилии находился корабль Амона-Ра Фиванского, которым командовал Самтауи-Тэфнахт, «начальник кораблей» Псамметика. Трудно сказать, была ли это дань или военная добыча. Во всяком случае Северная Нубия вплоть до II порога стала подвластна фараонам Египта.

Впрочем, напатские цари по-прежнему считали себя и египетскими фараонами. Они ждали часа, когда смогут на практике осуществить свои претензии на египетский престол.

Предание, записанное в Элефантине в V в. Геродотом, рассказывает о бунте, устроенном здесь если не при участии напатского царя, то во всяком случае в его интересах. Геродот говорит: «Египетские военные люди... при царе Псамметихе (Псамметике I. — *Авт.*) составляли в городе Элефантине гарнизон... Египтяне прослужили было три года в гарнизоне, но никто не сменил их. Тогда они обсудили свое положение, по общему решению отложились от Псамметиха и перешли в Эфиопию (Судан. — *Авт.*)... Затем они пришли в Эфиопию и предались во власть эфиопскому царю (царю Напаты. — *Авт.*), а тот наградил их так: некоторые из эфиопов были с царем во вражде, он предоставил египтянам изгнать их, а землю

заселить самим. С переселением египтян к эфиопам эти последние стали более благодушны, усвоив египетские нравы».

Это предание бытовало и позднее, когда в Нубию проникли первые греческие путешественники. Они сообщали о том, что потомки египетских «перебежчиков» еще жили в то время южнее Мероэ, на расстоянии от 13 до 30 дней пути вверх по Нилу. Одним из центров их территории был город Даро. В IV в. надпись аксумского царя Эзаны упоминает Даро как большой «город из кирпича», один из трех крупнейших городов Мероитского царства.

У нас нет оснований сомневаться в том, что при Псаметике I или его преемниках в Южную Нубию переселились какие-то «перебежчики» из Египта. Вскоре (об этом говорит и Геродот) они смешались с местным населением, еще больше усилив египетский культурный элемент в древнем Судане.

Предание о «перебежчиках» свидетельствует и о другом — о расширении на юг древней нубийской, вернее, нубийско-египетской цивилизации. К VI в. до н. э. южные границы царства Куш отодвинулись до Сеннара и Кости, соответственно на Голубом и Белом Ниле. Самый центр государства теперь сместился к югу. Между V и VI порогами Нила вырос новый большой город Мероэ, который наряду со старой Напатой стал второй столицей страны. Напата с ее храмами и дворцами все больше превращалась в религиозный и культурный центр, а Мероэ, раскинувшийся на обоих берегах Нила близ впадения в него Атбары, в узле речных и караванных дорог, окруженный широкими орошаемыми полями, железными рудниками и плавильными печами, становился процветающим экономическим центром.

На юге возникали и другие города, в том числе упомянутый выше Даро, Алва-Соба близ Хартума, Сеннар, Нага на востоке страны, вдали от Нила, на границе пустыни. Городское строительство направлялось государственной властью и храмовой администрацией, иначе оно не могло бы осуществляться столь интенсивно и целенаправленно.

Государство и храмы предпринимали также необычные по африканским масштабам строительные работы и мероприятия по улучшению сельского хозяйства. Это звучит слишком современно, но иначе, пожалуй, не скажешь, когда вспомнишь об оросительных каналах, рощах финиковых пальм, посаженных по приказу царей, и первых в стране виноградниках, заложенных по приказу Тахарки. На десятом году своего царствования этот нубийский фараон мог с гордостью заявить: «Выжато вина из виноградников этого города (Напаты. — *Авт.*) больше, чем в Джеджес» (из виноградников египетского оазиса Бахрия. — *Авт.*). Для этого Тахарка поселил в своей столице «отменных садовников из Азин», т. е. опытных в виноградарстве и виноделии жителей Передней Азии и египетской Дельты Нила. Вероятно, для разведения финиковых рощ в Нубию переселились жители Верхнего Египта, славящегося своими пальмами.

В царских дворцах и храмовых хозяйствах были нужны специалисты-ремесленники; их также переселяли в Нубию в качестве военнопленных или отправляли сюда в ссылку за те или иные преступления. Переводили в Судан и жрецов, уличенных в неблагонадежности по отношению к фараонам-нубийцам, и представителей старой древнеегипетской или египетско-ливийской знати. Тахарка, например, отдал в услужение в храм Амона Гемпатонского (в Напате) жен мятежных правителей Дельты, тяготевших к Ассирии и ливийцам. Здесь эти знатные дамы стали храмовыми танцовщицами и в то же время заложницами на случай мятежей их супругов.

И наконец, в Нубии трудились писцы, изучившие сложное древнеегипетское иероглифическое письмо, знакомые с математикой, т. е. счетом и практической геометрией. Таких специалистов готовили в школах при храмах, но лучшие храмовые школы находились в Египте.

Подавляющее большинство писцов и жрецов Напатского царства носит египетские имена. Значит, по происхождению они либо уроженцы Египта, либо близкие потомки египетских колонистов. Эти люди в основном и являлись создателями дошедших до нас произ-

ведений напатского искусства, которое носило ярко выраженный религиозный и официальный характер; что касается народного искусства, то о нем судить очень трудно: так мало сохранилось его произведений (в основном ремесленных изделий).

Архитектура, скульптура, живопись, литература, религия, аристократический быт Напаты имеют иноземный, египетский вид, а автохтонные элементы ассимилированы древнеегипетской культурой. Впрочем, можно различить и некоторые местные особенности, заметные уже в архитектуре и росписи некоторых храмов и гробниц египетской колониальной знати в Санабе (эпоха Нового Царства). В период Напаты местные черты в изобразительном искусстве понемногу усиливаются и появляются первые особенности в литературе (собственно говоря, в царских надписях на древнеегипетском языке). Но все это еще не национальное искусство, а провинциальный стиль древнеегипетского. Только в более поздний период, когда центр государства переместился в Мероэ, древняя нубийская культура становится более оригинальной и менее древнеегипетской. Наряду с египетскими элементами возрастает число азиатских и европейских по происхождению (индийских, семитских, греческих, римских и пр.), местных и, наконец, новых, развившихся из взаимодействия всех этих элементов на суданской почве в новых исторических условиях.

Однако не следует преувеличивать значение египтян в жизни Напаты и Мероэ. Об этом прекрасно сказал известный русский востоковед Б. А. Тураев (он, кстати, первым в мире ввел в университетскую программу курс истории Напаты, Мероэ и Аксума, а в свой учебник истории Древнего Востока — соответствующие главы): «Только немногочисленные чиновники, художники, да некоторые жрецы напатского храма были, по возможности, египтянами или египетски образованными нубийцами, необходимыми для поддержания связи с культурой и для придания двору, религии и управлению египетского облика»¹.

¹ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 2. Л., 1935, стр. 175.

Позднее, в мероитский период, процент египтян даже среди верхов населения Нубии был еще меньше. Древняя нубийская культура приобрела свое неповторимое лицо. Мероитский язык стал письменным. Для него был изобретен особый алфавит, причем начертания знаков копировали египетскую иероглифику. Наряду с мероитским оставался в употреблении древнеегипетский язык, но лишь как язык религии и высокого официального стиля. В последние века существования Мероитского царства, когда оно уже клонилось к упадку (II—IV вв.), древнеегипетская иероглифика начала забываться, надписи делались небрежно и стали почти непонятны. Но в VII—IV вв. до н. э. до этого было еще далеко.

Сама древнеегипетская цивилизация начала быстро видоизменяться как раз в то время, когда центр Нубии переместился из жреческой, консервативной Напаты в торгово-ремесленный Мероэ. В Нубии перемещение экономического и политического центра страны было связано с более глубоким, чем прежде, хозяйственным освоением богатых южных районов, где были расположены тучные пастбища и орошаемые дождями пашни, залежи железных руд, золотые россыпи, леса, дававшие ценную древесину, ароматические смолы, экзотические плоды. Этот процесс можно характеризовать также и как распространение древней цивилизации на юг, и как экономическое, политическое и культурное объединение средней долины Нила, где расположена Нубия.

В то же время на севере, на Ближнем Востоке, происходил аналогичный процесс в более грандиозных масштабах и на более высоком уровне. Здесь развитие общества зашло настолько далеко, что отношения между классами достигли острого антагонизма. Основной эксплуатируемый класс — крепостное крестьянство производило для господствующего класса и общества в целом почти все продовольствие, выполняло большую часть строительных работ, в военное время несло все тяготы походной жизни в ополчении и вспомогательных отрядах. Крепостные крестьяне Ассирии и Египта не желали трудиться и умирать за интересы «своих» эксплуататоров, в гибели

«своего» государства они видели лишь перемену хозяев, может быть, даже к лучшему. Стало объективно возможным политическое объединение Ближнего Востока. Однако Ассирии эта задача была не под силу.

В конце VI в. до н. э. на Ближнем Востоке возникает первая в истории мировая держава — Персидское царство Ахеменидов. В 525 г. второй царь этой династии, Камбиз, покорил Египет. В следующем году он двинул свои войска вверх по Нилу на Мероэ. Одновременно часть персидской армии была послана на запад, чтобы захватить оазис Сива — ключевой пункт для проникновения в Ливию, Карфаген и Кирену — греческую колонию в Африке.

Геродот рассказывает, что Камбиз сначала послал в Мероэ соглядатаев из рыбаков острова Элефантины, крайнего на юге пограничного пункта Египта: эти люди знали мероитский язык. «Камбиз послал их к эфиопам (т. е. мероитам. — *Авт.*) с поручением сказать царю, что нужно, и поднести ему в дар пурпурное платье, золотую цепь на шею, браслеты, алебастровый сосуд с миррой и кувшин пальмового вина... Однако эфиопский (мероитский. — *Авт.*) царь понял, что к нему явились соглядатаи... Сogлядатаи отправились в обратный путь. Рассказы их привели Камбиза в ярость, и он немедленно стал готовиться к походу... Прибывши во время похода в Фивы, он отделил от своего войска 50 тыс. человек, поручил им поработить аммониев (берберов оазиса Амона, или Сива. — *Авт.*)... а сам с остальным войском продолжал поход на эфиопов. Войско не прошло еще пятой части пути, когда все имевшиеся у него съестные припасы были истощены. После этого воины стали есть выючный скот, пока и он не истощился... Но он не обращал никакого внимания на препятствия и продвигался вперед. Пока солдаты могли добывать что-нибудь с полей, они питались зеленью и тем спасали себя от смерти. Но по вступлении в пустыню некоторые из них учинили ужасное дело: съели по жребию каждого десятого из своей среды. Узнавши об этом, Камбиз испугался... и повернул назад».

Многое в сообщении Геродота явно легендарно или крайне тенденциозно, но он, несомненно, передает правильно самый главный факт: персидское войско в походе против нубийцев испытывало страшные лишения. И если к этому прибавить сопротивление отважного черного народа, засевшего в таких неприступных крепостях, как тысячелетний Ибрим, и поражавшего захватчиков градом стрел, то станет ясно, какие огромные потери несли персы. Не выдержав лишений и сопротивления мероитов, они отступили на территорию Египта.

Такой же неудачей закончился поход против аммониев: войско персов было засыпано песчаной бурей, налетевшей из Сахары. Но ливийцы и киренские греки признали себя подданными Камбиза.

Огромная империя, простиравшаяся от границ Индии и Казахстана до Греции и Ливии, не смогла покорить африканских и европейских народов на своих западных и юго-западных рубежах. Греки и скифы в Европе, нубийцы в Африке остановили экспансию персов, действуя совершенно независимо друг от друга, но против общего врага. Однако им не удалось избежать культурного влияния персов и завоеванных ими народов; рождалась великая синтетическая цивилизация, созданная разноплеменными подданными первой мировой державы.

При Камбизе и его преемниках (Дарии I, Ксерксе и Дарии II) в Египет хлынули нескончаемым потоком выходцы из разных стран Азии — от берегов Эгейского моря до Хорезма и Персидского залива.

На Элефантине население было особенно смешанным. По свидетельству Геродота, часть острова населяли «эфиопы», т. е. нубийцы, другую часть — египтяне. Здесь же находился поселок евреев, составлявших местный гарнизон. В особых кварталах жили арамен и финикияне. Были здесь и греки (сам Геродот также посетил Элефантину), карийцы (вблизи Элефантины найдено больше карийских надписей, чем в самой Карию), персы — новые хозяева страны. В этом «Вавилоне» можно было найти и вавилонян. Да и кого здесь только не было! Африка, Азия и Европа смешивались и сливались

воедино на маленьком островке посреди Нила. А ведь Элефантина в течение тысячелетий была главным местом встреч Египта и Нубии.

На государственной судовой верфи в Мемфисе трудились люди из самых различных стран, входивших в мировую Персидскую державу, в том числе из Каспианы (на южном берегу Каспийского моря) и Хорезма. Вероятно, это были первые представители Средней Азии на африканской земле. Они также внесли известный вклад в тот культурный синтез, который начался на Ближнем Востоке в эпоху Ахеменидов¹ и завершился в эллинистический период. Самым существенным из его итогов являлся невиданный прежде культурный подъем во всех частях древнего мира, вступивших в интенсивнейший обмен духовными и материальными ценностями. Создалась единая древняя мировая цивилизация от Испании и карфагенских колоний в Марокко до Индии и Средней Азии, не исключавшая ни разнообразия во многих частностях, ни дальнейшего развития местных традиций.

Но, как мы увидим выше, этот процесс коснулся лишь небольшой части Африки южнее Сахары, в основном Нильской Нубии и Северной Эфиопии, притом в сравнительно позднее время и в ограниченной степени. Основная часть Тропической Африки, лежащая за морем песков Сахары и на далеких океанских берегах, имела очень слабые связи с зонами мировых империй даже в период эллинизма, тем более в древнейшие времена, до того как цивилизации Азии, Египта и Средиземноморья слились в составе мировых держав.

¹ Сближение цивилизаций Ближнего Востока друг с другом заметно еще в середине II — середине I тысячелетий до н. э. В это время арамейский язык становится общим языком народных масс Ассирийской державы. Знали его и привилегированные слои, хотя они сохраняли в быту и в официальной практике традиционные древние языки: ассирийский, вавилонский, иврит и др. В то же время арамейский язык стал языком дипломатии всего Ближнего Востока: его изучали в Египте, Малой Азии, Иране.

Египтяне в стране благовоний

Древние египтяне раньше других народов Средиземноморья начали совершать не только сухопутные походы, но и морские плаванья в пределы Черной Африки. Целью их экспедиций была страна благовоний, «Страна Бога» — Пунт. Она занимала в основном территорию современного Сомали.

Египтяне Древнего Царства считали Пунт крайней землей на востоке. По их представлениям, там начинали свое движение небесные светила, они же — боги. Бога-барааи Амона величали князем Пунта, богиню-корову Хатор — госпожой и владицей Пунта, а бога-сокола Гора — священной утренней звездой, восходящей на запад от страны Пунт. Эту землю называли еще Та-Нутер («Страна Бога»).

В древнеегипетской священной «Книге Ночи» изображение обезьян-бабуинов сопровождается следующим пояснением: «Они — дети бога Ра. Их имя — бенту. Их город — страна Пунт. Они спят в краю Обезьяньих Лиц, близ страны Утнет и Восточного моря».

Первая известная нам экспедиция в Пунт была направлена фараоном IV династии Снофру (около 2900 г. до н. э.). Один из сыновей Хуфу (или Хеопса, самого знаменитого из фараонов IV династии) имел пунтийского раба.

Во времена V и VI династий плавание египтян в Пунт продолжались. Второй фараон V династии, Сахура, направил в Пунт огромную флотилию, которая привезла сказочное богатство: 80 тыс. мер благовонной мирры, 2600 стволов ценного дерева, вероятно эбенового, 6 тыс. весовых единиц электрума — золота в естественном сплаве с серебром, как оно обычно встречается в Северо-Восточной Африке. Кроме этого, экспедиция доставила своему фараону камедь, ладан и другие ароматические смолы.

Восьмой фараон этой династии, Асеса (около 2550 г. до н. э.), также, очевидно, посылал экспедицию в Пунт. Имя Асесы высечено на скале у Вади-Хаммамат, где в период Древнего Царства прохо-

дила дорога из Верхнего Египта к побережью Красного моря: то было сухопутное начало морского пути в «Страну Бога».

Примерно через полстолетия была высечена на камне надпись вельможи Хуэфхора. Она гласит, что фараон VI династии Пиопи II обещал Хуэфхору награду, большую, чем Асеса дал своему вельможе Бурдиду, когда тот привез в Египет карлика из страны Пунт.

Пиопи II, царствовавший целых 100 лет (около 2500—2400 гг. до н. э.), послал в Пунт значительную флотилию под командованием флотоводца Себни. Она привезла золото, слоновую кость, ладан, камедь, леопардовые шкуры. В период VI династии плавание в Пунт становятся обычным делом. Одна из надписей времени Пиопи II рассказывает о флотоводце Хнумхотепе из Элефантины, который вместе с кормчим Хви II раз плавал в Пунт. Из этой надписи видно, как часто жители Восточной пустыни, лежащей между Нилом и Красным морем, препятствовали путешествиям из Египта в Пунт. По-видимому, они сами занимались торговлей товарами Пунта и боролись с конкуренцией фараонов.

Более поздняя надпись из Вади-Хаммамат сообщает, что фараон XI династии Ментухотеп (XXI в. до н. э.) послал в Пунт казначея Хену, чтобы доставить в Египет благовония, собираемые «вождями Красной Земли» (Красноморское побережье Африки). Кроме того, он должен был доставить из пустыни «камни для статуй богов». Хену сопровождало 3 тыс. воинов из Верхнего Египта. Экспедиция была прекрасно организована и снабжена всем необходимым. Она двинулась по суше вдоль Вади-Хаммамат к побережью Красного моря. Здесь был построен корабль, который совершил успешное плавание в Пунт и вернулся «с продуктами той земли». В заключение Хену говорит: «Потом, вернувшись от моря, я исполнил поручение его величества и доставил ему все дары, полученные мною в Земле Бога».

Обратите внимание: между эпохой Пиопи II и царствованием Ментухотепа IV — более чем трехсотлетний перерыв в морских сношениях Древнего Египта с Пунтом. Собственно, речь идет о прямых

сношениях, потому что товары из Пунта продолжали доставляться на север через посредство неизвестных купцов.

После Ментухотепа наступает новый, более короткий перерыв. Затем Аменемхет II (1934—1896 гг. до н. э.) возобновляет экспедиции в Пунт. Он послал в эту страну своего вельможу Хентехетура, который благополучно возвратился в Египет и посвятил богам благодарственную надпись. Сын Аменемхета Сенусерт II (1896—1887 гг. до н. э.) также отправил в Пунт экспедицию.

Египетские писатели той поры делают Пунт местом действия своих произведений. Около 1900 г. до н. э. неизвестный автор сочинил сказку, в основу которой легли древние мифы о царстве мертвых. Записана эта сказка на свитке папируса, который хранится теперь в Эрмитаже. Повествование начинается с рассказа о корабле, возвращающемся из Пунта в Египет. Родина уже близко, опасное и трудное плавание близится к благополучному окончанию. На борту корабля моряки ведут беседу, и один из них вспоминает, как в прошлые годы он чуть не погиб во время плаванья в Пунт. Корабль, на котором он находился, потерпел кораблекрушение, вся команда погибла, а самого рассказчика море выбросило на остров. Здесь жил огромный бородатый змей, повелитель Пунта. Брови его были из камня лазурита (весьма ценимого на Древнем Востоке), чешуя — из чистого золота; борода необычайной длины свидетельствовала о старости мудрого змея. Моряк натерпелся страху, но сумел разжалобить змея. Повелитель Пунта не только не погубил потерпевшего кораблекрушение, но и снабдил его всем необходимым для путешествия и бесценными богатствами своей земли. После нового плаванья, совершенного в одиночку, моряк благополучно вернулся на родину.

В XVIII—XVI вв. до н. э. наступил новый перерыв в сношениях древних египтян с Пунтом. Пунтийские товары по-прежнему прибывали в Египет, но доставляли их иноземные торговцы, «передая от одного к другому», как говорят древнеегипетские надписи. Только с конца XVI в. плаванья в Пунт возобновились.

В 1516 г. до н. э. на Красном море появилась египетская флоти-

лия, состоявшая из пяти 30-весельных кораблей. Они плыли в Пунт по приказу царицы Хатшепсут. Один из кораблей вез огромную каменную статую царицы, которую собирались установить в далекой южной стране. Флотилия пересекла Красное море с севера на юг, прошла Баб-эль-Мандебский пролив и вышла в Аденский залив. «Держать на восток!» — приказал капитан флагманского судна, и эти слова были впоследствии высечены на стене египетского храма Дейр-эль-Бахри. Обнаруженные в этом храме превосходные барельефы снабжены подписями, которые рассказывают об экспедиции в Пунт:

«Прибытие к горным террасам мирры. Взяли они мирры, сколько хотели. Нагружают они корабли, пока не удовлетворится сердце их, живыми мировыми деревцами и всякими прекрасными произведениями этой чужеземной страны... Жители Пунта ничего не знали о египтянах... [Жители Пунта спрашивают]: «Каким образом достигли вы этой страны, неведомой египтянам? Спустились ли вы по небесным путям, или плыли вы по воде, по неизведанному пространству страны бога?» Устройство лагеря для царского посла с его воинами на горных террасах мирры, расположенных в Пунте, по обе стороны моря, чтобы принимать вождей этой страны. Доставлены им хлеб, пиво, виноградное вино, мясо, фрукты и всевозможные другие вещи, имеющиеся в стране Та-мери [Египте], соответственно приказу царского двора. Прибыл вождь Пунта и принес с собой дань к берегу моря. Пришли вожди Пунта и склонились головами своими, чтобы принять царских воинов. Воздали они хвалу владыке богов Амону-Ра... Путешествие по морю и благополучное прибытие и радостное причаливание к Карнаку воинов владыки обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта. — *Авт.*) в сопровождении вождей Пунта... Вожди Пунта говорят: «Мы просим милости у ее величества. Привет тебе, царица Та-мери, ты солнце, сияющее подобно небесному диску, владычица обширного Пунта, дочь Амона, царица!...»

Экспедиция доставила из Пунта в Египет необработанное золото и золотые кольца, изготовлявшиеся пунтянами, всевозможные благовония, цветные поделочные камни, ценные породы дерева, слоно-

вую кость, леопардовые шкуры и живых зверей, а также «жителей Пунта с их детьми». Мирровые деревья в больших глиняных горшках были выставлены на террасах храма.

При фараоне Тутмесе III, муже и преемнике Хатшепсут, была отправлена еще одна грандиозная экспедиция в Пунт. Это произошло около 1480 г. до н. э. В плавании приняла участие тысяча человек, привезших в Египет богатый груз товаров.

При последних фараонах XVIII династии, преемниках Тутмеса III, плавания в Пунт прекращаются, но возобновляются снова во времена следующей, XIX династии. Фараоны Хoremхeб, Сети I, Рамсес III и Рамсес IV посылали в Пунт корабли, причем в экспедиции Рамсеса III (около 1180 г. до н. э.) участвовала снова тысяча человек. Хoremхeб вел военные действия в Пунте, пытаясь покорить эту страну силой оружия. Он похвалялся, что «привел в трепет» местных вождей. Но в середине XII в. до н. э. сношения Египта с Пунтом прекратились на целых 900 лет.

Трудно сказать, насколько сильное влияние на древних пунтян оказали их контакты с передовым по тому времени народом — египтянами. Несомненно, обмен с Египтом способствовал усилению поисков драгоценных металлов и драгоценных камней, добыче слоновой кости и камеди, которых требовали пришельцы. Но все это добывалось в Пунте и до прибытия сюда египтян под влиянием более ранних, косвенных связей с цивилизациями Северной Африки и Азии. Пунтяне добывали все перечисленные выше товары не для себя, а для продажи за морем. Общественный строй Египта, его государственность, письменность, ремесла не могли оказать существенного влияния на Пунт, население которого стояло на неизмеримо более низкой ступени развития. Судя по древнеегипетским источникам, пунтяне занимались скотоводством, разводили коров и ослов, одевались в шкуры, имели крайне незамысловатое оружие. Возможно, географический кругозор пунтян расширился, особенно тех, кого египтяне возили в свою страну; однако проходили века, и из памяти народа стирались последние следы знаний, полученных из-за моря.

Зато в Египте, где существовала письменность, где развивались наука и научная традиция, плавания в Пунт не были полностью забыты. По следам ранних мореходов отправлялись новые, каждый раз открывая снова берега Сомали.

Проникновение в Африку древних семитских народов

Древние семиты населяли территорию современных арабских стран Азии. От Африки они были отделены лишь узким Красным морем и еще более узким проливом Баб-эль-Мандеб. Можно предполагать, что еще в незапамятные времена мореходы Аравии плавали к африканским берегам, а рыбаки и мореходы Северо-Восточной Африки в свою очередь посещали берега Йемена, Хиджаза, Хадрамаута. К сожалению, все достоверные сведения об этом не старше V в. до н. э.

Зато из древних аккадских и шумерских текстов можно понять, что в землю Пунт проникали жители страны Маган, лежавшей на востоке Аравии. Территорию Пунта маганцы называли Мелухха. Шумерская и аккадская клинописи сообщают нам, что в III тысячелетии до н. э. горная страна Мелухха поставляла в Месопотамию порфир — излюбленный поделочный камень шумеров, ценные сорта дерева, благовония и другие редкие товары. Мало того, чернокожие обитатели Мелуххи — «народ черной страны» — сами прибывали на своих судах в Месопотамию, поднимаясь вверх по Тигру и Евфрату!

Во II—I тысячелетиях до н. э. название «Мелухха» было перенесено с территории Пунта на Восточный Судан, или Куш. Эту страну называли также Кас или Касу; с прежней Мелуххой она не имела ничего общего. Такое смешение названий произошло потому, что связи Месопотамии с Кушем заняли место прежних торговых связей с Мелуххой-Пунтом, центр же этих контактов переместился в Египет.

Интересно, что Библия, по-видимому, избежала этой путаницы. Она знает Куш, находящийся по соседству с Египтом, и Офир, находящийся недалеко от Южной Аравии — Сабы. В Офире можно узнать область Афар, или Данакиль, лежащую к северу от Сомали. Офир — это почти Пунт.

Предприимчивые финикияне торговали по всему Средиземноморью экзотическими товарами Тропической Африки. Боевые колесницы и дорогая мебель Угарита, греческих Микен и Пилоса, Хеттской империи и других государств украшались африканской слоновой костью и эбеновым деревом, ладан и мирра из Пунта воскурялись в храмах и дворцах. В начале VII в. до н. э. греческий поэт Мимнерм называл сомалийский ладан тирским товаром, по имени финикийского города Тира, сосредоточившего торговлю этим продуктом в своих руках. Видимо, финикияне получали африканские товары по суше от египтян или арабских купцов, водивших караваны верблюдов. Таким образом, арабы еще больше финикиян богатели на этой торговле.

Нетрудно догадаться, что прибыли древнеарабских купцов не давали покоя финикиянам, и те пожелали сами проникнуть в страну Пунт, к сказочным богатствам. Но как это сделать? По суше невозможно. Здесь господствовали египетская держава и племена пустынь, которые не потерпели бы вторжения конкурентов. Морем? Но через Средиземное море и Атлантику, где у финикиян уже в XII в. до н. э. появились торговые колонии, путь к берегам Тропической Африки был слишком далек, а выхода к Красному морю Финикия не имела. . .

Оставалось одно: попытаться организовать экспедицию с помощью одного из государств, которым принадлежали порты на Красном море. И действительно, источники сообщают о двух предприятиях такого рода.

Первое из них описано в Библии. Здесь рассказано о том, как тирский царь Хирам и царь Израиля Соломон послали в Офир свои корабли. Вот как об этом рассказывает Библия:

«Царь Соломон также сделал корабль в Эцион-Гебере, что близ

Элата, на берегу Красного моря, в земле Идумейской. И послал Хирам своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота 420 талантов, и привезли царю Соломону... Вдобавок к этому корабли Хирама, доставившие из Офира золото, привезли также много эбенового дерева и драгоценных камней... Ибо у царя был на море таршишский корабль [вместе] с кораблем Хирамовым; раз в три года приходил таршишский корабль, привозивший золото, и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (вариант — «рабов»).

«Таршишский корабль» — это финикийский корабль дальнего плавания; такие корабли ходили из Финикии в испанскую страну Тартес, или Таршиш, лежащую на берегу Атлантического океана. Следовательно, «таршишские корабли» представляли собой тогдашние океанские лайнеры, пригодные для плавания в далекую африканскую страну Офир.

Сразу же возникает вопрос: почему в красноморском порту Эцион-Гебере, лежащем на берегу Акабского залива и принадлежавшем царю Соломону, оказались корабли финикийского царя Хирама? Как это израильтяне, типичный сухопутный народ, построили корабль и решились выйти в море?

Ответ прост: Хирам попросил у Соломона предоставить свой порт финикиянам для плавания в Офир. За это финикияне передали ему один из двух «таршишских» кораблей, выстроенных ими в Эцион-Гебере, вероятно, из дерева, доставленного с гор Ливана, и других материалов, привезенных караванами из города Тира, где царствовал мудрый Хирам. Финикияне также укомплектовали переданный Соломону корабль своей командой, сам же царь Израиля ограничился тем, что направил на корабль своих доверенных лиц. И вот около 945 г. до н. э. оба судна отплыли из Эцион-Гебера и двинулись на юг по Акабскому заливу и Красному морю. Плавание в Офир прошло успешно, и огромные богатства, доставленные финикийскими моряками, позволили Соломону с невиданной роскошью украсить первый

Иерусалимский храм, построенный незадолго до того. А ведь 20-летнее строительство храма обошлось израильскому царю настолько дорого, что он вынужден был продать или заложить тому же Хираму множество деревьев на севере Палестины! Теперь же финансовое положение израильского государства сразу поправилось. Надо сказать, что золото и эбеновое дерево из Офира доставлялось в Палестину и прежде, вероятно арабами. Недаром легенда рассказывает, что южноаравийская царица Савская доставила Соломону разные экзотические товары, в том числе африканского происхождения. Еще библейское повествование о царствовании Давида, отца Соломона, впервые упоминает офирское золото около 1000 г. до н. э., а еще раньше, во времена XVIII династии фараонов Египта, африканское золото доставлялось в страну Митанни, на севере Ирака.

Позднее плавание финикиян в Офир, видимо, прекратилось. Библия сообщает, что около 860 г. до н. э. израильский царь Иосафат «сделал корабли на море, чтобы ходили в Офир за золотом; но они не дошли, ибо разбились в Эцион-Гебере». По-видимому, Иосафат не мог или не пожелал воспользоваться услугами финикийских судостроителей и моряков, поэтому его и постигла такая неудача.

В самом начале VI в. до н. э. финикияне снова решили воспользоваться иноземной гаванью на Красном море, чтобы проникнуть к берегам Тропической Африки. Об этом услышал от образованных египтян знаменитый «отец истории» Геродот, побывавший на берегах Нила в V в. до н. э. Он сообщает, что фараон Нехо, начавший строительство канала, соединявшего Нил с Красным морем, в то же время «отправил финикиян на судах в море с приказанием плыть обратно через Геракловы столбы (т. е. Гибралтарский пролив. — *Авт.*), пока они не войдут в северное море (Средиземное море) и не придут в Египет. Финикияне отплыли из Эритрейского моря (Красного моря) и вошли в южное море (Индийский океан). При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии (Африки) ни высаживались, засевали землю и дожидались жатвы; после уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на

третий год они обогнули Геракловы столбы и возвратились в Египет. Рассказывали также, чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии финикияне имели солнце с правой стороны». «Какие небылицы! — поражаются древние греки. — Где это видано, чтобы солнце было на северной (правой при движении на запад вокруг мыса Доброй Надежды), а не на южной стороне неба!» Однако для нас этот феномен является лучшим подтверждением истинности беспримерного плавания.

Следуя на своем корабле (или нескольких кораблях) вокруг Африки по Красному морю, Аденскому заливу, Индийскому океану, Атлантике и Средиземному морю, финикийские мореходы прошли расстояние 25 тыс. км! Это случилось примерно в 596—594 гг. до н. э. Когда отважные моряки миновали берега современной Мавритании, где волны Атлантики встречаются с песчаными дюнами Сахары, они вступили в уже исследованные воды.

Еще в XII в. до н. э. финикийские моряки вышли из Средиземного моря в Атлантический океан. Здесь, на атлантическом берегу Африки, они основали город Сеуту. Финикияне исследовали лежащее к югу побережье современного Марокко и открыли Канарские острова и острова Мадейра.

Однако прямая связь Финикии с Тропической Африкой возникала лишь периодически. В VI в. до н. э. библейский пророк Иезекииль, перечисляя страны, с которыми вел торговлю финикийский город Тир, не называет ни Офира, ни Куша, ни другой страны Африки южнее Сахары.

Уже за полтысячелетия до Иезекииля, три тысячи лет назад, северо-западное побережье Африки стало второй родиной финикиян. Здесь возникли многочисленные торговые фактории этого народа, превратившиеся со временем в большие города. Города подчинили себе окрестное берберское население и объединились под властью Карфагена — бывшей колонии Тира.

Африканские финикияне — карфагеняне — жили по соседству с племенами Сахары, соседями негров. Через посредство этих племен

карфагеняне получали некоторые товары, добываемые в Тропической Африке, и направляли туда произведения своих ремесленников. Порой они и сами пытались проникнуть на юг через великую пустыню, но вряд ли жители Сахары пропустили бы через свои земли конкурентов — карфагенские торговые караваны. Однако древнегреческий литератор Афиней (IV в. до н. э.) сообщает о карфагенянине Магоне, который вместе с жителями Сахары — гарамантами совершил путешествие через пустыню. Магон якобы мог обходиться без воды и питаться одним только сухим ячменем. Подобную же легендарную подробность рассказывали и о черноморском греке Аристее, который будто бы совершил путешествие через степи на далекий Алтай. В том и другом случае эта легенда лишь подчеркивает необычайную трудность путешествия.

Карфагеняне знали понаслышке о сказочных богатствах Черной Африки и, конечно, стремились найти к ним дорогу. Кратчайший путь через пустыню был для них закрыт. Оставался морской путь через Атлантику, известный еще во времена фараона Нехо.

Возвращаясь в Египет из плавания вокруг Африки, финикийские мореплаватели не могли миновать Карфаген. Здесь их африканские соплеменники, вероятно, устроили им самую теплую встречу, и, конечно, мореходы рассказали о всех подробностях своего плавания вокруг Африки. Должно быть, старожилы Карфагена еще помнили эту встречу, когда около 525 г. до н. э. из гавани Карфагена отплыла на запад огромная по тем временам флотилия из 60 пятидесятивесельных кораблей. На кораблях помимо экипажа и солдат находились тысячи колонистов, мужчин и женщин, согласных поселиться на атлантическом берегу Африки. Здесь, на западе современного Марокко, были основаны города-колонии, следы которых сохранились до настоящего времени. Самая южная из колоний находилась на острове Керна, вероятно в современном Рио де-Оро. Затем, посадив на суда нескольких представителей местного племени ликситов, которые должны были служить переводчиками карфагенянам, знавшим их берберский язык, флотилия продолжила путь на юг. Должно быть, лик-

ситы вели торговлю со своими южными соседями — неграми и знали их язык. Карфагеняне стремились к далекой горе «Обитель Богов» (иначе «Колесница Богов»), о которой узнали от ликситов. Много дней корабли плыли вдоль берегов Западной Африки, заходя в лагуны, поднимаясь вверх по течению рек. Пустынные ландшафты сменялись саваннами, саванны — тропическими лесами. Следуя за уходящей на восток линией океанского берега, суда продолжили путь в восточном направлении, а затем снова повернули на юг. И вот показалась «Колесница Богов»:

«Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, наполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, превышающий прочие, достигавшие, казалось, до звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей Богов (или «Обителью Богов». — *Авт.*)...»

Да ведь это ночное извержение вулкана! «Обителью Богов» на атлантическом берегу Африки мог быть вулкан Камерун, который местные жители до сих пор зовут Жилищем Богов¹. В феврале и марте 1922 г. при извержении этого вулкана наблюдались те же явления, что и 2400 годами ранее, вплоть до огненных потоков лавы, стекающих из кратера в океан.

От «Колесницы Богов» отважные мореплаватели последовали далее на юг. «Через три дня, проплыв потоки пламени, мы прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В глубине залива был остров, полный диких людей. Более многочисленны были женщины, с телами, покрытыми шерстью. Переводчики называли их гориллами. Мужчин мы преследовали, но не могли поймать, они все убежали, цепляясь за скалы, защищаясь камнями. Трех женщин мы схватили, но они, кусаясь и царапаясь, не захотели следовать за теми, кто их вел.

¹ Надо сказать, что некоторые ученые отождествляют «Колесницу Богов» с относительно небольшой горой Какулима в Сьерра-Леоне, а страшный огонь, поднимавшийся до звезд, — с горением сухой травы, подожженной местными жителями.

Убив их, мы сняли с них шкуры и привезли в Карфаген. Дальше мы не плавали: у нас не хватило припасов».

Это замечательное плавание было совершено под командованием Ганнона, одного из двух царей-суффетов Карфагена. Отчет о путешествии, называемый «Периплом Ганнона», был помещен в храме бога Мелькарта в Карфагене. До нас он дошел в греческом переводе, с большими пропусками, в виде компиляции текстов, в двух разных редакциях.

К сожалению, дошедший до нас текст «Перипла Ганнона» очень мало сообщает о контактах карфагенских мореплавателей с жителями Тропической Африки: «Выше них (ликситов. — *Авт.*) жили эфиопы негостеприимные, по-звериному обитая в стране, пересеченной высокими горами. . . Мы прибыли в озеро, плывя по искосй большой реке, название которой Хретис. . . Проплыв один день, мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди, швыряя камни, наносили нам раны, не давая сойти на берег. . . Мы ничего не видели, кроме леса, а ночью мы видели много зажигающихся огней, и игру двух флейт слышали мы, кимвалов и тимпанов бряцание и крик великий. Страх охватил нас, и прорицатели приказали покинуть остров».

Возможно, речь идет о сигнализации с помощью костров и «говорящих» барабанов.

Исследователи «Перипла Ганнона» обратили внимание на то, что в этом произведении ничего не говорится о богатствах Тропической Африки или дружеских контактах с ее жителями; наоборот, подчеркиваются трудности и опасности пути, искусно создана атмосфера ужаса и безнадежности предприятия. Явно карфагенский автор (или, скорее, «редактор» сочинения) стремится отбить у читателей всякую охоту пускаться в Атлантический океан по стопам Ганнона.

Впрочем, даже если бы такой смельчак и нашелся в одном из греческих, этрусских или карийских городов, ему не удалось бы проникнуть даже к выходу из Средиземного моря в Атлантический

океан. Оба берега Гибралтарского пролива в VI—III вв. до н. э. находились в руках карфагенян, которые бдительно охраняли пролив. Ни один иностранный корабль не мог воспользоваться этой морской дорогой. Тех, кто пытался прорваться через пролив, мечтая получить доступ к олову Британии, янтарю Балтийского моря или к экзотическим товарам Западной Африки, безжалостно топили. Карфаген готов был заплатить любую цену, лишь бы сохранить доходные морские пути в своих руках. Рассказывали о некоем карфагенском судовладельце, который отправился в торговое плавание, но заметил иностранное судно, идущее по его следам. Потопить врага не было возможности, поэтому карфагенский купец посадил свой собственный корабль на мель, чтобы не выдать иноземцу тайны! Государство компенсировало ему потери.

Можно только предполагать, какие еще морские экспедиции совершали карфагеняне у африканских берегов, как далеко они проникали в глубь материка. Геродот слышал от карфагенян, что их флот совершил вслед за финикиянами плавание вокруг Африки, но в обратном направлении — с запада на восток. Позднее римлянин Помпоний Мела приписал этот подвиг Ганнуу.

Карфагенские колонии на атлантическом берегу Африки процветали еще около 300 г. до н. э., когда некий Скилак, вероятно кариец из Малой Азии, написал свой «Перипл». Сам он в Атлантике не был и сведения о ней черпал из рассказов карфагенян. Между прочим, Скилак сообщает о связях карфагенской колонии на острове Керна с «эфиопами» — западноафриканскими неграми. У этих «эфиопов» были якобы даже виноградники, но это, скорее всего, недоразумение: в Западной Африке виноград никогда не разводили. А впрочем, может быть, карфагеняне, большие любители вина, завезли священную виноградную лозу в свои колонии?

К сожалению, раскопки открыли пока еще слишком мало следов карфагенян на атлантическом берегу Африки (в том числе поселение у Могадора на юге Марокко). Возможно, со временем археологи смогут нарисовать убедительную картину смешения и взаимовлияния

финикийской, берберской и негритянских культур в прибрежных районах Западной Африки.

Во всяком случае отсюда карфагеняне получали какую-то, может быть большую, часть своего золота. Геродот слышал от карфагенян, что они выменивают золото у невидимых продавцов, живущих на Атлантическом побережье Африки; большего хитрые карфагеняне не пожелали сообщить, а вместо этого рассказали «отцу истории» сказку о невидимом торговле.

Вероятно, не только мореплаватели из самого Карфагена, но и карфагенские «провинциалы» из Кадикса (в Испании) регулярно совершали плавания на остров Керна. Во всяком случае один древнегреческий писатель слышал в Кадиксе рассказ о том, что в Западной Африке некогда произошло разделение и переселение негритянских племен.

Но судьба карфагенских колоний в Атлантике зависела от судьбы самого Карфагена, который старательно изолировал их от внешнего мира. А участь Карфагена была решена в его войнах с римлянами. В 145 г. до н. э. Карфаген был захвачен врагами и разрушен до основания. Греческий историк Полибий находился в лагере осаждавших город римлян, во главе которых стоял знаменитый Сципион. Вероятно, перед разрушением храма Мелькарта полководец и сопровождавший его историк вошли в древнее святилище Карфагена и нашли здесь отчет экспедиции Ганнона. Может быть, лишь тогда «Перипл Ганнона» и был переведен на греческий язык. И вот по приказу Сципиона в Атлантику вышла римская флотилия. Какую цель она преследовала: повторить подвиг карфагенского царя-суффета или «принять наследство» Карфагена в Западной Африке — об этом Полибий, сопровождавший экспедицию, умалчивает. Он сообщает только о реках, впадающих в океан, очертаниях суши и племенах, обитавших на побережье. Среди них находились и берберы, и «эфиопы», т. е. негры. От реки Бамбот (Сенегал) римляне плыли на юг 10 дней и ночей, пока не достигли Зеленого Мыса. Здесь начиналась Тропическая Африка. Римляне знали, что где-то

далее на юг находилась «Колесница Богов», но плыть туда не решились.

Характерно, что римляне уже не застали ни одной карфагенской колонии на Атлантическом побережье Африки: ни Керны, ни поселения у мыса Кантен, ни других; только, может быть, в городе Муле-лахе, на северо-западе современного Марокко, еще сохранялось карфагенское по происхождению население. Старые колонии африканских финикиян исчезли задолго до гибели великого Карфагена.

Колонисты из Южной Аравии в Африке

Примерно в то же самое время, когда карфагеняне колонизировали берега Южного Марокко, Мавритании, Рио де-Оро, на противоположном, восточном берегу Африки появились поселения родственников им южноаравийских племен. Наиболее известным из них были сабеи. Около V в. до н. э. выходцы из южноаравийских племен проникли на север Эфиопского нагорья и расселились на его просторах вплоть до озера Тана. Их привлекало в этой стране плодородие горных вулканических почв, обильно орошаемых тропическими дождями; огромные стада слонов, гиппопотамов и других диких животных, на которых велась охота; ценное минеральное сырье — вулканическое стекло обсидиан, золото, медь и др.; ароматические смолы — ладан и мирра, а также важные торговые пути. Первые переселенцы из Южной Аравии, вероятно, обрабатывали земли, пасли скот, занимались ремеслами и охотой, чтобы обеспечить себя пищей, одеждой, орудиями труда; но подлинное богатство получали они от занятия торговлей, выступая в качестве посредников между различными африканскими племенами, добывавшими золото, медь, платину, ртуть, обсидиан, полудрагоценные камни, слоновую кость, зубы и кожи гиппопотамов, ценные шкуры леопардов, жирафов, гепардов, львов, ладан, камедь, мирру, пряности, и культурными народами Азии, Северной Африки и Европы.

Многие из переселенцев называли свои деревни старыми привычными именами, которые вывезли с азиатской родины. Так, в Северной Эфиопии появились собственные Либан, Аусан, Хымьяр и сразу несколько Саб (по имени страны Саба и народа сабеев).

Настоящие города появились поздно; колонисты жили отдельными хуторами, группировавшимися вокруг священных холмов с воздвигнутыми на них храмами. Эти храмы, как и следовало ожидать, построены в традициях южноаравийской архитектуры, но отличаются от храмов Йемена и Хадрамаута меньшими размерами. В храмах были собраны произведения искусства: статуй богов, каменные плиты с надписями о посвящении богам, металлические и керамические сосуды с жертвоприношениями. Жрецы знали письменность (пользовались сабейским алфавитом), занимались теологией и астрономией, следили за небесными светилами, чтобы предсказывать земные события. Разработав небесный календарь, они помогали земледельцам определять сроки полевых работ, а купцам — согласовывать свои путешествия по суше и морю с переменной направленности муссонов и наступлением сезона дождей.

Хотя археологическое изучение древней Эфиопии только еще начинается, уже открыто множество храмов, произведений скульптуры, надписей на каменных плитах, алтарях и просто на скалах, выполненных переселенцами из Южной Аравии и их ближайшими потомками. Можно считать доказанным, что к V в. до н. э. в Эфиопию проникло несколько волн переселенцев из Аравии, причем сабеи были сравнительно поздними пришельцами, подчинившими себе как более ранних колонистов, так и коренное население. Есть основания предполагать, что власть мукаррибов — правителей древней Сабы — в V—IV вв. до н. э. распространялась и на часть Эфиопии.

С течением времени аравийские колонисты слились с коренным африканским населением. Так, в ходе дальнейшего этнического развития образовался народ геэз, создавший могучее Аксумское царство (II—IX вв.). Аксумская цивилизация, выросшая из перенесенных на африканскую почву саженцев культуры южноаравийских коло-

нистов, легла в основу культуры средневековой и современной Эфиопии.

Из Южной Аравии Эфиопия получила плуг, многие навыки поливного земледелия, древнесемитскую религию, зачатки научных знаний, даже язык — сабейский, из которого развился геэз и многие современные языки Эфиопии, в том числе амхарский — государственный язык страны. Наконец, нельзя забывать, что южноаравийские колонисты в Эфиопии с самого начала были цивилизованным народом, переживавшим процесс формирования классового общества и государства; поэтому они принесли на свою новую родину элементы более высоких общественных отношений, чем те, которые существовали здесь ранее.

Переселения из Аравии в Эфиопию и в обратном направлении продолжались и позднее. Эти две страны в течение тысячелетий поддерживали разнообразные контакты, образуя своеобразный мост между Азией и Африкой. Одна из древних сабейских надписей, открытая недавно в Южной Аравии, рассказывает о том, что последние сабейские цари в конце II — начале III в. н. э. иногда посылали свои боевые корабли к берегам Эфиопии. Но в то время военный перевес на суше и на море был уже на стороне эфиопов, создавших молодое Аксумское царство. Эфиопские флотилии не только нападали на аравийские берега, но и высаживали здесь десанты. Более того, эфиопы захватили и частично колонизовали целые аравийские провинции на берегу Красного моря и уже отсюда совершали набеги, а порой принимали торговые экспедиции в глубинные районы Аравии. С этого времени добрая треть огромного Аравийского полуострова с его государствами, городами, оазисами и кочевьями бедуинских племен подпадает под политическое и культурное влияние Аксума, который временами превращал целые княжества Йемена и Хиджаза в свои провинции. Эфиопское влияние в Аравии сохранялось вплоть до начала мусульманского движения, и Мухаммед искал помощи у царя Аксума.

Эфиопия не была единственной африканской страной, которая испытала экспансию древних аравийских племен. Надо думать, что

и побережье Восточной Африки — современные Сомали, Кения, Танзания — издавна посещалось моряками из Йемена, Адена и Омана.

Вот что писали в начале III в. об Азании (океанское побережье Кении): «Этой областью, которая на основе древнего права подчинена царству теперешней «первой Аравии» (Южной Аравии. — *Авт.*), управляет наместник Мафарейтиса (город в Южной Аравии. — *Авт.*). От царя имеют право на эту страну с обязанностью платить подать и жители Музы (теперь Моха, знаменитый «кофейный» порт Йемена. — *Авт.*) и посылают туда купеческие суда по большей части с кормчими и командой из арабов, которые связаны дружбой с местными жителями и знают как эти места, так и их язык.

Ввозятся на эти рынки преимущественно вещи местного производства в Музе: копья, секиры, ножи, шилья, различного рода вещи из стекла, а в некоторые места довольно значительное количество вина и хлеба не для торговли, но как средство получить расположение варваров. Вывозится из этих мест много слоновой кости, менее ценной, чем из Адулиса (в Эфиопии. — *Авт.*), и кости носорогов, отличная черепаха... и немного кокосового масла.

Эти строки принадлежат неизвестному греческому купцу из Египта, который в начале III в. составил «Перипл Эритрейского моря» — практическое руководство для купцов. Автор «Перипла» замечает, что к югу от Азании океан не исследован, однако он знает, что этот океан (Индийский) соединяется далеко на юге Африки с Гесперийским морем — Атлантическим океаном. Откуда у него такие сведения? От арабов? Но может быть, в таком случае аравийские моряки уже в древности огибали южную оконечность Африки?

Древние индийцы у африканских берегов

Это случилось в 112 г. до н. э., при царе Египта Птолемеи Эвергете, и рассказано его современником и летописцем греческим историком Посидонием. «Какой-то индеец... был случайно доставлен

к царю береговой охраной из самой впадины Аравийского залива (север Красного моря). Доставившие индийца заявили, что нашли его полумертвым одного на корабле, севшем на мель; кто он и откуда прибыл, они не знают, так как не понимают его языка. Царь же передал индийца людям, которые должны были научить его греческому языку. Выучившись по-гречески, индиец рассказал, что, плывя из Индии, он по несчастной случайности сбился с курса и, потеряв своих спутников, которые погибли от голода, в конце концов благополучно достиг Египта. . . Он обещал быть проводником лицам, назначенным царем для плавания в Индию».

Так египтяне узнали кратчайший путь в Индию.

А индийцы издавна совершали путешествия к африканским берегам (о трагическом конце одного из них и говорит в сущности Посидоний). На легких судах, дождавшись попутного муссона, они распускали паруса и ровным ходом устремлялись на запад, к противоположному берегу Индийского океана. Очень давно они обосновались на острове Сокотра, у самых берегов Африки. Название острова индийское: «Дви́па Сукхата́ра» (Счастливый остров). Рядом же, на север от Сокотры, лежит «Счастливая Аравия», как называли Йемен древние греки и римляне. О сходстве этих названий стоит задуматься!

«Перипл Эритрейского моря» сообщает, что в порты Эфиопии и Сомали регулярно прибывали индийские суда. Они доставляли изделия из прекрасного «индийского железа», очень тонкие индийские ткани, посуду, пряности и даже сахар — тростниковый мед, называемый сахари. Индийские монеты, печать и статуэтки, найденные в Эфиопии, позволяют расширить список древнего индийского импорта в эту страну. Не только в Эфиопии и Сомали, но, вероятно, и в Азании индийские купцы были постоянными и желанными гостями. Есть сведения, что они побывали даже в Мероэ. Следы влияния древнего индийского искусства находят на скульптурах Мероэ и Аксума, даже реформу эфиопского алфавита в IV в. связывают с системой индийского письма брахми.

К сожалению, не сохранилось индийских документов о сношениях с Африкой. Дело в том, что индийцы и цейлонцы, а также древние индонезийцы писали на пальмовых листьях. В условиях влажного тропического климата листья с письменами гнивали, рассыпались в прах, пожирались термитами. Только священные тексты и стихи благочестивых поэтов постоянно переписывались и заучивались наизусть. Поэтому они дошли до нас во многих десятках и сотнях копий. Но кто в древности или в средние века стал бы переписывать торговые счета и завещания каких-то купцов, их записки о торговле и обычаях далеких стран, не знающих «истинной веры»?

* *

*

Период древней истории до середины I тысячелетия до н. э. — это прежде всего эпоха появления первых классовых обществ, цивилизаций и государств в наиболее благоприятной для сельского хозяйства зоне субтропиков Старого Света. Эта зона включает в себя широкую полосу Азии от берегов Тихого океана до Средиземного моря, а также средиземноморские области Европы и Африки. Египет и Передняя Азия составляли среднюю, наиболее развитую часть этой зоны. Во II—I тысячелетиях до н. э. сельское хозяйство — основа древней и средневековой экономики — достигло здесь высокого уровня развития. В земледелии применялся плуг и искусственное орошение, речные долины покрыла разветвленная сеть каналов, на полях и в садах культивировались многие десятки видов и сортов растений. Выросли города с многотысячным населением, значительную часть которого составляли искусные ремесленники. Торговля, находившаяся под контролем государств, связала их между собой. Появилась письменность. Зародились науки — медицина, астрономия, математика, философия. Возникли первые монотеистические религии: единобожие Атона, иудаизм. Общества Ближнего Востока окончательно раскололись на антагонистические классы, наиболее многочисленным из которых было закрепощенное, жестоко эксплуа-

тируемое крестьянство. Социальные структуры основных обществ Ближнего Востока становятся однотипны. Очаги цивилизаций, прежде изолированные и разбросанные, постепенно разрастались и наконец соединились в систему цивилизаций Ближнего Востока, которая связала воедино культуры долины Инда и Нила, Аравийского и Пиренейского полуостровов, Средней Азии и Северной Африки.

Ранние государства были невелики (за исключением египетского Древнего Царства) и занимали все вместе лишь часть территории Ближнего Востока; между ними пролегали земли с населением, жившим еще в условиях первобытнообщинного строя. Во II тысячелетии до н. э. почти вся территория Ближнего Востока была поделена между немногими крупными государствами (Египет, Хеттское царство, Вавилон, Элам, Митанни и др.). В эту пору зародилась мировая политика, были заключены первые военные соглашения, союзы государств и пр. С середины II тысячелетия до н. э. крупнейшие державы Ближнего Востока, в том числе Египет, вступают в затяжную борьбу друг с другом за гегемонию в этом регионе мира. В результате этой борьбы образовалась мировая Персидская держава Ахеменидов, внутри которой зарождалась новая, интегрированная цивилизация, общая для всего региона. Такая цивилизация окончательно сложилась лишь в следующий, эллинистический период, но начало этого процесса мы наблюдаем уже в империи Ахеменидов.

В каком отношении ко всем этим событиям всемирно-исторического значения находилась Тропическая Африка?

Прежде всего следует отметить, что уровень развития ее народов был ниже среднего уровня развития народов Ближнего Востока как во II—I тысячелетиях до н. э., так и в предшествующий период. Это определяло сравнительно пассивную роль обществ Тропической Африки в их контактах с древними обществами Ближнего Востока. Эти последние посылали в Тропическую Африку разведывательные, торговые и военные экспедиции, колонизовали наиболее доступные и подходящие по природным условиям районы, организовывали — непосредственно и через посредство торговой политики — разработку

природных богатств Африки. Контакты с древними цивилизациями Ближнего Востока сыграли немалую роль в зарождении и развитии первых по времени цивилизаций Тропической Африки — в средней долине Нила (Нубия), на Эфиопском нагорье, южнее Сахары (долина Нок) и др. Все они тяготели к северной и особенно северо-восточной периферии Тропической Африки. Характерно, что здесь в период до середины I тысячелетия до н. э. не образовалось собственной системы цивилизаций; имелись лишь отдельные очаги, больше связанные с теми или иными цивилизациями Ближнего Востока, чем между собой. Древняя Нубия была теснее связана с Египтом и даже с Палестиной и Вавилонией, чем с соседней Эфиопией, которая поддерживала постоянные контакты с Южной Аравией.

Вместе с тем относительная отсталость Тропической Африки определяла и силу, и слабость ее государств. Первые зачаточные государственные объединения древней Нубии были сравнительно легко поглощены Египтом, который распространил на эту страну свои формы государственности. Гибель египетского Нового Царства помогла населению Нубии вернуть себе независимость и создать собственное мощное государство Напату. В лице Напаты Тропическая Африка впервые вышла на арену мировой истории. Это государство носило раннеклассовый характер, социальный антагонизм между эксплуататорами и основной массой непосредственных производителей — крестьян-общинников — здесь еще не был настолько силен, чтобы угрожать социальному миру в стране. Перед лицом внешнего врага общины древней Нубии выступали как одно целое. И хотя объединенных сил этих общин оказалось недостаточно для борьбы за гегемонию на Ближнем Востоке, они были в состоянии отразить нападение могучей державы Ахеменидов и отстоять независимость страны.

Напата и сменившее ее царство Мероэ в течение почти тысячелетия были главным связующим звеном между культурами Тропической Африки и древними цивилизациями Востока, а также — в поздний период — эллинистическим и римским миром.

Эллинистический мир и Тропическая Африка

В то время как на Атлантическом побережье Африки опустели карфагенские колонии, а в Северной Эфиопии распространялась южноаравийская культура, в Средиземноморье происходил культурный процесс, во многом изменивший лицо древнего мира.

Возникшая на границе трех частей света греческая культура, впитавшая в себя разнообразные, в том числе древнеегипетские традиции, расцветает пышным и ярким цветом и широко распространяется сначала на соседние, а затем и более отдаленные страны, непрерывно обогащаясь от соприкосновения с местными цивилизациями. Свободные греческие города возникают на огромном пространстве от Верхней Месопотамии до Испании, в них постоянно прибывают греки из разных городов и стран. Все шире распространяется греческий язык, на котором начинают говорить и азиатские, и африканские финикияне, и горожане Египта, и горцы Малой Азии. Походы Александра Македонского и возникшие на Востоке государства его преемников приносят греческий язык и греческую культуру в Армению, Иран, Среднюю Азию, Индию. С каждым веком все больше эллинизируется Северная Африка.

Еще в VII в. до н. э. греческие колонисты основывают город Кирену в Ливии, позднее ставшую столицей греко-ливийского Киренского царства. Греческие города и греческие кварталы появляются в Египте. Через египтян и ливийцев греки устанавливают связи с Тропической Африкой.

Воцарение в Египте греческой династии Птолемеев сделало греков и поселившихся в Египте эллинизированных выходцев из разных стран близкими соседями народов Тропической Африки. Птолемеи унаследовали вместе с Древним Египтом африканскую политику его фараонов.

Помимо желания проникнуть к богатствам Тропической Африки были еще причины, заставлявшие правителей эллинистического Егип-

та направлять своих агентов к чернокожим народам Юга. Во-первых, Нил, от регулярных разливов которого зависело благосостояние их страны. Птолемеи хотели знать о его истоках и о том, не могут ли какие-либо злоумышленники перекрыть или отвести от Египта эту реку жизни. Во-вторых, Птолемеи интересовали африканские слоны, и это отнюдь не было прихотью восточных деспотов или научной любознательностью. В то время во многих эллинистических армиях Азии и даже Европы (например, у знаменитого Пирра, царя Эпира, одержавшего благодаря слонам «Пиррову победу») появились отряды боевых слонов. Индийские боевые слоны приносили победы главным соперникам Птолемеев — азиатским эллинистическим царям Селевкидам. Это были индийские слоны, хорошо обученные, но менее мощные, чем африканские. И вот, чтобы не отставать от «международного уровня» вооружений, карфагеняне и Птолемеи организовали отлов и дрессировку слонов на Африканском материке.

Однако в Египте все слоны были к тому времени давно истреблены. Добыть их можно было лишь в более южных странах, на территории современных Судана, Эфиопии и Сомали.

В эти-то страны и были направлены корабли Птолемеев I, II и III (III в. до н. э.) под командованием флотоводцев Филона, Аристона, Эвмеда, Силия и Сатира. На берегах Красного моря и Аденинского залива вплоть до Сомали были основаны специальные станции для лова и дрессировки слонов. На станциях поселились греки, египтяне и опытные вожаки слонов — индийцы. Представители греко-египетских царей не только привлекали местное население к облавам на слонов, но даже предлагали им очень высокое вознаграждение только за то, чтобы те больше не истребляли и не пугали этих животных, становившихся все более редкими.

Эти станции, основанные с весьма специальной целью, стали со временем центрами торгового и культурного обмена между Египтом и африканскими племенами. Сюда прибывали не только правительственные агенты Птолемеев, но и купцы. Благодаря сведениям, которые они сообщали в Александрии, местные географы смогли соста-

вить подробные описания берегов Северо-Восточной Африки, представлявшие исключительную научную ценность. Иногда и сами путешественники писали о виденных ими африканских странах. Например, флотоходец Филон написал книгу о путешествии в Нубию, к сожалению до нас не дошедшую.

Из труда римского эрудита Плиния Старшего мы узнаем и о других греках, побывавших в Нубии при Птолемах: «Первым много далее Мероэ проник Далион, затем Аристокreon и Базилис. Симоид-младший даже пробыл пять лет в Мероэ, когда он писал свой труд об Эфиопии...»

Мероэ поддерживало постоянный контакт с Египтом, и отношения между этими двумя странами при Птолемах были неизменно дружественными. Эллинистические влияния очень заметны в поздней мероитской архитектуре и скульптуре, и, вероятно, они сказались и в других областях культуры мероитов.

Позднее, на рубеже III и IV вв., появился роман «Эфиопика» греческого писателя Гелиодора. Действие этого фантастического и сентиментального произведения происходит в Мероитском царстве, где сам Гелиодор никогда не был, но о котором прочел несколько не сохранившихся до нашего времени книг. Центральный сюжет романа — любовь греческого юноши и мероитской («эфиопской») принцессы, побеждающая все преграды. Интересно, что Мероэ, судя по роману, в значительной мере эллинизировано: многие мероиты, в том числе жрецы-сановники, знают греческий язык, мероитская царица ждет греческую компаньонку, среди воинов встречается полугрек-полусуданец.

Подлинная загадка романа Гелиодора — замечательно точные сведения об истоках Нила, сообщенные в одной из глав. До сих пор не известно, где он их вычитал или услышал.

При царе Птолеме-Евергете II, в конце II в. до н. э., один из его подданных делает попытку пропикнуть в области Африки, расположенные южнее всех станций для охоты на слонов, и даже повторить подвиг финикийца, проплыв на корабле вокруг Африканского

материка. Этого человека звали Эвдокс, он был родом из города Кизика в Кари (Малая Азия), давшего древнему миру немало опытных моряков.

Вы помните историю с индийцем, который был найден полу-мертвым в Красном море? Когда он отправился в Индию вместе с подданными Птолемея-Эвергета II, в их числе находился и Эвдокс. После смерти царя, когда корона перешла к его жене Клеопатре, царица вновь послала Эвдокса в Индию. Его дальнейшие приключения описывают греческие авторы Посидоний и Страбон:

«...При возвращении его отнесло ветрами на юг Эфиопии. Бросая якорь в каких-либо местах, он старался расположить к себе местных жителей путем раздачи хлеба, вина и сушеных фиг (чего у них не было); взамен он получал запас пресной воды и лоцманов; в это время он составил также список некоторых туземных слов. Он нашел деревянный обломок носа погибшего корабля с вырезанным на нем изображением коня; узнав, что этот обломок принадлежал кораблю каких-то путешественников, плывших с запада, он его взял с собой, отправляясь в обратный путь на родину. Когда Евдокс благополучно прибыл в Египет... он принес обломок корабельного носа на рыночную площадь и показал его судохозяевам; от них Евдокс узнал, что это обломок носа корабля из Гадир (Кадикса. — *Авт.*). Ему сообщили, что богатые гадесские купцы снаряжают большие корабли, бедные же посылают маленькие, называемые «конями» (от изображений на носах их кораблей). На таких маленьких кораблях они отправляются на рыбную ловлю у берегов Маврусии (Марокко. — *Авт.*) вплоть до реки Ликс. Однако некоторые судохозяева признали, что обломки принадлежат одному из кораблей, который слишком далеко зашел за реку Ликс и не возвратился домой. Из этих фактов Евдокс заключил, что плавание вокруг Ливии (Африки. — *Авт.*) возможно. Он возвратился домой, погрузил все свое имущество на корабль и вышел в море. Сначала он бросил якорь в Дикеархии, затем в Массалии (Марсель. — *Авт.*), далее... прибыл в Гадиры (Кадикс. — *Авт.*) Повсюду он трубил о своем проекте и,

заработав деньги, снарядил большой корабль и 2 буксирные барки вроде пиратских. Затем он принял на борт также девушек, играющих на музыкальных инструментах, врачей и других ремесленников и, пользуясь постоянными западными ветрами, вышел в открытое море по направлению к Индии (т. е. вокруг Африканского материка. — *Авт.*). Когда же плавание утомило его спутников, он подошел с попутным ветром к берегу, хотя и сделал это против волн, опасаясь приливов и отливов. И действительно, произошло то, чего он опасался: корабль сел на мель, но так тихо, что сразу не разбился, и им удалось спасти груз, перетащив его на берег, а также большую часть корабельного леса. Из этого леса Евдокс построил третью барку вроде пятидесятивесельного корабля и продолжал плыть, пока не прибыл к людям, которые говорили на том же языке, список слов которого он составил в прошлое путешествие. Вместе с тем он узнал, что люди, живущие там, того же племени, что и те, другие эфиопы. . .

Благополучно достигнув Маврусии, он распродав свои суда и отправился ко двору Богха (мавританского царя. — *Авт.*) . . . Он посоветовал царю предпринять морскую экспедицию на свой счет; однако друзья Богха убедили царя в противоположном. . . Евдокс. . . бежал в римские владения (в Северной Африке. — *Авт.*) и оттуда переправился в Ибернию (Испанию. — *Авт.*). Затем он вновь построил «круглый корабль» и длинное пятидесятивесельное судно, чтобы на одном плавать в открытом море, а на другом обследовать побережье. Затем он взял на борт земледельческие орудия, семена и плотников и снова отправился в то же самое круговое плавание. В случае задержки в пути он намеревался зимовать на острове, намеченном им прежде. . .»

О дальнейшей судьбе экспедиции ничего не было известно ни Посидонию, ни Страбону.

В этом рассказе особого внимания заслуживают две подробности. Во-первых, сообщение о том, что где-то в экваториальных областях Африки, на побережьях Атлантического и Индийского океанов, негры говорят на одном и том же языке. Действительно, от Кении до

Камеруна здесь распространены языки банту, чрезвычайно близкие между собой; во время Эвдокса, более 2 тыс. лет назад, они были, конечно, еще более близки. Таким образом, эта подробность в рассказе о двух плаваниях Эвдокса не противоречит известным фактам. Далее, Посидоний и Страбон упоминают о судне, обломок которого был обнаружен у африканских берегов Индийского океана и в котором признали корабль из Кадикса (в Испании). Вполне вероятно, что жители римского Кадикса отправлялись на лов тунца к берегам современного Сенегала и даже южнее. Плиний Старший, ссылаясь на другого римского историка, сообщает о каком-то купце, который «проделал путь от Испании до Эфиопии» (т. е. Тропической Африки). Скорее всего, этот человек был тоже родом из Кадикса. К сожалению, мы можем только догадываться о том, как часто жители римской Испании или римской Северной Африки проникали в бассейн Сенегала и Нигера. Если купец, о котором шла речь, проник в «Эфиопию» по суше, он мог воспользоваться караванной дорогой через Мавританию. О том, что такие путешествия совершались и позднее, говорит находка римских монет в Акджуджете.

Еще один караванный путь через Сахару проходил по территории гарамантов, населявших современный Феццан (на юге Ливии). В течение многих веков этот народ был посредником между цивилизациями древнего Средиземноморья и народами Африки южнее Сахары. Геродот говорит о набегах гарамантов на обитавших к югу от них «эфиопов», т. е. негров. Иногда вместе с гарамантами через пустыню проникали и римские подданные. Греческие географы Марин Тирский и Клавдий Птолемей сообщают имена двух римских путешественников, которым удалось пересечь Сахару с севера на юг. Вот все, что о них известно: «Марин сообщает по поводу путешествия из Гарамы в страну эфиопов, что Септимий Флакк, отправившись в поход из Ливии, прибыл к эфиопам после трехмесячного путешествия к югу от страны гарамантов. Юлий Матерн, продолжает Марин, отправился из Гарамы вместе с царем гарамантов, выступивших в поход против эфиопов, и после четырехмесячного пути, во время

которого он продвигался только в южном направлении, прибыл в эфиопскую землю Агисимба, где собираются носороги». Оба эти путешествия были совершены в начале II в. Но еще в 20 г. до н. э. римляне захватили Гараму — расположенный в оазисе посреди Сахары столичный город гарамантов. Здесь разместился небольшой римский гарнизон, а в конце III в. была даже построена церковь. Передовые посты римских пограничников на беговых верблюдах проникали до самого нагорья Тибести (на границе Ливии, Судана и Чада), где начинаются земли негров тибу. В Гараме римско-эллинистический мир встречался с негро-африканским, но об этих контактах практически почти ничего не известно.

Во всяком случае главные места встреч Тропической Африки с Севером и Востоком находились тогда не в Сахаре, а намного восточнее, между Нилом и Индийским океаном, который в I—III вв. был исхожен вдоль и поперек греко-римскими кораблями.

Марин и Клавдий Птолемей считали путешествия в Барбарию (Сомали), Азанию и даже южнее, вплоть до мыса Пуна, который лежит южнее экватора, вполне обычным делом. По их словам, греческие капитаны Диоген и Диоскор заплывали на юг значительно дальше древней гавани Рапта (в Восточной Африке).

Еще чаще греко-римские купцы посещали на своих кораблях порты Эфиопии, крупнейшим из которых был Адулис. «Перипл Эритрейского моря» подробно описывает морской путь из Египта в торговые гавани Судана, Эфиопии, Сомали, Кении, перечисляет предметы экспорта и импорта, условия торговли и народы, населяющие морские берега. Оказывается, в начале III в. в страны Северо-Восточной и Восточной Африки ввозились различные ремесленные и сельскохозяйственные товары из разных провинций Римской империи: ткани и одежда, стеклянная и металлическая посуда, всевозможные изделия из черных и цветных металлов, ювелирные изделия из золота и серебра, вина из Италии, Сирии и Египта и пр. Характерно, что автор «Перипла» подчеркивает низкое качество импортируемых изделий. Вывозили же римские купцы слоновую кость, рог носорога, благово-

ния, а также живых зверей для цирковых игр, столь распространенных в римское время. Несомненно, кровавые развлечения римлян привели к истреблению крупных диких животных во многих районах Африки.

В то же время массовый импорт одежды не мог не сказаться на местной моде. Недаром самая обычная одежда эфиопов и нилотских племен Восточной Африки так напоминает греческий плащ и римскую тогу.

Несомненные следы римско-эллинистического влияния заметны в архитектуре некоторых обелисков Аксума, в глиняной скульптуре древней Эфиопии, отчасти в керамике.

Несмотря на то что со времен южноаравийской колонизации здесь распространяется письменность, начиная с III в. одним из официальных языков страны становится греческий. Аксумские цари составляют свои мемориальные надписи либо на греческом языке, либо параллельно на греческом и древнеэфиопском (язык геэз). На аксумских монетах легенды чеканятся также на греческом языке, который лишь очень не скоро уступает место эфиопскому. О царе аксумитов «Перипл» сообщает, что он не чужд эллинской образованности, и, вероятно, так можно было сказать о многих представителях тогдашней эфиопской знати. Идеи и образы эллинистической религии сливались в сознании этих лиц с элементами традиционных эфиопских культов. В греческих надписях Аксума местный бог Махрем постоянно отождествляется с Ареем, богом войны, молнии и грома у древних эллинов.

Однако не следует говорить об «эллинизации» аксумитов; просто элита этого народа испытала некоторое влияние греческой культуры, тогда как в гущу эфиопов проникали лишь незначительные элементы эллинистических цивилизаций.

Примерно так же обстояло дело и в соседнем с Аксумским — Мероитском царстве, куда эллинистические влияния проникли еще при Птолемах. Захватив Египет, римляне унаследовали и весь сложный узел мероитско-египетских отношений, который «завоева-

тели мира» хотели разрубить мечом. В 23—22 гг. до н. э. произошла римско-мероитская война. Сначала перевес был на стороне мероитов, так как на южной границе Египта из-за переброски части римских войск в Аравию оставались лишь незначительные гарнизоны. Меровиты заняли три пограничных города, в том числе Асуан. Затем войска римского наместника в Египте Петрония перешли в наступление. Меровиты потеряли все захваченные ими территории Верхнего Египта, затем один за другим семь городов Нижней Нубии и наконец Напату — древнюю столицу страны, в то время главный религиозный центр и одну из царских резиденций. 18 тыс. римлян впервые проникли в Африку южнее Северного тропика. Захватив и разграбив Напату, они не смогли удержать за собой священный город, падение которого послужило сигналом к мобилизации всех сил страны. Сопротивление возглавила так называемая кандака — царица-мать Мероэ. Это была, по признанию римлян, «мужественная женщина», лишившаяся глаза в бою. Она собирала все новые и новые отряды и вела их на войну с захватчиками. Римляне потеряли немало солдат от стрел нубийских лучников, прозванных за меткость стрелками по зрачкам, и еще больше от страшной жары суданского лета. В конце концов они заключили мир с Мероэ. Древнее африканское государство сохранило независимость, было освобождено от контрибуции или ежегодной дани, на которую рассчитывали первоначально римляне, однако северная окраина Нубии и прилегающие к ней пустынные районы вошли в состав Римской империи.

Здесь были поселены римские войска и отряды римских союзников. Более чем 300 лет «римский мир» распространялся на этот небольшой район Тропической Африки. Немногочисленное местное население, пополненное выходцами из Египта и римскими солдатами, образовало смешанную во всех отношениях среду, в быту и духовной жизни которой переплетались греко-римские, египетские и мероитские элементы.

При императоре Нероне, около 60 г. н. э., в Мероэ снова появились римские солдаты. Однако прибыли они сюда не как завоеватели,

а в составе единственной в своем роде «научной экспедиции». Об этом путешествии рассказывают Сенека и Плиний Старший. По словам Сенеки, в нем участвовали два центуриона, по словам Плиния — два центуриона претория (т. е. гвардейских сотника) и несколько трибунов. Официальной целью экспедиции были поиски истоков Нила, и благодаря содействию царя Мероэ, предоставившего римлянам проводников и пославшего письма другим подчиненным ему царям, центурионы проникли далеко на юг Судана, до самых болот Нила. Сомнительно, чтобы такой правитель, как Нерон, направил экспедицию только с чисто научной целью. Сенека прямо говорит, что Нерон собирался воевать с мероитами и, следовательно, «экспедиция к истокам Нила» была замаскированной разведкой. Однако свержение и смерть Нерона положили конец честолюбивым замыслам тирана.

С III в. н. э. римляне постепенно оставляют захваченную ими часть Нубии и Нубийской пустыни. Здесь поселяются пришедшие с юга племена блеммиев и нобатов, усилившие африканский элемент в местном населении. К V в. южнее Северного тропика не оставалось ни одного римского солдата.

Византия, Аксум и Нубия

В IV — середине VII в. народы Северо-Восточной Африки и Сахары по-прежнему были южными соседями Римской (Византийской) империи. Помимо торговли и дипломатии еще один новый фактор оказывал влияние на взаимоотношения африканцев с римско-византийским Средиземноморьем — распространение в Африке христианства.

Превратившись в государственную религию Рима при императоре Константине, христианство стало политическим и идеологическим орудием империи. Римско-византийские правители насаждали новую религию, вместе с которой распространялось их влияние на соседние с империей страны.

Однако очень скоро в христианстве появились ереси, оппозиционные власти имущим и самому правительству. Ереси распространялись не только в пределах империи, но и за ее границами. В провинциях и соседних с империей странах ереси становились идеологическим знаменем борьбы за независимость. В то же время, являясь частью христианства, они способствовали сохранению идеологических и культурных, а также торговых связей этих стран с Римско-Византийской империей.

Первые христиане

Египет, Ливия и Тунис находились в числе первых стран мира, принявших христианство; отсюда отдельные прозелиты гонимой религии могли очень рано проникнуть в лежащие далее на юг африканские страны.

Евангельская легенда говорит о принятии христианства евнухом — вельможей мероитской кандаки, царицы-матери Нубии; это произошло якобы еще в I в. Римские авторы III—IV вв. считали эту страну христианской, но они сильно преувеличивали успехи новой религии в Судане.

Не так давно польская археологическая экспедиция в Нубии под руководством профессора Казимежа Михаловского вела раскопки старинного христианского собора в городке Фарас. Оказалось, что собор был перестроен в начале VII в. из царского дворца, который в свою очередь был в конце V или начале VI в. перестроен из ранней христианской церкви. Эта церковь была воздвигнута не позднее 400 г. Превратить церковь в свое жилище мог только царь-язычник, следовательно, христианство еще не было государственной религией Нубии. Но оно пользовалось уважением царя, и взамен прежней церкви была построена новая.

В то же время первая на Западе мировая религия постепенно проникала в Северную и Восточную Сахару. В Авгиле, древней столице гарамантов Феццана, уже в III в. была сооружена римская

церковь. Христианство оказало некоторое влияние на культуру племен Сахары, в частности на туарегов; однако воздействие не было глубоким и не смогло распространиться к югу от великой пустыни.

Крещение Эфиопии

В IV в. христианство проникает и в Эфиопию, которая остается наиболее христианской страной Африки. О том, как это произошло, рассказывает Руфин Туранский (он жил в Сирии и Египте, но писал на латинском языке):

«...Некий Меропий, философ из Тира, пожелал... посетить Индию; с ним были двое отроков, его родственников, которых он обучал свободным наукам. Младшего из них звали Эдезием, а старшего — Фрументием. Когда, осмотрев и изучив все, что ему хотелось, философ пустился в обратный путь, корабль, на котором они плыли, зашел в какую-то гавань за водой и прочими необходимыми припасами.

Жившие там варвары имели обыкновение всякий раз, когда соседние племена сообщали им о расторжении союза с римлянами, убивать всех, кто прибывал к ним из Римской империи. Когда корабль пристал к берегу, философ и все находившиеся на борту были убиты. Между тем юношей, обнаруженных под деревом, где они готовили свои уроки, варвары пощадили и отвели к царю. Одного из них, а именно Эдезия, царь назначил своим виночерпием; Фрументию же, остроту ума и мудрость которого царь сразу отметил, он поручил свою казну и переписку... Поэтому юноши были в большом почете и царь их очень любил.

Умирая, царь оставил наследниками престола жену и малолетнего сына, юношам же предоставил полную свободу действовать по собственному усмотрению. Однако царица, не имея во всем государстве более верных друзей, настойчиво упрасивала их разделить с ней заботы по управлению страной до совершеннолетия сына. Особенно

просила она об этом Фрументия, обнаружившего достаточно мудрости для управления царством, тогда как другой брат отличался только глубокой преданностью и рассудительностью. Юноши уступили просьбам. Фрументий, взявший в свои руки управление государством и осененный в разуме и духе божественным внушением, принялся ревностно искать, нет ли среди римских купцов христиан. Им он хотел предоставить наибольшие преимущества и убедить собираться в определенных местах, где они могли бы отправлять богослужения по римскому обряду. Сам Фрументий поступал точно так же, воздействуя своим примером на других, а похвалами и милостями побуждал делать все необходимое, чтобы подготовить места для возведения божьих храмов и других целей, всячески заботясь о насаждении семян христианства.

Когда царевич вырос, правившие государством юноши, закончив все дела и добросовестно их передав, снова вернулись в наш (римский. — *Авт.*) мир, хотя царица и ее сын неоднократно пытались их удержать, упрашивая остаться. Эдезий поспешил в Тир повидаться с родителями и родственниками, а Фрументий направился в Александрию, ибо считал неправым утаивать слово господне. Поэтому он поведал епископу, как произошло все событие, и убеждал избрать достойного мужа, чтобы послать его епископом в страну варваров, где уже имелись многочисленные христианские общины и были воздвигнуты храмы. Тогда Афанасий (недавно вступивший на кафедру), внимательно и тщательно взвесив слова и деяния Фрументия, сказал на соборе священников: «Какого иного мужа нам искать, который смог бы исполнить это, кроме тебя, на котором почиет дух божий?» — и рукоположил Фрументия епископом, приказав возвратиться с божьей помощью туда, откуда он прибыл... Об этом событии я узнал не по ходившим в народе слухам, но из уст самого Эдезия Тирского, ставшего впоследствии пресвитером, а ранее бывшего спутником Фрументия».

Аксумским царем, которому были подарены Фрументий и Эдезий, был Элла-Амида, а его сыном, вступившим на престол в мало-

летстве, — знаменитый царь Эзана, надписи которого дошли до настоящего времени. В наиболее поздней из этих надписей прославляется единственный на свете «бог земли и неба», создатель всего сущего, вечный и неизменный. Этот образ очень напоминает христианского бога, но ни троицы, ни Христа, ни богоматери надпись не упоминает. Зато она заставляет вспомнить еще одну эфиопскую надпись и несколько надписей из Южной Аравии, где также говорится о боге небес, «милостивом» и едином. Перед нами неопределенная монотеистическая вера, сложившаяся под влиянием христианства и иудейства. Возможно, основателем ее был сам Эзана. Недавно у южного предместья Аксума была раскопана молельня, или небольшой храм, не языческий и не христианский. Он существовал одновременно с христианскими церквями, но имел с ними мало общего. Может быть, здесь собирались для богослужения последователи неопределенного монотеизма.

В то же время Эзана покровительствовал не только этой вере, но и прежним языческим культам, а также христианству. Более ранние надписи этого царя посвящены языческим богам Махрему, Астару, Бехер и Медр, а на монетах Эзаны древние символы божественных светил Солнца и Луны сменяются знаком креста. Несомненно, христианская религия прочно укоренилась в Аксуме и начала неуклонно распространяться среди населения Аксумского царства.

Надписи Эзаны позволяют установить, что именно в период его правления произошла реформа эфиопского письма. Были изобретены цифры и введены специальные значки для обозначения гласных звуков, которыми эфиопский язык был намного богаче других семитских языков. Прежде писались только согласные, а о гласных приходилось догадываться. Если Фрументий действительно заведовал царской канцелярией, то он должен был иметь какое-то отношение к реформе письма, может быть, даже явился ее инициатором. Однако эту реформу лишь отчасти можно объяснить греческим влиянием.

Епископ Афанасий, которого упоминает Руфин, — это знамени-

тый вождь православных Афанасий Великий. Гонимый императором Констанцием II, исповедовавшим арианство¹, Афанасий бежал за пределы империи. О своих злоключениях Афанасий говорит в послании к императору Констанцию. Здесь, между прочим, есть такие строки: «В третий раз дошли до меня слухи, что пришли к аксумским повелителям письма, в которых просят их позаботиться об отослании оттуда Фрументия, епископа Аксума. Надлежало бы им также и меня выследить до самых границ варваров, чтобы препроводить к так называемым судебным протоколам префектов, а также подстрекать мирян и духовенство предаваться арианской ереси».

Выражение «до самых границ варваров» можно перевести и как «до границ Сомали»; может быть, Афанасий побывал в изгнании в Эфиопии, в Аксумском царстве?

Он приводит копию письма, посланного Констанцием «Эзане и Сезане». В этих «повелителях аксумитов» нетрудно узнать знаменитого аксумского царя Эзану и его брата Шеазану, которого упоминает одна из надписей.

Письмо Констанция поражает своей бестактностью. Римский император не только поносит Афанасия, но и объявляет недействительным посвящение Фрументия в сан, требует, чтобы царь Аксума немедленно прислал Фрументия в Александрию для нового посвящения в сан епископа. В противном случае Фрументий, по словам императора, может стать причиной гибели царя, его брата и всего народа аксумитов. Что это, непрошенная забота о душах эфиопов или политическая угроза?

¹ Учение епископа Ария, не согласное с ортодоксальным христианством, подчеркивало человеческую природу Христа. В противоположность арианству монофизизм подчеркивал его «божественную природу». Арианство исповедовали многие «варварские» племена, особенно германцы; монофизизм преобладал у сирийцев, коптов, армян, эфиопов, нубийцев и других юго-восточных христиан.

Византийские путешественники в Аксуме

Источники сообщают имя византийского посла, доставившего письмо Констанция в Аксум. Им был замечательный человек того времени — епископ Феофил Индус, уроженец острова Сокотра в Индийском океане. Феофил получил прекрасное по тому времени образование, знал множество языков и отличался широтой кругозора. По пути в Аксум он посетил Южную Аравию, царю которой передал богатые дары императора: 200 коней каппадокийской породы (которую позднее называли турецкой), деньги, смальту и мрамор на строительство церквей в городах Зафар и Аден. Вероятно, еще более богатые дары Феофил доставил в Эфиопию. Однако византийские авторы умалчивают о том, что его миссия прошла успешно; видимо, посол вернулся в пределы империи не солоно хлебавши.

Византийские писатели конца IV—V в. часто упоминают аксумитов и подчиненные Аксуму народы. Пожалуй, самые интересные свидетельства об эфиопах той поры принадлежат Синезию Киренскому и Палладию.

Синезий из Кирены, знаменитый греческий эпиграфист, был епископом Птолемаиды в Ливии. В одном из своих писем он рассказывает о борьбе христиан с язычниками-берберами. Дело происходило где-то на юге Киренаики, вероятно, в оазисе Джало. Синезий особенно восхваляет дьякона Фауста, который сражался голыми руками, нагромождая вокруг себя трупы врагов. Этого Фауста эпически настроенный епископ называет чернозадым (как Геракла). Но грубоватый эпитет был уместен лишь в том случае, если Фауст был чернокожим. Все разъясняет заключительная фраза письма, где есть указание на происхождение Фауста: «Тысяча успехов священникам аксумитов!»

Следовательно, в сахарском оазисе оказалась колония христиан-аксумитов, достаточно многочисленная для того, чтобы взять верх над местными берберами. Сюда они попали в качестве купцов-кара-

ванщиков через Судан, покоренный Аксумом, и пески восточной Сахары. В церковном отношении они подчинялись византийскому епископу Киренаики, т. е. самому Синезию.

Еще интереснее сведения Палладия, или Псевдо-Каллисфена. Дело в том, что отрывок из его «Истории Лаузиака» попал в роман об Александре Македонском, написанный неизвестным лицом, которого называют Псевдо-Каллисфеном. Этот роман (в котором, между прочим, фигурирует меронитская кандака) оказал большое влияние на многие средневековые литературы Европы, Азии, Африки. Однако нас интересует не сам роман, а включенный в него отрывок из «Истории Лаузиака» — рассказ «Об Индии и брахманах».

Здесь Палладий сообщает о том, что он лично побывал в Аксумском царстве в начале V в., причем познакомился с Моисеем, епископом Адулиса. С Моисеем Палладий совершил плавание в Индию, страну мудрых брахманов. Он знал также некоего схоласта из Верхнего Египта, который тоже совершил путешествие в Индию. Вместе с одним старцем-священником этот схоласт прибыл на корабле из Египта в Адулис. Осмотрев город, он предпринял поездку в Аксум, столицу Эфиопии. Здесь ученый муж познакомился с местными жителями, которые собирались отправиться в Индию. Любопытный египтянин тотчас же присоединился к ним. Они вернулись в Адулис, сели на корабль и поплыли, держа путь в Сомали, к мысу Хафун. Здесь эфиопское судно сделало остановку, а затем с попутным муссоном пересекло Индийский океан и достигло страны брахманов.

Итак, начиная с философа Меропия, источники называют целый ряд образованных жителей Римско-Византийской империи, посетивших в IV—V вв. Адулис и Аксум. Характерно, что все они побывали в Эфиопии по пути в Индию, привлекавшую их своей высокой и своеобразной культурой, мудростью йоги и буддизма. Еще большее число византийских купцов устремлялось сюда в погоне за экзотическими товарами и произведениями индийских ремесленников; и все эти купцы, как и лица, путешествующие с другими целями, делали остановку в Адулисе. Этот город в первые века нашей эры стал глав-

ным портом по пути из Египта, Акабского залива и Красного моря на восток — в Индию, Индонезию, Индо-Китай или на юг — в Восточную Африку.

Насколько часто римские подданные совершали поездки в Аксумское царство, можно судить по кодексу императора Феодосия II (408—450 гг.), одна из статей которого специально касается тех, «кто путешествует к хымьяритам (в Южную Аравию. — Авт.) и аксумитам».

Но и сами жители Эфиопии нередко совершали поездки в пределы Византийской империи. В 451 г. епископ Адулиса присутствовал на Халкедонском церковном соборе, а среди надписей той поры, найденных в египетской Вади-Мених, есть и надпись некоего аксумита Абрехи, прибывшего сюда вместе со своим сыном. Наконец, около 524 г. в Александрию прибывает официальное посольство аксумского царя к местному монофизитскому патриарху.

В то время в Аксуме в противоположность Византии официальной религией стало монофизитское, а не православное христианство, и восточные провинции империи — Сирия и Египет, где преобладали монофизиты, видели в Аксуме своего защитника от императора-еретика. Но и православие долгое время процветало в Аксумском царстве. На Халкедонском соборе епископ Адулиса примкнул к партии православных. Вместе с тем аксумские цари терпимо относились и к другим религиям, монотеистическим и «языческим».

Византия и эфиопо-хымьяритские войны

В 517—525 гг. в Южной Аравии разыгрались события, заставившие Византию и Аксум — православных и монофизитов — сплотиться против общего врага. В то время в этой стране, находившейся в вассальной зависимости от Аксума, власть захватил нудей Масрук Зу-Нуvas. При нем христиане подверглись преследованиям. Они обратились за помощью в Аксум. Эфиопы немедленно отправили в Хымьяр

экспедиционный корпус. Войска Зу-Нуваса были разбиты, сам он бежал в горы. Аксумский царь Элла-Асбеха снова присоединил Южную Аравию к своим владениям и поселил в городах отряды эфиопов. С наступлением зимнего муссона, когда попутный ветер помогал судам переправляться из Аравии в Африку, царь Аксума и большая часть его армии вернулись на родину.

Но в те времена мореходы лавировать по курсу не умели; суда плавали только по ветру, и снова попасть в Аравию аксумиты могли только в следующем году.

Этим воспользовались сторонники Зу-Нуваса. Они собрали свои силы и обрушились на города, верные аксумскому царю. Иудеи и язычники везде истребляли эфиопских и местных христиан, разрушали церкви. В городе Награне, на севере Хымьяра (теперь он принадлежит Саудовской Аравии), Зу-Нувас устроил массовые казни христиан — мужчин и женщин, знатных и рабов. В числе казненных был эфиоп дьякон Иона. Многие христиане бежали в Северную Аравию и Эфиопию.

Весь христианский мир был потрясен их рассказами о зверствах Зу-Нуваса. В то время не только население Европы и Кавказа, но и нынешних арабских стран (от Марокко до Ирака) было христианским; в Иране, Средней Азии и даже в Китае христиане составляли значительную часть населения. Виднейшие христианские писатели, особенно в Сирии, развернули агитацию против иудейского царя. Епископ Симеон из Бет-Аршама написал два послания против него. Сохранилось только второе послание, где Симеон выдвигает план прекращения репрессий: Зу-Нуваса нужно подкупить, а палестинских евреев изолировать от их единоверцев в Хымьяре. Другой сирийский писатель, Яков из Серуга, написал еще одно «Послание к награнцам». Иоанн Псалтес из Бет-Автонии (Сирия) сочинил по-гречески стихотворение о казненных награнцах, а Павел из Эдессы перевел его на сирийский язык. Казненные были объявлены святыми мучениками, в церквах произносились о них проповеди, справлялись по ним панихиды. Все взоры были обращены к Эфиопии, где в Аксуме на троне

восседал царь Элла-Асбега, надежда христианства. Только он один мог восстановить веру в Хымьяре, свергнув ненавистного тирана.

Но Элла-Асбега медлил. В Аксуме происходила какая-то междоусобица, кроме того, режим Зу-Нуваса еще не созрел для падения. Посольство аксумитов прибыло в Египет, в Александрию, и здешний монофизитский патриарх назначил в Аксум нового епископа. Вероятно, обсуждению подверглись и политические дела. Вслед за тем византийское правительство направило свое посольство в Аксум.

Дело в том, что Зу-Нувас, как говорят сирийские и византийские источники, перерезал важные пути и препятствовал торговле Византии с побережьем Индийского океана. Поэтому император Юстин I желал договориться с Элла-Асбехой о походе против Хымьяра. Чего только не делала византийская дипломатия, чтобы ускорить этот поход! Эфиопам были обещаны помощь византийского флота и вспомогательной сухопутной армии (в составе которой должны были находиться северные нубийцы); от александрийского патриарха были переданы приветствия, благословения и подарки, в том числе благословения синайских монахов.

Аксумиты тщательно подготовились к вторжению. В гавани Адулиса был собран флот из 70 кораблей: византийских, арабских и эфиопских. На них было посажено аксумское войско, погружены припасы. И вот в мае 525 г., когда подул попутный муссон, соединенный флот вышел в море. У берегов Южной Аравии он разделился на две эскадры и в двух местах высадил десант. Зу-Нувас потерпел поражение и был убит. Элла-Асбега с триумфом вступил в Зафар, столицу Хымьяра, затем посетил другие города. По всей стране он восстанавливал христианскую веру. Его сопровождали представители Византии, в том числе епископ Григентий, родом славянин из Мезии (Северная Болгария). Совместные военные действия выражали собой момент наибольшего эфиопско-византийского сближения.

Он нашел отражение в литературе народов Византийской империи, особенно греческой и сирийской. Кроме названных выше произведений в VI в. появилось множество других, полностью или частично

посвященных войнам эфиопов в Аравии, в том числе сирийская «Книга Хымьяритов», греческое «Мученичество святого Арефы с товарищами в городе Награне», «Житие святого епископа Григентия Хымьяритского», «Спор святого Григентия с иудеем Эрбаном» и др.

Последние два были через тысячу лет, в XVI в., переведены на старославянский язык, и это не случайно, учитывая славянское происхождение Григентия.

Еще одно произведение византийской литературы VI в. подробно рассказывает о войнах аксумитов в Аравии. Это «История войн римлян с персами, готами и вандалами» знаменитого историка Прокопия Кесарийского, две главы которой специально посвящены Аксуму и его владениям в Африке и Аравии. Прокопий, между прочим, рассказывает о том, как Византия старалась привлечь на свою сторону Аксум в затяжной борьбе с Ираном. Император Юстиниан направил посольство к аксумскому царю Элла-Асбехе и его вассалу хымьяритскому царю Сумайфа-Ашва с просьбой о военной помощи против персов. Аксумиты вместе с подчиненными им хымьяритами и арабами должны были, по мысли Юстиниана, пересечь Аравию и напасть на персов с тыла. Однако Элла-Асбеха и Сумайфа-Ашва отклонили этот план.

Кроме того, византийский император сделал аксумскому царю выгодное предложение. Вот как об этом говорит Прокопий:

«Он предложил эфиопам, чтоб они покупали у индов шелк и продавали его римлянам: этим они приобрели бы себе богатство, а римлянам принесли бы только ту пользу, что они не были бы в необходимости переводить свои деньги неприятелю» (т. е. персидским купцам, перепродававшим в Византию шелк из Китая и Средней Азии). Но из этого плана также ничего не вышло, и аксумские купцы продолжали торговать традиционными товарами (о торговле аксумитов с Индией сохранились вполне определенные сведения).

Прокопий сообщает имя византийского посла, ездившего в Аксум: Юлиан. Другие византийские историки (Иоанн Малала, Феофан Византиец) приводят отрывки из записок некоего посла в Эфиопию,

но, был ли это Юлиан или кто-нибудь еще, решить трудно. Во всяком случае между Александрией и Аксумом происходил оживленный обмен дипломатическими миссиями и Юлиан не был единственным византийским послом в Эфиопии.

Сохранились отрывки из записок еще одного дипломата, которого звали Ноннос, сын Авраама; он был сириец по происхождению. Ноннос также побывал в Аксуме около 531 г. в качестве посла императора Юстиниана. Он рассказывает о природе Эфиопии, об экспорте золота из этой страны, о бедных рыбаках-ихтеофагах, населявших острова Красного моря. В области Ауа, на полпути между Адулисом и Аксумом, византийского дипломата поразило грандиозное зрелище: огромное стадо из 5 тыс. слонов паслось на равнине, и никто из местных жителей ни прогнать их, ни даже приблизиться к ним не смел. Вероятно, слоны в Аксумском царстве находились под охраной государства, и только царь имел право охоты на них.

Козьма Индикоплов

В то самое время, когда Элла-Асбеха готовился к походу на Хымьяр, Эфиопию посетил самый известный из византийских путешественников Козьма Индикоплов. Свое прозвище он получил за плавание в Индию. На обратном пути этот египетский грек сделал остановку в Адулисе, который он именует «знаменитым городом эфиопов». Здесь Козьма осмотрел и зарисовал местные памятники и скопировал две древние греческие надписи, которые позднее исчезли. Если бы не византийский путешественник, они были бы навсегда потеряны для науки.

Из Адулиса Козьма направился в Аксум. В этом городе он увидел величественный четырехбашенный царский дворец, украшенный бронзовыми изображениями единорогов. Во дворце содержался небольшой зверинец, и Козьма наблюдал, как в присутствии царя кормили жирафов. Он сообщает, что по царскому приказу эфиопы иногда ловили слонов. Во дворце Козьма увидел чучело носорога.

Большую ценность представляют и другие сообщения Козьмы Индикоплова об Эфиопии. Например, он вскользь замечает, что «в Эфиопии, и Аксуме, и во всей стране вокруг него нет числа монахам, отшельникам и церквам с епископами». Христианство быстро распространялось среди племен Северо-Восточной Африки.

Путешественника весьма интересовала эфиопская торговля (видно, он и сам в то время занимался этим делом). Особенно важны его сообщения о торговых связях аксумитов: сухопутных — в золотоносную страну Сасу на юго-западе Эфиопии и в страну народа беджа — и морских — в Аравию, Персию, Индию и на Цейлон.

Покидая Эфиопию, Козьма захватил с собой на родину одну из местных диковинок, за которую в Египте можно было выручить немалые деньги, — очень крупный гиппопотамов зуб.

Не известно, бывал ли Козьма в Восточной Африке. Во всяком случае он трижды называет Зингион, в котором нетрудно узнать «Страну зинджей», упоминаемую средневековыми арабскими авторами.

Все, что мы знаем о путешествиях Козьмы Индикоплова, основано исключительно на его книге «Христианская топография», переведенной позднее на старославянский язык и чрезвычайно популярной как в Византии, так и у южных и восточных славян. Известно, что Козьма написал еще одну книгу специально об Африке, но она до сих пор не найдена и, вероятно, погибла.

Этот интересный человек окончил свои дни в монастыре на Синае около 550 г.

Византия и блемми

В то время на юге Египта христианство и копто-византийская культура приходили в непосредственное соприкосновение с древними культурами Судана. Кочевники Нубийской пустыни — блемми заняли оставленные римлянами пограничные земли: красноморский порт Беренику, рудники драгоценных камней в Алебастровых горах и часть

Нижней Нубии. Они создали здесь собственное небольшое государство, столицей которого стал древний город Ибрим на правом берегу Нила (левый берег оставался в руках нубийцев). В городе жили цари и знать блеммиев, приезжие торговцы и жрецы из Египта; вокруг города располагались деревни нубийских крестьян и временные поселки скотоводов, ненадолго прикочевывавших сюда из пустыни для посева и жатвы проса.

Воинственность блеммиев особенно возросла в III—V вв. Они совершили ряд опустошительных набегов на Египет, причем в 378 г. дошли до Синая, где разорили монастырь Раиту и убили монахов. Набеги блеммиев упоминаются в римских хрониках и в житиях христианских святых. Иногда христианские монахи добровольно поселялись среди блеммиев, стремясь к отшельничеству или желая проповедовать свою веру. Так, еще в III в. св. Питирим поселился в Порфириевых горах (на юго-восток от Египта), где обитали блеммии. Однако чаще всего христиане попадали к блеммиям в качестве пленных. Незадолго до 346 г., когда умер св. Пахомий, «варвары, именуемые блеммиями», напали на его монастырь, находившийся в Верхнем Египте, и увели в плен нескольких монахов. Сам Пахомий также попал в плен и вынужден был совершать жертвоприношения языческим богам, которым поклонялись блеммии. Особенно частым набегам подвергался город Ликополис (теперь Асьют). Здесь магистраты и епископы постоянно обращались к центральным властям с просьбой о военной помощи против набегов блеммиев и нобатов. Очень характерный эпизод рассказывает «Житие св. Шенути» знаменитого коптского писателя (333—451 гг.). Блеммии, пришедшие с далекого юга в окрестности Ликополиса, захватили в плен многих людей и угнали их вместе с их стадами на юг, в местность, именуемую Псой, где и стали лагерем. Шенути совершил поездку к царю блеммиев и добился освобождения пленных. Другим объектом частых нападений блеммиев и нобатов были оазисы юга Ливийской пустыни. Знаменитый Несторий, основатель секты несториан, был сослан сюда в 30-е годы V в. Злоключения Нестория на этом не кон-

чились. Оазис подвергся нападению блеммиев, которые увели его с собой вместе с другими жителями. Находясь в плену у этих «кушитов, сынов Хама», на острове посреди Нила, Несторий писал письма своим друзьям и покровителям, прося их о помощи.

Длительное пребывание многих христиан среди блеммиев не могло пройти бесследно для тех и других. Египтяне и сирийцы, попавшие к блеммиям в плен или добровольно посещавшие их, лучше узнавали этот африканский народ. В свою очередь блеммии немало заимствовали из культуры римско-византийского мира. Часть из них приняла христианство и сохранила эту религию даже после арабского завоевания Египта (см. ниже).

Однако большинство блеммиев сохраняло языческую веру, сложившуюся под влиянием древнеегипетской религии. Последние жрецы египетских богов, преследуемые на своей христианизированной родине, не могли нахвалиться благочестием блеммиев и нубийцев. На пограничном острове Филэ, южнее Асуана, благодаря заступничеству блеммиев и нубийцев сохранился храм Осириса и Исиды, который византийские власти не смели разрушить. Здесь язычники — блеммии, нобаты и римские подданные — собирались на поклонение Исиде, Осирису и Мандулису — львиноголовому богу Нубии. Все они участвовали в торжественных процессиях в дни храмовых праздников с жертвоприношениями и красочными мистериями, во время которых жрецы и жрицы исполняли священные пляски под аккомпанемент сistrов и барабанов. Во время храмовых праздников совершались торговые сделки, поэтому Филэ был одним из главных пунктов товарообмена между Нубией и Египтом. Этот остров с его святыми местами являлся яблоком раздора между блеммиями и нобатами, с одной стороны, и римско-египетскими властями — с другой.

В 451 г. беджа и нубийцы выступили в поход против римлян. Их отряды вторглись в Верхний Египет и оазис Птолемаиды, но были остановлены и отброшены римскими войсками. Легионерами командовал Максимин, его другом и спутником был византийский историк

Приск, автор книг «О деяниях Аттилы» и «Византийская история». На острове Филэ состоялась встреча Максимиана и Приска с вождями суданцев. Здесь было заключено перемирие, затем мирный договор, возобновленный в 453 г. в виде столетнего мира между Византией и царями блеммиев и нобатов. Согласно условиям договора, на острове Филэ сохранялось святилище Исида и Осириса, жители Судана получали право свободно приходить сюда для поклонения богам; более того, статуи богов, по древнему египетскому обычаю, могли «путешествовать» по Нилу на юг, в земли нубийцев и беджа. Затем они непременно возвращались в храм. Кроме того, византийское правительство обязалось уплачивать субсидию царям нубийцев и блеммиев за их отказ от набегов на византийские владения в Египте.

Хотя этот столетний мир был нарушен через 50 лет, набеги африканских народов на Египет прекратились, контакты между Египтом и Нубией умножились и приобрели почти исключительно мирный характер. Между государствами Нубия и Византия происходил обмен посольствами, в глубь Африки проникали византийские путешественники.

Путешествие Олимпиодора

Как указывалось выше, жрецы египетского языческого храма в Филэ поддерживали тесные связи с блеммиями, особенно с прорицателями этого народа. В начале V в. их услугами решил воспользоваться греческий ученый из Верхнего Египта, по имени Олимпиодор. Он не принял христианства и оставался одним из последних язычников в Египте, где все слои населения почти поголовно приняли новую религию. Заручившись поддержкой жрецов и прорицателей, Олимпиодор предпринял путешествие в Нижнюю Нубию, куда редко осмеливались проникать частные лица из византийских владений. Языческие жрецы выхлопотали своему единоверцу разрешение на посещение этой страны у царя блеммиев, столицей которой был город Талмий. Из Фив до этого города Олимпиодор добирался пять

суток, а затем вернулся обратно, посетив другие городки блеммиев, лежащие на восточном берегу Нила. Таким образом, это путешествие не было выдающимся предприятием. Однако записки Олимпиодора об этой стране представляют большой интерес.

Византийские миссионеры в Нубии

Около 530 г. храм Осириса и Исиды в Филэ был ликвидирован (о том, как это произошло, будет рассказано ниже, в главе «Закавказье и Африка»); на его месте была построена церковь, где служил епископ. Первым епископом Филэ был Феодор.

В то время в Судане и Византии произошли важные политические события; в Нижней Нубии царь нобатов Силко покорил блеммиев, живших на восточном берегу Нила, и нанес поражение нубийцам Мукурры, обитавшим южнее его владений; в Византийской империи же произошел очередной церковный раскол на православных и монофизитов. Первых поддерживал император Юстиниан, вторых — его жена, бывшая актриса Феодора. В Египте и в Аксумском царстве были представлены оба течения, но монофизиты численно преобладали. Небольшая христианская община Нубии и острова Филэ оказалась между двух огней: православные и монофизиты старались перетянуть их каждый на свою сторону.

Подробности этой борьбы излагает только одно сочинение той эпохи, написанное на сирийском языке, — «Церковная история» Иоанна Эфесского. Все прочие рассказы о крещении Нубии заимствованы из этого сочинения.

Иоанн находился в самой гуще борьбы, правда, не в Нубии, а в Византии. Он встречался лично с героями своего рассказа, присутствовал при их встречах в Константинополе, но... сообщенная им версия все-таки слишком тенденциозна, а многие факты искажены. Так, например, он уверяет, что примерно до середины VI в. в Нубии не было христиан и все местные жители оставались языч-

никами. Однако мы знаем, что это неверно; просто христиане не составляли большинства, христианство не было официальной религией ни в одном из четырех местных государств — Нобадосе, Мукурре, Алве и царстве блеммиев, а главное, Нубия не определила окончательно своего отношения к православию и монофизизму.

Однако за неимением лучшего будем следовать за рассказом Иоанна Эфесского.

Он говорит, что император и императрица соперничали в том, чтобы обратить нубийцев каждый в свою веру. Императрица Феодора хитроумно провела своего мужа, который хотел поручить епископам Верхнего Египта обратить нубийцев в православие. Она направила в эту область константинопольского священника Юлиана, сторонника монофизизма. Когда она сообщила об этом императору, он остался весьма недоволен. Юстиниану совсем не понравился план императрицы, грозивший усилением у границ Египта монофизитов, проявлявших оппозицию к его власти. Император приказал направить к царю Нобадоса (Северная Нубия) специальных послов с ценными дарами, в том числе золотом и крещальными ризами. Дуксу (губернатору) Верхнего Египта послы передали письма от императора с приказом оказать им необходимое содействие. Посольство должно было побудить нубийского царя креститься, крестить тех из своих подданных, кто оставался в язычестве, и утвердить в стране православие. «Когда об этом узнала царица (Феодора), она тотчас с хитростью составила письма к дуксу Фиваиды (Верхнего Египта. — *Авт.*) и послала туда магистриана (чиновника. — *Авт.*)», — злорадно сообщает Иоанн.

В своем письме она потребовала от дукса задержать императорских послов, а Юлиану оказать содействие. Дукс, опасаясь за свою голову, выполнил требование императрицы: шутки с ней были плохи — Феодора держала целый штат личных шпионов и убийц.

Далее рассказ Иоанна Эфесского принимает елейный тон: «Когда блаженный Юлиан и бывшие с ним посланцы достигли страны Нобадос, они послали к царю и его вельможам и известили их о своем

прибытии. Навстречу им выслали войска, радушно встретив их, доставили их в свою страну к своему царю, и он принял их радостно. Юлиан отдал послание царицы, прочитал и сообщил его содержание, они приняли также богатые подношения, многочисленные крещальные одежды, все приготовленное в дар им».

Далее говорится, что знатные нубийцы во главе со своим царем приняли монофизитское христианство, когда же с опозданием прибыли императорские послы, «царь Нобадоса со своими вельможами... ответил им: «Мы принимаем подарки императора... и мы пошлем ему подарок, веру же его мы не принимаем... Мы от язычества и заблуждений удаляемся не для того, чтобы вновь впасть в зловерие, которое не признаем»».

Так или иначе царь северных нубийцев Силко, вероятно, действительно склонился к монофизизму. Впрочем, его надпись, составленная по-гречески, не позволяет делать никакие определенные выводы на этот счет; ясно только, что он придерживался единобожия, но язычников-блеммиев заставил поклясться «своими идолами».

Далее Иоанн Эфесский говорит, что Юлиан оставался в Нубии в течение двух лет. В жаркие дни он проповедовал свою веру, забравшись в пещеру с водой (своеобразный бассейн); вокруг него располагались знатные нубийцы. Он одевался по обычаю страны в одну только набедренную повязку, правда, из египетской льняной ткани. Затем Юлиан покинул Нубию и вернулся в Константинополь. Наставником же нубийских христиан остался Фесдор, епископ Филэ.

Это был осторожный человек, ладивший и с православными, и с монофизитами, и с византийскими властями, и с вождями суданцев. Он постоянно жил на своем острове, изредка навещая нубийскую паству. Так продолжалось 18 лет.

За это время умер царь Силко и на престол Северной Нубии вступил его сын Эйрпаноме. При нем 23 января 559 г. была освящена церковь в Дендуре (ныне затоплена в связи с созданием Асуанской плотины). В честь этого события была составлена надпись, сообщающая об открытии церкви, на котором присутствовали царь,

епископ Феодор, подчиненный ему пресвитер Иоанн, копт по национальности, наместник Талмия, по имени Иосиф, и нубийские вельможи, носившие византийские титулы и христианские имена: Пафнутий, Епифаний, Марк. Таким образом, новый царь заботился о насаждении христианства в своих владениях, недавно отвоеванных у блеммиев. Сама церковь была переделана из древнего языческого храма, стоявшего здесь тысячелетия. Судя по надписи, в страну интенсивно проникали идеи византийской государственности. Как и новая религия, они весьма импонировали правителям страны.

Следующая часть рассказа Иоанна Эфесского относится ко времени между 570 и 581 гг.

Вождем монофизитов был константинопольский патриарх Феодосий. В день своей смерти он назначил в Нобадос нового епископа Лонгина, некогда оказавшего ему важную услугу. Лонгин был избран как «муж усердный и могущий совершенно обратить и утвердить их (нубийцев. — *Авт.*) в христианстве». Однако император Юстиниан запретил ему путешествие в Нубию, опасаясь, что новый, неблагонадежный епископ «возбудит их к войне и полону земли византийской».

Только через три года Лонгину удалось бежать из Константинополя и пробраться в Нубию. «Снова он всех обучал, просвещал и учил. Он учредил там церковь, установил клир, научил порядку богослужения и всем правилам христианским». Более того, «Лонгин побудил царя этого народа направить посла к императору византийцев с подарками и подношениями. Тот был принят с почестями в присутствии нас и других; он хвалил Лонгина, говоря: «Мы были христианами только по имени; мы не знали, что такое христианство действительно, пока не прибыл к нам Лонгин и не обучил нас». Он много говорил о нем (Лонгине. — *Авт.*), но император был недоволен и молчал».

После того как епископ Лонгин почти шесть лет провел в Нобадосе, он получил письмо от александрийского архипресвитера Феодосия и его племянника архидиакона Феодора. В письме он прочел

о том, что духовное начальство вызывает его в Египет на выборы нового патриарха взамен умершего в 575 г. И Лонгин отправился в египетский город Мареотиду, где намечалось собрание монофизитских епископов.

В то время внутри монофизитской церкви происходила борьба между партиями яковитов и павлитов. На выборах в Мареотиде яковиты одержали верх, и Лонгин, примыкавший к павлитам, опасался репрессий. Он считал за благо покинуть Египет (или даже попросту поспешно бежал оттуда). Через некоторое время он продолжил свою миссионерскую деятельность, возможно, с целью получить реабилитацию в Александрии. Теперь он задумал приобщить к монофизитскому христианству самое южное из нубийских государств — царство Алва. Иоанн Эфесский так передает историю «крещения алодиев», жителей Алвы.

Еще до поездки Лонгина на Мареотидский собор царь Алвы направил посольство к царю Нобадоса с просьбой прислать ему епископа. Но так как Лонгин отбыл в Египет, царь Алвы его не дождался и послал в Нобадос второе посольство. По словам Иоанна, александрийские церковники постарались оклеветать Лонгина; они написали царю алодиев письмо, где Лонгин поносился как еретик. Вместо епископа нобатов александрийские яковиты предлагали царю принять собственную духовную миссию в составе двух епископов и других лиц. Однако им было в этом отказано (все эти подробности, конечно, остаются на совести Иоанна Эфесского, который сам был павлитом и не ладил с яковитами).

Между тем Лонгин готовился к путешествию в Алву, занимавшую среднюю и южную часть Судана к югу от устья реки Атбара. Путешествие сюда осложнялось тем, что между царством Нобадос и Алвой лежало самое сильное из нубийских царств — Мукурра. Правитель его не исповедовал в то время монофизитства, может быть, он придерживался православия. Таким образом, царь северных нубийцев, по-видимому, рассматривал свой монофизизм как оппозицию (но оппозицию благоразумную, не такую резкую, как язычество или

иудейство) к соседним государствам Византии и Мукурре, а царь южных нубийцев, алодиев, видел в монофизизме выражение духовной солидарности и политического союза с нобатами, а также аксу-митами, которые разделяли с византийцами гегемонию в Северо-Восточной Африке.

Царь Мукурры совсем не желал осуществления этого союза. По словам Иоанна Эфесского, «сатана внушил ему в своей зависти поставить стражу на всех границах царства, на всех путях, на всех горах и равнинах до самого Красного моря, чтобы схватить Лонгина». Но и царь Нобадоса не плошал. Прежде всего он снарядил для поездки Лонгина большой верблюжий караван, укомплектовал его погонщиками, охраной и проводниками, «хорошо знавшими пустыню»; для питания каравана в пути он выделил стадо быков. И вот караван двинулся в обход Нильской долины через Нубийскую пустыню, знойную и безводную. Здесь жили блеммии, покоренные царем Силко. Его преемник царь Аварфиуло, возможно сын Эйрпаноме и внук Силко, послал царю блеммиев письмо с просьбой (или приказом) оказать содействие путешественникам. И все же переход через пустыню был чрезвычайно тяжелым. От жары пало множество животных, в том числе 17 верблюдов. О том, какие лишения пришлось перенести Лонгину и его спутникам, можно судить по запискам путешественников нового времени (в том числе Е. П. Ковалевского).

Но вот самая трудная часть пути пройдена благополучно, и караван снова приближается к долине Нила. Навстречу ему выходит отряд алодиев во главе с вельможей, по имени Иткьо (или Итико), специально посланный царем Алвы для встречи каравана. Далее миссия с триумфом прибывает в столицу государства. Лонгин обращает в монофизитское христианство царя, знать, простой народ. Это было массовое крещение южных нубийцев, «и народ божий умножался каждый день». Так говорит Иоанн Эфесский, ссылаясь на переписку Лонгина с патриархом Феодором и царем нобатов Аварфиуло. Миссионер все же сам признавал в одном из своих писем,

что христианство в Алве появилось еще до его прибытия, до 581 г. Здесь он застал аксумитов из Севернэй Эфиопии, некоторые из которых впали в юлианскую ересь. Лонгин «сообщил им истинную веру и потребовал от них письменного отречения от этой ереси». Это свидетельство византийского миссионера бросает свет на роль Аксума в распространении христианской религии на юге Нубии, а также в районах, лежащих между Аксумом и Алвой.

«Тысячи тысяч тех, которые спешат к спасению, находятся здесь!» — восторженно восклицал Лонгин, обращаясь к своему корреспонденту. В последующие века христианство широко распространилось среди народов Судана, от границ нынешней Республики Чад до Красного моря, от Асуана до гор Нуба. Возникла новая блестящая и самобытная цивилизация, которая может выдержать сравнение с цивилизацией средневековой Европы и, может быть, даже с мероитской цивилизацией, существовавшей здесь в древности. Снова (после забвения мероитского письма) возникает нубийская письменность; теперь она пользуется греческим алфавитом, к которому было добавлено несколько коптских и мероитских букв. Духовенство и знать изучают греческий язык. Даже после того как между Византией и Нубией возникла непроходимая стена арабских владений, следы византийского культурного влияния сохранялись долгое время — настолько прочную основу культурных контактов заложила деятельность Юлиана, Лонгина и многих других византийских миссионеров, имена которых в большинстве случаев остались нам неизвестны, а порой с трудом читаются на выветренных надгробных плитах в древних нубийских монастырях.

Тысячелетний период истории от походов Александра Македонского до образования Арабского халифата составлял переходную эпоху от древности к средневековью. В это время к северу и востоку от Тропической Африки окончательно формируется первая в истории

человечества мировая система цивилизаций — от Кореи, Японии и Явы до Британии и Мавритании (Марокко). К северу от Сахары весь цивилизованный мир был объединен в составе эллинистической, римской и византийской цивилизаций. По отношению к Тропической Африке народы Северной Африки, Европы и Передней Азии выступали в определенном единстве, которое в римский период наполнилось не только социальным и культурным, но также и политическим содержанием.

Вслед за державой Ахеменидов образуются новые мировые державы частью на ее развалинах, частью к востоку и западу от нее, охватывая все основные территории мировой системы цивилизаций. Внутри их развиваются синкретические культуры, обнаруживающие многие общие черты, возникают и распространяются мировые религии — буддизм, христианство, манихейство. Постоянно функционируют торговые пути большой протяженности, соединявшие, в частности, Западную Европу с Восточной Азией, Восточную Африку с Крымом и долиной Рейна.

В это время в Тропической Африке рождаются новые оригинальные цивилизации; они по-прежнему тяготеют в основном к северо-восточной и северной перифериям этого региона и испытывают могучее влияние средиземноморской и отчасти восточных (южноаравийской, индийской) цивилизаций. Вместе с тем они укрепляют связи между собой. Нубия поддерживает разнообразные связи с Северной Эфиопией, а в середине IV в. обе страны даже объединяются под властью аксумских царей. К югу от Сахары возникли первые цивилизации Западного Судана, которые, возможно, образовали особую систему и поддерживали контакты с цивилизациями средней долины Нила. Народы, населявшие африканские берега Индийского океана, установили регулярные торговые связи с заморскими странами, а также, вероятно, и с молодой цивилизацией междуречья Замбези и Лимпопо. Христианство, проникшее в Нубию и Эфиопию с севера, еще больше усилило связи этих стран с внешним миром: в них вовлекаются более отдаленные территории — до области истоков Нила и

берегов Танзании. Однако лишь в следующий период (от арабского завоевания Северной Африки до открытия португальцами морского пути в Индию) эти контакты расширяются настолько, что охватывают почти половину материка.

Через три океана. Арабо-африканские связи

Три океана отделяют Тропическую Африку от внешнего мира: Атлантический океан на западе, Индийский — на востоке и безводный океан песка и щебня — Сахара — на севере.

Средневековые арабы были первым в мире народом, который преодолел просторы всех трех океанов и одновременно многими путями, караванными и водными, проник в Африку южнее Сахары. Выше говорилось, что еще в древности арабы совершали морские плавания в Эфиопию, Сомали, Восточную Африку. Военные действия аксумитов в Йемене и других странах Аравийского полуострова в III—VI вв. затрагивали интересы всех арабов, отдельные племена которых принимали участие в борьбе на той или иной стороне. Эфиопские войска, поселенные в Южной Аравии, около 535 г. встали против своих командиров. Мятежники выбрали из своей среды нового царя Хымьяра — простого воина Абреху, бывшего раба какого-то византийского купца, торговавшего в Адулисе. Абреха оказался талантливым военачальником и правителем. Он нанес поражения карательным экспедициям аксумского царя, а простых воинов-аксумитов переманил на свою сторону. Однако после смерти царя Элла-Асбехи он считал за благо прийти к соглашению с его преемником, вассалом которого Абреха себя признал. При дворе Абрехи в Сане встречались послы Эфиопии с послами северных арабских государств и Византийской империи. В церквах Йемена и Адена служили византийские и аксумские священники, а культурное влияние Эфиопии (главным образом в области религии и военного быта) распространялось отсюда по всему Аравийскому полуострову.

Ислам и аксумиты

Начиная проповедь ислама, Мухаммед направил в Эфиопию посольство. Он хотел заручиться поддержкой аксумского царя. Когда притесняемые в Мекке мусульмане бежали из города, часть их с женами и детьми поселилась в Эфиопии. Здесь беглецы пользовались полной свободой вероисповедания, как подчеркивают арабские историки. За первой волной эмиграции последовала вторая; всего в стране аксумитов собралось около 100 арабов-мусульман.

Официальное посольство Мекканской республики прибыло ко двору нагаши, требуя выдачи эмигрантов. Но аксумский царь не удовлетворил требования Мекки.

У основателя мусульманского государства было несколько вольноотпущенников-эфиопов, которым пророк поручал важные государственные дела. Был у него и отряд эфиопских телохранителей-копейщиков. В Мекке эфиопы занимали специальный квартал, главой которого был избранный ими староста.

Арабские историки говорят также о переписке Мухаммеда с царем Эфиопии Армахом, сыном Эллы-Сахама. Армах будто бы даже принял ислам, но это, очевидно, домыслы поздних арабских авторов.

Подобно мусульманам в пределах Аксумского царства находили убежище и язычники-мекканцы. Сохранилось предание об Икриме ибн Абу Джахле, который был противником Мухаммеда и после победы Мухаммеда был вынужден бежать из Мекки. Икрим якобы рассказывал: «Я хотел отправиться в море, чтобы присоединиться к абиссинцам (т. е. переправиться в Эфиопию). Когда я подошел к кораблю, чтобы сесть на него, владелец судна (очевидно, христианин) сказал: «Раб божий, не садись на мой корабль, пока ты не признаешь единого бога и не отречешься от всех богов, кроме него; я боюсь, что, если ты этого не сделаешь, мы погибнем на корабле». Тогда Икрим воскликнул: «Зачем же я покинул родину, не желая признать единого бога?!» Он вернулся в Мекку, занятую торже-

сивующими мусульманами, и вместе со всеми горожанами принял ислам.

Это сообщение арабских историков привлекло внимание В. В. Бартольда, крупнейшего русского востоковеда. Он написал статью «Коран и море», где доказал, что мотивы морской стихии появились в Коране благодаря поездкам первых мусульман в Эфиопию; они рассказали свои впечатления пророку, обладавшему яркой фантазией, но никогда не посещавшему морские берега.

Культурные, торговые и политические контакты с аксумской цивилизацией ясно прослеживаются в истоках арабо-мусульманской культуры.

Эфиопия и халифат

Создание мировой державы — Арабского халифата, поглотившего Персидскую и большую часть Византийской империи вместе с целым рядом государств меньшего размера, направило экспансию арабов на север от их первоначальной родины. Что касается Южной Аравии, ближе всего расположенной к странам Африки южнее Сахары, то она еще с VI в. находилась в состоянии глубокого экономического упадка. Однако здесь никогда не переводились коричневые от загара, просоленные морем и потом полуголые моряки в грязных чалмах, которые на утлых суденышках под косым парусом плавали к ближним и дальним африканским берегам. Основной целью таких плаваний была торговля. Но порой они доставляли переселенцев — эмигрантов или ссыльных, а иногда войска.

Еще при жизни пророка, в 630 г., эфиопская флотилия напала на аравийский порт Шуайба. После смерти Мухаммеда нападения эфиопских моряков на берега Аравии продолжались. В 20 году мусульманского летосчисления, соответственно в 640 или 641 г. н. э., халиф Омар получил известие о новом набеге аксумитов. Он послал против них четыре боевых корабля с двумя сотнями воинов, но успеха не добился. Красное море оставалось в полной власти аксумитов. В следующем году йеменцы воевали «для своей защиты»

с эфиопами, а в 651 г. последние совершили новое нападение на берег Аравии. В дальнейшем набеги, вероятно, повторялись.

В 702 г. произошло последнее и самое крупное нападение эфиопов на Хиджаз. Их военный флот захватил порт Джидду, создав непосредственную угрозу Мекке, религиозному центру халифата. В Мекке царила паника; власти убеждали жителей покинуть город и преградить дорогу нашествию «черных, бесчисленных, как муравьи».

Вероятно, в ответ на этот набег арабский флот вышел к берегам Эфиопии; на этот раз мусульмане захватили и разрушили Адулис — главный порт и второй по величине город Аксумского царства. Шведский археолог Сундстрём и итальянский археолог Парибени, производившие раскопки Адулиса в начале нашего века, обнаружили следы насильственного разрушения города; по их мнению, это сделали арабы в начале VIII в. Позднее Адулис отстроился, но уже не мог достичь прежних размеров и процветания. В VIII—IX вв. его население составляли христиане и мусульмане с преобладанием последних. Соседний архипелаг Дахлак и, должно быть, окрестные острова, в том числе Массауа, были заняты арабами, которые продолжали здесь оставаться до середины XV в. Позднее к ним прибавились новые переселенцы из Аравии. Арабы заселили и остров Суакин, где возник одноименный город.

Массауа называется у живущих поблизости народов Баце или Баде; средневековые арабы называли это место Бады. Еще в 634 г. халиф Омар отправил сюда мятежника Абу Михгана. После 702 г. местом ссылки стал архипелаг Дахлак. Около 715 г. на Дахлак был сослан поэт ал-Ахвас, написавший сатиру на халифа Сулеймана ибн-Абд ал-Малика. Сюда же в 718—719 гг. был сослан знаменитый в арабском мире Язид ибн ал-Мухаллиб. Халиф ал-Мансур удалил на Дахлак сыновей Абд ал-Джаббара, хоросанского наместника. В это время прекратились не только набеги эфиопских судов, но и торговые плавания африканских кораблей в Красном море. Очевидно, арабы почти полностью уничтожили эфиопский флот, сведения о котором появляются вновь только в XIV в.

Походы арабов в Нубию

В 640 г. сравнительно небольшой арабский отряд захватил Египет. Отсюда экспансия арабов направилась на запад — в Киренаику и лежащие далее византийские владения Северной Африки, а также на юг — вверх по Нилу. Здесь мусульманские завоеватели натолкнулись на решительное сопротивление нубийцев.

Первые столкновения произошли в том же году, когда Египет подпал под владычество мусульман; арабская конница вторглась в Северную Нубию, но не смогла достичь больших успехов. В 642—644 гг. арабы повторили набег и снова были отброшены. Арабские историки приводят воспоминания некоего хымьярита, участника этих набегов: «Дважды я видел нубийцев в правление Омара ибн ал-Хаттаба, и не видел я народа, более сильного в битве, чем они... Однажды вышли они к нам и выстроились против нас, а мы хотели напасть на них разом с мечами, но не смогли мы отбросить их. Они стреляли в нас, попадая в наши глаза, и насчиталось 150 выбитых глаз. И сказали мы: «Добыча от них мала, а раны от них тяжелы»».

Арабы были снова отброшены за I нильский порог, но мирного договора с нубийцами не заключали, а продолжали набег на их селения.

Наконец около 651 г. разгорелась настоящая война. В то время наместником Египта был назначен Абдаллах ибн Саад, к которому благоволил новый халиф Осман. Абдаллах решил одним ударом покорить богатую золотом христианскую страну, пограничную с его наместничеством. Огромная по тем временам арабская армия численностью 70 тыс. конных и пеших воинов вторглась в Нижнюю Нубию. Эту часть страны арабы опустошили целиком, после чего вступили на территорию Мукурры и дошли до ее столицы Донголы. Некоторые поздние арабские историки утверждают, что город был взят штурмом, но более ранние авторы этого не говорят. Во всяком случае у стен Донголы разыгралась решительная битва. И снова прославленные нубийские «стрелки по зрачкам» отбили все атаки тяжелой

кавалерии арабов, перед которой не могли устоять лучшие армии тогдашнего мира. «И говорит поэт:

Не видел глаз мой ничего подобного Донголе,
Когда бежала конница в кольчугах тяжелых».

В третий раз за 1200 лет истории народ этой древнейшей в Тропической Африке страны остановил экспансию великой мировой державы. Нубийцы не пропустили арабских завоевателей в Африку южнее Сахары, как прежде не пропустили персидских и римских завоевателей. Арабы отступили в Асуан с пленными и другой добычей.

Теперь завоевателям половины мира, от Индии до Франции, пришлось идти на заключение мирного договора с бесстрашными и свободолюбивыми чернокожими стрелками. Встреча между представителями тех и других произошла в 652 г. на острове Филэ, освященном традицией тысячелетий. Здесь друг против друга стояли мусульманская мечеть и христианская церковь, постоянно находились представители арабского наместника Египта и царя Нижней Нубии. Условия договора были выгоднее для арабов, чем для суданцев, но гарантировали политическую независимость последних. Обе стороны отказались от разрешения противоречий военным путем. В столице Нубии арабами была построена мечеть, которую нубийцы обязывались «подметать и освещать, уважать ее права и не препятствовать молящимся посещать ее». Мусульманская община в Нубии освобождалась от военной службы в пользу государства Мукурра. «Мусульманин не обязан ни отражать вашего врага, ни оборонять вас от него на [всей территории] от границ земли Алва до границ земли Асуана», — гласит продиктованный арабами мирный договор. Нубийцам было запрещено селиться на постоянное жительство в Египте; они могли лишь на время приезжать с торговыми или другими целями. Нубийцы, кроме того, обязались выдавать арабам беглых рабов и крепостных крестьян из Египта. Ежегодно они должны были поставлять мусульманским властям этой страны свыше 400 рабов.

взамен чего получали пшеницу, чечевицу, ковры, лошадей, вино и другие нужные им товары. Такого рода принудительный обмен приносил определенные выгоды нубийской монархии и знати, но не сулил ничего хорошего крестьянам, которым грозили продажа в рабство и угон на чужбину (с этого времени нубийцы-рабы появляются во многих странах мусульманского мира, от Испании до Средней Азии).

Позднее арабы заключили аналогичный договор с вождями беджа. Те тоже обязались поставлять в Египет по 300 девушек ежегодно. Большую часть рабов, которых кочевники Нубийской пустыни продавали арабам, они захватывали у соседних народов Эфиопии и Нильской Нубии. Итак, ежегодно из Судана в арабские страны угонялись сотни молодых людей. Трудно даже представить себе, какие бедствия несла эта позорная торговля живым товаром крестьянам каменистой страны, влачившим жалкое, полунищенское существование.

Не удивительно поэтому, что нубийский народ прежде всего стремился расторгнуть соглашение о «бакте», как назывались поставки рабов арабским властям Египта. Уже в царствование халифа Марвана I (684—685 гг.) нубийцы вторглись в пределы Верхнего Египта и дали мусульманским войскам бой. Против нубийских стрелков были двинуты отряды арабского наместника Египта и сирийские войска самого халифа; понеся большой урон, они вынудили противника отступить на свою территорию.

Но самое смелое нападение нубийцев на арабские владения произошло в 750 г. В то время наместником Египта был знатный представитель арабского племени лахмидов, по имени Абдель-Малик ибн-Марван ал-Лахми. За полгода своего правления (с января по июль 750 г.) он сумел восстановить против себя всех, кого только возможно. Коптского патриарха Михаила он бросил в тюрьму, обвинив этого почтенного старца в государственной измене, ибо тот не желал способствовать проведению в Нубии арабской политики. Друзья Михаила прибегли к заступничеству нубийцев.

Царь Мукурры Кирьякус, подчинивший себе все нубийские земли, направил Михаилу письма. Каким-то образом копты сумели передать их заключенному, и дьякон-секретарь прочел их ему вслух, монотонным голосом, делая вид перед тюремщиками, что читает коптскую молитву. Одновременно в Фустат (возле Каира), где находилась резиденция наместника, прибыл посол нубийского царя и потребовал у Абдель-Малика освобождения патриарха. В ответ заносчивый лахмид отправил посла в темницу, в одну камеру с его подзащитным. Пока узники молили бога о своем освобождении, весть о случившемся достигла Донголы.

Тогда царь Кирьякус выступил в поход на север во главе огромного войска, в составе которого, согласно коптским историкам, находилось 100 тыс. конных воинов и 100 тыс. верблюдов. Как ураганный южный ветер марisia, нагрянуло нубийское войско на Египет. Оно проходило по землям, большую часть населения которых составляли христиане-копты, единоверцы нубийцев, видевшие в них своих союзников и защитников от религиозного, национального и социального гнета мусульман. Не ограничиваясь оккупацией Верхнего Египта, Кирьякус двинул свою армию на Каир. Передовые отряды нубийцев дошли на севере до колодца, названного якобы с тех пор абиссинским (арабы часто смешивали эти два африканских народа). Тогда Абдель-Малик поспешно освободил и патриарха, и посла. Коптский историк Север ибн-ал-Мукаффа уверяет, что нубийские войска остановили свое наступление лишь после того, как освобожденный посол нубийцев явился к царю Кирьякусу и царь успокоился, узнав, что патриарх Михаил находится на свободе в полной безопасности и мусульманские власти хорошо с ним обращаются. Конечно, тенденциозность такого сообщения не вызывает сомнений, но, вероятно, победоносный поход нубийцев на Египет устрасил мусульманских правителей страны и укрепил позиции коптов-христиан.

Нубийцы везде подчеркивали свое христианское правоверие, оправдывая им любые действия своей армии. Так, разорив окрестности города Кайс, они указали на грех идолопоклонства тамошних

жителей, почитавших статую, называемую Салкыт, — может быть, произведение древнеегипетского искусства. Незавидной была участь тех из мусульман, даже мирных жителей, кто оказался на пути нубийской христианской армии. Позднее арабы вспоминали, как нубийцы грабили, убивали и уводили в плен всех встретившихся им мусульман. Они мстили за угон в рабство своих соотечественников, похищенные работоторговцами из Асуана нубийских детей, за позорный бакт. Однако для объединения всей долины Нила сил Мукурры не хватало. Кирьякус вынужден был вывести свои войска из Египта, но отныне прекратил поставки рабов на 25 лет.

Нубийцы решились на столь смелый набег потому, что в Арабском халифате разгорелась жестокая междоусобная война между сторонниками правящей династии Омейядов и соперничавшей с ней семьей Аббасидов. Борьба закончилась свержением с престола последнего омейядского халифа Марвана II и почти поголовным истреблением многочисленного рода Омейядов. Лишь очень немногие представители старой династии сумели спастись. Один из них бежал на запад и основал в Северной Африке и Испании новый халифат. Другие искали спасения в Нубии и Нубийской пустыне (об этом подробнее рассказано в главе «Что знали об Африке в Средней Азии в средние века»). Для нас пока важно отметить, что наиболее желанной страной эмиграции они избрали именно Нубию, а также и то обстоятельство, что царь Кирьякус предложил им покинуть свои владения в течение трех суток. Арабские историки передают множество мудрых речей, сказанных нубийским царем при встрече с Омейядами в порицание их распущенности и в похвалу умеренного и праведного образа жизни. Такую репутацию приобрел Кирьякус в общественном мнении коптского и арабского Египта!

При этом характерно, что в его расчеты отнюдь не входило ссориться с новыми правителями Арабского халифата — Аббасидами из-за незадачливых отпрысков свергнутой династии. Арабские историки, видимо, совершенно правы: Кирьякус был мудрым и энергичным правителем.

В 775 г., при аббасидском халифе ал-Махди, был, наконец, заключен новый мирный договор между Арабским халифатом и Нубией. Нубийская знать была заинтересована в возобновлении государственного товарообмена с арабской державой, которая была не только самой крупной из соседних с Нубией стран, но и самой передовой страной тогдашнего мира. Однако поставки рабов были для Нубии неприемлемы. Поэтому правители Донголы обратились к халифу с петицией, предлагая снизить втрое бакт, поставляемый по договору 652 г. Халиф ал-Махди принял их требование: теперь обмен африканских рабов на египетские товары производился раз в три года; за это время нубийские цари успевали набрать достаточное количество пленников в набегах на соседей или в тюрьмах, где содержались преступники; мирным же крестьянам не приходилось, как прежде, отдавать в счет бакта своих сыновей.

Арабы и беджа

Вместе с Египтом арабские завоеватели унаследовали от византийцев весь комплекс отношений с кочевниками беджа. Беджа нуждались в продуктах земледелия и ремесел, производимых в долине Нила; египетские власти с вождением поглядывали на каменистую Нубийскую пустыню, бесплодную, но сказочно богатую золотом, серебром и драгоценными камнями. И не только официальные власти; арабское завоевание привнесло в Египет социальный элемент, близкий беджа по образу жизни, не боявшийся лишений и трудностей жизни в пустыне, жадный до сокровищ и дорогих украшений. Речь идет о бедуинских племенах. Часть из них поселилась в дельте Нила и отсюда продолжила экспансию в западном направлении; другая часть заняла пограничные области Верхнего Египта и побережье Красного моря.

Беджа и бедуины не могли долгое время пребывать в мире друг с другом; то одна, то другая сторона, как это обычно бывает у кочевников, задирали или грабили другую; страдали же более всего

египетские крестьяне и жители мелких городков, на землях которых разыгрывалась борьба.

Вот один характерный пример. В 204 г. мусульманского летоисчисления (819—820 гг. н. э.) правитель египетского города Коптоса, по имени Ибрагим, отправился в хадж — обязательное для мусульман паломничество в Мекку. Почтенный шейх Ибрагим выбрал на свою беду наиболее короткий и быстрый путь — через пустыню — к берегу Красного моря. Он полагался на давнее знакомство с Мухой, вождем северных беджа, который неоднократно приезжал в Коптос для торговли и в течение многих лет заключал с Ибрагимом выгодные сделки. Правитель Коптоса и сам бывал в пустыне. Он тщательно снарядился в дорогу, взял с собой всех своих чад и домоладцев и выступил в хадж. Муха сопровождал своего друга (кунака), а с ним находилось несколько его соплеменников беджа.

В пути все паломники погибли от жажды, за исключением маленького сына Ибрагима. Жители Коптоса обвинили в их смерти кочевников, которые не пожелали указать паломникам источники воды. Беджа якобы коварно погубили Ибрагима, чтобы он, хорошо узнав пустыню, не привел когда-нибудь сюда арабские отряды.

Оставшийся в живых мальчик был продан кочевниками в египетский город Эдфу и оттуда был привезен в Коптос. Так жители города узнали о гибели своего правителя и его семьи. Теперь они горели возмущением и жаждой мести.

Тем временем ничего не подозревавший Муха и 30 других вождей беджа, как обычно, прибыли за покупками в Коптос. Они собирались купить фиников и пшеницы. Хотя правитель города был мусульманином, подавляющее большинство жителей составляли христиане-копты. Среди беджа тоже были последователи христианства. Поэтому их поместили на ночь в одной из городских церквей, может быть расположенной напротив базара. Когда они уснули, в церковь пришли мусульмане и перебили всех находившихся там беджа.

В ответ кочевники совершили налет на древний город, существовавший на протяжении всей египетской истории. Город был захвачен

разъяренными беджа, которые не щадили ни мусульман, ни христиан. Большинство жителей Коптоса было убито, 700 человек взято в плен, остальные бежали на запад, на левый берег Нила.

Некоторые из беженцев добрались до Фустата, резиденции правителя Египта, но халиф ал-Мамун их не принял, занятый другими делами. Староста одного из кварталов Коптоса, потомок омейядского принца Хасана, все же рискнул отправиться в страну беджа и сумел добиться возвращения некоторых пленных. Но большинство угнанных в пустыню жителей Коптоса находилось в рабстве у беджа в течение семи лет.

Понемногу беглецы вернулись на старые места, палатили прежнюю жизнь, но не забывали ни о мести, ни об участии своих земляков, остававшихся в плену у беджа. Они готовились к походу в пустыню и повсюду искали союзников. На их просьбы откликнулся знатный житель города Хуфа, по имени Хакам ан-Набаги, принадлежавший к тому же арабскому племени айлан, что и покойный Ибрагим. Хакам привел в Коптос отряд из 500 конных и 500 пеших арабов. Вместе с городским ополчением они составили целое войско, немалое по тем временам.

Началась война, продолжавшаяся целых три года (827—831). Арабы глубоко вторгались в землю беджа, громя их поселения, захватывая пленных, скот и другое имущество. В итоге силы беджа были подорваны, они согласились на обмен коптосских жителей на своих плененных арабами соплеменников и заключили с Хакамом ан-Набаги мир. Его как героя чествовал весь Верхний Египет, население которого готовилось к продолжению борьбы. Во всех городах Верхнего Египта — в Асуане, Кусе, Коптосе, Эдфу — расширялись укрепления, готовились походы в Восточную пустыню.

В то же время походы в страну беджа показали арабам путь к источникам вожадепных минеральных богатств. В разных местах пустыни они видели остатки древних разработок золота и драгоценных камней, которые велись древними египтянами и «румами» — римлянами и византийцами. Сами беджа также кое-где добывали золото

в естественном сплаве с серебром, искали бериллы и хризолиты, но держали в тайне места разработок.

И вот с 831 г. в богатую драгоценными минералами страну беджа начали проникать первые арабские старатели. Они шли из городов долины Нила и от Красноморского побережья. Больше всего их манила сухая долина ал-Аллаки. Вскоре у старателей появилась какая-то организация; один христианский автор упоминает даже «начальника рудника, расположенного около Асуана»; это сообщение относится примерно к 833 г.

Но в 232 г. мусульманского летосчисления (846—847 гг.) произошли важные для беджа события. В этом году из аравийской Йемамы в южные и юго-восточные провинции Египта переселилось «много тысяч» арабов. Часть из них осела в долине Нила, другая часть заняла побережье Красного моря. В результате ряды потенциальных врагов беджа значительно пополнились и кочевники пустыни могли быть легко зажаты в клещи между Нилом и берегом моря.

Но они не были бы кочевниками, если бы не начали первыми военные действия. В том же 232 г. хиджры они захватили Анбу — городок Верхнего Египта. Правителем этой провинции являлся Убейд ибн-Джахма, мауля (клиент) самого халифа ал-Мамуна. Быстро и основательно подготовил он поход против беджа, намереваясь напасть на них с тыла. Посадив свое многочисленное войско на речные суда, он поднялся от принадлежавшего ему города Айнуна до острова Филэ на границе с Нубией и здесь расположился лагерем. Из лагеря у Филэ арабы совершали сокрушительные набеги на беджа, убивая кочевников пустыни и беря их в плен. Теперь те сами запросили мира и вернули всех пленных жителей Анбу.

Условия перемирия нам почти неизвестны, однако они вряд ли отличались существенно от других мирных договоров арабов с северными беджа. Все они копировали первый договор, заключенный в 734 г. Беджа обязывались не совершать набегов на Египет, не укрывать у себя беглых арабских рабов и поставлять бакт в количестве 300 девушек ежегодно. В случае убийства каким-либо беджа

подданного арабского халифа, безразлично мусульманина или христианина, договор автоматически расторгался. В случае кражи коровы похититель-беджа облагался штрафом 10 динаров, в случае кражи овцы — 4 динара. Беджа выдали арабам заложника, очевидно близкого их вождю человека. Кроме этого заложника, ни один беджа не имел права постоянно жить на территории Египта; они могли прибывать сюда лишь на самое короткое время «как торговцы». Однако в соглашении, заключенном Убейдом ибн Джахмой, был, вероятно, совершенно новый по духу пункт: если беджа не смели поселяться на египетской территории, то арабам разрешалось селиться на земле беджа и даже разрабатывать россыпи золота и драгоценных камней.

И арабы хлынули на «золотые поля» Нубийской пустыни, чтобы в бесплодной и знойной стране промывать водой из бурдюков и колодезных ведер, доставаемой с большой глубины, золотоносные пески. К 238 г. хиджры (852—853 гг.) в долине ал-Аллаки окончательно обосновались арабы из Йемамы — представители племен рабиа и мудар. Были здесь и выходцы из других арабских племен, а также арабизированные египтяне. Все они считались подданными египетского наместника и платили ему налог хумс, равный пятой части золота в сплаве с серебром и драгоценными камнями. Это была весьма многочисленная и беспокойная масса, очень свободолюбивая и недисциплинированная во многих отношениях, но в то же время связанная племенной спайкой и чем-то вроде цехового, профессионального единства золотоискателей. Этот арабо-африканский Клондайк представлял собой грозную опасность для соседних кочевий беджа.

Как и следовало ожидать, последние восстали. В 852 г. между арабами-старателями и беджа вспыхнул конфликт, которого невозможно было ни избежать, ни погасить. Поводом к нему, согласно утверждениям арабов, послужила ссора некоего араба с одним из беджа, поносившим пророка Мухаммеда. Это была искра, воспламенившая пороховой склад.

Арабский историк ат-Табари цитирует в своей хронике официальное письмо, посланное халифу ал-Мутаваккилу (847—861 гг.) начальником почт Северной Африки, который одновременно являлся начальником разведывательной службы. Этот важный чиновник доносил «повелителю правоверных», что беджа нарушили договор, который существовал между ними и мусульманами, вышли из своей страны к рудникам золота и драгоценных камней, которые находились на пограничной территории между Египтом и землей беджа, и убили нескольких мусульман из числа тех, кто работал на рудниках и добывал золото и драгоценные камни. Они взяли в плен некоторое число детей мусульман и их женщин и заявили, что рудники принадлежат им, беджа, и находятся на их территории и что они не разрешают мусульманам вступать на нее. И это заставило всех мусульман, которые работали на рудниках, бежать из этих мест в страхе за себя и своих детей. Поэтому перестали поступать султану (т. е. халифу) золото, серебро и драгоценные камни, добываемые в этих рудниках, которые он получал в качестве хумса.

Вместе с этим донесением начальник почт направил халифу петицию арабов-старателей, изгнанных с рудников. Ал-Мутаваккил собрал совещание для того, чтобы обсудить создавшееся в стране беджа положение. Участники совещания указали на трудность борьбы с кочевниками в знойной и безводной пустыне, «в которой нет ни воды, ни посевов, ни укрепления, ни замка». Вняв их советам, халиф решил до поры до времени не вмешиваться в конфликт между беджа и старателями. Но кочевники перешли в контрнаступление на арабов, перенеся военные действия в долину Нила. Ат-Табари меланхолично записывал: «Опасность со стороны беджа стала увеличиваться. Дерзость их в отношении мусульман возросла настолько, что жители Верхнего Египта стали бояться за себя и своих детей». И действительно, в 241 г. хиджры (855—856 гг.) кочевники Нубийской пустыни напали на пограничную охрану Египта.

Теперь халиф не мог больше игнорировать опасность. И он поступил так, как издавна поступали восточные деспоты в предвиде-

нии особенно трудного военного предприятия. Он приказал освободить из тюрьмы полководца Мухаммеда ибн-Абдаллаха ал-Кумми и назначил его руководителем обороны Египта. Начальнику военного ведомства этой провинции было приказано оказать ал-Кумми всю необходимую помощь людьми, оружием и снаряжением. Кроме того, ал-Кумми были подчинены порты Красного моря Кулзум и Айзаб и — в то время чисто номинально — район золотых рудников, захваченных беджа. Энергичный полководец быстро набрал 20-тысячное войско. В его состав вошли 500 пеших и 500 конных воинов, набранных в городах Верхнего Египта, три отряда по тысяче воинов из арабов-старателей племен раба, мудар и йеменцев, а также множество добровольцев из Нижнего Египта, Аравии и всего арабского мира.

Ал-Кумми решил зажать беджа в клещи между Красноморским побережьем и долиной Нила. Один отряд своих войск численностью 500—600 пехотинцев он посадил на корабли и отправил морем на юг; эскадра из семи кораблей, нагруженных продовольствием и солдатами, отплыла из Кулзума, чтобы в тылу беджа, в местности Санджа, на берегу моря высадить десант и создать базу для долговременных военных действий. В то время основные силы арабов под командованием самого Мухаммеда ал-Кумми вторглись в пустыню со стороны Нила. Проводники были не нужны, так как отряды старателей возвращались на свои рудники. По хорошо знакомой им дороге они пришли в район золотых приисков и отсюда продолжили путь к укреплениям, воздвигнутым кочевниками среди скалистой пустыни.

Здесь собралось ополчение беджа. Арабские авторы по-разному определяют его численность. Солидный ат-Табари сообщает только, что беджа было вдвое больше, чем мусульман, другие же авторы, которые опирались на слухи, а не на официальные документы, говорят даже о 200 тыс. воинов беджа, из которых 60 тыс. сидело верхом на верблюдах. Надо сказать, что одnogорбые верблюды беджа являются прямыми потомками дикого предка этих животных и считаются

самыми быстрыми в мире. Они соперничают в беге с лошадьми, а по выносливости далеко превосходят арабских коней. Это преимущество использовали вожди беджа. Они прибегли к своей излюбленной тактике неожиданных нападений на фланги и тылы противника. После атаки всадники на верблюдах рассивались в сильно пересеченной местности, где были как у себя дома, а затем присоединялись к главным силам. Подобной тактикой они изматывали арабские войска, рассчитывая на то, что у противника иссякнут силы и он вынужден будет отступить. Однако в критический момент в Санджу прибыла эскадра из шести кораблей, и ал-Кумми направил к побережью специальный отряд для встречи с десантом, выгрузки продовольствия и охраны его от кочевников. Теперь арабское войско пополнило свои запасы и получило некоторый резерв.

Царь беджа, по имени Али-Баба, и его сын Ланс убедились, что арабов измором не взять. И они приняли решительный бой, от которого прежде уклонялись.

Войско беджа построилось в ряды. Их верблюды, полудикие и пугливые, были связаны вместе. Стойкость шеренг мехаристов (воинов на верблюдах) от этого возрастала, но зато намного уменьшалась их подвижность; инициатива в бою переходила к арабам. Это и решило исход битвы.

Ал-Кумми применил против беджа военную хитрость. На полотнищах льняной ткани с золотыми нитями, производством которой издавна славился Египет, арабский полководец приказал крупными буквами начертать обращение к кочевникам. Полотнища были высоко подняты на копья, которые держали в руках арабские всадники на верблюдах. При восходе солнца ал-Кумми громко воззвал: «Это письмо повелителя правоверных к вам, о беджа!» Сбитые с толку темнокожие номады, не отличавшиеся дисциплиной, нарушили боевой порядок и стали вразброд приближаться к державшим полотнища арабам. Чтобы сделать это, они должны были отвязать верблюдов. «А когда беджа собрались вокруг полотнищ, — рассказывает арабский историк, — ударили в зинджские (негритянские) барабаны, и

ряды беджа пришли в беспорядок, и ал-Кумми напал на них». Бой огромных барабанов напугал полудиких верблюдов. Еще больше напугали их металлические колокольцы, которые ал-Кумми приказал привязать на шен арабских лошадей, пущенных в атаку на беджа. Верблюды заревели и понеслись в разные стороны, сталкиваясь друг с другом. Всадники падали на каменистую почву и гибли под копытами взбесившихся верблюдов. Других беджа убивали арабы. Большая часть кочевников погибла, остальные рассеялись по горам и долинам своей пустыни.

Царь их Али-Баба пытался собрать вокруг себя остатки войска. Спешившись, кочевники засели в одном из импровизированных укреплений. Там они провели ночь, но наутро были уничтожены. Однако Али-Баба сумел бежать. Некоторое время он скитался в пустыне, но затем попросил пощады.

Ал-Кумми разрешил ему вернуться в свои владения при условии уплаты большой контрибуции, и — самое неприятное — царь беджа должен был на время стать пленником арабского полководца и сопровождать его в триумфальной поездке ко двору халифа. Через весь Египет, Палестину, Сирию и Ирак прошествовал ал-Кумми вместе со своими воинами и пленниками. Наконец они предстали пред очи «повелителя правоверных» в Самарре (Ирак): нелюбимый халифом полководец, грозный некогда царь беджа в парчовой куртке и черной чалме и семьдесят юношей этого народа верхом на верблюдах; они держали в руках копья, на острия которых были надеты головы их соплеменников, павших в бою с арабами. «И ал-Мутаваккил приказал, чтобы головы эти были приняты от ал-Кумми в качестве жертвы в день жертвоприношения 241 г.» (21 апреля 856 г.).

Гордый полководец и после этого не пользовался благосклонностью халифа. Правителем завоеванных им земель был назначен некий Саад с выразительным прозвищем Айнахский слуга, сам же ал-Кумми стал здесь только наместником Саада. Но старатели долины ал-Аллаки, возвратившиеся на прииски после победы над бед-

жа, чтили его как героя и признавали его авторитет. И все же ал-Кумми погиб от руки одного из золотопромышленников.

Между арабскими племенами, занявшими прииски, не утихало соперничество. Ал-Кумми весьма мудро назначил правителем приисков одного из вождей племени рабиа, наиболее многочисленного среди старателей ал-Аллаки и земледельцев Асуана. Вскоре этот вождь, которого звали Ашхаб (Серый), возбудил против себя недовольство золотоискателей. Они пожаловались на него ал-Кумми. «Тот схватил его... долго держал Ашхаба в тюрьме, затем освободил его. А поступок ал-Кумми в отношении Ашхаба озлобил последнего, и он со своими людьми стал готовить убийство ал-Кумми. Ал-Кумми об этом сказали, но он возразил: «Воистину мне приятнее, чтобы он встретил Аллаха с моей кровью, чем чтобы я предстал перед Аллахом с его кровью». И Ашхаб убил его в 245 г.» (859—860 гг.). Так передает местное предание арабский историк.

Арабо-африканские племена

После убийства ал-Кумми долина ал-Аллаки стала фактически самостоятельной республикой золотопромышленников. Жившие по соседству племена беджа снова приобрели независимость. Их вожди породнились с вождями арабских племен, стоявшими во главе приисков. Это усилило обе стороны — аллакийских арабов и северный союз племен беджа — хедареб.

Простые старатели следовали примеру своих вождей и нередко женились на девушках беджа. Еще чаще они покупали темнокожих рабынь из Нубии, Эфиопии и негритянских стран. Детей рабынь они по мусульманскому закону признавали своими законными потомками. Рабов использовали также для работы в рудниках. В IX в. арабский географ ал-Иакуби писал: «Долина ал-Аллаки подобна большому городу. В ней смешанное население из арабов и неара-

бов — золотоискателей... Большинство составляют... люди племени раба. . . Долина ал-Аллаки и все ее окрестности — это рудники самородков. В любом месте, которое прилегает к ней, работают промышленники всех (арабских) племен, а кроме промышленников — черные рабы, которые занимаются рытьем земли, затем извлекают самородки, подобно желтому мышьяку, а затем плавят...»

Далее ал-Иакуби перечисляет несколько важнейших рудников Нубийской пустыни, некоторые из них находились на расстоянии 10- и даже 30-дневных переходов от ал-Аллаки, служившей центром «республики золотоискателей». На этих рудниках работали арабы из разных племен: раба, балли, джухайна, бану-сулейм и других подразделений племени мудар и пр., а также неарабы.

Несколько позднее другой арабский географ, Ибн-Хаукал, писал о населении принсков: «Там живут племена раба, мудар и сахар. Вожди раба — самые влиятельные среди беджа. Раба смешались с беджа и враждуют со всеми племенами. Самое могущественное из этого народа племя — раба».

Поразительный для араба факт: племя раба Ибн-Хаукал считает одним из племен беджа, настолько сильно оно смешалось с местным населением. Он замечает, что, в то время когда он находился в долине ал-Аллаки (около 950 г.), во главе беджа-хедареб стояли вожди Абдак и Кук, первый из которых был дядей по матери правителя ал-Аллаки, вождя племени раба, а второй — дядей его племянника.

Богатая добыча золота, серебра и драгоценных камней была основой могущества аллакийской знати. Серебро добывалось при очистке золота от примесей. Для этого золотой песок сначала сплавляли со ртутью, а затем варили в специальных чанах с отрубями, солью, сернистым железом и обожженным толченым кирпичом — так этот процесс описывают некоторые арабские авторы, в том числе «арабский Геродот» ал-Масуди. У знаменитого ал-Идриси, величайшего географа средних веков, мы находим описание добычи драгоценного металла в Нубийской пустыне.

«Долина ал-Аллаки — это долина, в которой многочисленное население. Ал-Аллаки похожа на большую деревню. Вода в ал-Аллаки пресная, из колодцев. Известный рудник нубийцев находится посередине, в центре этой области, в пустыне, а не окружен горами. Пустыня представляет собой сухую степь с мягкими сыпучими песками. В первые и последние ночи лунного месяца старатели в ночное время отправляются в пески и исследуют их. Каждый из них рассматривает землю вокруг себя. Когда кто-нибудь увидит светящуюся ночью золотую пыль, он отмечает это место известным ему знаком. Затем он проводит там ночь, и, когда наступает утро, каждый направляется к своему значку на кучах песка, которые он пометил, забирает песок, везет его с собой на верблюде и доставляет его к колодцам, которые там есть. Затем он начинает промывать его водой в деревянном корыте и извлекает из него золотой песок. Затем он смешивает золотой песок с ртутью и после этого сплавляет его. Они торгуют между собой тем, что им удалось собрать, и это золото покупают друг у друга. Затем купцы везут его в другие страны. Это их (аллакийцев) обычное занятие, которым они занимаются постоянно и которое доставляет им средства к жизни, является источником их доходов и кормит их».

Кроме горного дела аллакийцы немного занимались еще животноводством, разводя овец, верблюдов и коз; но земледелие в их стране было невозможно, и вся растительная пища привозилась извне.

Добыча «африканского Клондайка» вся вывозилась в арабские страны, особенно в Египет, как по суше, так и морем, через красноморский порт Айзаб, в котором находился наместник Египта, управлявший городом и округой совместно с вождями беджа.

Здесь происходил тот же процесс смешения арабов с беджа и другими африканцами, что и в долине ал-Аллаки. Ибн-Хаукал скептически замечал, что население Айзаба считает себя арабами из племени калб-ибн-вабра; неподалеку живут бану-булас, которых одни считают арабами из племени маразия, а другие — теми же беджа,

населявшими окрестные горы. На просторах Нубийской пустыни было немало таких племен; многие из них были поголовно двуязычны, а кое-где говорили на трех языках: арабском, беджа и эфиопском тигрэ (это относится к племенам, обитавшим в южной части пустыни, ближе к Эфиопии).

Район Асуана был заселен другими арабскими племенами, вожди которых были связаны родством с правителями ал-Аллаки и вождями беджа. Но в Асуане всегда была сильна власть правителей Египта. Асуанские арабы смешивались и с чернокожими рабами, привозимыми из Нубии и Западной Африки, и с арабами Египта, и с мусульманами Европы и Азии, служившими в пограничных мамлюкских полках.

Эти три центра — Асуан, Айзаб и ал-Аллаки — стали очагом формирования новой арабской народности, сохранившей все основные арабо-бедуинские традиции, язык и религию, но смешавшейся с негроидным населением и перенявшей от него многие элементы материальной и духовной культуры: местные сорта растений, породы скота, блюда африканской кухни, музыкальные инструменты и музыку, пронизанную заразительным ритмом.

Уже Ибн-Хаукал рассматривал жителей ал-Аллаки как особую арабскую народность, а его учитель ал-Истахри прямо называет их аллакийцами, дабы не путать с египетскими или сирийскими арабами. Аллакийцев было очень много по сравнению с соседними африканскими племенами и немало даже по масштабам арабского мира. Знаменитый арабо-египетский историк ал-Макризи писал со слов другого арабо-египетского историка и путешественника IX в. Ибн-Сулейма ал-Усвани (о нем еще будет рассказано ниже), что для прокормления старателей ал-Аллаки ежегодно ввозилось из Асуана продовольствие на 60 тыс. выючных верблюдах. Кроме того, большое количество продуктов доставлялось морем в порт Айзаб, откуда караваны везли его в долину ал-Аллаки. Около этого времени правитель «золотой» долины, по имени Абдуррахман ал-Омари, уверял египетского султана Ахмеда ибн-Тулуна, что под его началом нахо-

дится 100 тыс. человек. Разумеется, он сильно преувеличивал, однако численность арабо-африканских племен области Асуана, Красноморского побережья Нубийской пустыни и золотых приисков могла превышать эту цифру.

Эти арабские племена стали прообразом будущей арабо-суданской народности, сложившейся гораздо позднее на просторах Восточного Судана.

Начало арабизации Судана

А теперь взгляните на карту. Тропическая Африка начинается у Северного тропика, южнее Асуана. Здесь, в месте пересечения Нила с тропиком, находятся первые пороги Нила и проходит северная граница Нубии. Собственно говоря, Нижней Нубии больше нет: ее затопила вода великой африканской реки, поднятая Асуанской плотиной. Но в древности и в средние века обладание Нижней Нубией значило очень много, потому что долина Нила была самым доступным коридором в Тропическую Африку с севера. Нижняя Нубия являлась важнейшим стратегическим пунктом для проникновения в Судан, а Судан — главным плацдармом для экспансии во всю Тропическую Африку, защищенную с севера песками безводной Сахары, а с северо-востока — Нубийской пустыней и горной цитаделью Эфиопии.

Когда же вся Африка севернее Сахары и ближайшие районы Азии перешли в руки арабов, арабизация Африки южнее Сахары стала в прямую зависимость от успехов ислама и арабского элемента на северо-востоке материка. Цитадель Эфиопии устояла, но Нубийская пустыня стала с IX—X вв. проницаема для арабо-мусульманской экспансии. Первыми приняли ислам беджа племени хедареб; как мы видели выше, они породнились с пограничными арабскими племенами, смешались с ними и стали их союзниками. Со временем примеру хедареб последовали бишарины, хадендоа и другие племена беджа, а также племена различного происхождения, насе-

лявшие более обильно орошаемые земли, примыкавшие с юга к стране беджа.

К XIII—XIV вв. по всей территории, составляющей треугольник между Нилом, Красным морем и плодородными областями, примыкающими к Атбаре и нагорью Северной Эфиопии, регулярно передвигались караваны арабских купцов, группы золотонискателей, проповедников ислама, всякого рода путешественников. Не только на приисках и в портовых городках, но и в глубине пустыни звучали арабская речь, занесенная караванщиками, мусульманская молитва и арабская песня. Вся Нубийская пустыня стала мусульманской, сильно арабизированной страной.

Одновременно ислам и арабский этнический элемент интенсивно проникали в Нубию. Они просачивались разными путями. После исламизации беджа нубийская монархия стала утрачивать торговую монополию на весьма выгодный для нее государственный обмен товарами с арабским миром. Теперь арабские купцы свободно проникали почти в любую область Судана и порой селились в таких нубийских городах, как Ибрим, Донгола, Соба. Князья некоторых нубийских областей, особенно на востоке, на границе с беджа, и на западе, на границе с негритянскими племенами, принимали ислам, брали на службу арабских советников и знатоков мусульманского права.

А из Асуана в Нижнюю Нубию устремлялись арабские ростовщики и скупщики земельных наделов. Уже в начале IX в. они скупили множество участков у местных крестьян. В царствование халифа ал-Мамуна (813—833 гг.), когда он прибыл в Фустат к своему брату Мутасиму, исполнявшему обязанности наместника Египта, нубийский царь воспользовался пребыванием «повелителя правоверных» в долине Нила для того, чтобы лично ему направить решительный протест против скупки земли арабами, подданными халифа. Правда, они исправно платили поземельный налог, но скупать земельные участки не имели права, так как нубийские крестьяне по закону своей страны — это лишь держатели наделов, а не полноправные земель-

ные собственники. Ал-Мамун передал дело асуанским судебным властям, и они решили его в пользу своих земляков, хотя не только правители Донголы, но и многие арабы признали такое решение несправедливым.

Но асуанские арабы сохранили за собой скупленные или отобранные у крестьян за долги земельные участки, и нубийский царь предпочел за благо не предпринимать против них никаких репрессий, опасаясь могущественного соседа. Однако политика уступок могла лишь на самое короткое время отсрочить катастрофу.

Уже преемник ал-Мамуна, его брат Мутасим, вступивший на престол в 833 г., потребовал от нубийского царя, чтобы тот выплатил налог рабамн (бакт) за прошедшие 14 лет, в течение которых нубийцы восвали со своими южными соседями — эфиопами. Одновременно он приказал закрыть нубийско-египетскую границу и расставить заставы на всех дорогах, ведущих в Нубию. Приказ халифа был направлен правителю Верхнего Египта — пограничной с нубийцами и беджа области халифата.

В то время секретарем этого вельможи был некий копт — дьякон, по имени Гурга (Георгий). Он сочувствовал своим южным единоверцам — нубийцам и эфиопам: ведь коптская церковь Египта держалась в мусульманском обществе не столько благодаря верности своих прихожан, сколько благодаря постоянной и разнообразной поддержке со стороны южан. И вот смелый дьякон идет на весьма рискованный шаг, который мог стоить ему головы: он снимает копию с указа «повелителя правоверных» и тайно персправляет ее коптскому патриарху.

Однако патриарх Иосиф не был столь же смелым, как дьякон Гурга; он лишь воспользовался случаем, чтобы возобновить сношения с христианскими царями Африки, что было запрещено «повелителем правоверных»; это запрещение ущемляло в первую очередь интересы высшего коптского духовенства. Патриарх немедленно написал царям Нубии и Эфиопии послания, весьма лояльные по отношению к политическому и религиозному главе мусульман. Он вос-

хвалял отношение халифа к своей особе, рассказывал о том, как новый монарх установил мир в Египте и подавил демократическое восстание христиан-башрудитов, перебив их самих и разрушив их церкви. Царя нубийцев патриарх убеждал принять требования халифа: «Даже если вы ничего не должны, мы приказываем вам уплатить хотя бы часть из этого [бакта], чтобы мне [снова не] пришлось страдать (от мусульманских властей. — *Авт.*)...»

Нубийцы, как и эфиопы, могли убедиться, насколько равнодушна была александрийская коптская патриархия к национальным интересам их стран, рассматривая христианские государства Эфиопии и Судана лишь в качестве источника доходов и средства давления на мусульманских правителей Египта. А эти последние в свою очередь использовали коптскую церковь для политического давления на христианские государства Африки.

Копты нашли способ передать письма патриарха по назначению, минуя пограничные заставы; они послали их сначала к правителю золотых приисков долины ал-Аллаки, а тот переслал их в Нубию и Эфиопию.

Царь Нубии Захария, прочтя послание Иосифа, решил уладить конфликт дипломатическим путем. При этом он прекрасно понимал, что принять требования халифа по существу невозможно для разоренной 14-летней войной страны. И он отправил в Арабский халифат блестящее посольство во главе со своим старшим сыном, наследником престола и будущим царем Георгием. Вместе с молодым принцем в обратный путь направились посланцы патриарха Иосифа.

В 836 г. нубийское посольство прибыло в Каир, затем посетило Иерусалим, Дамаск, Багдад. В церквях звонили колокола, приветствуя знатного представителя христианской державы. И радовались сердца христиан, составлявших большинство населения в этих арабских странах, где колокольный звон был запрещен указом халифа. В Каире Георгия встретил сам патриарх, в Багдаде — «повелитель правоверных». Здесь, в столице арабского мира, африканский царевич был обласкан халифом и оставался при его дворе «много дней», как

сообщают арабские авторы. Между прочим, в Багдаде же его встречали яковитский патриарх Сирии Дионисий I из Тель-Махра и другие знатные христиане и мусульмане. Долгое время помнил Арабский Восток путешествие в Багдад нубийского принца. Что касается халифа, то он «великодушно простил» Нубии неуплату бакта, который все равно невозможно было собрать, и удовлетворился внешними знаками покорности и почтения, оказанными ему наследником престола и послами Донголы. В конце концов он отпустил царевича на родину, щедро наградив его «большим количеством золота, серебра и одежд» и выделив ему в качестве охраны вооруженный отряд.

Арабские историки рассказывают, что халиф предложил Георгию выполнить любое его желание. «И он сказал ему: «Даруется тебе все, что ты хочешь!» А тот попросил его отпустить на волю заключенных, и он (халиф) ответил ему на это согласием. И вырос Георгий в глазах (халифа) ал-Мутасима». Рассказывали также, что в каждом городе, где останавливалось нубийское посольство, Георгий покупал дом для себя и своих спутников. Один такой дом показывали в египетском городе Гизе, другой — в городе Бану-Ваиле, третий — в Багдаде. На содержание нубийских послов казна Египта отпустила 700 золотых динаров, не считая множества дорогих одежд, коня в дорогой сбруе и меча, украшенного драгоценными камнями. Как истый вельможа, Георгий держался неприступно и «никому не позволял входить в свое жилище». Это была единственно правильная линия поведения, и она произвела сильное впечатление и на мусульманские власти, и на простой народ.

«Когда он со своими спутниками прибыл в Египет, — рассказывает арабский христианский историк Север ибн-ал-Мукаффа, — с великой славой и торжественностью, держа в руках золотой крест, все встречали его в соответствии с тем почтением, которое оказал ему царь (т. е. халиф ал-Мутасим. — *Авт.*). Он (Георгий. — *Авт.*) просил отца нашего патриарха разрешить принести в царский дворец, где он остановился, сделанный из дерева освященный алтарь, который соби-

рался и разбирался. С ним были епископы его страны, которые служили для него обедню; и царевич, и все его спутники причащались. Он приказал во время обедни бить в накусы на крышах дворца, подобно тому как это делают в церквях, и все удивлялись этому, и все христиане радовались. . .»

Патриарх Иосиф снова приобщился к «славе и торжественности» нубийского посольства, провожая царевича и его спутников до самой границы Нубии. Так в средние века и в новое время коптская церковь Египта получала моральную, финансовую и дипломатическую поддержку от своей нубийско-эфиопской паствы. В свою очередь копты распространяли преувеличенные слухи о военном могуществе и богатстве своих южных единоверцев. Они поддерживали также старую легенду о том, что эфиопы могут, если захотят, перекрыть истоки Нила плотиной и оставить Египет без воды, превратить его в безжизненную пустыню. В конечном счете все эти слухи усиливали желание правителей арабского Египта захватить страны Северо-Восточной Африки как для овладения их сказочными богатствами (повторяем, намного преувеличенными), так и для контроля над истоками Нила.

Между тем арабы из Верхнего Египта, Нубийской пустыни и с берегов Красного моря продолжали проникать в Нубию. Все больше и больше их становилось в нубийских городах, все больше христиан, особенно в пустынных районах и оазисах, переходило в ислам и арабизировалось. Этот процесс коснулся даже нубийской знати. «Арабский Геродот» ал-Масуди слышал в столице Египта в декабре 943 г., что нубийский правитель Донголы претендует на происхождение из южноаравийского Хымьяра. Анализируя это сообщение, итальянский историк Моннере де Вилль предположил, что власть в Донголе в то время захватил какой-то мусульманин, вероятно сильно арабизированный.

Его правление продолжалось недолго, но принесло свои плоды: влияние арабо-мусульманского элемента усиливалось. Порой только политическая борьба в Египте спасала Нубию от арабского завое-

вания, и в этом случае правителям Донголы приходилось проявлять огромный дипломатический такт.

В X—XII вв. Нубия становится доступной для христианских путешественников и для мусульман. Здесь побывал географ Ибн-Хаукал.

Абу-л-Касим Мухаммед ибн-Хаукал ан-Насибн родился, вероятно, в городе Насибин в Верхней Месопотамии. Почти всю свою жизнь он провел в путешествиях, объехав и пройдя пешком весь тогдашний мусульманский мир: Месопотамию, Сирию, Палестину, Северную Африку от Египта до Марокко, арабские владения в Европе: Сицилию, Южную Италию и Испанию, а также Иран, Индию, Сахару и страны Африки южнее Сахары: Нижнюю Нубию, Нубийскую пустыню, Алву и часть Северной Эфиопии. В эти страны он проник через долину ал-Аллаки и области, населенные кочевниками-беджа.

Он умел видеть и запоминать. В оазисах Сиджильмаса и Аудагост, в Нубии, в резиденциях правителей беджа Ибн-Хаукал собрал ценнейшие и разнообразные сведения о странах, расположенных далее на юг.

Свое путешествие он начал в мае 943 г., отбыв из Багдада на запад, в том же году посетил Египет, Нубию и страну беджа. В 952 г. во время своих скитаний он встретил человека, заразившего его страстью к описанию увиденных стран. Это был арабский географ ал-Истахри, автор путеводителя под названием «Книга путей и царств». Ибн-Хаукал переписал сочинение ал-Истахри, но, чем больше путешествовал, тем более критически к нему относился. Сначала он вносил в путеводитель отдельные исправления и дополнения, однако нового материала оказалось столь много, что старый в нем потонул. Особенно это относится к главам, посвященным Африке и Европе.

Умер Ибн-Хаукал в 977 г. Не известно, занимался ли он в последние годы коммерцией или только литературным трудом, но во время своих путешествий он, видимо, торговал: с большим знанием дела Ибн-Хаукал рассказывает об условиях торговли в разных

странах, о местных товарах, спросе на иностранные товары, торговых операциях. Между прочим, в Сиджильмасе он видел чек на огромную по тем временам сумму в 42 тыс. динаров, выписанный на Аудагост. Одно это говорит о размерах транссахарской торговли того времени! Но... были ли всегда цели путешествий Ибн-Хаукала так невинны? Многие европейские исследователи сомневаются в этом. Они указывают на то, что основные маршруты путешествий насибинского «землепроходца» подозрительно совпадали с направлениями будущих завоеваний и других политических акций династии Фатимидов. Очень может быть, что Ибн-Хаукал выполнял наряду с торговыми делами (и под прикрытием их) задания разведчика династии Фатимидов.

По-видимому, вскоре после путешествия Ибн-Хаукала в Алву и Северную Эфиопию и по его следам сюда проникла военная экспедиция Абу Абдурахмана Абдаллаха ибн-Абд-ал-Хамида ал-Омари. Сведения о ней сохранились лишь в отрывках из утраченной книги ал-Усвани (см. ниже). В составе экспедиции находились асуанские и аллакийские арабы и беджа. С ними-то он и совершил поход в пределы южной части Мукурры, а затем захватил золотые рудники где-то в глубине Африки. Трудно установить, как далеко ему удалось проникнуть, однако вряд ли отряд ал-Омари достиг областей Среднего Судана. Асуанские купцы поддерживали предприятие ал-Омари. Ал-Усвани сообщает, что ал-Омари, «овладев рудником, писал в Асуан, спрашивая, не выйдут ли к нему торговцы с необходимым снаряжением. И вышел к нему человек, известный по имени Осман ибн-Хейхала ат-Тамими, с тысячей верблюдиц, а на них было навьючено снаряжение и пшеница».

Ал-Усвани подробно описал свой путь из Асуана в Донголу: «Начало страны Нубии — деревня, называемая ал-Каср (Крепость. — *Авт.*), отстоит от Асуана на расстоянии пяти миль, а последняя цитадель ислама — остров, называемый Билак (Филэ. — *Авт.*); между ним и нубийской деревней — одна миля [пути]. Он (Билак. — *Авт.*) — порт Нубии. От Асуана до этого места тянутся многочисленные

каменные пороги, через которые суда могут пройти лишь с помощью искусных лощманов. Мне сообщил один из рыбаков, которые там занимаются рыбной ловлей, что когда (полая) вода низвергается через эти пороги и рифы, преграждающие Нил, то стоит здесь великий шум и грохот, слышимый издалека. В этой деревне находится застава с воротами в страну Нубию. От нее до вторых порогов (буквально «первых порогов страны нубийцев» в отличие от порогов, находящихся на египетско-нубийской границе. — *Авт.*) — десять переходов. В этом краю полновластно распоряжаются мусульмане. В ближайшей к Египту нижней части страны у них имеется земельная собственность, и они торгуют в самых отдаленных верхних [областях Нубии]. Здесь имеется мусульманская община, ни один член которой не говорит правильно по-арабски. Здесь растут многочисленные деревья. Этот край узкий и скудный, зажатый между горами и Нилом; деревни лепятся по его берегам. Здешние деревья — финиковые пальмы и пальмы дум. Верхние области этого края обширнее ближайших [к Египту]; в верхних областях возделывается виноград, и Нил не заливал полей при половодье. [Жители этого края] возделывают по одному, два или три феддана земли с помощью дулабов (черпальных колес. — *Авт.*), приводимых в движение запряженными в них быками».

Абдаллах ибн-Ахмед ибн-Сулейм ал-Усвани, образованный асуанский араб, занимал у себя на родине пост кадия. В 969 г. он совершил путешествие в Судан в качестве посла правителя Египта, которым был в то время Джавхар, военачальник фатимидского халифа Муызза. Чтобы легализировать свое положение, он поспешил установить связи с правителями соседних стран, в том числе с христианскими царями Нубии. Ал-Усвани доставил в Донголу письмо Джавхара, адресованное царю Георгию II. Джавхар дружески предлагал этому царю, представителю древней династии, могущественному и законному правителю независимой страны, принять мусульманскую веру, оставив религию своих отцов. Вместе с тем новый правитель Египта требовал от нубийца уплаты бакта. Георгий II по досто-

инству оценил послание соседа и в ответном письме предложил ему креститься. Что касается рабов, то они так и не были, вероятно, отправлены.

Характерно, что в описываемое время мусульмане — в основном асуанские арабы — полновластно распоряжались (или привольно жили) в области Марис, торгуя, собирая земельную ренту с нубийских крестьян или занимаясь ростовщичеством. Они настолько смешались с местным населением, что даже, по нормам асуанца ал-Усвани, не говорили правильно по-арабски. Надо сказать, что и сам путешественник порой употреблял слова и обороты, далеко не обычные для арабского литературного языка, но зато весьма ценные для историка суданского диалекта.

Ал-Усвани интересуется всем: и методами земледелия нубийцев, и ассортиментом культурных растений, которые они возделывают, и правилами наследования земли. Его внимание привлекают все встречающиеся по дороге крепости и города, так же как и «удивительный храм» близ крепости ад-Дау на берегу Нила. Не меньший интерес египетского путешественника вызывают политические порядки Нижней Нубии. Правитель этой области носил титул «Властителя горы» и считался наместником царя Мукурры. Владая пограничной с Египтом областью, он обогащался благодаря торговле. «Те из мусульман, которые выходят (из Египта) в Нубию, торгуют с ним или делают подарки ему или его сюзерену; он принимает все и вознаграждает рабами. И не позволено никому подниматься (вверх по Нилу) к его сюзерену — ни мусульманину, ни кому другому. Перед порогами находится деревня, называемая Такави; она — порт и служит конечным пунктом плавания для нубийских судов, поднимающихся от ал-Касра... Далее суда не поднимаются, и не разрешено никому из мусульман или других людей подниматься (вверх по Нилу) иначе, как с разрешения «Властителя горы»».

Двигаясь отсюда на юг, путешественник через шесть дней достиг портового городка Верхнего Макаса. Путь лежал через область II порога, суровость которой поразила даже асуанца, видевшего

I порог Нила. «Это сплошные пороги и худшая из виденных мною областей, — пишет ал-Усвани, — благодаря своей тесноте, и скудости, и трудности ее дорог. Что касается здешнего участка реки, то пороги и горы препятствуют ее течению, так что Нил низвергается с рифов и стеснен в своем русле, пока не становится ширина его между берегами равной 50 локтям, а береговая полоса его — такой узкой, горы — так высоки и дороги — так трудны, что всадник не может подняться по ним, а слабый пешеход не в силах следовать ими. Пески простираются на запад и на восток (от реки). Эти горы — их твердыня (местных жителей. — *Авт.*); в них ищут спасения жители края, который лежит ближе этого (к Египту), примыкая к земле ислама. На островах Нила здесь растут чахлые финиковые пальмы и бедные посевы. Большая часть их пищи — рыба, и они умащаются ее жиром».

Верхний Макас, расположенный выше II порога, был важным торговым центром. Здесь находились военная застава и таможня, начальник которой непосредственно подчинялся царю. Порядки были строгие. Рассказывали, что однажды, «когда на заставу прибыл сам верховный правитель, солдат остановил его и сделал вид, что его обыскивает, чтобы поступить таким же образом с его сыном и его визирем и всеми, кто ниже их рангом». Через заставу разрешалось проходить лишь по специальному разрешению царя, «а кто ослушается, того карают смертью, кто бы он ни был». Южнее Макаса не имела хождения звонкая монета и обмен товаров носил натуральный характер. Все это затрудняло проникновение арабов в Нубию выше II порога и препятствовало врагам Мукурры получать военную информацию.

Выше II порога долина Нила напоминала ал-Усвани его родные места. Здесь раскинулись рощи финиковых пальм, пальм дум и маслин, посевы зерновых и хлопка. Со дна реки добывался наждак, употреблявшийся для шлифовки драгоценных камней. Из ремесел было распространено ткачество, сырьем служил местный сорт хлопка. Вся область между II и лежащим дальше к югу III порогами

была разделена на множество феодальных владений, подчиненных наместнику Мариса. Духовную власть осуществлял местный епископ, не зависящий от епархии Ибрима — столицы Мариса. Однако язык этой области ал-Усвани называет марисийским, как и язык нубийцев, живших между II и I порогами; речь идет о северных диалектах средневекового нубийского языка, с которым асуанец ал-Усвани был в какой-то мере знаком.

И вот наконец путешественник достиг III порога. «Этот порог — самый трудный (для прохождения судов), — замечает ал-Усвани, — ибо он представляет собой гору, пересекающую Нил с востока на запад. Вода низвергается через три прохода, а при низком уровне Нила — только через два прохода. Сильный шум, удивительный вид! Течение воды сильнее, и Нил к югу от порогов усеян камнями на протяжении около трех баридов...»

Продвигаясь далее к югу от III порога, путешественник вступил на территорию собственно Мукурры. Сопровождавшие его нубийцы называли эту область Бакун, что значит «диво». «Это имя она получила за то, — продолжает ал-Усвани, — что она хороша. Я не видел на Ниле [области] просторнее ее. Я полагаю, что ширина Нила здесь с востока на запад [порядка] расстояния пяти дневных переходов. Острова разделяют его течение, и каналы текут между ними и низменными берегами страны; деревни тянутся непрерывной цепью, [повсюду] множество голубятен, крупного и мелкого рогатого скота. Большую часть своего продовольствия их столица получает отсюда. Здесь водятся попугаи, «нубийские», «пятнистые» и тому подобные хорошие птицы. В этом краю по большей части развлекается их государь.

Я был с ним некоторое время, мы продвигались по узким каналам, с двух сторон осененным деревьями. И мне сказали, что крокодилы не причиняют здесь вреда, и я видел их пересекающими большую часть здешних протоков». Возможно, царь Мукурры встретил ал-Усвани в области Бакун или же северный посол сопровождал царя в поездке по стране уже после прибытия в Донголу.

Двигаясь далее к югу по правому берегу Нила, ал-Усвани вступил в область Сафад-Бакл, несколько менее плодородную, но густо населенную. «Это край узкий, подобный началу страны их (т. е. области между I и II порогами. — *Авт.*), за исключением находящихся в нем островов. Здесь за два дневных перехода встречается около тридцати деревень, с добрыми строениями, церквами и монастырями и многочисленными финиковыми пальмами, виноградниками, огородами, посевами и лугами. В этом краю имеются крупные верблюды и рыжие верблюды, оставляемые на племя. Государь их часто приезжает сюда, ибо южный конец этой области лежит против Донголы, [главного] города их».

Переправившись на левый берег Нила, ал-Усвани прибыл в Старую Донголу, крупнейший город средневековой Нубии. Арабские авторы не единодушны в оценке его внешнего облика. И если многие из них с почтением отзывались о величине Донголы и крепости ее стен, несколькими кольцами опоясывавших город, то один путешественник XII в. пренебрежительно заметил, что «царь их гол, как сокол; царский дворец — единственное настоящее здание в городе, все же остальное — лачуги». Ал-Усвани был поражен тем, что у него на родине считалось невиданной роскошью: дома жителей Донголы были построены с использованием ценных тропических пород деревьев. «Воистину, — восклицает ал-Усвани, — они покрывают свои дома древесиной акации-сант и древесиной тика, которая приносится Нилом во время половодья, не знаю откуда, распиленной на брусья или доски, и я действительно видел на некоторых из них странный знак».

Из Донголы арабский путешественник направился дальше на юг, в царство Алва. Излучины среднего Нила поразили его своей большой протяженностью, суровой природой, резкими поворотами реки «на восход солнца и на закат его, на расстояние нескольких дней пути, так что трудно разобрать, куда она течет». Здесь ал-Усвани, кажется, впервые в жизни увидел гиппопотамов, которые «были многочисленны в этих местах»; в Египте и Нижней Нубии эти животные были к X в. уже давно истреблены.

И вот наконец путешественник прибыл на границу между двумя нубийскими царствами: Мукуррой и Алвой— в ал-Аббаб (буквально: «Несколько ворот»). Арабские источники называют это место либо городом, либо областью, либо тем и другим вместе. Ал-Усвани характеризует ал-Аббаб как «деревни на восточном берегу Нила». Очевидно, это было селение, состоявшее из нескольких родовых поселков, перемежавшихся полями, огородами и рощами плодовых деревьев. Ал-Аббаб составлял северную пограничную территорию Алвы и находился в районе V порога. Здесь начиналась климатическая зона Среднего Судана, менее засушливая, чем Северный Судан. Впервые ал-Усвани попал в страну, где выпадают тропические дожди, после которых появляется богатая растительность, где в Нил впадают текущие с гор притоки. Из прочитанных прежде книг арабский путешественник знал, что число этих притоков — семь, включая главное русло Нила. Одним из них он считал реку Гаш, воды которой лишь в некоторые годы после особенно обильных дождей достигают Нила. Эта река названа в записках ал-Усвани «Мутной водой». О ней путешественник пишет: «Она высыхает летом, так что дно ее обнажается, а в половодье Нила вода в ней бьет ключом и повышается уровень луж, остающихся в ней, когда наступают дожди и бегут ручьи в остальной части страны. А когда спадает половодье Нила, снова все замирает».

Второй из этих семи рек была Атбара, третьей — Голубой Нил, четвертой — Белый Нил. Трех остальных рек ал-Усвани не довелось увидеть, но он расспрашивал о них жителей Алвы (при этом оказалось, что притоков как Белого, так и Голубого Нила гораздо больше!). Город Соба, столица Алвы, расположенный в нескольких километрах южнее слияния Белого и Голубого Нила, был конечной целью путешествия ал-Усвани. Египтянин был поражен цветом, вкусом и прозрачностью вод родной для него реки в ее верховьях. «Эти две реки — Белая и Зеленая (под последней подразумевается Голубой Нил. — *Авт.*) — соединяются близ царской столицы страны Алва и сохраняют свои цвета на расстоянии примерно одного дневного

перехода после слияния. Затем воды их смешиваются, и между этими двумя потоками ходят волны огромной величины, когда они сталкиваются друг с другом... Воды Белого Нила... очень белые, как молоко, и остаются в Зеленом подобными молоку один час, прежде чем они смешиваются. Зеленый Нил — это река, текущая с юго-востока, очень зеленая, весьма чистого цвета, так что видно на дне ее рыб. Вкус ее отличается от вкуса вод Нила: тот, кто напился из нее, вскоре снова испытывает жажду. Рыбы в [этих двух реках] одни и те же, но вкус их различен».

Жадно всматривается арабский путешественник в юг и юго-восток, где лежат истоки Нила. Он снова убеждается, что оттуда полноводье приносит целые стволы и распиленные брусья экзотических, драгоценных деревьев: «тикового дерева, и сандалового, и дерева гаса, и дерева, запах которого подобен аромату ладана, и толстого дерева яхт, из которого делают носовую часть кораблей... Говорят, что находят в нем (в Голубом Ниле. — *Авт.*) стволы «благовонного дерева»... Некоторые из [притоков Нила] текут из страны зинджей, так как они приносят «зинджское» (эбеновое. — *Авт.*) дерево».

Но не только этим была богата Алва. Ал-Усвани принадлежит уникальное описание Алвы и ее столицы Собы:

«В [Собе] хорошие строения, и обширные здания, и церкви с большим количеством золота, и огороды. Есть у нее предместье, в котором обитает мусульманская община. Государь Алвы богаче государя Мукурры, войско у него многочисленнее, и есть у него конница, чего нет у (царя) Мукурры; страна его плодороднее и обширнее. А насаждения финиковой пальмы и виноградники у них чахлые; большая часть зерновых у них — белая дурра, подобная рису (сорго. — *Авт.*); из нее они делают и хлеб, и пиво. Мяса у них много из-за множества скота и чрезвычайно обширных лугов, настолько обширных, что нужно много дней пути, чтобы достигнуть гор. Есть у них кровные кони и рыжие арабские верблюды... Царь их носит золотую корону, и в его стране много золота».

Под «обширными лугами» подразумеваются саванны, поразив-

шие воображение асуанца. Это одно из самых ранних сообщений о саваннах в географической литературе.

Чрезвычайно интересны замечания ал-Усвани о государственном строе нубийских царств и власти правителей Алвы. «Царь их порабощает кого захочет из подданных своих, за вину или без вины, и его за это не порицают, но падают перед ним ниц, покорные его приказу, и восклицают: «Да здравствует царь! Да будет воля его!»»

Не менее интересны сведения ал-Усвани о религии различных народов Нубии. Некоторые из них он почерпнул из личных наблюдений, другие узнал от поселившихся в стране арабов (в том числе некоего магрибинца и «всех мусульманских купцов, посещавших эту страну»), но больше всего от образованных нубийцев, в том числе царя Мукурры, с которым ал-Усвани по заданию своего повелителя беседовал о вере. Так, царь сообщил арабскому путешественнику о колдунах — «вызывателях дождя», обитавших в горах над Нилом. Некий вельможа, приближенный царя Мукурры, дополнил эти сведения рассказом о том, какие беды ожидают Нубию, если запаздывают периодические дожди, и как тогда нубийцы собираются на горе и молят небо о дожде. С этим вельможей путешественник беседовал о вере, и тот высказал мысль, что бог един у христиан, мусульман и всех людей. Арабские купцы и местные жители Собы рассказали асуанцу о странных обычаях негров, живущих на дальнем юге. В этих порой фантастических рассказах можно выделить рациональное зерно — сведения о жертвоприношениях духам земли, «хозяевам поля», для которых земледельцы оставляли по краям поля соуды с пивом.

Особую ценность представляют личные впечатления путешественника. «Я видел, — пишет ал-Усвани, — множество народов, которых ранее упомянул; большинство их не ведает создателя — хвала ему и почет! Они приносят жертвы Солнцу, и Луне, и звездам. И есть среди них такие, кто не знает создателя и поклоняется всему, что находит хорошим из деревьев или животных». О жителях Алвы ал-Усвани сообщает не только то, что они христиане-яковиты, имеют

церкви и епископов, назначаемых александрийским патриархом (подобные сведения приводят и другие арабские авторы), но и то, что в церковной практике у них существовало два языка: «...книги их греческие, комментируют же их они на своем языке».

Интересы ал-Усвани разносторонни и глубоки; он собрал сведения о природе, сельском хозяйстве, городах, торговле, политическом устройстве современной ему Нубии, а также ее истории, иногда 600-летней давности, языках, религии, занятиях и обычаях различных народов Судана: нубийцев Мариса, Мукурры и Алвы, многочисленных племен беджа Нубийской пустыни, дигов — народа, который, по его словам, произошел от смешения нубийцев и беджа, народа базен, живущего на северо-западе Эфиопии, — а также приводит уникальные сведения о негритянских племенах области Верхнего Нила. Арабские торговцы сюда не проникали и единственными информаторами путешественника об этой обширной территории были жители Алвы. Принц Симеон, наследник престола Алвы, рассказал ал-Усвани об огромных стадах гиппопотамов, численностью до 70 голов, на которых он сам охотился в южных областях Алвы, о рыбах, выраставших там до гигантских размеров. Оттуда в Собу прибывали речные суда с зерном, следовательно, население там занималось земледелием. «В том краю, — записывал путешественник, — находятся обширные страны, протяженностью в два месяца пути в длину и два месяца пути в ширину, и засеивается он весь в одно время. И продовольствие области Алва и владельца ее [поступает в основном] из этого края, и они (жители Собы. — *Авт.*) направляют туда речные суда, которые нагружаются [там зерном]... Мне сообщили, что... полуостров, образуемый Белым и Голубым (буквально Зеленым. — *Авт.*) Нилом, тянется на юг на расстояние месяца пути... Дошло до меня, что некоторые государи страны Алва двигались [в глубь полуострова], желая достигнуть крайних его пределов, и не дошли до них даже после двух лет [путешествия]...» Иногда любознательному арабу не удавалось получить и таких весьма неопределенных или малодостоверных сведений. Он расспрашивал разных лиц о том,

откуда текут притоки Голубого Нила. Он узнал, что, до того как продолжить свой путь по территории Алвы, эти реки бегут среди гор Эфиопии. Но путешественник «так и не нашел информатора, который бы сказал, что он побывал у истоков всех этих рек (притоков Голубого Нила. — *Авт.*) или получил бы знание от других».

Сам ал-Усвани также не решился на экспедицию к истокам Нила, уstraшенный рассказами нубийцев о постоянной войне обитавших там племен друг с другом. Кроме того, он должен был вернуться в Египет с ответными письмами нубийских царей.

Как видно из его рассказа, в Марисе, Донголе и даже в Собе имелись многочисленные арабские колонии, основной контингент которых составляли купцы. Можно лишь пожалеть, что они чрезвычайно редко описывали свои путешествия. Лишь в исключительных случаях мы узнаем о пребывании таких купцов в тех или иных странах Тропической Африки. Так, арабский историк конца XII — начала XIII в. Абд-ал-Латыф ал-Багдади упоминает некоего египтянина, который нажил в Эфиопии немалое состояние, в том числе 200 унций золота, и умер в этой стране. Из этого рассказа мы узнаем также о других египтянах. Они, очевидно, сообщили ал-Багдади уникальные сведения о захоронениях с покойником его личных вещей и ценного имущества, а также о взглядах на этот счет у «разных народов Абиссинии». Необычайно подробные сведения о многих африканских странах, содержащиеся в трудах арабских географов XII—XIII вв. (ал-Идриси, ал-Йакута и др.), также в значительной степени базируются на устной информации, полученной этими кабинетными учеными от арабских купцов.

В X—XII вв. арабо-нубийские отношения развивались в основном мирно, хотя порой прерывались вооруженными конфликтами. Но с течением времени проникновение арабов в Нубию и страну беджа усилилось, вызывая противодействие со стороны народа и правителей страны. В свою очередь попытки ограничить свободу действий арабо-мусульманских купцов вызвали их ответные действия, тем более что они чувствовали силу на своей стороне. Сохранились све-

дения о том, что арабы скупали землю в Нижней Нубии и, вероятно, забирали ее за долги, а ничто так верно не разоряет крестьянина, ведущего натуральное хозяйство, как хищные ростовщики. В результате нубийские крестьяне становились арендаторами своей бывшей земли у арабских помещиков. Укрепившись в стране экономически, арабы предприняли несколько попыток ее вооруженного захвата.

В 955 г. арабы племени бенни-канз и выходцы из других племен захватили всю Нижнюю Нубию и Донголу. Однако нубийцам удалось вернуть большую часть этой территории с городами Донгола и Ибрим. Но когда центральная часть арабского мира — Египет, Сирия, Палестина, Хиджаз, Йемен, Ливия и Тунис — объединилась под властью Салах ад-дина Юсуфа ибн-Айюба, которого европейцы называли Саладином, все христианские соседи его державы — крестоносцы, армяне, Византия, Нубия и другие — почувствовали на себе возрожденную мощь арабского мира. С этого времени судьба Нубии оказалась тесно связанной с судьбами народов не только арабских стран, но и стран Закавказья и Европы. Саладин и его преемники из династий Айюбидов и Бахритов вели военные действия и дипломатическую игру одновременно в нескольких направлениях: на севере против крестоносцев, армян и византийцев, на юге против нубийцев. В 1173 г., завоевав Ливию, войска Саладина под командованием его брата Туран-шаха заняли Ибрим. Нижняя Нубия была разорена, 700 нубийцев угнаны в рабство в Египет, где им позднее было суждено встретиться с пленными армянами и западными крестоносцами. Затем наступило затишье, во время которого ислам и арабы продолжали исподволь проникать в Нубию.

В Нижней Нубии оставалось еще коренное население (нубийские народности кенси и махас), среди которого поселились арабы из Асуана. Кочевые арабские племена Ливийской пустыни продвинулись на юг и начали расселяться в сухих степях и саваннах Судана, лежащих на запад от Нила. Здесь жили многочисленные народности нубийцев и кордофанцев, частью оседло, частью ведя полукочевой образ жизни. Все они прежде исповедовали христианство и призна-

вали власть нубийских царей; теперь они смешивались с арабами, принимали ислам, арабские обычаи и язык.

Христианская Нубия, от которой остались только «царства» Мукурра и Алва, сильно урезанные со всех сторон, лишенные выхода к морю и общей границы с единой Эфиопией, оказалась окруженной с севера, запада и востока арабским и мусульманским населением.

Порой царям Мукурры и Алвы удавалось одерживать отдельные победы над мусульманами. Так, историк ал-Макризи сообщал, что главная церковь Донголы была построена руками арабов и других мусульман, захваченных нубийцами в плен при набегах на Асуан и Айзаб.

Положение Мукурры и Алвы стало совершенно безнадежным, когда в Египте власть захватили воинственные мамлюки. Этим словом называли состоявшую из рабов гвардию султанов Айюбидов, потомков Саладина; мамлюки — это невольники, в основном из стран Восточной Европы, а также Грузии и туркменских племен, покупаемые для службы в специальных воинских отрядах (сами египтяне уже в течение многих веков не служили в армиях своего государства). В XIII в. среди мамлюков больше всего было половцев, захваченных в плен монголами и перепроданных в Египет через посредство генуэзских купцов. В 1250 г. они захватили власть, и отныне султаны избирались из их среды. Впрочем, при половецких султанах Бахридах египетская корона переходила в основном по наследству, и лишь позднее, когда среди мамлюков начали преобладать черкесы и другие уроженцы Кавказа, власть просто захватывал сильнейший из командиров мамлюкских войск.

Мамлюки вели постоянные войны на всех границах бывшей Айюбидской державы: в Палестине против крестоносцев, в Киликии и Армении против армян, на юге против нубийцев, на востоке против своих давних врагов — монголов, захвативших Иран, Грузию, Ирак и вторгшихся в принадлежавшую Египту Сирию.

Так в XIII—XIV вв. сложилась политическая обстановка, при

которой жизнь и свобода нубийского крестьянина, обрабатывающего свое поле в районе Старой Донголы, становилась в прямую зависимость от событий на границах Англии и Германии, откуда поступала помощь крестоносцам, в Монголии, где решался вопрос о престоле мировой Монгольской державы, в Марокко и Мавритании, где собирались силы, готовые отвлечь в сторону Испании натиск западных рыцарей, на Амуре, где собирал войска монгольский хан, противник другого хана, готовящего в Иране и Ираке поход против Египта.

В перерывах между походами против крестоносцев, армян и монголов мамлюки совершили сокрушительные нападения на Мукурру: в 1267 г., 1275 г., в 1288 г., 1289—1290 гг., 1304—1305 гг. и 1316 г. Нубия стала вассальным владением мамлюков, а северная ее часть полностью исламизировалась. Следующие два столетия — это период предсмертной агонии средневековой нубийской цивилизации. С крушением Мукурры, когда образовался мусульманский султанат Донголы, а отдельные нубийские князьки и «цари» начали по очереди переходить в ислам, сохраняя своих крестьян и свои неприступные замки на островах и обрывистых берегах Нила, арабские племена хлынули через открытый теперь для них коридор средней долины Нила в более плодородные и еще не разоренные войной области Южного Судана. К концу XV в. они достигли западных границ Эфиопии, к XVII в. — границ современной Республики Чад, в XIX в. — озера Чад, Северной Нигерии, Юго-Западной Эфиопии, долины Бахр-эль-Газалья на крайнем юге Судана, границ нынешней Центральноафриканской Республики.

Смешиваясь с коренным населением, они передавали ему свои культурные традиции, язык и религию. Из хаоса аборигенных и арабских племен, полуопустевших городов и отдельных княжеств, сохранивших свою государственность и социальную структуру, в начале XVI в. образовалась империя фунгов — народа неизвестного происхождения, говорившего на арабском языке и исповедовавшего ислам. Столицей нового государства стал город Сеннар — прежде самый южный из городов Алвы. Вскоре фунги подчинили себе все нубийские

княжества и большую часть арабских племен Судана. Только на западе, в горах Марра, образовалось на месте одного из нубийских княжеств царство народа фор — Дарфур; ему подчинились соседние негритянские и арабские племена, а также колонии нубийцев.

Таким образом, было восстановлено политическое и религиозное единство Судана. Его производственный базис и частично социальная структура остались прежними, но теперь страна стала арабской по языку и культурной ориентации, составной частью арабо-мусульманской цивилизации. Это последнее обстоятельство открывало самую широкую дорогу для приобщения суданцев к арабской культуре. Но в то же время оно означало гибель многих достижений собственной, древней и оригинальной культуры, лучше всего приспособленной к потребностям местного общества, являющейся органическим плодом его многовекового труда.

Ислам и арабы на западе Африки

На противоположной стороне Африканского материка, там, где Сахара встречается с Атлантикой, также продвигались на юг арабские племена, шагали отряды мусульманских воинов на священную войну с чернокожими язычниками и еретиками.

Один арабский автор IX в. уверяет, что в 735 г. арабский полководец Хабиб ибн-Абу Убейда ал-Фахри, завоевав запад Северной Африки, совершил набег на «страну черных», где захватил много золота и пленных, в том числе одну или двух девушек-воинов. Скорее всего, Хабибу приписан подвиг, которого он не совершал; вряд ли поход через Сахару можно было предпринять так просто, без длительной специальной подготовки.

Первыми мусульманами, совершившими нападения на Западную Африку, были берберские племена Сахары. Как вы помните, в предыдущих главах говорилось о том, как древние племена Сахары — государственные объединения гарамантов и древних мавров — совер-

шали походы на юг против чернокожих «эфиопов». Мы ничего не знаем о положении в Сахаре после того, как прерываются сообщения греческих и латинских авторов, и до того, как начинают поступать сообщения арабов. Но вероятно, набеги берберских племен на негритянские земли продолжались. Недаром предания, сохранившиеся у населения древних африканских государств — Ганы, Борну и др., говорят о захвате власти светлокожими пришельцами, царскими династиями берберского происхождения. Все они со временем восприняли местную африканскую культуру и полностью слились с негритянской знатью. Но вместе с тем они вносили в цивилизации Африки южнее Сахары свой средиземноморский элемент.

После арабского завоевания Северной Африки берберы приняли ислам. Теперь свои набеги и нашествия на юг они проводили под знаменем «священной войны» с «язычниками». Арабский автор Ибн-Абу Зара передавал историческое предание: «Первым правителем пустыни был Тлутан ибн-Тиклан. Он правил всей Сахарой, ему подчинялось более двадцати правителей черных, плативших ему дань». Умер он, согласно североафриканским авторам, в 836 г. О другом «правителе пустыни» сообщают почти то же самое: знаменитый арабский географ ал-Бакри говорит, что между 961 и 971 гг. вождем берберского племени ламтуна был Тин Эрутан, «власть которого признали более двадцати правителей стран черных; они платили ему дань». О другом вожде этого племени, по имени Мухаммед ибн-Тарсид, ал-Бакри сообщает, что тот совершил паломничество в Мекку, сражался с «неверными» и умер в стране черных, в местности Гангара. Весь же племенной союз берберов-санхаджа географ характеризует так: «Они исповедуют ислам и ведут джихад против неверных». Это сообщение относится к XI в.

В то время в Сахаре усилилась мусульманская секта альморавидов (арабское «ал-мурабит» — житель рибата, укрепленного монастыря); они сумели объединить кочевые племена берберов-санхаджа под главенством племени ламтуна в сильное раннефеодальное государство. Государство альморавидов носило ярко выраженный воен-

ный и теократический характер. Воины санхаджа, закрывавшие лицо покрывалом, отличались выносливостью, стойкостью и фанатизмом. Хотя ислам уже задолго до XI в. стал распространяться в долинах Сенегала и Нигера, альморавиды считали здешних жителей «неверными» и «еретиками». Против них следовало вести «священную войну». Далеко не одним фанатизмом объяснялся призыв к джихаду: нищие кочевники мечтали о грабеже негритянских городов, богатых золотом и красивыми тканями, деревень с полными зерна глиняными амбарами на сваях, тучными коровами в хлевах и стройными, жизнерадостными чернокожими женщинами; более дальновидные берберы мечтали также и о дани, которую будут ежегодно вносить чернокожие земледельцы, о пошлинах, которые доставят купцы, о железе, которое будут выплавлять и приносить в «дар» чернокожие кузнецы. . .

В 1061 г. отряды альморавидов, пеших и верхом на беговых верблюдах, вторглись в двуречье Сенегала и Нигера. В 1076 г. они разгромили империю Гана, сожгли дотла ее столицу Кумби-Сале и захватили основные области современных Сенегала и Мали вплоть до золотых рудников Бамбука (крайний запад Республики Мали). Об этом писал великий историк Ибн-Халдун: «Они (альморавиды. — *Авт.*) поселились на севере Ганы в стране берберов и распространили свою власть на черных. Они разрушили их государство, разграбили их имущество. Они навязали им уплату дани и заставили большую часть населения принять ислам».

Захватив северную часть Западной Африки, альморавиды обрушили свои полчища на Марокко, Алжир и, наконец, Испанию, где подчинили себе все мусульманские государства и сильно потеснили христиан. Собственно, поэтому они вошли в историю Запада под испанизированным прозвищем альморавидов. Так Африка южнее Сахары впервые пришла в соприкосновение с историей Западной Европы пока еще через посредство берберов-мусульман.

В конце XI в. правители Ганы сумели освободиться от власти альморавидов; однако теперь от огромной негритянской империи осталось небольшое королевство — вассальные княжества отделились

от Ганы. В 1240 г. при легендарном царе Сундиате на территории прежней империи была создана новая — Мали. Сундиата не был мусульманином, но его преемники приняли ислам. В XIII—XIV вв. Мали находилась в зените своего могущества, однако в следующем веке она слабеет и подвергается нападениям со всех сторон. С юга в 1400 и 1480 гг. в долину Нигера вторгались язычники-моси из государства Ятенга (Верхняя Вольта); разграбив деревни Мали, они возвращались в свои саванны. С севера, из Сахары, хлынули новые волны кочевников-берберов, закрывающих лица покрывалом; только теперь это были не альморавиды, а туареги. В 1443 г. вождь туарегов Акил захватил северные провинции Мали с городами Араван, Уолата и Тимбукту; последний, расположенный на левом берегу Нигера, стал его столицей. Здесь поселилось множество туарегов, а со временем их потомки составили основу городской знати и стали рассматривать себя как старожилы. С востока наступали сонгаи, основавшие взамен слабеющей Мали новую негритянскую империю, а с запада постепенно просачивались племена кочевников фульбе — светлокожий народ неизвестного происхождения.

В конце XV — начале XVI в. империя Сонгай достигла расцвета. Однако в 1543—1544 гг. на ее границах появились марокканские завоеватели.

В то время Марокко объединилось под властью паши Мухаммеда, который разгромил своих соперников из числа марокканской знати, присоединил их владения к своим и создал сильную по тем временам армию, вооруженную огнестрельным оружием. У марокканцев появилась собственная артиллерия и сильный парусный флот, вооруженный пушками и укомплектованный командами из перешедших в ислам европейских пиратов — голландцев, итальянцев, шведов, греков, мальтийцев. . . Возрожденное Марокко отстояло свою независимость от турок и европейских держав: испанцы и португальцы потеряли почти все колонии, захваченные ими на марокканской земле. Далекий от безрассудного фанатизма Мухаммед, провозгласивший себя султаном-шерифом — светским и духовным главой

мусульман, смотрел на мир весьма реалистично. Пленных португальцев, испанцев, каталонцев, французов и других европейцев, захваченных его войсками, он приказал вооружить мушкетами и укомплектовать из них особый полк. Этот европейский отряд стал ядром марокканского экспедиционного корпуса, которому предстояло завоевать всю Западную Африку.

В 1543—1544 гг. марокканский отряд в составе 1800 конных воинов с караваном верблюдов, навьюченных продовольствием, водой и боеприпасами, перешел Сахару и занял оазис Асекуя ал-Хамара — важный пункт караванной торговли, принадлежавший асхии — императору сонгаев. В 1585 г. султан Марокко Ахмад ал-Мансур послал в Сахару новый военный отряд, который захватил Такказу, богатую медью и солью. Марокканцы все ближе подбирались к долине Нигера. Наконец, в 1590 г. Сахару пересек экспедиционный корпус белокожих солдат, в основном европейцев, численностью около 4 тыс. человек. Командовал этими солдатами суровый Джудар-паша. Заняв оазис Драа на юге Сахары, Джудар-паша двинул свой корпус в долину Нигера.

Мушкеты и пушки сделали свое дело: уже в первых сражениях, хотя и более многочисленная, чем марокканская, армия сонгаев была разгромлена. Тимбукту, эвакуированный по приказу асхии на юг, был занят марокканцами. Без боя или после ничтожного сопротивления сдались и другие города. Но теперь, ликвидировав традиционную власть Сонгайской империи, завоеватели оказались перед стремительно растущей бурсей. Бывшая империя была охвачена стихией феодально-племенной анархии. Каждый сбор налогов марокканцы проводили как военную экспедицию. Аборигены не выступали против них единым фронтом; напротив, они воевали друг с другом и порой стремились в этой междоусобной борьбе опереться на северных завоевателей. Но ни о каком объединении Западной Африки под властью марокканского султана нечего было и думать. Города разорялись, деревни пустели, торговля падала, падали все виды феодальных доходов, ради которых правители Феса, тогдашней сто-

лицы Марокко, и затеяли завоевание. Связь бывшей империи Сонгай с Марокко через бескрайние и безводные просторы была очень затруднена, а в Атлантике в то время безраздельно господствовали флоты европейских держав, враждебные североафриканским корсарам.

Западную Африку оказалось легко захватить, но трудно удерживать. После 20 лет войны, грабежей, насилий, карательных экспедиций, разрушений и опустошений марокканцы окончательно покинули эту страну.

Каждое из североафриканских нашествий приносило неисчислимый вред Западной Африке. Однако, несмотря на разрушения, причиненные захватчиками, в результате длительных мирных контактов Западная Африка приобщалась к мировой цивилизации.

На верблюдах через Сахару

К VIII—IX вв. относятся первые сведения о караванах, отправлявшихся через Сахару из арабского мира Северной Африки в «страну черных», по-арабски Биляд ас-Судан. Отправными пунктами движения караванов были Асуан в Египте или портовые города современных стран Магриба: Ливии, Туниса, Алжира, Марокко.

Путь из Асуана вел прямо на запад, в Сахару, через оазис Селима и оазисы Феццана (в Ливии). Здесь к асуанским караванам присоединялись купцы из городов Ливии и Туниса. Далее все они продолжали путь на юг — к озеру Чад и берегам Нигера. А купцы из Алжира и Марокко двигались с караванами верблюдов к берегам Нигера и Сенегала через оазисы Центральной и Западной Сахары: Уаргла, Гурара, Сиджильмаса, Аудагост, Туат, Араван.

Без верблюдов такие переходы были невозможны, поэтому регулярное сообщение караванов из Северной Африки в Западную через Сахару должно было начаться с распространением верблюдоводства в этой пустыне. Родиной одногорбого верблюда-дромадера является, очевидно, Северо-Восточная Африка, точнее, современный

Судан. Отсюда этих полезных животных ввезли в Египет, Аравию, Ливию. Известно, что в Феццане и на западе Алжира верблюды были еще при первом вторжении сюда римлян в I в. до н. э. Однако первые известия о движении караванов через Сахару появились только через восемь-девять столетий! Вот великолепный пример недостатка наших знаний о том, что происходило в глубине Африканского материка, если сюда не попадали в то время выходцы из европейских или азиатских стран.

До арабов лишь отдельные представители народов Средиземноморья проникали в Сахару и пересекали ее, сопровождая отряды «сынов пустыни» (см. выше главы «Встреча Африки с Древним Востоком» и «Эллинистический мир и Тропическая Африка»). Арабов ожидала та же самая участь, если бы сами они не стали африканским народом, притом не только жителями городов и деревень, но и кочевниками африканских пустынь.

Но процесс африканизации арабов и вместе с тем арабизации северных африканцев, т. е. слияния местных племен с арабскими племенами, затянулся на много столетий. Поэтому не арабы, а другие мусульмане первыми проникли через пустыню Сахару на юг, в Западную Африку. Это были принявшие ислам берберские купцы, а также отряды сахарских племен, о которых говорилось выше. Некоторые из них по крайней мере с VIII в. начали селиться в городах долины Нигера, в деревнях Сенегала, на берегах озера Чад. Собственно говоря, они проникали сюда и прежде и даже поселялись здесь, но тогда они еще не были мусульманами, посетителями арабомусульманской культуры. А в VIII—XI вв. на берегах Сенегала, Нигера, озера Чад селились уже исламизированные берберы. Первоначально это были сектанты-хариджиты, заселившие оазисы Сахары и гонимые на берегах Средиземного моря официальной суннитской религией¹.

¹ Вопрос о распространении ислама в Западной Африке исследован в трудах ряда современных ученых. Многое сделали польские арабисты А. Мотылинский и Т. Левицкий (который, между прочим,

Транссахарская торговля

В раннее средневековье Тахерт — город-оазис на юге Алжира — был твердыней хариджитов-ибадитов, основавших собственное государство. Здесь велись хроники на арабском языке, сохранившиеся до наших дней и исследованные польскими арабистами. В одной из них говорится о том, как около 776—780 гг. Тахерт стал крупным торговым центром. Сюда приезжали купцы из Кайруана (Тунис), городов Ирака и «стран черных». В другой хронике упоминается правитель Тахерта, который в конце VIII или начале IX в. хотел совершить путешествие в Гао, столицу Сонгайского царства (теперь Республика Нигер). Он чуть было не отправился в этот далекий город, но его отговорил отец.

Другие ибадитские хроники также говорят о торговле оазисов Северной Сахары — Варглы, Тадмекки, а также городов Северного Алжира и Туниса с городами Западной Африки. Об этом же сообщают арабские географы того времени ал-Якуби, ал-Бакри и др. Все они подчеркивают важную роль берберов-ибадитов в этой транссахарской торговле.

Из арабского мира на юг везли преимущественно ремесленные изделия, а также сухие фрукты. Ведь продукция арабских мастеров одинаково высоко ценилась и в Африке южнее Сахары, и в Европе, как Западной, так и Восточной, а сухие фрукты из благодатных стран Средиземноморья и долины Нила, изюм и сушеные финики из оазисов всегда находили спрос в сравнительно бедной фруктами Тропической Африке.

Возвращаясь, караваны доставляли золото, которым Африка

ввел в научный обиход интереснейшие Львовские рукописи, вывезенные из Алжира). На русском языке существуют специальные работы Е. А. Тарвердовой «Распространение ислама в Западной Африке» и Л. Е. Куббеля «Из истории древнего Мали». Ниже будут использованы сведения в основном из работ этих четырех авторов, а также французского африканиста Р. Мони.

богаче Азии и Европы, различные экзотические товары: слоновую кость, шкуры леопардов, жирафов, зебр и других животных, мускус, некоторые специи и лекарственные травы, а также рабов. Красивые девушки для гаремов, мальчики, которым предстояло стать евнухами или солдатами черной гвардии, — этот живой товар был самым выгодным для купцов.

Европа тоже получала некоторые выгоды от транссахарской торговли: до открытия Америки почти все золото, которое употреблялось западноевропейскими ювелирами и чеканщиками монет, было африканского происхождения. Его привозили из стран Магриба и Сахары еврейские купцы; они же доставляли сюда слоновую кость, африканские травы, а порой и рабов. В некоторых оазисах Сахары, например в Туате, появились меллы — европейские кварталы. Но большую часть иностранцев в оазисах составляли арабы, постепенно сливавшиеся с местным населением.

Часть товаров, перевозимых на север, оседала в Сахаре. Здешние женщины носили украшения из золота, добываемого в Гансе, и слоновой кости из южных саванн. С юга в оазисы привозили просо, выращиваемое в плодородных долинах, сорго и другие зерновые культуры, а главное — чернокожих рабов. В оазисах они становились крепостными крестьянами, а молодые девушки — наложницами берберских аристократов. Дети их составляли низшую касту местного общества. Можно сказать, что сложная система орошаемого земледелия во многих оазисах Сахары была возможна только потому, что существовал дешевый крепостной труд негров и мулатов, регулярно прочищавших подземные каналы и выращивавших богатые урожан на ничтожных клочках земли.

Сахара тоже давала Западной Африке некоторые товары: за просо и сорго — финики, инжир, изюм и немного пшеницы, за золото — серебро, добываемое на северо-западе пустыни, и медь, добываемую на юге, а главное — соль, которой столь богата безводная пустыня. Но конечно, стоимость южных товаров была намного выше стоимости сахарских, поэтому берберам приходилось выискивать

различные способы, чтобы как-то возместить недостаток продуктов своего труда. Они становятся караванщиками — торговцами, погонщиками верблюдов, проводниками или охраной караванов. Это был не слишком интенсивный, но изнурительный и опасный труд. Скалы Сахары пестрят надгробными надписями берберов, но большинство тех, кто погиб от жажды, голода и отчаяния, был занесен песчаными бурями или зарезан грабителями, остались непогребенными и не отмеченными надписями.

Расцвет караванной торговли через Сахару приходится на IX—XV вв. С XV—XVI вв. она постепенно начинает страдать от конкуренции европейского мореплавания, затем — железных дорог, автотранспорта, авиации. Но и теперь еще через великую пустыню ежегодно проходят десятки и сотни караванов (но не тысячи, как в старые времена). Порой политические события вызывали «заторы» на тех или иных караванных путях, тогда поток транссахарской торговли направлялся по другим, параллельным трассам. Так было во времена войн или восстаний, например восстания махдистов в Судане (1881—1898 гг.), когда караваны к Нилу почти не ходили, зато через Ливию ежедневно проходили тысячи верблюжьих караванов, нагруженных тяжелыми выюками, от Нигера к берегам Средиземного моря и обратно.

В океане песков легко заблудиться. Нужно поистине природное чутье, чтобы среди меняющихся барханов и однообразных скал найти верную дорогу. Таким чутьем, помноженным на опыт, и обладали лучшие караванщики. Но порой они не могли определить свое местонахождение, и тогда оставалось полагаться на чутье старой верблюдицы, шагавшей во главе каравана.

Североафриканские поселки в негритянских городах

Проделав столь тяжелый и длительный путь, караванщики останавливались на отдых, во время которого купцы, не торопясь, распродавали привезенные товары. Прежде всего, конечно, следовало

сделать подарки местным правителям, а то и уплатить установленные пошлины, если одних подарков было недостаточно. Готовясь в обратный путь, они запасались продовольствием и товарами, имевшими спрос на севере. Некоторые из них, например золото, можно было купить только у государства, на складах негритянских царей; впрочем, монополия на золото никогда не была полной, особенно в позднее время.

Соблазны богатой страны и дружба с ее правителем вызывали у караванщиков желание поселиться на этой земле. И они поселялись тут надолго, иногда на всю жизнь, среди африканских народов, но отдельно от них, поселками и кварталами в городах. Часто берберы, родившиеся в таких поселках, возвращались на север. Например, глава тунисских ибадитов Абу-Язид, возглавивший борьбу против династии Фатимидов, родился в городе Гао, где его отец занимался торговлей. На правом берегу реки Сенегал вперемежку жили негры и берберы. Кстати сказать, само название реки и страны Сенегал происходит от берберского племени зенага, поселившегося на его берегах. Позднее в среду здешних берберских племен проникли племена арабов из Марокко. Смешавшись с берберами и неграми, они образовали современных мавров — арабов Мавритании и соседних стран. Но и зенага, еще не полностью слившиеся с маврами, живут в этой стране и сохраняют свой берберский диалект.

Караванные пути, проложенные берберскими торговцами, и связи караванщиков с негритянскими царями не только облегчали походы мусульманских завоевателей на юг, но порой давали возможность и негритянским царям распространить свою власть на Сахару. Уже в самые отдаленные времена средневековья власть язычников — царей Ганы признавали санхаджа, столицей которых был город Аудагост в одноименном оазисе. Оазис Бильма в Восточной Сахаре в течение веков служил яблоком раздора между неграми-тибу и берберами-туарегами, но и те и другие подчинялись царям Борну — империи озера Чад. В позднесредневековье и в новое время туареги

распространились на юг до самого Нигера, а кое-где перешли на правый берег реки и расселились в саваннах до границ Верхней Вольты и даже еще южнее. Теперь вблизи долины Нигера туарегов больше, чем в Сахаре.

По следам берберов через Сахару устремлялись арабы — и отдельные путешественники, и группы караванных торговцев, и целые бедуинские племена. Примерно в XI в. они стали преобладать в североафриканских поселках и кварталах негритянских городов, а в XVII—XIX вв. и среди просторов Южной Сахары, прилегающей к долинам Сенегала, Нигера, нагорью Вадай (на востоке Республики Чад). Арабы и берберы сливались в один народ не только на севере Африки и в Сахаре, но и в поселках и кварталах южнее Сахары.

В столицах западноафриканских империй (Гана, Мали, Сонгай, Канем-Борну, Загава) арабо-мусульманские или арабо-берберские кварталы были порой многолюдны, как настоящие города. Яркий пример — арабо-мусульманская слобода в Кумби, столице средневековой Ганы. Она раскопана французскими археологами, но лучше привести не ее современное описание по материалам раскопок, а другое, XI в., переданное арабо-испанским историком ал-Бакри. Он пишет: «Город населен мусульманами, он очень большой, имеет 12 мечетей, в главной мечети совершается пятничная молитва... Каждая мечеть имеет своих имамов, муэдзина и проповедников, состоящих на жаловании. В городе живут ученые, юристы и другие высокообразованные люди».

Богатые и образованные арабы жили также в столице средневекового Мали городе Ниани. В частности, один из информаторов арабского историка ал-Омари, «правдивый шейх Абу Саыд Осман ад-Дуккали», прожил в этом городе 35 лет. Немало арабов и берберов обитало в Нджими, столице Канема-Борну, и в городах империи Сонгай: Гао, Дженне, Тимбукту.

Распространение ислама в Западной Африке

Каждый берберский и арабский купец был в то же время миссионером мусульманской религии. Арабы и берберы жили в негритянских городах широко и основательно. Они заводили гаремы чернокожих жен, множество слуг, в том числе приказчиков и помощников из числа своих рабов и вольноотпущенников; у тех и других росли дети, обычно все вместе, на дворе мусульманского купца. Африканцы принимали новую веру тем быстрее, чем ближе они находились к богатым и сравнительно образованным северянам. Так было и на заре ислама, в первые годы проповеди Мухаммеда. Сначала учение пророка приняла его жена Хадиджа, затем его дочери, затем двоюродный брат Мухаммеда Али (будущий четвертый халиф), вольноотпущенник и приемный сын пророка Зейд, родственники аз-Зубейр и Саад и пастух, бывший раб Абдаллах ибн-Масуд, а также купцы Абу Бекр, Тальха, Абдуррахман ибн-Ауф, Абдаллах ибн-Саад и знатный человек Осман ибн-Аффан. Примерно в таком же порядке принимали ислам и африканцы, связанные родственными узами, узами личной зависимости или торговыми, деловыми связями с переселенцами из арабского мира.

Переломным моментом в исламизации той или иной африканской страны был переход в новую веру местного царя, вождя, правителя. В Гане такой момент наступил в 1076 г., когда страну захватили альморавиды. Хотя и до этого в Гане распространялся ислам (в еретической хариджитской и в ортодоксальной суннитской формах), но царь оставался язычником. Он сам считался живым богом, его дворец — храмом, а могилы умерших царей — святилищем. Жил царь Ганы в священной роще, окруженный жрецами; все это характерно и для других «священных царств» Африки. После 1076 г. правитель этого крупнейшего из средневековых африканских государств принял ислам и стал насаждать его среди своих подданных.

Вассалы Ганы — цари Текрура и Силла (на левом берегу Сене-

гала) приняли мусульманскую веру лет за сорок до этого. Основатель альморавидского ордена-секты Абдуллах Абу Ясин уже в те годы вел активную пропаганду своей религии среди населения Сенегала, как берберского, так и негритянского. Ал-Бакри сообщает, что первым мусульманским царем Текрура и Силла был Ваджаби, сын Рабиса, принявший ислам и обративший в него своих подданных. Умер Ваджаби в 1040 г., следовательно, исламизация долины Сенегала произошла до этой даты. Лет через 10 принял ислам еще один вассал Ганы — царь Мали Барамандана из династии Кейта.

В Канеме-Борну, на берегах озера Чад, в 1085 г. воцарилась мусульманская династия, сменившая прежнюю, языческую. Царем этого государства стал Умме Джилми. По случаю коронации он выдал жалованную грамоту мусульманскому проповеднику Мухаммеду ибн-Мани, который занимался пропагандой ислама в Борну начиная с 1020 г. Один поздний арабский автор (ал-Калкашанди) сообщает в своих исторических трудах сведения, полученные из более ранних сочинений; между прочим, он говорит, что в Канеме еще при египетской династии Фатимидов проповедовали улемы — богословы маликитского толка, прибывшие сюда из Египта. Фатимиды царствовали в Северной Африке, от Египта до Алжира, с 969 по 1171 г. Наверное, ал-Калкашанди имеет в виду проповедь Мухаммеда ибн-Мани и его товарищей. За 65 лет, с 1020 по 1085 г., новая вера пустила в Канеме столь глубокие корни, что ее последователи смогли захватить власть.

В государстве сонгаев ислам стал государственной религией при царе За-Косой, получившем прозвище муслимдам (ставший мусульманином). Вместе с принятием мусульманской веры он перенес свою столицу в Гао, важный центр караванных и речных торговых путей, где были особенно влиятельны арабские купцы и местные мусульмане. Начиная с 1100 г. сохранились надгробья правителей Гао, чисто мусульманские с арабскими надписями, открытые недавно. Может быть, со временем будут найдены и другие вещественные свидетельства исламизации сонгаев в XI в. Ал-Бакри, хорошо осведомленный

в такого рода делах, утверждает, что цари Гао признавали своими духовными владыками кордовских халифов и получали от них государственную печать, меч и Коран при своем вступлении на престол. Эти регалии присылались в Гао специальным послом. Ал-Бакри даже говорит, что немусульманин не мог стать сонгайским царем.

Сохранился яркий рассказ одного средневекового малийского историка о том, как принял ислам правитель города Дженне (в Мали на границе земель мандинго и сонгаев). Звали этого первого мусульманского князя Дженне Конборо. Обратившись в новую веру, он немедленно призвал к себе мусульманских законовеев, которые уже успели обосноваться в городе, и велел им обратиться к аллаху с просьбой: «Чтобы тот, кто пришел в этот город изгнанный из своей страны невзгодами и нуждой, нашел здесь, благодаря аллаху, достаток и богатство, так, чтобы он забыл свою страну! Чтобы в городе жило больше чужеземцев, чем местных уроженцев! Чтобы аллах лишил терпения тех, кто прибывал в город для торговли своими товарами, так что они, утомленные пребыванием здесь, продавали бы по низкой цене свое добро, отчего выигрывали бы жители». В этой наивной молитве многое вызывает улыбку, но в сущности Конборо ведет себя как дальновидный и человечный государь, которого можно было только пожелать любому африканскому городу. Вместе с тем видны его побуждения, которые привели к принятию ислама: интересы торговли, внешние связи, авторитет мусульманских законовеев, вообще образованных людей, надежды на дальнейшее процветание города.

Таким образом, XI век является временем начала официальной исламизации Западной Африки. До этого времени мусульман здесь было немного, в основном выходцы из арабского мира. В XI в. ислам принимают цари крупнейших государств этого района. За царями потянулась феодальная знать, связанная с ними узами вассалитета, а с арабскими купцами — деловыми отношениями. Затем исламизированные правители начали обращать в новую веру «людей земли» —

массу крестьян-общинников. В последнюю очередь приняли ислам низшие касты — кузнецы, рыбаки, музыканты-поэты (так называемые гриоты). Знамя пророка становится символом государственной власти; спустя некоторое время цари начинают требовать перехода в ислам своих полузависимых вассалов, соседей и покоряемых ими племен. Некоторые из этих племен пускались на хитрость: утверждали, что они не язычники, а исповедуют иудейскую веру. В таком случае по мусульманской традиции нельзя было требовать их немедленного перехода в ислам, а лишь полагалось облагать чернокожих «евреев» подушным налогом — джизьей. Однако цари Ганы, Мали, Сонгая, Канема-Борну, городов-государств хауса редко принуждали принимать ислам тех, кто не был к этому расположен. До сих пор многочисленный народ бамбара в большинстве придерживается старой, языческой веры, хотя на протяжении многих веков он входил во все мусульманские империи Западной Африки. Даже среди многомиллионных мусульманских народов хауса и фульбе есть общины «язычников» — чистокровных представителей этих народов. Еще больше немусульман среди остаточных племен, вкрапленных в массу хауса, фульбе, мандинго или малинке — создателей империи Мали.

Ислам не просто вера, а также образ жизни. Переход в ислам подразумевает распространение обязательного для всех мусульман шариата — смеси ритуальных предписаний, моральных норм и единой концепции права. Шарият охватывает большую часть элементов частной, общественной и в сравнительно небольшой степени духовной жизни мусульман. Поэтому принятие ислама резко меняет этнографический облик того или иного общества, мусульмане и немусульмане становятся как бы разными народами. Меньше всего меняется социально-экономическая структура, но и в нее проникают некоторые новые элементы, трансформируются некоторые старые. Меняется язык — в него обильным потоком вливаются арабские слова. В итоге вся страна меняет внешний облик и в какой-то степени (ее не следует преувеличивать!) облик внутренний.

Однако — и для Западной Африки это особенно характерно — исламизация означала не столько исчезновение старого, «языческого», сколько его дополнение новым, арабо-мусульманским. Наряду с верой в аллаха сохранились и почитание предков, и вера в древние божества природы. Вопреки запрещению шариата негры-мусульмане плясали, пели, создавали чудесные произведения скульптуры. Правда, их искусство уже не было таким цельным и оригинальным, как искусство негров-язычников, но и оно сохранило в значительной степени свой негро-африканский колорит. В то же время оно обогащалось арабской культурой во всей ее полноте и жизнестойкости.

Влияние ислама (как образа жизни) и арабского мира коснулось и немусульманских народов Африки. Арабские географы сообщали, что характерная одежда жителей Магриба (стран Северной Африки) распространилась на всех территориях южнее Сахары — от Ганы и Мали до Восточного Судана. Жители западных провинций Нубии, сохранявшие христианство, одевались в XI—XII вв. так же, как и их мусульманские соседи. Еще более это типично для Западной Африки. Не только одежда: рубашка, штаны, шапочка, верхняя халат-рубаха, сандалии — но и элементы мифологии ислама и арабского языка проникали к таким закоренелым «язычникам», как бамбара или догон, веками жившими по соседству с мусульманами мандинго и сонгай. Впрочем, с XIX в. бамбара постепенно исламизируются.

Но и самих арабов, переселившихся в Африку южнее Сахары, коснулось влияние народов, сохранивших язычество. Цари мусульманских государств подавали пример и тем, и другим. Так, в Канеме один из ведущих мусульманских имамов получил жалованную грамоту за «волшебство» — в Каире или Тунисе его за это подвергли бы суровому наказанию. Этот имам, которого звали Мухаммед Дили, по преданию, принес царю змеиную кожу, рисунок которой удивительно напоминал царское платье. «Все были поражены этим сходством, а имам Мухаммед заметил, что змеиная кожа обладает особым свойством. Если человек опустит ее в воду, а затем выпьет эту воду, то он сможет понимать язык животных. Правитель последовал этому

указанию и слышал разговор двух черных птиц, сидевших на вершине дерева...» Далее рассказывается волшебная сказка, столь редкая в Африке южнее Сахары.

Очень характерно, что многие африканские императоры называли себя «повелителями правоверных» — халифами, религиозными главами мусульман, подобно тому как языческие цари Африки считались живыми богами. Это не мешало некоторым царям быть весьма далекими от мусульманского правоверия. Например, король сонгаев — сонни (не путать с императором-аскией сонгаев) — знаменитый Али (1464—1492 гг.) был сыном язычницы из области Фар и в детстве проводил много времени в обществе жрецов и колдунов. Но, вступив на престол, он стал следовать предписаниям ислама: произнес символ веры, постился в рамадан, раздавал милостыню, посещал мечети и возносил молитвы аллаху. Вместе с тем великий сонни почитал священные деревья и камни, в которых жили духи, приносил им традиционные жертвы.

Доисламские культы продолжали сохраняться у сонгаев и после официального обращения в ислам. Не менее знаменитый, чем сонни Али, аския Мухаммед (1493—1528 гг.) обратился к мусульманскому богослову ал-Маргали с вопросом: что делать с сонгаями, которые, как правило, «произносят слова: «Нет бога, кроме аллаха», но в то же время... почитают деревья и совершают в их честь жертвоприношения»? Шейх ал-Маргали с логикой фанатика дал исчерпывающий ответ: «Что касается людей, которых ты описываешь, то они, несомненно, являются неверными. Они даже хуже тех неверных, которые не произносят формулы «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед — пророк его». Поэтому джихад (священная война до истребления. — *Авт.*) будет наилучшим средством борьбы с ними». И ал-Маргали написал специальную книгу под названием «Светильник братьев», полную обличений и призывов к борьбе за чистоту ислама.

В империи Мали ислам распространялся в течение всего периода ее существования, но так и не охватил всей массы населения. Даже основателя империи Сундиату народные предания не называют му-

сульманином, хотя он, по крайней мере формально, был им подобно своим предшественникам королям небольшого еще царства Мали.

Итак, в VIII—X вв. к югу от Сахары стали селиться первые мусульмане — торговцы из Северной Африки. По происхождению они были в большинстве берберами, отчасти арабами, персами, хорасанцами (как некоторые жители Завилы, о которых будет сказано ниже, и Рустемиды, правители Тахерта). Ислам, который они исповедовали, был «еретическим», хариджитским, главным образом ислам секты ибадитов; но были среди караванщиков и сунниты. В XI в. начинает широко распространяться ортодоксальный суннитский ислам. Альморавиды названы были выше сектой. Это неточно; они составляли духовный орден суннитского ислама. Такие духовные ордена обычно возникали на востоке арабского мира, затем проникали в Магриб, а еще позднее — в Африку южнее Сахары.

Среди мусульман-суннитов образование стояло выше, чем у североафриканских ибадитов. Поэтому приобщение к суннизму принесло в страны Западной Африки такой социальный элемент, в котором они уже испытывали острую потребность, — мусульмански образованных людей: богословов, юристов, писателей, которые чаще всего в одном лице совмещали все эти качества.

Помните рассказ ал-Бакри об арабской слободе в Кумби? Уже тогда в столице крупнейшего из западноафриканских государств находилось множество мусульманских ученых-законоведов. Со временем ученых стали готовить из местного населения. В маленьких начальных школах при мечетях негритята учили арабский язык и Коран, позже переходили в ведение ученых наставников, под руководством которых совершенствовались в арабском языке, шариате, изучали правоведение и богословие. Цари также овладевали книжной премудростью. Уже упомянутый имам Абдуллах Дили проштудировал 150 арабских книг со своим учеником — наследником престола Канема. У многих царей вроде аскии Дауда, императора сонгаев, как и у местных грамотеев, появились богатые библиотеки в сотни рукописных томов. Не удивительно, что африканские цари Канема да-

вали награды за выдающиеся успехи в изучении арабского языка и мусульманского права; сохранилось множество жалованных грамот за эти заслуги, изданных английским африканистом Х. Палмером.

Следующим этапом мусульманского просвещения Западной Африки было обучение ее студентов за границей в прославленных высших училищах Каира, Кайруана, Мекки. Историки города Тимбукту (о них см. ниже, в главе «Загадочные рукописи») упоминают множество молодых малинке и сонгаев, отправлявшихся для учебы в Каир и Хиджаз. Особенно много студентов-негров было в каирском университете ал-Азгар. Здесь учились малинке, сонгаи, хауса, а также канури и канембу — уроженцы Канема. Специально для них в 1242—1243 гг. в Каире была основана школа (мадраса или медресе), где преподавали правоведы маликитского толка.

Но, как это обычно водится, далеко не все африканские студенты возвращались на родину: многие из них оставались в той стране, где они обучались. Да и поездки за границу стоили слишком дорого. Поэтому при той потребности в образованных людях, которая существовала в империях Мали и Сонгай, стоило открыть здесь собственный университет.

Университет Санкоре

В XIV в. в Тимбукту при мечети Санкоре появился первый в Тропической Африке мусульманский университет. Он был точной копией каирского ал-Азгара, с которым поддерживал теснейшие связи. Местные историки считали Санкоре вторым ал-Азгаром, ничуть не хуже первого. Сюда приезжали для преподавания правоведы, богословы, филологи и другие ученые из стран арабского мира, особенно североафриканских, но также из мавританской Испании, Аравии, Сирии; студенты же прибывали со всей Западной Африки. Кроме иностранцев в университете были и местные ученые, частью окончившие арабские университеты, частью доморожденные — выпускники Санкоре. Все преподавание велось на арабском языке.

Хроники Тимбукту упоминают имена виднейших местных ученых — профессоров Санкоре: Абдуррахмана ибн-Абу Бакра, Ахмада ибн-Омара, автора многих трудов по мусульманскому праву, и др. Все они придерживались ислама маликитского толка, тогда как в ал-Азгаре было большое разнообразие течений ислама.

При мечети Санкоре имелась богатая библиотека, заново открывшаяся в последние годы; впрочем, многие из наиболее древних книг в ней погибли. Кроме того, личные библиотеки собирали профессора и студенты университета или же имамы городских мечетей, бывшие выпускники Санкоре.

В этот университет принимали далеко не каждого. Абитуриент должен был представить свидетельство об окончании начальной школы при мечети и пройти экзамен — обнаружить знание наизусть Корана. После этого он поступал в «кружок» — семинар того или иного профессора. Окончив один семинар, студент выбирал себе следующий. Срока обучения, установленного сколько-нибудь твердо, в Санкоре, конечно, не было, как и в арабских и европейских университетах того времени. Некоторые студенты тратили больше трех лет лишь на изучение, т. е. прочтение и комментирование, одного-единственного трактата «Ал-Муватта» — основного памятника маликитского правоведения — и на этом заканчивали свое систематическое образование.

По окончании университета выдавался диплом. Он давал право занять должность имама в мечети, кадия в мусульманском суде, преподавателя арабского языка или просто письмоводителя в царской канцелярии. Наиболее выдающиеся выпускники Санкоре становились профессорами в дочерних высших школах, появившихся в городах Дженне и Кано.

Дженне считался вторым после Тимбукту центром мусульманского образования в Мали и Сонгае. Здесь при главной городской мечети преподавали местные и магрибские, арабо-берберские ученые. Кано, столица народа хауса, также получил свою богословско-юридическую школу в XV в. Сюда приглашали профессоров из Тим-

букту, выпускников Санкоре и Дженне; порой заезжал какой-либо ученый араб из Магриба или даже из самого Каира. Вторым городом хауса, Кацина, не мог похвастать такой школой, но вокруг местного князя, человека весьма образованного, собирались порой хаусанские и сонгайские интеллигенты. В XV в. князь Кацины вел переписку с известным египетским богословом и правоведом Джалал-уд-дином ас-Суюти, с которым познакомился во время путешествия последнего по Западной Африке. Египетский ученый был приятно поражен тем, что в негритянских городах усердно изучали и хорошо знали его труды. Некоторое время ас-Суюти даже пожил в городах хауса, столь гостеприимных для людей науки.

Серьезные испытания выпали на долю университета в 1469 г. В то время город Тимбукту, находившийся во власти туарегов, был захвачен создателем Сонгайской империи сонни Али. Богословы Санкоре предали анафеме город Гао, столицу сонни, где свили гнездо еретики-хариджиты и язычники-колдуны, а заодно и их покровителя сонни Али, которого называли великим колдуном.

Поэтому при приближении сонгайской армии к Тимбукту виднейшие богословы бежали из города; султан туарегов заблаговременно пригнал им из пустыни верблюдов. Менее видные из них остались, но если они рассчитывали на великодушие сонгайского царя, то просчитались жестоко: многие из них были казнены. Затем произошло примирение: университет отказался от своей оппозиции сонни Али, а правитель Сонгайской державы круто сменил гнев на милость. Теперь он «оказывал благодеяния ученым и почитал их», а когда его воины захватили в плен стройных светлокожих женщин фульбе, он послал полонянок в подарок благочестивым профессорам. В те годы сонни Али говаривал: «Если бы не ученые, жизнь не была бы ни сладка, ни приятна». Не удивительно, что многие из профессоров Санкоре, бежавшие от сонни в Сахару, вернулись в Тимбукту и снова занялись юридической практикой, преподаванием и наукой.

Что касается высшей школы в Дженне, то она несколько не пострадала от подчинения города сонни Али, хотя горожане оказали

завоевателю решительное сопротивление и сдались добровольно на его милость только после длительной осады.

В период владычества сонгаев (более 100 лет, с последней четверти XV до конца XVI в.) мусульманские университеты Западной Африки достигают своего наивысшего расцвета.

Катастрофа пришла неожиданно. Как рассказывалось выше, в 1591 г. империя Сонгай пала под ударами марокканских войск. Их предводитель Джудар-паша решил порадовать своего монарха халифа Мухаммеда. Зная склонность халифа к науке и технике, Джудар-паша приказал схватить и отправить в Марракеш всех наиболее знаменитых ученых Тимбукту. Несчастные профессора Санкоре были высланы «по этапу» на север — пешком через пустыню. Они, как и следовало ожидать, не выдержали тягот пути и почти все погибли в песках Сахары.

Так средневековый африканский университет оказался обезглавленным. Западная Африка лишилась своей главной научной базы. Ни в Дженне (также пострадавшем в годы марокканской оккупации), ни в города хауса больше не прибывали выпускники Санкоре, уровень местной образованности безнадежно упал.

Посольства и паломничества

Выше говорилось об обычае, установившемся в Гао еще с XI в., — обмене посольствами с Кордовским халифатом по случаю вступления на престол нового сонни — царя сонгаев. Цари Мали и Сонгай поддерживали связи с мавританской Испанией, Магрибом, Египтом.

Их восточные соседи цари Канема-Борну также стремились завязать дипломатические отношения с Магрибом. В 1257 г. в Тунис было первое посольство Канема-Борну, доставившее дары султану ал-Мунтасиру. В числе подарков был живой жираф — классический дар африканского царя иноземному еще со времени Ахеменидов.

О том, насколько регулярными были такого рода сношения, мы узнаем лишь из отрывочных свидетельств арабских авторов.

Кстати сказать, манса (император) Мали, по имени Мари Джата II, также подарил живого жирафа марокканскому султану. Это событие произошло около 1360 г. Жираф был доставлен специальным посольством в Фес, тогдашнюю столицу марокканской династии Маринидов, и вызвал огромный интерес горожан. Вместе с жирафом прибыли и другие ценные дары.

Знаменитый Канку Муса, великий манса Мали, обменивался посольствами с султаном Маринидской династии. В частности, он послал в Марокко своих представителей, чтобы поздравить султана Абу-л-Хасана со взятием города Тлемсена. В ответ из Марокко в Мали было послано специальное посольство. Однако в 1337 г., когда марокканцы прибыли в Тимбукту, манса Канку Муса уже умер и послов встретил его брат манса Сулейман.

Правитель Борну Осман, совершивший в свое время хадж в Мекку через Ливию и Египет, переписывался с мамлюкским султаном Баркуком, черкесом по происхождению (1382—1399 гг.). В одном из своих писем он жаловался на арабских «охотников за рабами», которые захватывали и продавали в рабство чернокожих мусульман. Осман просил египетского правителя разрешить агентам Борну приступить к розыскам своих подданных в Египте, Сирии и других владениях мамлюков. «Если бы правитель Египта, — просил он, — владения которого тянутся от Средиземного моря до Асуана, приказал, мы бы послали послов во все ваши земли к вашим эмирам, шейхам, кадиям, улемам и начальникам невольничьих рынков, которые посмотрят и поищут наших людей и если обнаружат их, то отберут у них». Но, как и следовало ожидать, Баркук отклонил наивное ходатайство царя Борну, который не мог понять, как это мусульмане могут убивать, грабить и угонять в рабство других мусульман.

В 1440 г. посол Канема-Борну прибыл в оазис Туат, откуда рукой подать до Алжира и Марокко. Посол доставил сюда письмо, адресованное, судя по тексту, всем правителям Магриба. Царь Канема-

Борну выражал пожелание, чтобы возобновились традиционные дипломатические связи его страны с государствами северо-запада. «Мы весьма удивлены, — писал он, — почему вы перестали приезжать в нашу страну и, по обычаю ваших предков, посылать к нам послов. . .»

Своего рода дипломатическими визитами в арабские страны были паломничества знатных африканцев и самих царей. Ислам требует, чтобы каждый мусульманин, где бы он ни жил, хотя бы раз в жизни посетил Мекку и поклонился Каабе. Со временем были придуманы разного рода заменители столь тяжелого путешествия, но для самых благочестивых и ортодоксальных мусульман хадж — паломничество в Мекку — остается обязательным. Белые чалмы паломников-хаджи носили почти все цари средневекового Мали, путешествовавшие с большой и пышной свитой. Особенно блестящим был хадж мансы — императора Мали — Канку Мусы (1307—1332 гг.).

Арабские историки говорят, что мансу сопровождало 10 тыс. человек, в том числе 500 рабов-носильщиков, каждый из которых нес на голове золотой брус весом 500 мискалей (более 2 кг в переводе на наши меры веса). Щедрость царя Мали не знала предела, он прямо-таки швырял золото направо и налево, притом в таких размерах, что цена драгоценного металла на Ближнем Востоке быстро и резко упала. Долго еще помнили арабы хадж владыки чернокожих мусульман!

Путь вооруженной и нагруженной золотом экспедиции Канку Мусы проходил из долины Нигера через Сахару в оазис Туат, далее в Ливию, оттуда в Египет, затем к побережью Красного моря и морем в Хиджаз. В 1324 г. манса и его свита достигли Каира. Прибытие столь знатного и богатого гостя переполошило население второй столицы арабского мира. Канку Муса был встречен здесь с величайшим почетом. По приказу султана ан-Насира Мухаммеда Калауна, о котором говорилось выше, африканского царя встретили и сопровождали эмир (князь) Абу-л-Аббас Ахмад ибн-ал-Хакк, михмандар («принимающий гостей») мамлюкского султана, а также wali

(губернатор) Каира Ибн-Амир Хаджиб и другие высокопоставленные вельможи. А кроме того, к малийским хаджи старались протиснуться горожане: купцы, богословы, географы, историки, просто любопытные и всякого рода искатели легкой наживы, ибо африканский владыка швырял золотом.

Этот визит в арабские страны произвел на весь арабский мир колоссальное впечатление и привлек внимание к далекой африканской стране. Географы и историки, в том числе знаменитый ал-Омари, жадно прислушивались ко всему, что рассказывали о великом Мали, границы которого доходили на западе до Моря тьмы (Атлантического океана), на востоке до нынешней Северной Нигерии, на севере глубоко проникали в просторы Сахары, захватывая богатый медью и солью район Такказы. А на юге — кто знал, как далеко простиралась империя Мали на юг, в области языческих племен?

Благодаря визиту Канку Мусы в Каир мы располагаем ценными сведениями о средневековом Мали эпохи его наивысшего расцвета. Мы знаем даже об океанских экспедициях малийского флота, окончившихся, правда, неудачно: манса посылал свои речные суда в Атлантику!

В 1325 г. манса Канку Муса вернулся из Мекки в свою столицу Ниани. Вместе с ним прибыли малийские паломники, составлявшие его вооруженную свиту, а также приглашенные царем арабы из Египта, Аравии, Ливии: богословы, правоведы, египетский врач, мекканский архитектор. Архитектора звали ас-Сахили, он был также поэтом и ученым; по просьбе мансы он выстроил в Гао мечеть, в Тимбукту — царский дворец; французские африканисты предполагают, что именно от ас-Сахили и его малийских учеников ведет начало тот своеобразный стиль в архитектуре, который прослеживается в Западной Африке до настоящего времени.

Брат и наследник Канку Мусы манса Сулейман также совершил хадж в Мекку и также пригласил в Мали арабских ученых. Точно так же поступали и другие цари Мали до и после Канку Мусы. Некоторые из них совершали не одно, а два путешествия в Мекку,

а манса Муса Аллакой (1200—1218 гг.) побывал в храме Каабы не менее четырех раз.

Императоры (аскии) Сонгая тоже совершали хадж — как из идеологических и благочестивых побуждений, так и в чисто политических, дипломатических целях. Особенно пышным и славным было паломничество аскии Мухаммеда в 1498 г., но даже оно не могло сравниться с хаджем Канку Мусы.

Паломничества к святым местам Египта и Палестины совершали и чернокожие христиане из Эфиопии, Нильской Нубии, Кордофана, Дарфура и районов Судана к востоку от Нила. Часть из них доходила до Египта по суше или спускалась на речных судах вниз по Нилу; другая часть, особенно большинство паломников из Эфиопии, садилась в Суакине на морские суда и следовала на них до красноморских портов Египта, затем через Восточную пустыню караванами в долину Нила и далее вниз по берегам великой африканской реки. В Нижнем Египте паломников ждали корабли, перевозившие их по Средиземному морю до Яффы. В Яффе африканские христиане встречали паломников из Западной и Восточной Европы от Ирландии до России; все вместе они составляли караваны, направлявшиеся в Иерусалим — священный город трех религий.

Мусульмане из стран Северо-Восточной Африки двигались в хадж порой теми же путями, что и христиане, особенно из Дарфура и глубинных районов Эфиопии. Они достигали портов Красного моря и переправлялись на арабских судах в Аравию, затем караванами от морского побережья направлялись в Мекку и Медину. В Аравию морем прибывали на своих и арабских судах паломники из стран Восточной Африки, где мусульманские поселения протянулись вдоль океанских берегов от Зейлы и Сомали до Мозамбика, Мадагаскара и Коморских островов.

Разными дорогами — караванными, речными и морскими — двигались мусульманские и христианские паломники из Тропической Африки. Прежде чем достичь Каабы или Храма гроба господня в Иерусалиме, они проходили целый ряд арабских стран, плыли по

морям и по Нилу на арабских судах. Здесь христиане слышали арабскую речь, приобщались к арабской цивилизации. В средние века паломничества не были, как теперь, туристской поездкой; они длились долго и вели к большему, чем теперь, соприкосновению с местным населением. Кроме того, многие паломники подолгу задерживались у святых мест, иные же из них поселялись тут до конца жизни. Поэтому пилигримы средних веков, даже самые необразованные, получали от паломничества больше впечатлений и больше ассимилировались местной средой, чем современные туристы. Следовательно, значительнее было и воздействие на них арабской культуры.

Арабская колонизация Восточной Африки

В непосредственной близости от портов Южной Аравии лежит сомалийский город Зейла; арабские купцы были здесь частыми гостями и селились в Зейле начиная с незапамятных времен.

Легенды говорят о том, что лежащая значительно дальше на юг столица Сомали Могадишо была основана арабами в средние века. Знаменитый автор средневекового арабского географического словаря ал-Йакут нисколько не сомневался в том, что жители Могадишо — настоящие арабы, переселившиеся в эти места из Аравии. Они делились на племена, руководимые шейхами, совет которых управлял городом. Сюда приплывали на своих судах арабские купцы из Омана и Сирафа, скупавшие в Могадишо амбру, слоновую кость, сандаловое и эбеновое дерево, а также рабов и шкуры африканских зверей. Расположенные южнее города Барава (Брава) и Кисимайю были, по преданию, основаны арабами с островов Бахрейн, однако сами названия этих городов неарабские; вероятно, бахрейнцы поселились не на пустом месте, а вблизи негритянских деревень.

Средневековым арабам приписывается также основание всех старых городов Южного Сомали (так называемый Бенадир, что по-арабски значит «Гавани»), хотя на самом деле некоторые из них

были первоначально поселками негров-суахили. Однако с превращением этих поселков в торговые города здесь возникали колонии арабских купцов-мореходов.

Трудно сказать, когда на берегах Восточной Африки высадились первые арабские колонисты. Именно колонисты, постоянные поселенцы, а не моряки или купцы. Об этом рассказывают только местные легенды, передаваемые из уст в уста, из поколения в поколение и даже включенные в сравнительно поздние исторические хроники.

На островах Ламу, лежащих у берегов Кении, говорят, что первые арабские переселенцы были родом из страны Шам (так арабы называли Сирию, Палестину и Ливан). Они прибыли сюда якобы при «арабском царе» Абдель-Малике ибн-Марване. Немецкий историк Р. Рейш высказал догадку, что это были сектанты-хариджиты, восставшие против омейядского халифа Абдель-Малика ибн-Марвана, но потерпевшие поражение в 697 г.

Жители других суахилийских городов утверждают, что вашами (сирийцы) поселились и у них, притом одновременно с поселением на островах Ламу, — подробность не очень-то правдоподобная!

Вслед за вашами в Восточную Африку переселились жители Омана. Будущие колонисты слышали от арабских моряков, что в стране зинджей (негры-суахили) есть арабские поселения. И вот оманцы с женами и детьми, числом 300 человек, погрузились на утлые суденышки и пустились в просторы Индийского океана. Во главе переселенцев стояли мудрый шейх Сулейман и храбрый воин Саид.

Попытаемся представить себе это переселение. Суда, на которых оманцы плавали к берегам Восточной Африки, даже в средние века считались очень маленькими. Великий арабский географ ал-Идриси писал в XII в., что оманцы ходят к берегам страны зинджей лишь на маленьких корабliках и лодках. Каждое такое суденышко имело один небольшой парус. Днем путь держали по солнцу, ночью по звездам, но теплый муссон безотказно и ровно наполнял косой парус, и вот наступал день, когда кормчий, являвшийся одновременно капи-

таном, ожидал появления земли. Самое трудное — провести суденышко в узкий проход между рифами. Это удастся головному судну, за ним в проход входят другие. На песчаном берегу Ламу стоят кокосовые пальмы, точно такие, какие видели сабейские и греческие моряки, современники «Перипла Эритрейского моря», и какие позднее воспел Хемингуэй. Утомленные качкой и лишениями, вызванными морским плаванием, сходят путники на берег. Закутанные до глаз арабки смотрят на местных женщин с обнаженной грудью и погами, а ребятишки жмутся к матерям... Но вот появляются почтенные арабы из местных жителей, и главы переселенцев начинают с ними неторопливую, обстоятельную беседу.

Легенды красочно описывают, как обрадовались оманцы, найдя на своей новой родине изобилие рыбы, дичи и кокосовых орехов, а главное — ценные экзотические товары: слоновую кость, черепаховые щиты, эбеновое дерево, пятнистые шкуры леопардов и жирафов.

Колонисты построили отдельный поселок и укрепили его рвом и стеной. Вначале они усердно трудились на море и на суше, жили рыбной ловлей, охотой, разведением кокосовых пальм и выращиванием проса. Но не забывали они и о выгодах торговли. Со временем укрепленная деревня оманцев превратилась в цветущий торговый городок. Самым доходным товаром были не слоновая кость и не эбеновое дерево, а черные рабы. Их покупали у соседей-негров, но спрос превышал предложение, и вот возросшие в числе колонисты во главе с отважным Саыдом начали совершать набеги на ближних и дальних соседей, забирая их в плен для продажи заморским купцам. Обогащаясь, эти выходцы из Омана не довольствовались больше одной женой, а брали наложниц из числа молодых чернокожих рабынь. Через несколько поколений оманцы полностью слились с местным населением.

Р. Рейш попытался установить время поселения первых оманских колонистов в Ламу. Это событие он связывает с походами известного мусульманского полководца Хаджаджа против арабов-язычни-

ков Омана в начале VIII в. В таком случае колонисты приняли ислам лишь на своей новой родине, возможно, через посредство хариджитов-вашаи.

Итак, берега Восточной Африки подобно негритянским городам Южной Сахары и Западного Судана первоначально заселили не правоверные мусульмане-сунниты, а разного рода сектанты, особенно последователи хариджитских сект.

Далее легенды гласят, что третья волна арабских переселенцев появилась в Восточной Африке между 754 и 757 гг. Это были торговцы из Южной Аравии. Четвертая волна — в царствование знаменитого халифа Харун ар-Рашида (786—809 гг.). Затем в начале X в. на берега Восточной Африки переселились правоверные мусульмане-сунниты, бежавшие с островов Бахрейн, захваченных еретиками-карматами (одна из хариджитских сект). Переселение возглавили якобы семь братьев-арабов из прибрежной области ал-Хаса.

Еще позднее сюда прибыли персы из Шираза — центра ремесла, искусства и культуры в Иране. Многие современные жители Кении и Танзании считают себя потомками ширазских переселенцев. Суахильская легенда рассказывает, что правитель Шираза, по имени Хасан ибн-Али, увидел сон, предвещавший ему гибель. Поспешно снарядил он корабль и отплыл в море со своими шестью сыновьями, женами, слугами и придворными. После долгого плавания беглецы прибыли в Кильву (на юге современной Танзании), где на зеленом полуострове увидели белую мечеть, построенную мусульманами из северных суахильских городов, и тростниковые хижины чернокожих язычников. И персы поселились в Кильве, и построили здесь дома, и ходили в мечеть на молитвы. Когда правитель города отбыл на континент, хитроумные ширазцы с помощью других мусульман прорыли широкий ров, превративший Кильву в остров. Укрепления, воздвигнутые в дополнение к этому рву, заполненному морской водой, окончательно сделали город неприступной крепостью. Когда же правитель Кильвы пожелал вернуться, он не смог проникнуть в город и вынужден был уступить его ширазцам. За это они заплатили ему

выкуп. Произошло это событие (если оно действительно имело место) якобы около 975 г.

Шестая волна переселенцев из арабских стран достигла берегов Восточной Африки около 1200 г., когда сюда прибыли колонисты из Южной Аравии во главе с султаном Сулейманом ибн-Музаффаром ан-Набхани и двумя его братьями. Они обосновались на островах Ламу, в городе Пате. Сулейман якобы женился на дочери местного царя, и вскоре сам стал правителем Ламу.

Так говорят легенды. . .

А более достоверные исторические источники позволяют проследить еще несколько волн арабских переселений на острова и побережье Восточной Африки, последнее из которых относится к XIX в., когда все суахилийские города перешли под власть султанов Маската (Оман).

Когда в XV в. португальские конкистадоры достигли берегов Восточной Африки, они застали во всех городах побережья «белых и черных мавров», т. е. арабов и суахили, между которыми трудно было провести резкую грань.

Характерно, что кормчим Васко да Гамы, тем человеком, который провел португальскую эскадру от берегов Кении к далекой Индии, был араб из Хадрамаута, по имени Ахмед ибн-Маджид. Этот замечательный моряк был человеком начитанным и составил в стихах ценные лоции берегов Индийского океана. Три лоции Ахмада ибн-Маджида сохранились только в уникальной рукописи Азиатского музея в Ленинграде, изданной Т. А. Шумовским, и двух более полных рукописях, хранящихся в Париже. В этих стихотворных лоциях даются подробные описания морских путей Восточной Африки, до берегов Мозамбика включительно. Автор указывает острова, рифы, проходы в них, положение звезд, сообщает сведения о государствах, расположенных в глубине материка. Вспоминает он с горечью и о том, какую роль отвела ему история, сделав невольным и ничего не подозревающим орудием колониального разбоя. Недобрым словом поминали Ахмада и его соплеменники-арабы. Зато португальцы про-

славили его устами своих великих сынов — историка Жуана да Барруша и поэта Луиса Камозенса. В «Лусиаде» арабскому кормчему посвящены блестящие стихи:

В кормчем, суда стремящем, нет ни лжеца, ни труса,
Верным путем ведет он в море потомков Луса.
Стало дышаться легче, место нашлось надежде,
Стал безопасным путь наш, полный тревоги прежде ¹.

Перевод этих стихов принадлежит Т. А. Шумовскому, издателю ленинградской рукописи Ахмада ибн-Маджид.

Среди великого множества географических названий, упоминаемых в лочиях-урджузах ² Ахмада, нередко фигурирует Софала зинджская. Это порт в центральной части Мозамбика, самый южный приморский город в Африке того времени. Одна из урджуз арабского кормчего специально посвящена плаваниям в Софалу, но ленинградский африканист В. М. Мисюгин недавно высказал обоснованное сомнение в том, что Ахмад ибн-Маджид лично плавал этой морской дорогой: дело в том, что положение звезд на небе в этом районе Африки указано в урджузе неверно, с довольно значительной ошибкой. Да и само наименование города — Софала зинджей — говорит, по мнению Мисюгина, о том, что арабы знали путь туда лишь по рассказам суахилийских моряков. Видимо, так оно и было, по это не исключает и отдельных плаваний в Софалу арабов, поселившихся на берегах Восточной Африки, а также персов-ширазцев из Кильвы. Однако персы и арабы из Азии вряд ли часто сюда приплывали на своих собственных судах. Во всяком случае все сведения о Софале зинджской в «Чудесах Индии», произведении арабско-персидского мореплавателя X в. Бузурга ибн-Шахрияра, содержат слишком много легендарного элемента и явно основаны на рассказах, ходивших среди моряков Индийского океана.

¹ Т. А. Шумовский. Арабы и море. М., 1964, стр. 20.

² Урджуза — поэма, написанная размером раджаз.

Вместе с суахили арабы заселили Коморские острова и северное побережье острова Мадагаскар, а также многие пункты на побережье Мозамбика. До сих пор в этих местах живут мусульмане, считающие себя потомками средневековых арабских колонистов.

Судя по урджузам Ахмада ибн-Маджида, арабы в XV в. имели некоторое представление о водах и берегах Африки южнее Софалы, хотя сильное Мозамбикское течение мешало их судам, проникавшим в Мозамбикский пролив. Но суахилийские лодки сюда плавали, и, может быть, вслед за ними ходили арабские барки. Сохранилось одно вполне определенное сообщение о том, что какое-то арабское (или суахилийское?) судно около 1420 г. обогнуло мыс Доброй Надежды с востока на запад и вышло в Атлантический океан. Вот как об этом говорит надпись на венецианской карте фра Мауро:

«Около 1420 г. шло одно судно, или так называемая индийская джонка, морем из Индийского океана по пути к островам Мужчин и Женщин¹, за мыс Диаб между Зелеными островами в Море тьмы на запад, держа курс на Алгарви². Сорок дней не видели моряки ничего, кроме воздуха и воды. В благополучном плавании прошли они, по их расчетам, 2000 миль. Через 70 дней судно вернулось, наконец, к названному мысу Диаб...»

Под «индийской джонкой», скорее всего, подразумевается арабское или суахилийское суденышко. Несмотря на явно легендарные элементы рассказа, он, очевидно, основан на подлинном факте. Итальянский монах фра Мауро мог узнать о нем только от арабских моряков, может быть, через посредство еврейских купцов или греков. Вплоть до эпохи Великих географических открытий информация, поставляемая в Европу арабами, была главной основой знаний об

¹ Острова Мужчин и Женщин — сказочные острова, на одном из которых живут якобы только мужчины, а на другом — только женщины.

² Алгарви (от арабского «ал-гарбий» — западный) — крайняя западная провинция Гранадского халифата, ставшая затем южной провинцией Португалии.

этом материке для всей средневековой Европы. И не только для Западной, но и для Восточной. Тем большее значение имели рассказы и письменные сочинения арабов для их северных единоверцев — турок. В эпоху Великих географических открытий турецкие войска появились на берегах Красного моря и в Сомали, но вели их арабские кормчие, и пользовались они трудами арабских географов и моряков, в том числе урджумами Ахмада ибн-Маджида. Даже узнав на собственном опыте прибрежные воды Африки, турецкие авторы усердно штудировали и обильно цитировали сочинения своих арабских предшественников, которые они читали, конечно, в подлиннике.

В этом отношении особенно характерна турецкая морская энциклопедия XVI в., составленная капудан-пашой (адмиралом) османского флота Сиди Али ибн-Хусейном Челеби. Сиди Али Челеби был назначен в 1551 г. командующим турецким флотом в Индийском океане. Свыше трех лет провел он в океане и на его берегах, особенно в Гуджерате (Индия), после неудачных сражений с португальцами. В 1554 г. он закончил свою энциклопедию. В предисловии к ней Сиди Али называет свои главные источники: рассказы арабских моряков, сочинения Ахмада ибн-Маджида и Сулеймана из южно-аравийской Махры, а также предания о плаваниях арабских кормчих XII в. Эта энциклопедия интересна тем, что в ней встречаются суахилийские названия и отдельные термины.

Арабские путешествия по Африке

В Атлантике арабские суда плавали редко и робко. Из мусульманской Испании, в частности из Лиссабона и Малаги, из портов Марокко вдоль побережья Африки на юг ходили небольшие барки; арабские рыбаки ловили тунца далеко от берега, но никто не записал рассказы о местах, которых они достигали. Сохранился рассказ о восьми искателях приключений из Лиссабона, тогда арабо-испанского города, которые в XII в. пустились в плавание по водам

Атлантического океана и после 37 дней плавания достигли неизвестной страны. «Их судно тотчас же окружило множество лодок, — передает их рассказ ал-Идриси, — а самих мореходов забрали в плен и доставили в город, расположенный на берегу. Войдя в дом, они увидели высоких краснокожих мужчин, длинноволосых и почти безбородых, и женщин поразительной красоты. В течение трех дней их держали взаперти в одном из покоев этого дома. На четвертый день к ним пришел человек, умевший говорить по-арабски...» Это описание как будто напоминает американских индейцев, смущает только то, что на этой земле оказался человек, знающий арабский язык. Но далее все выясняется: царь краснокожего народа (ими могли быть только гуанчи Канарских островов) приказал доставить лиссабонских арабов на материк, и вот всего через три дня они оказались на берегу Африки в стране берберов.

Другие источники говорят, что берберские и арабские барки плавали на юг до острова Арген и устья реки Сенегал; но обычно марокканцы и андалусийцы достигали этих мест сухим путем, на верблюдах, после двухмесячного путешествия из городов Северного Марокко.

Вообще же мы знаем поразительно мало об отдельных арабских и берберских путешествиях по Африке, о единицах из десятков тысяч, о которых можно догадываться по косвенным данным.

Кроме тех путешественников, которые были так или иначе упомянуты выше, надо отметить еще Ибн-Баттуту и Хасана ал-Ваззана, которого европейцы называли Львом Африканским. Абу Абдаллах Мухаммед ибн-Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи (Танжерец), более известный под именем Ибн-Баттута, родился в Танжере в 1304 г. Он умер в 1377 г., почти всю жизнь проведя в странствованиях. Ибн-Баттуту называют арабским Марко Поло. Маршруты странствований того и другого порой пересекались в Китае, Казахстане, на Волге, в Крыму, Индийском океане, но чаще всего дополняли друг друга. Вместе же они покрывают больше половины Старого Света.

Поводом для первого путешествия Ибн-Баттуты послужило бла-

гочестивое намерение совершить хадж в Мекку. Необычайным был только возраст паломника — 22 года. А ведь обычно отправлялись в хадж седобородые старики, для которых был уже близок день встречи с аллахом. Иные из них мечтали умереть на пути в Мекку, или же у самой Каабы, или на обратном пути домой, ибо аллах обещал своему пророку, что умерший во время хаджа попадает в рай.

В июне 1325 г. молодой танжерец покинул отчий дом. «Я был один, без спутника, на которого бы мог положиться, без каравана, к которому бы мог присоединиться. Но меня подгоняли твердая решимость и страстное желание увидеть глубокочтимые святыни. Поэтому я решил расстаться со своими близкими — мужчинами и женщинами — и покинул свою родину, как птица покидает гнездо. Отец и мать были еще живы, но все же я решился покинуть их, убитых горем. Мне было тогда 22 года...»

Через всю Северную Африку он добирается до Каира, затем поднимается по Нилу до Асуана. Отсюда молодой танжерский паломник направляется по суше к Айзабу. По дороге он знакомится с первым в своей жизни темнокожим народом — северными беджа — хедареб. И вот караван прибывает на берег Красного моря. Отсюда рукой подать в Аравию, но из-за военных действий на море и берегах Хиджаза переезд на азиатский берег закрыт, и вместе с другими паломниками Ибн-Баттута возвращается сначала в Асуан, затем в Каир. Из Каира через Синай, Палестину и Северную Аравию он все-таки добирается до Хиджаза, посещает Мекку и Медину — две цели своего путешествия. Если сюда прибавить знаменитую мечеть Купол Скалы в Иерусалиме, тростью по значению святыню суннитского ислама, то оказывается, что к 1326 г. марокканский паломник вполне исполнил свой религиозный долг.

Но вместо того чтобы вернуться на родину, он едет в Ирак, оттуда в Иран и через Диарбекир (в Турции) и Сирию снова возвращается в Мекку. Завершив этот второй хадж, он почти три года (1328—1330) проводит у священной Каабы. И вдруг снова снимается

с места и пускается с караваном на юг, в Йемен, затем первый раз в жизни садится на корабль и совершает плавание в Восточную Африку.

«Я сел на судно, — рассказывал позднее Ибн-Баттута, — направляющееся к Стране санахилей (юг Сомали. — *Авт.*) и городу Кильва в Стране зинджей. Мы прибыли на остров Манбас (Момбаса в Кении. — *Авт.*) — большой остров, лежащий в двух днях плавания от Страны санахилей... На этом острове мы провели одну ночь. Потом снова вышли в море и поплыли к Кильве, большому городу на побережье, где живут в основном зинджи, отличающиеся необычайно черной кожей... Кильва — прекрасный и цивилизованный город. Все строения в нем деревянные...»

В Кильве Ибн-Баттута беседовал с местными суахилийскими купцами. Они рассказывали ему о глубинных районах Восточной и Юго-Восточной Африки: о Софале, о золотоносной стране Йоуфи, где живут чернокожие лимы — народ, к которому даже от Софалы добираются целый месяц да еще полмесяца идут по суше от Кильвы до Софалы... И марокканский путешественник отказался от намерения посетить эти страны, к великому облегчению суахилийских купцов, отнюдь не желавших допускать чужеземцев в районы столь выгодной торговли золотом.

Из Кильвы Ибн-Баттута возвращается в Аравию и снова кружным путем через Северный Хиджаз в третий раз посещает Мекку. Казалось бы, довольно: житель далекого Танжера объехал весь арабский мир. Но теперь им целиком овладела страсть к путешествиям. И вот вместо возвращения домой, на запад арабского мира, на берега Атлантики, он стремится на север, помышляя о походе к Северному полярному кругу. Снова Сирия, Малая Азия, Черное море, Крым, степи, Нижняя Волга, Астрахань, Сарай — столица великой и могучей Золотой Орды, столица новой мусульманской империи. Сюда марокканец прибыл по льду замерзшей Волги — крайне экзотический способ передвижения для африканца! Из Сарая он совершает деловую кратковременную поездку в Константинополь и снова возвра-

щается на Волгу. Это один из двух случаев, когда благочестивый мусульманин, к тому же бербер (а берберы фанатично ненавидели христиан!), трижды хаджи, решился побывать в христианском государстве. В своих путешествиях Ибн-Баттута упорно избегал христианские страны, поэтому побывал лишь на восточных окраинах Европы да еще в Сардинии, но это уже по дороге домой, через 26 лет после ухода из отчего дома.

Поэтому танжерский путешественник не пожелал из Сарая поехать на Русь. Зато он направляется в Булгар (близ Казани) и отсюда готовится проникнуть на Печору, где незадолго до того новгородцы или монголы разгромили государство коми — Пермь Великую. Но поездка в эту страну не состоялась по тем же причинам, что и поездка в Родезию и Катангу, — татарско-булгарские купцы не желали допустить чужака, пусть даже трижды хаджи, к северному золоту — пушнине.

Вместо этого Ибн-Баттута едет на юг через казахские степи, добирается до Средней Азии. Хива, Бухара, Самарканд, Фергана... Затем Туркмения, Афганистан, Северная Индия... В конце 1333 г. марокканский путешественник прибывает в Дели — чудесный город вековых цивилизаций, искусств, изысканных наслаждений, прекрасного климата и немалых возможностей для того, чтобы разбогатеть. Ибн-Баттуте всего 29 лет, а он уже объехал половину мира — весь мусульманский Восток. Он имеет опыт путешественника, торговца, дипломата, знает языки. Иностранцы-мусульмане в то время были особенно в чести в Делийском султанате, лишь недавно основанном на месте индусских княжеств. И вот Ибн-Баттута надолго поселяется в этой стране. Восемь с половиной лет прожил он в Дели, окруженный женами, наложницами, детьми, слугами и друзьями.

Но в 1342 г. делийскому султану понадобилось направить посла в Китай, а для такого дальнего и опасного путешествия нужен был человек со специальной подготовкой. Выбор пал на Ибн-Баттуту, и тот не отказался. В июле 1342 г. он снова отправляется в путь, по суше и по морю пересекает всю Индию, Западную, Южную, Восточ-

ную, посещает Мальдивские острова, Цейлон, где поднимается на Адамов пик, горы Ассама, Индонезию, Вьетнам и, наконец, Южный Китай (Кантон и Панкин). Выполнив поручение, марокканец пускается в обратный путь и снова добирается до Каликута в Южной Индии. Сколько приключений ему пришлось испытать! Он попадал в плен к индийским буддистам, был ограблен пиратами, дважды терпел кораблекрушение и спасся только чудом, принимал участие в осаде Синдапура в Южной Индии и военной экспедиции в эту страну мусульманского султана Хинаура, терял все имущество и снова его приобретал, а главное — видел поразительное в природе и цивилизациях, жил внешней жизнью новых стран и впитывал внутренне их мудрость...

Вплоть до начала нового времени Ибн-Баттута являлся единственным в мире человеком, который на протяжении своей жизни пересек два континента — Африку и Азию, а также побывал в Западной (Сардиния) и Восточной Европе и плавал в водах трех океанов: Атлантического, на берегу которого стоит Танжер, Индийского (много раз!) и Тихого, где он провел 34 дня! Ибн-Баттута повидал почти втрое больше стран, чем даже Марко Поло, с которым у него было много общего. Он жадно впитывал все впечатления, много расспрашивал, цепко хранил в памяти все увиденное, услышанное, пережитое и многое умел понять.

Из Каликута марокканский путешественник возвращается в мусульманский мир. Снова путешествие по Индийскому океану в Южную Аравию, поездка в Северо-Восточную Аравию, Ирак, Иран, снова Сирия, Палестина, Египет, Мекка и возвращение через Египет по Средиземному морю в Марокко. В ноябре 1349 г. Ибн-Баттута вместе со своей многочисленной семьей прибывает в Фес, тогдашнюю марокканскую столицу.

В Китае и других странах он встречал своих земляков и теперь передает поклоны их друзьям и родственникам. Заодно он рассказывает о странах и народах, увиденных им. Эти рассказы вызывают не меньшую сенсацию, чем в Италии рассказы Марко Поло; весть

о них достигает ушей повелителя правоверных султана и халифа Абу Ынана из династии Маринидов. Любознательный и умный государь пожелал лично встретиться с великим путешественником и сумел по достоинству оценить его подвиг и его способности. Нельзя допустить, чтобы сведения, привезенные в Марокко одним из его сынов, эта бесценная географическая информация, погибли для науки и потомства. И Абу Ынан посылает к Ибн-Баттуте своего образованного секретаря Мухаммеда ибн-Джузая, чтобы тот записал все рассказы великого путешественника и придал им должную литературную форму. В декабре 1355 г. Ибн-Джузай закончил работу.

Так появилась книга путешествий Ибн-Баттуты, равной которой не знало средневековье. Немецкий ученый Рихард Хенниг назвал ее «настоящей географической сокровищницей», и это отнюдь не преувеличение.

В 1349 г. марокканскому путешественнику было всего 45 лет, он был полон сил и все еще исполнен страсти к путешествиям. Уже через год Ибн-Баттута снова пускается в путь. Он посещает могилу своей матери в Танжере и отсюда через Гибралтарский пролив попадает в Испанию. Объехав все мусульманские владения этой страны, он умышленно отказывается от посещения христианских стран и на некоторое время поселяется в Гранаде. Но уже в 1351 г. он возвращается на родину, чтобы снова тронуться в путь.

Теперь осталась лишь одна группа мусульманских стран, которую он еще не посетил: негриянские империи Мали и Борну. Абу Ынан сам подсказывает великому путешественнику маршрут его нового странствования. И тот охотно соглашается отправиться в далекое Мали через Сахару.

В феврале 1352 г. Ибн-Баттута отправляется из Феса на юг с караваном торговцев. Через 25 дней пути он достигает Такказы, богатого оазиса Южной Сахары, где для мансы Мали добывали медь и соль. Никогда не видел путешественник таких построек: «Стенами домов и мечетей служат соляные глыбы, а крыши сделаны из верблюжьих шкур. Там нет деревьев, лишь сплошной песок, в котором

находятся огромные глыбы соли, нагроможденные одна на другую...» Что касается меди, то ее здесь выплавляли из руды, причем бруски в форме тонких прутьев служили вместо денег во многих негритянских странах от Сенегала до Борну (такие бруски найдены при раскопках Кумби-Сале).

И наконец после двухмесячного путешествия показался Джуалатен — «первый город страны негров». Здесь великий путешественник поселяется в доме, специально снятом для него еще до его прибытия: это сделал некий Ибн-Бадда, почтенный купец из марокканского города Сале. Таким образом, Ибн-Баттута может жить с комфортом, как настоящий турист, благодаря регулярному караванному сообщению между его родиной и Мали. И он подобно иным туристам начинает капризничать: «Из-за невоспитанности негров и их неуважения к белым я тогда жалел, что отправился в их страну». Ибн-Бадда с нетерпением ждал путешественника: Ибн-Баттута привез ему вести не только о друзьях и родных, оставленных в Марокко, но и о родном брате, с которым встретился в далеком Китае. Между прочим, этот эпизод лишний раз говорит о размахе средневековой марокканской торговли.

Вообще же путешествие в Западную Африку проходило довольно спокойно, даже с некоторыми удобствами. Султан снабдил своего знаменитого подданного достаточными средствами на всякого рода путевые расходы. Ибн-Баттута мог снять дом, нанять проводника. «Решив предпринять путешествие в Мали, т. е. в город Ниани, город, расположенный в 24-х днях быстрой езды [на верблюда] от Джуалатена, я нанял проводника из племени мессуфа. Да и нет необходимости следовать по этому пути с большим числом спутников, ибо он весьма безопасен. И я отправился с тремя спутниками. Вдоль всей дороги росли могучие столетние деревья (баобабы. — *Авт.*). Одного такого дерева достаточно, чтобы укрыть в тени целый караван... В этих местах путнику не нужно заботиться о съестных припасах, а также о чеканных деньгах — динарах или дирхемах. Достаточно, если он имеет при себе куски каменной соли, или стеклянные

бусы, или мишуру, которую здесь называют «нитка», или некоторые ароматические вещества... Как только путник попадает в селение, тотчас появляются негрityянки с просом, кислым молоком, курами, мукой из корней лотоса, рисом, фоньо, похожим на зерна горчицы, из которого готовят галушки, к тому же с густой кашей и мукой из бобов. И путешественник может купить себе любой из этих продуктов, какой он захочет».

В другом месте своей книги Ибн-Баттута упоминает еще один вид примитивных денег в Западной Африке: раковины-каури. Итак, медные бруски, ароматические вещества, куски каменной соли, каури, бусы, мишура... Какое разнообразие «валют»! И кроме того, всеобщим эквивалентом служили коровы, бивни слоновой кости, золотой песок, чернокожие рабы. Торговля была уже очень развита, но собственной монеты почти не чеканили, а дирхемов и динаров из арабских стран в Западной Африке не хватало.

«После 10 дней пути от Джуалатена, — продолжает марокканский путешественник, — мы пришли в Загари, большой поселок, в котором живут чернокожие купцы, называемые «ванджарата». Рядом живут белые, следующие учению секты ибадитов, их называют «саганагу», а также сунниты-маликиты, которые называются у них «тури». Итак, в негрityянском городке была специальная слобода (или даже две слободы), где жили выходцы из Северной Африки, причем по религии часть из них принадлежала к секте ибадитов, а другая часть являлась суннитами маликитского толка. И то и другое было очень типично для тогдашней Западной Африки.

Отсюда Ибн-Баттута и его спутники последовали дальше на юг и вышли к Нигеру. 28 июля 1353 г. они вступили в ворота Тимбукту, одной из столиц империи Мали. Вот арабо-берберский квартал, где живут выходцы из Северной Африки: кадии-судьи, имамы мечетей, правоведы, богословы, проповедники, дипломаты, советники мансы и городского правителя, купцы, врачи. Здесь Ибн-Баттута встретил египетского врача, прибывшего в Мали в свите Канку Мусы, теперь уже покойного. Среди жителей квартала есть и марокканцы, которые

особенно рады знаменитому путешественнику. Все они прибыли сюда в расчете на быстрое обогащение, к которому стремились часто слишком поспешно, не брезгуя самыми грязными средствами. Сколько было среди здешних арабов торговцев черными невольниками! А чего стоит, например, поступок кадия Абу-л-Аббаса ад-Дуккали, который пытался дважды получить от Канку Мусы, известного своей щедростью, пожалованные ему 4 тыс. мискалей золота? Впрочем, и египетские купцы во время пребывания мансы в их стране старались урвать с него и членов его свиты вдвое и вчетверо больше действительной цены товаров, которые покупали малийцы.

А между тем манса покровительствовал североафриканцам, старательно оберегал их интересы, защищал от произвола местных властей. Сам же Ибн-Баттута должен был отметить полную безопасность передвижения северных путешественников в пределах империи Мали. В другом месте он с восторгом писал о том, как малийские власти оберегали имущество мусульман из арабского мира, умерших в Западной Африке; их наследники могли получить сполна все, что им причиталось по шариату. Марокканский путешественник приводит и такой случай, когда потребовалось вмешательство самого мансы Сулеймана, чтобы ликвидировать беззаконие, допущенное правителем Валаты в отношении одного арабского купца. В итоге купец получил свои деньги, а правитель Валаты был смещен. В то время среди североафриканцев в Мали и Борну было немало настоящих авантюристов, которые склонны были злоупотреблять хорошим отношением к ним. Поэтому нет ничего удивительного, что иностранцы в Мали находились под постоянным наблюдением властей.

Манса Сулейман встретил путешественника с величайшим почетом и щедро его наградил.

Ибн-Баттута оставался в Тимбукту семь месяцев. За это время он провел массу наблюдений. В своей книге он описал двор и образ правления мансы, обычаи жителей Мали, их пищу, одежду, ремесла. Между прочим, малийцы ходили в одеждах из египетских тканей. Чрезвычайно интересно описание африканского праздника, которым

мусульмане Мали отмечали окончание поста рамадан. Этот праздник начинался танцами в масках под ритмичную африканскую музыку. «Мне сказали, что это очень древний обычай, который существовал до ислама», — замечает Ибн-Баттута.

27 февраля 1353 г. марокканский путешественник покидает Тим-букту в сопровождении своего земляка Якуба ибн-Абу Бекра, сына купца. Ехали они на верблюдах, «ибо лошади в этой стране очень дороги», притом только по ночам, так как днем путешествие было невозможно из-за великого множества мошкары. Марокканцы направлялись на восток, в Гао — второй по величине город империи, позднее, при сонгайских правителях, ее столицу. И вот перед Ибн-Баттутой этот город на Нигере, «один из прекраснейших негритянских городов, очень богатый и в изобилии снабжаемый продовольствием. Там много риса, молока, кур и рыбы».

В Гао путешественник пробыл ровно месяц, отдохнул и двинулся в обратный путь. Так как он еще в молодости дал себе зарок не ездить дважды по одной дороге, то на этот раз он выбрал себе дорогу через Такадду в Центральной Сахаре. Для этого ему пришлось присоединиться к большому каравану. Караванщики были родом из Гадамеса — удивительного города-оазиса в пустыне. Жители Такадды также занимались караванной торговлей. Они «не знают иного занятия, кроме торговли. Ежегодно они предпринимают путешествия в Египет, откуда привозят в свою страну красивые ткани. Население Такадды живет весело и зажиточно. Из Такадды вывозят медь в город Кубер, находящийся в стране негров-язычников, а также в страну Борну... жители которой мусульмане».

12 сентября 1353 г. Ибн-Баттута покинул Такадду и продолжил путь на север. С собой он взял припасы более чем на два месяца пути, так как ничего, кроме мяса да снятого молока, в дороге достать было невозможно. Для платы жителям Сахары он вез два вьюка соли, нагруженных на верблюдов. Эта часть пути выдалась тяжелой, особенно после того как миновали владения берберов-туа-

регов из племени аххагар. Их танжерец, сам по происхождению бербер-илаватен, называет бездельниками, носящими на лицах покрывало. Он устал и настроен ворчливо. Уже близок Атлас, граница родины. И тут в горах выпадает обильный снег. Ибн-Баттута переносит холода очень болезненно. По его словам, ни в Средней Азии, ни в Казахстане он не видал такого снегопада, как в декабрьские дни 1353 г. в благословенном Алжире.

Но путешествие близится к концу, и в начале 1354 г. великий путешественник прибывает в Фес. Больше он не совершает далеких странствий, разве только порой переезжает из одного марокканского города в другой, и мирно, в достатке и почете заканчивает свои дни в 1377 г.

Ал-Хасан ибн-Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаси (Фесский) — вот полное имя североафриканского путешественника, посетившего все основные страны Западной Африки между 1511 и 1515 гг. Родился аз-Зайяти в Испании, в Гранаде, откуда переселился в Северную Африку вместе с маврами, изгнанными реконкистой. Он путешествовал по всем трем континентам Старого Света, на востоке — до Армении, Азербайджана и Персии, на юго-востоке — до Мекки, на юге — до стран Западного Судана.

Это был образованный человек, редкого ума и наблюдательности, весьма широких взглядов. Первое знакомство с Африкой южнее Сахары началось для него в 1511 г., когда ал-Хасан ал-Ваззан отправился со своим дядей в Тимбукту, дабы выполнить дипломатическое поручение марокканского султана. Позднее он путешествовал самостоятельно, время от времени возвращаясь в Фес. Конечно, по количеству пройденных земель он не мог сравниться с Ибн-Баттутой, но был намного образованнее последнего; в Западной Африке он побывал не только в Мали (в городах Тимбукту, Гао и Ниани), но и в Северной Нигерии до Борну включительно. В Тимбукту он встретил своего земляка — строителя из Гранады. Кроме того, здесь, а также в других городах Западной Африки он видел берберских купцов, которые привезли на продажу неграм ткани европейского

производства — два первых симптома европейской экспансии, стоящей на повестке дня мировой истории.

Путешественник дает подробное описание городов богатого Тимбукту, цветущего Гао, находящегося в упадке Ниани. Он сообщает массу интереснейших сведений о народах виденных им стран, с которыми могут соперничать только рассказы Ибн-Баттуты; однако в Северной Нигерии танжерский путешественник не был, а мавр из Гранады описал не только города, но и отдаленные горные районы этой страны. Например, он впервые сообщает о своеобразном паровом отоплении в этих местах, где зимы бывают довольно суровыми: от очага проводятся глиняные трубы под лежанки, на которых в холодные дни греются негры. К сожалению, нет возможности подробнее остановиться на путешествии ал-Хасана ал-Ваззана в страны Западной Африки.

Вернувшись на север, он предпринял путешествие в Мекку, Египет и Стамбул, а на обратном пути был захвачен сицилийскими пиратами и подарен в качестве раба римскому папе Льву X. Папа, известный покровитель искусств и литературы Возрождения, крестил образованного мавра, дав ему имя Иоанна-Льва. Путешественнику было приказано, как столетием раньше венецианцу Николо Конти, описать свои странствования и дать возможно более полную информацию о виденных им землях. Так появилась книга Льва Африканского, сохранившаяся, к сожалению, только в итальянском переводе (арабский и латинский оригиналы пропали подобно оригиналу книги Конти). Впрочем, перевод был сделан самим ал-Хасаном. Первое издание книги вышло в Венеции в 1550 г., за два года до смерти автора; вскоре последовало еще несколько переизданий (в Венеции, Антверпене, Лондоне и других городах). В 1556 г. книга Иоанна-Льва Африканского была напечатана на французском языке, в 1600 г. — на английском, затем последовали издания на других европейских языках. Вся Европа с жадностью читала произведение образованного андалусийца, повидавшего далекие и заманчивые негритянские страны. Еще бы! В этой книге сообщалось почти

о 400 географических пунктах, большинство которых Запад не знал даже по названию!

Иоанн-Лев прославился и другими своими сочинениями, представлявшими собой синтез арабской, западноевропейской и других средневековых культур. Он составил, например, первый арабо-еврейско-латинский словарь. Кроме этих трех языков он хорошо владел испанским, итальянским, берберским. Желая познакомить европейцев с сокровищницей арабской культуры, он написал на латинском языке сборник из 30 биографий виднейших арабских ученых, философов и врачей. Но подлинную славу принесла ему книга об Африке.

В конце жизни он вернулся в Северную Африку, в Тунис; здесь он и умер в 1552 г.

В связи с сочинением Льва Африканского следовало бы подробно рассказать об арабской географической, исторической и естественно-научной литературе, где современные исследователи находят неисчерпаемое богатство научной информации об Африке южнее Сахары. Однако эта тема настолько обширна, что лучше ее и не касаться, тем более что на русском языке существует прекрасная, хотя и специальная, работа И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература»¹.

Роль ислама и арабской культуры в Африке

Когда речь шла об исламизации Западной Африки, мы уже касались этой чрезвычайно важной для Африки темы: значения арабомусульманской культуры. В дополнение к сказанному надо особенно отметить два момента. Во-первых, мусульманские религии и право, а также арабская письменность представляли собой несравненно более высокую степень цивилизации, чем та, что существовала в Африке

¹ См. И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. 6. М.—Л., 1958.

южнее Сахары, за исключением, может быть, Нубии и Северной Эфиопии. Вместе с другими культурными достижениями арабов они жадно впитывались африканским населением, уже осознавшим потребность в освоении этой высокой цивилизации. Во-вторых, ислам (как религия, система государственноправовых и общественноправовых норм и образ жизни) явился мощным средством объединения отдельных африканских цивилизаций в единую афро-мусульманскую общность. Впервые в своей истории часть Тропической Африки получила общее право, общую религию, общую систему письма (облегчавшую общение между народами, пусть пока лишь на уровне грамотной верхушки), общий образ жизни (у немусульманских народов Африки в этом намного больше различий). Понятно, что распространение ислама было сравнительно легким делом в раннефеодальных империях Западного и Центрального Судана. В свою очередь создание и существование этих империй облегчалось общностью религии и культуры местных народов. Там, где уровень общественного и государственного развития был ниже, например в глубинных районах Восточной Африки, ислам не смог укорениться даже за тысячу лет своего процветания.

Исламизация не привела к обезличиванию негро-африканской культуры. Правда, суровые запреты пророка нанесли немалый вред искусствам, но они далеко не всегда соблюдались. Языческое продолжало существовать наряду с арабо-мусульманским. Образовалась новая культура, в которой было столько же традиционного негритянского, как и арабо-мусульманского. Более того, культурное объединение Судана и восточноафриканского побережья при помощи ислама сделало возможным распространение этой культуры взамен арабской.

И наконец, последнее по счету, но не по важности. Благодаря исламизации некоторых африканских народов установилась общность Судана (в широком смысле слова), Восточной Африки и других областей материка с арабской Северной Африкой и Передней Азией, а также остальным мусульманским миром. Это сделало возможным

более интенсивный обмен идеями и достижениями культуры. Относительная изоляция Тропической Африки от внешнего мира уменьшалась с каждым новым столетием, предшествовавшим эпохе географических открытий.

В XV в. средневековые цивилизации Тропической Африки достигли наивысшего расцвета. В богатых и шумных торговых городах и на торных караванных тропах Африки приветливо встречали чужестранцев, скрывавших свои тела под красивыми ткаными одеждами. Три океана до поры до времени надежно защищали Тропическую Африку от иноземных вторжений.

Но в эти же годы за пределами Африки созревали невиданные силы, способные преодолеть океаны и ворваться на просторы Африки для грабежа и порабощения ее народов. Наступала эпоха первоначального накопления капитала, эпоха Великих географических открытий. В начале XV в. огромный по тем временам китайский флот появился у берегов Юго-Восточной Азии и начал ее покорение. К 1415 г. китайские конкистадоры закрепились на берегах Индийского океана и готовились пересечь его для мирного или, если понадобится, насильственного открытия Аравии и Африки для своей торговли. В том же 1415 г. португальцы, отобравшие у мавров южные провинции собственной страны, неожиданным налетом захватили марокканский порт Сеуту. В 1441 г. португальские моряки, исследовав к тому времени атлантические берега Марокко, достигли пределов Тропической Африки. В 1453 г. турки штурмом взяли Константинополь, положив конец тысячелетней Византийской империи. Новая империя, Османская, распространила свою власть на просторы Европы, Азии и грозила подчинить себе прилегающие к Средиземному и Красному морям части Африки. Прогресс экономической и культурной жизни, достигнутый к тому времени в Европе, Китае и покоренных турками странах, соединился с твердой волей таких фео-

дальних правителей, как принц Генрих Мореплаватель, султан Сулейман Великолепный и император Чэн Цзы.

Это дало сильнейший толчок развитию науки, военной и мореходной техники, ремесел, искусств. Португалия, Испания, Франция, Турция, Китай оставались еще в основном феодальными государствами, но элементы капитализма уже достигли в них немалого развития. Соединение военно-феодальных традиций с высокой военной и мореходной техникой, а также со всевозраставшей жаждой наживы делало португальцев, испанцев, турок, китайцев опаснейшими врагами тех народов, с которыми они вступали в контакт.

Китайское открытие Африки

В начале XV в. Китай представлял собой могущественную державу мира. Уже в VIII в. в Китае началась эпоха Возрождения, аналогичная Ренессансу Европы, а также Возрождению в Иране, Средней Азии, Армении и Грузии X—XIII вв. Его отличительными чертами являлись гуманизм, религиозно-этическая реформация, замечательный расцвет науки, литературы и искусства. Даже монгольское нашествие и внутренние смуты не прервали этого процесса, и он продолжался до XV—XVI вв.

К VIII в. относятся и первые китайские известия об Африке. Они включены китайским путешественником Ду Хуанем в его «Заметки о посещенных странах». Как доказал ленинградский ученый В. Вельгус, в «Заметках» говорится о Восточном Судане и Сомали. Сам Ду Хуань в этих странах не был и знал о них со слов арабских купцов. Однако его рассказ интересен как описание Африки глазами китайца.

«Люди там черные, прав у них лютый, хлебные злаки отсутствуют¹, растительности нет. Лошадей там кормят вяленой рыбой,

¹ Это, конечно, преувеличение, как и утверждение, что в Северо-Восточной Африке нет растительности.

люди едят финики... На пути в эту страну по суше (через большую песчаную степь) встречаются инородцы одной расы, но религии у них разные: ислам, христианство и синь-синь¹... Там у тех, кто исповедует ислам, если брата или сына или вообще кого-нибудь из его родни обвиняют в преступлении против закона, то даже при явном доказательстве вины никого из родственников не привлекают к ответственности. Мусульмане (этих мест) не падают ниц ни перед правителем страны, ни перед отцом и матерью, не верят ни в дьяволов, ни в божества, приносят жертву только небу. Каждый седьмой день у них день отдыха. В этот день они не торгуют, не принимают и не выдают товары, а только пьют вино, веселятся и праздно проводят весь день».

Под мусульманами здесь подразумеваются главным образом арабские племена, поселившиеся в районе Асуана и золотых разработок Нубийской пустыни. Однако не только они, но и коренные африканцы Восточного Судана считались крайне вольнолюбивыми и жизнерадостными людьми. Характерно, что китайский путешественник был поражен тремя фактами: демократизмом арабо-суданского общества, где никто ни перед кем не падает ниц и где не существует круговой поруки перед законом, монотеизмом и еженедельным отдыхом. (Надо сказать, что китайцы трудились до 360 дней в году, позволяя себе отдохнуть и весьма сдержанно повеселиться только в китайский Новый год, в весенний праздник поминок Цинмин и на семейных торжествах. При крайнем рационализме мышления они почитали духов, демонов, предков. Что касается круговой поруки, то на ней, как и на семейной дисциплине, во многом держалось традиционное китайское общество.)

Из «Заметок» Ду Хуаня сведения об Африке попали в «Новую историю династии Тан» и другие китайские хроники.

¹ Синь-синь (арабское «зем-зем») — так называлась древняя персидская религия, а также сходные с ней магические и дуалистические культы.

Независимо от них в IX в. китайский географ Дуань Чэн-ши сообщает некоторые сведения о стране Бибало (искаженное «Барбара», как арабы и греки называли Сомали). Слабому развитию рабства и крепостничества у средневековых жителей Сомали китайский географ дает собственное объяснение: «У жителей страны Бибало в обычае продавать в другие страны собственных земляков, потому что за рабов, проданных в иные земли, они выручают гораздо больше, чем если бы торговали ими на месте».

Еще одно очень любопытное сообщение о Бибало находится в китайской энциклопедии, напечатанной в 1325 г. под названием «Пространные заметки из леса вещей и событий». Здесь описаны некоторые брачные обычаи жителей этой части Африки и, кроме того, говорится: «Страна Бибало не имеет правителя страны. Там всего четыре окружных города, а все прочие — деревни. Сама эта страна не посылает никуда корабли по той причине, что главы государства у них нет. Делами там у них ведают старцы и местные богачи. . . Люди гордятся силой и отвагой. . . Население любит охоту. На охоту выходят раз в каждые три дня. Охотятся на зверей с отравленными стрелами». Далее следует описание страуса, которого китайский автор именует верблюдообразным журавлем, и страусовых яиц.

Этот рассказ о Сомали также был перепечатан в одном из китайских географических сочинений XIV в.

Сведения об Африке есть и в других китайских источниках XIV в.

Тогда же в Китае были вычерчены две географические карты. Обе они погибли, но сохранились их копии. На одной из них можно прочесть 35 африканских географических названий — городов, рек, островов, государств. Особенно много названий мест побережья Восточной Африки. Сведения о них были получены китайцами от иностранных путешественников-мусульман, прежде всего от арабов. Возможно, среди них были и коренные жители восточноафриканских городов.

Кроме географической информации эти путешественники достав-

ляли в Китай товары африканского происхождения, ибо все они в большей или меньшей степени занимались торговлей. Так на Дальнем Востоке появились африканская слоновая кость, резко отличная от индийской и южнокитайской своей белизной и твердостью, чернокожие рабы, часто упоминаемые в средневековой китайской литературе, носорожий рог, применяемый в китайской медицине, и живые африканские звери, описания и художественные изображения которых не представляют большой редкости. Экзотические животные предназначались для императорских парков, представлявших замечательные произведения садовой архитектуры.

В свою очередь китайские товары достигали Восточной и Северо-Восточной Африки. Еще в конце III в. в Мероэ (Судан) ввозился китайский шелк («паутина страны серов», т. е. китайцев). Об этом упоминает греческий писатель Геллиодор в своем романе «Эфиопика». А византийский историк Прокопий Кесарийский сообщает, что император Юстиниан побуждал царя аксумитов взять в свои руки торговлю шелком, доставляемым из Китая в Индию. На берегах Восточной Африки найдены сотни китайских монет VIII—XV вв. Что касается китайской фарфоровой посуды, то осколки ее находят не только на побережье Индийского океана, но и в глубине Африканского материка: в Большом Зимбабве Родезии, в средневековых городах Восточного Судана. Все эти товары привозились в Африку мусульманскими, в основном арабскими, купцами.

Но и сами китайцы в XIV — начале XV в. уже стремятся в южные моря, под которыми подразумевают водные пространства и берега стран, простиравшихся от Филиппин на востоке до Африки на западе. Китайские торговые колонии возникают в Индонезии, Малайе, на Филиппинах. Но подобное своеволие не нравится императорским чиновникам. При императоре Чжу Юань-чжи (1368—1398 гг.) частным лицам было запрещено выходить в море. Зато сама императорская власть намеревается взять в свои руки торговый обмен в южных морях, дабы не купцы-авантюристы, а Государство Небесного Благоденствия получало законную прибыль.

И вот в июле 1405 г. из устья реки Янцзы вышла в море огромная флотилия, состоявшая из 62 больших судов. На них находилось свыше 27 тыс. китайцев: матросов, корабельных мастеров, переводчиков, врачей, чиновников, солдат и колонистов, которым было приказано поселиться на заморских землях. Во главе флота находился Чжэн Хэ, один из наиболее замечательных людей своего времени. Исповедуя ислам, Чжэн Хэ был связан духовными узами с арабомусульманским миром.

Чжэн Хэ предстояло привести под власть китайского императора все страны, которых он достигнет, поселить там китайских колонистов, освоить океанские и морские пути и наладить принудительный государственный товарообмен, который китайские источники не без основания называли данью.

За первым последовали еще три плавания почти столь же больших флотилий. Китайцы посетили все основные страны Юго-Восточной и Южной Азии до Мальдивских островов, Гуджерата и Ормуза (Иран) включительно. Везде они зачитывали манифест своего императора и вручали местным правителям подарки, забирали ответные дары и увозили послов. После этого считалось, что раджи Индонезии, Индии и Цейлона становились вассалами Поднебесной империи. Раджам даже присваивали китайские чины, вручали знаки чиновничьего достоинства, иногда строили китайские дома, дабы «варварские» правители лучше усвоили китайский образ жизни.

Порой в южных странах находились князья, не желавшие променять свою независимость на серебряную печать высшего китайского чиновника. С ними поступали сурово. Чжэн Хэ пишет в своей мемориальной надписи: «Когда мы приходили в чужие страны, тех властителей, которые упрямылись и не оказывали почтения, мы захватывали живьем; разбойничьи войска, которые своевольничали и грабили (?), мы уничтожали...»

Так были «умиротворены» жители Суматры и Цейлона. Правитель Палембанга (на Суматре) был заподозрен китайцами в коварстве. Чжэн Хэ, не дожидаясь, когда это коварство проявится

в опасных действиях, первым напал на Палембанг, уничтожил его войска и захватил в плен правителя. Последний был отправлен в Китай и публично казнен на площади Нанкина. Что касается населения Палембанга, то ему пришлось пережить все ужасы завоевания и иноземного владычества. Зато в руки Китая перешел один из важнейших торговых центров Индийского и Тихого океанов, а также окружающая его территория, богатая плодородными полями и лесными угодьями. Правителем города был назначен китаец, здесь были поселены китайские колонисты, в руки которых перешли основные источники богатства и власти. То же произошло и в других областях Индонезии. На Калимантане, где также были поселены китайские колонисты, они захватили власть и стали наследственными правителями страны. Южная Индия и Цейлон впервые испытali силу огнестрельного оружия, которым располагали солдаты Чжэн Хэ.

Весть о грозных пришельцах с Востока разнеслась по всем берегам Индийского океана и достигла Африки не позднее 1415 г. В этом году в Китай прибыло первое африканское посольство от правителя кенийского портового города Малинди. Посольство доставило в дар китайскому императору редкостного зверя — жирафа. Столичная палата церемоний устроила в честь заморских гостей торжественную встречу, которая, как выяснилось, относилась не к послам, а к... жирафу! Даже сам император Чэн Цзу не ожидал от своих чиновников такой тупости. Он сказал: «Когда прежде конфуцианские сановники просили разрешения предоставить мне полное собрание текстов Пятикнижия и Четверокнижия, я дал согласие, ибо эти книги помогают в правлении. А от того, есть ли жираф или нет его, какая же в том польза или убыток?»

Переусердствовавшие чиновники получили нагоняй, и в следующем году они устроили торжества не в честь жирафа, а в честь новых послов Малинди, доставивших этот дар. В том же году в Китай прибыло еще одно африканское посольство — от правителей городов Могадишо, Джуба и Брава в современном Сомали. Оно также доста-

вило дары, принятые в качестве «дани», и, увозя ответные подарки, отбыло на родину.

А в Китае тем временем шла подготовка к пятой экспедиции в южные моря. В мае 1417 г. новая флотилия Чжэн Хэ вышла в море и летом 1418 г. достигла берегов Африки. В Могадишо, Джубе, Браве и Малинди китайцы оглашали манифесты императора, вручали его дары местным правителям и собирали «дань». Их особенно интересовали благовония — ладан и амбра, а также дикие африканские животные, доставляемые живьем на борт кораблей. В обмен африканские вожди получали золото, серебро, фарфоровую посуду, атласные и шелковые одежды, мешки зерна. Стремясь заручиться милостями столь могущественных и богатых пришельцев, они соперничали между собой в изъявлении преданности и благодарности китайскому императору. Немного позднее они так же легкомысленно радовались приходу португальских конкистадоров, появление которых привело к более трагическим последствиям, чем приход кораблей Чжэн Хэ.

В 1420 и 1423 гг. в Китай прибывают новые посольства Могадишо, но соперничавшая с ним Брава посылает за это время четыре посольства! Китайские летописцы, сопровождавшие флот Чжэн Хэ, не могут нахвалиться добродушию африканцев и благонамеренности их вождей. Почему же африканцев не постигла участь жителей Суматры и Цейлона?

Причин было несколько. Во-первых, Сомали и окрестности Малинди не годились для массовой китайской колонизации. «К горам прилегают обширные земли, каменистые и желтого цвета. Не растет ни травы, ни деревьев. Земля бесплодная и урожаи скудные. Дождей не бывает по нескольку лет. [Жители] выдавливают очень глубокие колодцы и [устраивают] колеса [для подъема воды]. Воду хранят в мешках из бараньих шкур», — записывал один из участников китайской экспедиции.

Во-вторых, китайской монархии важно было захватить торговую монополию в Индийском океане. В этом деле Чжэн Хэ достиг несомненных успехов, и, доведи он свой план до конца, мореходов

Индии и Восточной Африки постигло бы такое же разорение, к которому их привело позднее нашествие португальцев.

К сожалению, сохранилось слишком мало подлинных документов XV в., рассказывающих о китайских плаваниях к берегам Африки. В источниках нет вполне достоверных сведений о военных действиях китайцев в африканских странах. Об этом говорит, притом в фантастической форме, лишь китайский писатель Ли Мао-дэн, автор романа «Плавания Чжэн Хэ по Западному (т. е. Индийскому. — Авт.) океану». Этот роман издан только в 1597 г. и содержит немало фантастических эпизодов и всякого рода неточностей, но в основном он написан на основе подлинных документов, часть которых до нас не дошла¹. Роман и записки участников плаваний Чжэн Хэ позволяют представить себе, как развивались события при появлении китайцев у африканских берегов.

С кораблей замечают горы, а затем и узкую полосу берега. Сюда направляются корабли авангарда, с которых высаживаются разведчики. Они захватывают в плен первых попавшихся местных жителей. На флагманском корабле пленников допрашивают переводчики, все сообщенные ими сведения записывают в журнал. Если среди пленных есть моряки, их используют в качестве лоцманов. И вот на рассвете жители африканского городка видят море, полное парусов. Невиданная гигантская флотилия приближается к городским стенам, палят пушки, наводя ужас. Да, да, первые пушечные выстрелы у африканских берегов были произведены с кораблей Чжэн Хэ! На берег высаживаются китайские войска, и вскоре против городских ворот устанавливаются эти ужасные орудия. Ни о каком сопротивлении пришельцам не может быть и речи, и местные власти спешат выполнить все их пока еще весьма умеренные требования.

¹ Это интересное произведение в настоящее время переведено на русский язык сотрудницей Института Дальнего Востока АН СССР Н. Е. Боровской, которая любезно предоставила рукопись перевода автору этих строк.

В 1421—1422 гг. китайский флот еще раз появился у африканских берегов. Сам Чжэн Хэ следовал с ним до Суматры, а затем вернулся в Китай. В Индийском океане флот разделился на отдельные эскадры, во главе которых сгали помощники старого флотоводца Ли Син, Чжоу Мань и Хун Бао. Последний, вероятно, был направлен к берегам Аравии и Восточной Африки.

Теперь казалось, китайцы намеревались прочно закрепить за собой берега и торговые пути южных морей, но этого не произошло из-за политических событий в самом Китае. Часть конфуцианского чиновничества была недовольна возвышением мусульман, к которым принадлежали Чжэн Хэ и многие из его соратников. Чиновникам не нравилось также усиление моряков и дельцов, они боялись перемен в своем положении.

В 1424 г. император Чэн Цзу умер, а его преемник Жэнь Цзун приказал прекратить экспедиции в южные моря. Чжэн Хэ был назначен начальником нанкинского гарнизона, флот его расформирован.

Однако в 1430 г. новый император приказал готовиться к новому плаванию. Флот под командованием Хун Бао в последний раз посетил Могадिशу и Браву, тогда как Чжэн Хэ с большей частью кораблей отправился на северо-запад, в персидский порт Ормуз. Китайцев интересовала не столько Африка, сколько важнейшие ключевые пункты в азиатской части Индийского океана. Они мирно торговали, совершали паломничества в Мекку, но не захватывали городов. Надо сказать, что мусульмане, населявшие портовые города Ирана, Аравии и Африки, видели в Чжэн Хэ своего единоверца, и, может быть, ему совсем не хотелось разрушать их мирную жизнь?

Вернувшись из этого седьмого по счету плавания, Чжэн Хэ умер. Это была последняя дальняя морская экспедиция китайского флота.

Характерно, что все наиболее точные и подробные документы о плаваниях Чжэн Хэ — судовые журналы и официальные отчеты — были уничтожены через полстолетия после его смерти, в период Ченхуа (1465—1487 гг.). Об этом рассказывают следующее. В то время заместителем начальника военного ведомства был некто Лю Да-ся.

Когда в ведомство пришел императорский указ с требованием разыскать все документы, относящиеся к плаваниям Чжэн Хэ, Лю Да-ся собрал их и... сжег. Начальству же он доложил, что все документы бесследно исчезли. По словам Лю Да-ся, об их утрате не стоило жалеть: это «лживые рассказы о фантастических (или экзотических. — *Авт.*) странах». Хотя он, Лю, совсем тут ни при чем, он осмеливается полагать, что подобные бумажки следовало бы уничтожить. «Экспедиции Сань Бао (прозвище Чжэн Хэ. — *Авт.*) в Западный океан стоили уйму денег, на них ушла масса зерна, кроме того, тысячи людей погибли. Хотя он возвратился со всякими диковинками, какая польза была от этого государству?»

Начальник военного ведомства полностью согласился со своим заместителем и дал весьма лестный отзыв о его способностях. Кое-кому было выгодно уничтожение исторических и культурных памятников. . .

Франки под Южным Крестом

Я вправо, к остю, поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.
Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами!
Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остю полуночи,
Где Колесница не была видна;
И некий старец мне предстал пред очи. . .

Эти стихи из «Божественной комедии» Данте (перевод М. Лозинского). Современному читателю, знакомому с астрономией, совершенно ясно, что великий поэт описывает южное, я бы сказал, африканское, небо, где уже не видно созвездия Большой Медведицы («Колесницы»), но зато сияет Южный Крест — четыре яркие звезды южного небосвода. Ближайшие к Италии страны, где виден Южный Крест, — это Сомали, Эфиопия, Восточная и Западная Африка. Данте

упоминает также еще «три светила» южного неба; видимо, это созвездие Южного Треугольника, или звезды Канопус, Ахернаре и Фомальгауте.

Эти звезды, особенно Канопус, были хорошо известны арабским мореходам средних веков, но Южным Крестом европейские географы заинтересовались только в XVI в. Самое поразительное — сообщение Данте о том, что «первые люди» в незапамятные времена могли видеть Южный Крест на северном небосводе! Этот факт стал известен науке совсем недавно, хотя в принципе закон прецессии — медленное колебание земной оси — был открыт еще в древности. За неимением лучшего приходится говорить о гениальной догадке неведомого астронома, сообщившего ее гениальному поэту.

Крупный специалист по исторической географии немецкий ученый Рихард Хеллинг был убежден, что поэт, описывая южное небо, передавал рассказ очевидца.

Кем же мог быть этот неизвестный очевидец, незаурядный путешественник и знаток астрономии? На этот счет можно строить лишь более или менее правдоподобные догадки.

Скорее всего, информатором Данте был какой-нибудь арабский купец, которому приходилось торговать и в Италии, и в Провансе, и в Восточной Африке. Однако не исключено, что Южный Крест был известен и некоторым европейским путешественникам, современникам Данте. К сожалению, лишь немногие путешественники тех времен писали о пережитом и увиденном в чужих странах. Одни были неграмотны, другие скрывали свои приключения, боясь конкуренции иноземных купцов, которые пожелали бы проникнуть на открытые ими рынки, наконец, многие погибали в пути, не вернувшись на родину.

Итак, посмотрим, что известно о путешествиях западных европейцев, в основном итальянцев и французов, в страны Тропической Африки до 1318 г., когда великий флорентинец написал стихи о небе южного полушария.

До начала крестовых походов европейцы имели самое туманное представление о странах Африки, лежащих южнее Сахары. Все они

находились где-то в «языческих краях», возможно, принадлежали мировому Арабскому халифату. Так, например, в «Песни о Роланде» аль-галиф, т. е. кордовский халиф

...Проклятой Эфиопией владеет.
Ведет он племя черное в сражение —
Широконосых, большеухих негров.

Когда войска «язычников», руководимых арабским полководцем, выстраиваются против дружин императора франков, среди народов «неверного» Востока перечисляются все вместе: лютичи, углича и другие славянские народы, пруссы, армяне, курды, жители Карфагена... И среди них нубийцы и негры!

Эмир спешит объехать ратный строй,
За ним наследник — ростом он высок.
А перс Торле и лютич Дапамор
Выводят рать из тридцати полков...
Нубийцев, русов в третий полк он свел,
Боруссов и славян — в четвертый полк.
Сорабы, сербы — пятый полк его.
Берут армян и мавров в полк шестой,
Иерихонских жителей в седьмой.
Из черных негров состоит восьмой.

Крестовые походы приблизили Европу к христианскому и мусульманскому Востоку. В Иерусалиме крестоносцы и мирные паломники из европейских стран встретились с религиозными колониями эфиопских и нубийских христиан, образовавшимися в средние века у «Гроба господня». Отныне в западных описаниях «Святой земли» часто упоминаются те и другие, иногда с краткими справками о странах, откуда приходят в Палестину чернокожие христиане. В этом отношении особенно ценно сочинение Бурхарда Страсбургского, дающее некоторые сведения о Нубии. Этот эльзасский монах не только долгое время жил в Иерусалиме бок о бок с нубийскими монахами, но и посетил Каир, где видел плененного мусульманами царя Нубии.

Во второй половине XIII в. в Риме и столицах крестоносных государств начинают помышлять о союзе с африканскими христианами, с помощью которых рассчитывают захватить главную базу мусульманского сопротивления крестоносцам — Египет.

Доминиканцы в Африке

1267 год. Папа Клементий IV направляет буллу магистру ордена доминиканцев Жану де Версей, призывая его послать миссионеров «в страны татар, эфиопов, индийцев, нубийцев и сарацин» (т. е. арабов). Однако не известно, проникли ли доминиканцы в Эфиопию и Нубию уже в те далекие годы. Скорее всего, они туда не дошли. В 1289 г. папа обращается с новой буллой «к дорогим сынам народа Эфиопии», а в 1320 г. направляет письмо «величайшему императору Эфиопии», которое, впрочем, так и не было доставлено. В 1329 г. папа римский пишет новое послание, адресованное католикам стран сарацин, язычников, греков, болгар, куманов (половцев), иберов (грузин), аланов (осетин), хозар (караимов), готов (Крыма), сирийцев, рутенов (украинцев), яковитов (Сирии), нубийцев, несториан (Средней Азии, Индии и Китая), грузин, армян, индийцев и др. Здешним католикам предлагалось способствовать объединению всех христианских вероисповеданий под властью папы. В то же время в Эфиопию были посланы доминиканские монахи. Бородатые, босые, в грубых рясах, с суковатыми посохами в руках доминиканцы сумели добрести до Эфиопии. Им удалось обратить в католичество некоторых жителей страны. Среди них было даже два царевича, одного из которых звали Такла-Хаварьят Шевани (Шоанский), а другого миссионеры называли Филиппом.

1283 год. Каталонский ученый и мистик Раймунд Луллий закончил свою книгу «Блапкерна». В ней он говорит о появлении посланца католической церкви в «городе Гана». Об этой стране Луллий сообщает сведения, явно почерпнутые из арабских источников. Может быть, о Гане Луллию рассказали евреи на его родном острове Маль-

орка, которые через арабов и своих североафриканских соплеменников были неплохо информированы о Западной Африке.

«Бланкерну» один немецкий ученый назвал пропагандистским романом. Эта книга передает не факт католической миссии в страны Африки южнее Сахары, а, скорее, мечту о ней самого Луллия. Каталонский мистик в конце концов решился сам проникнуть в далекие «страны чернокожих язычников». В 1292 г. он отправляется в Северную Африку, затем возвращается в Европу, снова едет в Африку, снова возвращается. Третье путешествие Луллия окончилось трагически: 30 сентября 1315 г. мусульмане города Бужи (в Алжире), раздраженные католическими проповедями каталонца, забили его до смерти камнями. В Гану мистик с Мальорки так и не попал.

Генуэзцы плывут в Индию

1291 год. Крестоносцы, потеряв свою последнюю крепость Акру, покидают Палестину. В Генуе богатые и отважные купцы решают открыть новый путь на Восток, в обход Африки.

«В тот самый год, — рассказывает летописец, — Тедизио Дория, Уголино Вивальди и его брат с некоторыми другими гражданами Генуи начали готовиться к путешествию, которое прежде никто другой не пытался предпринять. И они наилучшим образом снарядили две галеры... и в мае направили их в Сеуту (в Марокко. — *Авт.*), чтобы плыть через океан в индийские страны и купить там прибыльные товары. Среди них находились два упомянутых брата Вивальди, а также два еще юных монаха. Это удивляло не только очевидцев, но и тех, кто об этом слышал. После того как они обогнули мыс, называемый Годзори (мыс Джуби на Атлантическом побережье Марокко. — *Авт.*), о них не слышали больше ничего достоверного. Да сохранит их господь и приведет их на родину здоровыми и невредимыми!»

В 1304 г. итальянский ученый Пьетро ди Абано (иначе Петрус Абунус) писал в своем сочинении «Согласование различий»: «Что

с ними (генуэзцами, отправившимися в Атлантику на двух галерах. — *Авт.*) произошло, остается неизвестным даже теперь, спустя 13 лет после событий». Видимо, все участники экспедиции погибли в пути, но где и при каких обстоятельствах, неизвестно. Сам Пьетро ди Абано тоже поплатился жизнью за любовь к знаниям. В 1316 г. он был сожжен по приговору инквизиции за проповедь «еретической» идеи шарообразности Земли.

Сын Уголино Вивальди, по имени Сорлеоне, решил во что бы то ни стало выяснить судьбу своего отца, дяди и других участников экспедиции. В 1302 г., едва достигнув 17 лет, он начал готовиться к путешествию. Собственных средств и средств родственников не хватало для столь грандиозного предприятия, поэтому Сорлеоне занял у трех богатых купцов 30 генуэзских фунтов — большую по тем временам сумму. Но только в 1315 г. ему удалось отправиться на поиски отца. То ли по недостатку средств, то ли по другой причине, но он двинулся не по следам пропавшей без вести экспедиции, а наперерез — в Северо-Восточную Африку. Ему удалось добраться до Могадишо (теперь столица Сомали), но здесь никто не знал о двух генуэзских галерах. Некий Бенедетто Вивальди, возможно младший брат Сорлеоне, сумел проникнуть даже в Индию, но не только не нашел своего отца, а и сам умер в этой стране в 1321 г. Какой пример исполнения сыновнего долга, характерный для средневековых итальянцев!

Несомненно, младшие братья Вивальди наблюдали Южный Крест под небом Сомали, на берегах Индийского океана.

Однако продолжим нашу летопись.

Марко Поло

1294 год. Знаменитый Марко Поло, его отец Никколо и дядя Маффео, возвращаясь из Китая на родину, проплывают на арабском судне у берегов Сомали, Эфиопии и Судана. В своей книге Марко Поло рассказывает об Эфиопии следующее:

«Абасия (т. е. Абиссиния. — *Авт.*), знайте, большая область...», она богата всяким продовольствием. «Самый сильный царь в этой области — христианин; все другие подчинены ему; их шестеро, трое христиан и трое сарацин. У здешних христиан на лице три знака: один знак от лба до середины носа, да по знаку на каждой щеке; метят они знаки горячим железом, и это их крещение; после крещения водою делают вот эти знаки и для красоты, и как завершение крещения. Есть тут жидаы, и у них по знаку на каждой щеке; а у сарацин только один знак — от лба до середины носа. Великий царь живет посередине области, а сарацины живут в сторону Адена... Здесь храбрых воинов и всадников много, и коней у них много; воюют они, знайте, и с султаном Адена, и с султаном Нубии, и с другими народами».

Эти сведения в общем верны, хотя и нуждаются в поправках; например, под Аденом следует понимать не город Аден, а мусульманский эмират Адалъ на противоположном от Адена берегу Аденского залива.

Кроме того, Марко Поло рассказывает о войне, которую царь Эфиопии вел с мусульманами в 1288 г., он упоминает также город Могатишо и остров Мадейгаскар (Мадагаскар), однако сообщает, что жители его — мусульмане и на острове водятся слоны и гигантская птица Рох. Венецианский путешественник смешивает сведения об острове Мадагаскар, где никогда не было слонов, и о Восточной Африке, где эти животные водились в изобилии. Мусульман в то время на Мадагаскаре было немного; эта подробность также подходит больше к побережью или островам Восточной Африки.

Путешествие Гильома Адана

Всего на два-три года до написания Данте терции о Южном Кресте в Эфиопии и странах Восточной Африки побывал француз Гильом Адан. Адан, как и многие другие доминиканские монахи, был миссионером «в странах неверных». В 1313—1314 гг. он проповедовал

католическое учение в Персии, затем отправился в Индию, а из Индии в Восточную Африку — на остров Сокотра, в Эфиопию и Египет. В 1318 г. Гильом Адан прибыл ко двору папы римского в Авиньон, где незадолго перед тем Данте провел лучшую пору своей жизни. Встречался ли Данте с Аданом? Беседовали ли они? Или, может быть, рассказ путешественника дошел до поэта через посредство третьего лица? Ответить на эти вопросы трудно.

Свои наблюдения в Восточной Африке Гильом Адан изложил только в 1332 г., когда уже был архиепископом, и рукопись подарил французскому королю Филиппу VI. Адан специально вел астрономические наблюдения и привел неопровержимые доказательства того, что он побывал и на экваторе, и в южном полушарии. Современные ученые предполагают, что Гильом Адан — первым из европейцев! — добрался на юге до Мозамбика, может быть, до города Софалы.

Как мы видим, известно совсем немного европейцев, которые совершили путешествия в страны Тропической Африки до написания «Божественной комедии». Между тем эта поэма не только открыла новую главу в истории европейской культуры — эпоху Возрождения, но и отражает возраставший в то время интерес к Африке и восточным странам.

Ансельм д'Изальгие на Нигере

В конце XIV в. в городе Тулузе жил дворянин, по имени Ансельм д'Изальгие.

Вот как о нем рассказывает его соотечественник и тезка Ансельм де Трико в книге, написанной ровно через 200 лет после того, как д'Изальгие отправился в свое африканское путешествие:

«Ансельм Изальгие, действовавший в конце XIV и в начале XV в., является автором этого превосходного [турецко-арабского] словаря. Хотя этот великий человек из Тулузы был знатного рода и происходил из благородной семьи, известной еще в XIII в., он гораздо более велик по уму и заслугам, чем по рождению. Память о нем еще и те-

перь жива среди искусствоведов, а любители истории всегда считали труды этого дворянина выдающимися. Изальгие был великим исследователем природы и стремился к тому, чтобы на досуге совершать путешествия, внимательно созерцая чудеса природы. В далеких землях, даже в самых отдаленных частях света, он искал то, чего не найти в наших провинциях, а также в Европе. Будучи величайшим естествоиспытателем своего времени, Изальгие иногда проводил целый день в созерцании природы. Всю свою юность он провел в путешествиях. После того как Изальгие прошел по Европе и Азии, он отправился в Африку.

Изальгие осмотрел всю эту часть света и во время путешествия долгое время находился в царстве негров. В этой стране он жил в городе Каго (Гао в современной Республике Нигер. — *Авт*). По влечению сердца он соединился с юной негритянкой Салуказаис¹. Его любовь была так велика, что он захотел на ней жениться, хотя она была мусульманкой.

Изальгие в покое и довольствии провел многие годы в таких необычайных условиях и климате, совсем не похожем на климат его родины. В Каго он занимался литературной работой и был так увлечен исследованиями, как будто находился на родной земле. Тоска по родине вынудила его, наконец, расстаться с этой страной, а желание обратить в христианство свою жену, чему он надеялся найти меньше препятствий в Лангедоке, чем в Африке, поддержало его в намерении вернуться домой. Изальгие с большим трудом добился согласия на это своей жены. Она была очень привязана к своим родителям и сама вела торговые дела в том городе, так что ему было

¹ В местной тулузской хронике XV в. об этом браке сказано так: «Салам-Казанс была знатного рода и происходила из города Гао... Так как он очень увлекся молодой девушкой и был прельщен изобилием золота и драгоценных камней, унаследованных ею от отца, то воспылал страстью и соединился с ней браком. Я, однако, не смею утверждать, что он смог на ней жениться, не отказавшись от своей веры».

трудно ее переубедить». Далее рассказывается о том, как африканский князь не хотел отпускать Ансельма д'Изальгие из Гао. Французскому ученому пришлось тайно покинуть город, увозя жену, дочь и слуг.

«С женой и дочерью, родившейся от брака с ней, Изальгие в 1413 г. прибыл в Тулузу. Но прежде ему пришлось испытать большие опасности на море из-за изменчивости этой стихии, ярости волн и набегов корсаров. Один из этих корсаров дал бой капитану судна, на котором плыл Изальгие, и на его глазах захватил в плен жену и семью, хотя и не смог завладеть судном. Но благодаря исключительно счастливому случаю семья через некоторое время снова с ним соединилась. Судно корсаров потерпело крушение на отмели; отсюда неутешная семья Изальгие вместе с другими рабами на лодке перенеслась на почти пустынный остров. Весьма счастливый случай привел к этому берегу и судно Изальгие, которое пристало к нему для ремонта. Радость обоих супругов была тем больше, что у них не было никакой надежды вновь встретиться на море. Затем они благополучно продолжили свое плавание в Тулузу.

По прибытии в этот город Изальгие позаботился о том, чтобы его жена и дочь, а также взятые из Африки рабы приняли крещение. Хотя дочь родилась черной, как ее мать, она была прекрасна лицом и хорошо сложена. Отец дал ей превосходное воспитание. У нее была на лбу маленькая белая полоса, и белыми были также два пальца левой руки. Своим умом и грацией она привлекала общее внимание в Тулузе. У нее были поклонники.

Дворянин из дома Фодоа стал самым страстным поклонником дочери Изальгие. Он добивался согласия ее отца на брак и получил его, когда девушке исполнилось 18 лет. От этого брака родился сын, которого называли Мор [Мавр] де Фодоа, потому что он был черным, как мать. Мор прославился храбростью и мужеством, образцы которых показал во многих боях, сражаясь за своего короля. Мор занимал высокие должности. После возвращения на родину у Изальгие родились еще две дочери, из которых одна была белой, а другая

черной. На родине он на досуге написал свои сочинения. Кроме превосходного словаря... Изальгие написал историю своих путешествий, и его рукопись долгое время хранилась в знаменитой библиотеке иезуитской коллегии в Лионе».

Приходится только пожалеть, что эта рукопись до сих пор не найдена и, может быть, безвозвратно погибла. Ансельм де Трико, как видно, читал ее и пересказал в своей цитированной выше работе об арабо-турецком словаре д'Изальгие.

Хроники XV в. дополняют рассказ де Трико любопытными подробностями. Ансельм д'Изальгие отбыл в путешествие из Тулузы около 1402 г., прибыл в Гао около 1405 г., а в 1410 г. он сам и его семья покинули Гао и отправились во Францию. В Тулузу он прибыл в сопровождении трех чернокожих служанок и трех негров-евнухов. Один из них, по имени Абен Али, был знаменитым врачом и в 1416 г. сумел вылечить дофина (наследного принца Франции), будущего короля Карла VII, когда тот прибыл в Тулузу.

Интересно отметить, что в начале XV в. во Франции никто не рассматривал африканцев долины реки Нигер как «низшую расу».

Одновременно с Ансельмом д'Изальгие в Африку устремляется французская экспедиция де Бетанкура и Гадифера де ла Саль. Они отплыли из Ла-Рошели 1 мая 1402 г., желая открыть дорогу в страну золота Гиноа (Гвинея). Однако экспедиция достигла только побережья современного южного Марокко и Канарских островов, которые попыталась заселить.

Успехи картографии

Известно, что плавание Бетанкура не было в те времена исключительным подвигом. Кроме неудачного плавания братьев Вивальди и их товарищей в 1291 г. нам известно еще об одной экспедиции, отправившейся в 1346 г. на корабле к западноафриканской Золотой реке (Уэд-Дра в Южном Марокко) и не вернувшейся на родину. Капитаном корабля был каталонец Жайме Феррер, уроженец ост-

рова Мальорка, давшего так много отважных мореплавателей и путешественников в позднем средневековье. Каталонцы, как и Бетанкур, хотели открыть дорогу к богатому золотом государству Мали.

Об этой экспедиции сообщает надпись на знаменитой Кагалонской карте мира; она известна еще и тем, что на ней впервые названа и показана Сибирь и сообщаются поразительно полные сведения о многих странах.

В XIV—XV вв. в Италии (особенно в Генуе и Венеции) и на острове Мальорка было изготовлено множество хороших карт Африканского материка. Они содержат сведения о некоторых африканских странах, а именно: Мали и Гвинее — на западе, Нубии и Эфиопии — на востоке. Лучшими из них являются карта Марино Санудо Тоссело и генуэзца Пьетро Висконти (1306—1321 гг.), уже упомянутая Каталонская карта мира (1375 г.), так называемый Лаврентийский портулан, который одни историки датируют 1351 г., а другие только периодом после 1415 г., карта мира Альбертина Вирги (1415 г.), карта венецианца фра Мауро (1457 г.) и др. Все они являются ценным источником по истории европейской географии и даже по истории африканских стран. Самое поразительное — это тот трудно объяснимый факт, что очертания Африканского материка в целом на картах, составленных между 1306 и 1488 гг., когда Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды, имеют, грубо говоря, ту же форму, что и в действительности. Особенно это заметно на карте Вирги и Лаврентийском портулане.

Как это объяснить? Неужели еще до Бартоломеу Диаша и Васко да Гамы какие-то неизвестные нам европейские мореплаватели огибали Африканский материк? Ответить на этот вопрос можно лишь следующим образом: нам неизвестны такие мореплаватели. Зато на карте фра Мауро есть надпись, сообщающая, что какая-то «индийская джонка» (так и написано на венецианском наречии!) обогнула около 1420 г. южную оконечность Африки, направляясь к Гибралтарскому проливу! Видимо, и здесь суахили и арабы явились предшественниками европейцев.

Португальские каравеллы в Атлантике

В то время в атлантических водах Африки появились корабли новой морской державы Португалии. В 1416 г. португальский военный флот впервые появился у берегов Марокко. Однако прошло еще 35 лет, прежде чем португальские каравеллы, робко пробираясь на юг вдоль берегов Сахары и возвращаясь на родину после каждого шага в неизвестность, достигли пределов Черной, Тропической Африки.

1441 год. Каравелла Нунью Тришгана достигла Кабо-Бланко (или Кабу-Бранку — «Белого мыса»), названного так по цвету песков. Здесь португальцы увидели первого чернокожего человека — еще не земледельца, а верблюдовода. Этот мужчина был верхом на верблюде и, вероятно, принадлежал к берберам из племени азенаг. Португальцы возликовали: прежде они думали, что эти места необитаемы «из-за сильной жары» и непригодны для жизни.

В следующие шесть лет португальские моряки добрались до устья реки Сенегал, Зеленого мыса (здесь они впервые увидели на берегу несколько зеленых пальм), устья реки Гамбия и берегов Гвинеи. Везде они захватывали в плен рыбаков и скотоводов.

Только в 1461 г. португальские мореплаватели открыли Сьерра-Леоне и Иерцовый Берег (теперь Либерия). В 1470—1473 гг. они исследовали побережье Гвинейского залива, открыли Бенинский залив и залив Биафра, остров Фернандо-По; в 1482 г. достигли Конго и Анголы, в 1485 г. — Юго-Западной Африки, в 1488 г., как сказано выше, обогнули южную оконечность Африки и наконец-то в 1498 г. — весь Африканский материк, достигли городов Восточной Африки и отсюда отплыли в Индию.

Присмотримся поближе к этим морьям, которые несколько позднее под началом Васко да Гамы, Христофора да Гамы, Альбукерке и Альмейды прославили свою маленькую родину, завоевав добрую

четверть всего мира. Что представляли собой эти люди, воспетые гениальным Камоэнсом в виде

...избранников судьбы,
Потомков славных Луса, чьи походы
Повергли в изумление народы?

Почему именно португальцы смогли первыми выполнить эту программу, повторенную позднее другими европейскими нациями: голландцами, англичанами, французами?

Италия и Португалия

Оставим пока французов. Сравним португальских путешественников с итальянскими.

Итальянцы отправлялись в Африку и на Восток либо в качестве купцов, либо как миссионеры и папские послы одновременно. И это понятно. Италия с ее высоким уровнем развития ремесла могла предложить первоклассный выбор товаров, а разветвленные торговые связи ее городов позволяли дополнить ассортимент отечественных товаров продуктами других, ближних и дальних, стран. Навыки торговли и банковского дела, высокий уровень мореходства и науки делали тогдашних итальянских купцов лучшими в мире. Энергии и отваги им было не занимать; итальянская военная техника также была самой передовой в мире.

Рим, насчитывавший два тысячелетия истории, — религиозный и культурный центр Европы в эпоху, когда еще не распространилась протестантская ересь, — вербовал своих наиболее доверенных слуг преимущественно из местной итальянской паствы. Их-то в основном и направляли в дальние страны как посланцев папы и духовных оренов.

Обратимся теперь к Португалии. В раннем средневековье эта страна, лежащая на берегу Атлантического океана, вся принадлежала арабам. Она представляла собой самую дальнюю окраину

арабо-мусульманского мира. Городов было мало, и они не были велики. Арабы, избороздившие вдоль и поперек Индийский океан и Средиземное море, редко и неохотно плавали в Атлантике.

Между тем реконкиста шла своим ходом и меняла облик страны. Сначала в пограничной полосе на севере появилось графство Португальское, которое со временем выросло в небольшое королевство, а в конце концов поглотило западные провинции мавров, отделив от них Кастилию. Вчерашние хозяева страны покидали ее тысячами, переселяясь на Африканский континент. Кустарная промышленность, мореходство, торговля, скудные и прежде, понесли немалый урон. Португалию покидали арабские ремесленники, купцы, ученые, шелководы, садоводы; на смену им из христианских стран прибывали рыцари и солдаты. Реконкиста, затянувшаяся на столетия, создала в Португалии огромную массу феодального воинства, жаждавшего добычи и ренты.

Зато, не в пример другим европейским странам, в Португалии была очень сильна королевская власть. Многочисленный двор был центром притяжения дворянства страны; почти каждый рыцарь считался придворным. Но далеко не все из них были грамотны, и лишь единицы сколько-нибудь образованны.

Единственными морскими судами были рыбацьи баркасы. На них отважные португальские рыбаки ловили сардин посреди океана, тунца у Канарских островов и треску у берегов Канады.

Посаженная на такие суденышки, португальская рыцарская армия в 1415 г. одним налетом захватила город Сеуту — крупнейший тогда порт на Атлантическом побережье Марокко.

В этом походе участвовал младший брат короля инфант Энрики, иначе Генрих Мореплаватель. Вернувшись на родину, он приступил к организации португальского флота. Энрики создал навигационную школу, астрономическую обсерваторию, морской арсенал, судоверфи, картографические мастерские. Для работы в них были приглашены иностранные ученые и специалисты: каталонцы, евреи, фламандцы, датчане, немцы, хорваты, англичане (соплеменники матери принца)

и особенно итальянцы. На вновь построенных кораблях рыцари-придворные учились плавать в океане капитанами; команду составляли вчерашние рыбаки и солдаты. И на каждом судне находились иностранцы: кормчие, врачи, астрономы-географы.

Инфант Энрики умер в 1460 г. К этому времени его каравеллы достигли берегов Гвинеи в Африке, Азорских островов в Атлантическом океане. Не очень-то много для 45 лет экспедиций! Но теперь португальцы стали первым морским народом Европы: они освоили океанский путь в Тропическую Африку и с каждым плаванием проникали все дальше на юг.

Инфант Энрики преследовал сразу несколько целей. Конечно, его интересовали географические проблемы, но прежде всего он был политиком. Главным врагом своего народа он считал мусульман и для успешной борьбы с ними желал объединиться с христианами Африки — эфиопами и нубийцами. В те времена и понятия не имели о том, что империя «первосвященника Иоанна» лежит за тысячи миль от границ Марокко и Алжира. Придворные-капитаны, возвращаясь из плаваний, каждый раз спешили обрадовать принца: хотя их каравелла продвинулась вперед дальше по сравнению с предыдущей лишь на несколько дней пути, но встреченные на берегу местные жители говорят, что Эфиопия находится совсем близко! А пока страны черных христиан не найдены, Энрики стремился сделать христианами негров-язычников.

И еще одна цель побуждала слать на юг одну каравеллу за другой: золото! Рост европейской торговли и товарно-денежных отношений вызвал резкую нехватку драгоценных металлов, из которых чеканилась монета; золото и серебро резко поднялись в цене, особенно золото, которого в самой Европе уже почти не добывали. Европейское общество охватила сатанинская страсть, адская жажда золота. А между тем арабы и евреи говорили, ссылаясь на книги и карты, что Черная Африка необычайно богата золотом. И верно, именно отсюда драгоценный металл прибывал в страны Средиземноморья. Золото нужно было принцу для организации новых экспеди-

ций, королю — для содержания армии и двора, капитанам судов — для приобретения имений. Но золотоносные земли Африки лежат вдали от океанских берегов. У рыбаков и пастухов побережий золота было мало; тогда каравеллы нагружались драгоценной слоновой костью, пряностями Перцового Берега, худшими, чем индийские, но тоже годными для продажи. Но и этого не хватало, чтобы заполнить трюмы судов и утолить жадность капитанов, и тогда португальцы хватали замеченных на берегу людей. «Наконец, угодно было богу, воздающему за добрые деяния, послать им за многие понесенные на его службе тяготы победоносный день, славу за их бедствия и возмещение их расходов, так как было всего поймано 165 мужчин, женщин и детей», — писал знаменитый португальский хронист Гомиш Эанниш Азура в 1444 г.

Он подробно описывает, как это произошло:

«Португальцы пошли к деревне и увидели, что мужчины и женщины с детьми спешат выбежать из хижин, заметив приближение врагов. Португальцы открыли стрельбу... и быстро атаковали деревню, убивая и захватывая всех, кого могли. Там вы могли бы увидеть матерей, бросающих своих детей, и мужчин, бросающих своих жен, ибо каждый стремился спастись сам. Некоторые бросались в воду и тонули, третьи прятали детей в тростниках у берега, надеясь, что там их не заметят, но наши люди потом их разыскали... В этот раз португальцы захватили 165 человек, не считая убитых».

В отдельных случаях рабов не захватывали силой, а покупали у местных вождей. Первая сделка такого рода была заключена в 1441 г., когда португальцы приобрели у мавров чернокожих рабов. В 1446 г. португальские моряки купили в Сенегале 25 невольников-негров за... одну старую лошадь, около 1453 г. здесь за такую же клячу давали 6—7 рабов; в 1460 г. в Гамбии за старую лошадь можно было приобрести 12 рабов, а несколькими десятилетиями позднее в Конго португальцы выменяли 22 черных невольника за одну старую собаку!

Торговля черными рабами безудержно росла, в нее втягивались

африканские вожди и монархи, королевские придворные и миссионеры. Уже к концу XV в. португальцы вывозили из Африки к себе на родину около 2000 негров ежегодно. Кроме того, некоторое количество невольников, главным образом молодых девушек, португальцы отправляли через Индийский океан в свои азиатские владения. Из Лиссабона чернокожие невольники продавались в столичные города Европы, позднее — на плантации Бразилии и Антильских островов. Значительная часть из них превращалась в крепостных и поселялась в самой Португалии, где в XVI в. кое-где негров и мулатов было больше, чем белых. Пятая часть доходов от работорговли поступала в королевскую казну, составляя важную статью государственного бюджета.

Иногда разбой и торговля соединялись воедино, принося наибольшие выгоды работорговцам. В 1442 г. Аштан Гонсалвиш привез в Португалию первую партию африканских рабов, всего десять человек. Некоторые из них пожелали выкупиться на свободу. Они заявили, что если их вернут на родину, то в обмен они доставят выкуп золотом и рабами. Португальцы решили попробовать: двое пленных были возвращены в Сенегал (или в Южную Мавританию), а взамен охотники за рабами получили от них десять чернокожих рабов и немного золотого песка и других товаров. С этих пор «благородные идалго» часто практиковали подобный обмен, поощряя, таким образом, местное африканское рабовладение.

В 1452 г. инфант Энрики выхлопотал у римского папы специальную буллу, разрешавшую португальскому королю и его подданным захватывать землю у «неверных», а самих их обращать в рабство. Это разрешение распространялось не только на уже открытые страны, но и на те, которые лишь предстояло открыть. Другим европейским государствам такого права не было дано. В благодарность за поддержку принц подарил папе несколько гвинейских рабов.

Кроме короля и папы к выгодам торговли с Африкой (и ее грабежу) мечтали приобщиться португальские предприниматели, христиане и евреи. Многие из них были приняты при дворе, получали

дворянское звание и придворные должности. Но монархия, консолидировавшая вокруг себя весь господствующий класс небольшой и сравнительно бедной страны, не позволяла купцам и дворянам действовать самостоятельно. Они могли извлекать выгоды из заморских экспедиций только в виде королевских милостей.

В 1469 г., уже после смерти инфанта Энрики, король Афонсу V сдал торговлю с Западной Африкой на откуп сроком на пять лет придворному идалго Фернанду Гомишу. Гомиш обязался посылать в Африку морские экспедиции каждый год без задержки; и каждая экспедиция должна была исследовать 100 лиг побережья к югу от пройденного в прошлый год, причем отправной точкой отсчета было указано современное Сьерра-Леоне. Каравеллы, снаряженные и посланные Фернанду Гомишем, достигли Бенинского залива и пересекли экватор, везде захватывая и покупая золото, рабов, слоновую кость и пряности.

Да и что, кроме грабежа, могли принести португальцы жителям Африки? Итальянцы умели торговать и производить превосходные товары: тосканские сукна, венецианское стекло, бусы, хрусталь и зеркала, клинки и художественные изделия. Португальцы умели только воевать, ловить рыбу и заниматься сельским хозяйством, но последние два занятия не привлекали тех из них, кто отправлялся в дальние плавания.

Поэтому итальянцы проникали в Африку в качестве купцов и миссионеров, а португальцы — в качестве рабителей. Притом итальянцы пускались в путь обычно по собственному почину, а португальцы — по приказу короля. Жажда легкой добычи и стремление угодить их королевским величествам — вот главные побудительные мотивы португальских капитанов.

Этими же мотивами была вызвана первая робкая попытка португальцев прорваться в глубь Африканского материка.

В 1457 г. капитан Диогу Гомиш на каравелле «Пишконсу» по приказу инфанта Энрики направился к берегам Западной Африки. «Инфант велел им зайти так далеко, как удастся», — сообщает отчет

об экспедиции. Каравелла достигла устья реки Гамбии и поднялась вверх по ее течению до области Кантор. Здесь португальцы впервые встретили представителей западноафриканских цивилизаций, о которых до этого знали понаслышке.

В отчете Диогу Гомиша говорится: «...у вождя той страны (в устье Гамбии. — *Авт.*) был негр, по имени Букер, который знал всю Страну негров. Я счел его достойным доверия и спросил, не хочет ли он отправиться со мной в Кантор, собираясь дать ему за это халат, рубахи и все необходимое для жизни. Я сказал об этом также его господину и сдержал свое обещание... Я поднялся вверх по течению так далеко, как смог, и достиг Кантора, большого поселка на той реке. Я послал в поселок негра, которого мы взяли с собой, и велел ему сообщить тамошним жителям, что прибыл вести с ними торговлю. И негры пришли к нам в большом количестве.

Мы заключили с ними мир, и по всей стране распространился слух, что в Канторе находятся христиане; люди устремились к нам со всех сторон — из Тамбукуту [Тимбукту] на севере, и из Серра-Желей (Фута-Джаллон. — *Авт.*) на юге; пришли жители Киокна (Гао. — *Авт.*), большого города, окруженного стеной из обожженных кирпичей. От тех людей я услышал, что в их стране есть очень много золота и что туда приходят за золотом караваны верблюдов... с товарами... из Туниса, Феса (столицы Марокко. — *Авт.*) и Каира, а также из всех сарацинских стран, потому что там есть запас золота, которое добывается в рудниках на горах Желу. Другая, противоположная часть этих гор называется Серра-Лиона (Сьерра-Леоне. — *Авт.*)... Мне рассказали... что есть в той стране большая река, называемая Эмиу (Нигер. — *Авт.*)... Они сказали, что их царя зовут Бормелли (царь Мали. — *Авт.*) и что вся Страна негров на правом берегу реки им завоевана и ему подвластна, а сам царь живет в городе Киокна. Мне рассказали, что царь владеет всеми рудниками и что обычно перед воротами его чертога лежит золотой самородок... причем он так велик, что его с трудом могут сдвинуть 20 человек, и царь всегда привязывает к нему своего коня...

Я спросил, как идет дорога из Кантора в Киокиа. Они сказали, что дорога из Кантора поворачивает у Морбомелли на восток в Соманду и из Соманды ведет в Конмуберту, Серекулле (Сарако-ле. — *Авт.*) и другие места, в какие именно — забыл. В названных местах находят много золота, чему я охотно верю, потому что видел негров, которые шли этой дорогой, нагруженные золотом. . .»

В следующем году по стопам экспедиции Гомиша была послана португальская религиозная миссия. Инфант Эприки стремился не только открыть новые пути для проникновения португальцев в Африку, но и создать для этого опору среди местного населения. В своей резиденции он основал настоящую школу переводчиков, где привезенные его капитанами африканцы изучали португальский язык, латынь и богословие, а европейские монахи учили африканские языки. Были там и христиане из Эфиопии, прибывшие в Португалию через Иерусалим и Рим. Один из них принял участие в экспедиции Гомиша.

Около 1482 г. португальцы пытались организовать судоходство по реке Гамбии, чтобы этим путем проникнуть в Мали. Для этой цели они намеревались взорвать скалу, образующую порог в верхнем течении реки.

Дело в том, что в 1481 г. манса (император) Мали, теснимый соседями, обратился к португальцам с просьбой о помощи. Через два года в Мали появилось ответное посольство короля Португалии Жуана II. В состав посольства входили немец-картограф Рейнель и стрелок-арбалетчик Жуан Кулазу — персоны не слишком-то высокого ранга. Они везли мансе лошадей, мулов в богатой сбруе и другие дары португальского короля. Одновременно другое посольство во главе с Педру ди Эвора и Гонсалу Эанншем было направлено в Текрур и Тимбукту. Все эти люди, кроме Рейнеля, умерли в пути от болезней. Рейнель же благополучно вернулся в Европу и несколькими годами позже начертил свою знаменитую карту мира.

Однако в то время португальцы уже утратили прежнее желание проникнуть в долину среднего Нигера и завязать торговлю с расположенными в ней городами. Ведь их интересовало главным образом

золото; между тем в 1482 г. у них появилась колония в непосредственной близости от золотых рудников Ашанти (в современной Гане). То были знаменитый форт Сан-Жоржи-да-Мина («Св. Георгий рудника») и область Эль-Мина («Рудник») вокруг него. Крепкие стены, высокие башни с бронзовыми пушками надежно защищали пришельцев от нападений с материка. Гарнизон форта состоял из 60 человек, не считая жен, детей и слуг членов гарнизона. Здесь же находились монахи, взявшие на себя попечение о душах солдат и коренных жителей, а также моряки с прибывавших сюда время от времени каравелл. Все каравеллы, конечно, были только португальскими; иностранные суда не смели приблизиться к форту.

Португальские каравеллы вывозили из Эль-Мины в обмен на доставляемые сюда товары (обычно непортугальского происхождения) золотой песок, слоновую кость и рабов, а также африканский перец, пользовавшийся немалым спросом в Европе до открытия морского пути в Индию. Португальцы покупали у африканцев также местные ткани из хлопка, находившие сбыт и в Африке, и в Европе. Этими тканями португальские купцы торговали далеко на юге, вплоть до Конго и Анголы.

Сан-Жоржи-да-Мина был выстроен в сравнительно короткий срок и уже в 1484 г. специальным королевским указом объявлен португальским городом со всеми вольностями и привилегиями, соответствующими этому статусу. Сам же король Жуан II принял титул властителя Гвиней и отныне изменил свой герб, включив в него символы африканских владений. Этим гербом украшены падраны (каменные кресты), воздвигнутые после 1484 г.

В последующие десятилетия неподалеку от Сан-Жоржи-да-Мины были выстроены другие португальские форты: в нынешних Акиме (форт Сан-Антониу), Аккре (столица Ганы) и Самме. Вся область Эль-Мина с четырьмя португальскими крепостями и африканскими деревнями вокруг них и между ними составила первую европейскую колонию в Тропической Африке. Она просуществовала более 100 лет, пока не была захвачена голландцами.

В 1482—1483 гг. португальцам удалось завязать сношения еще с одним большим африканским государством — с неведомой до тех пор цивилизацией Конго. Через 15 лет они вошли в соприкосновение с мусульманско-суахильской цивилизацией Восточной Африки и начали громить и грабить ее города. Еще через 20 лет с небольшим португальские конкистадоры появились в Эфиопии и проникли далеко в глубь этой горной страны.

Тогда же они появились в царстве Бенин, которое прославилось искусством своих литейщиков из бронзы и резчиков по слоновой кости. На резных бивнях и бронзовых барельефах Бенина мы видим характерные изображения португальцев XV—XVI вв., бородатых, одетых в кафтаны и панцири, с мушкетами в руках и шпагами на боку. Первые португальские путешественники достигли границ Бенина в 1472 г. под предводительством капитана Ружа Сикейры.

Несколько позднее послы и военные отряды португальского короля проникли на территорию империи Мономотапа. В разных частях Африки на побережьях обоих омывающих ее океанов возникали вооруженные пушками форты португальцев, над старыми африканскими городами развевался португальский флаг, земли вокруг них объявлялись владениями португальской короны. Через океаны в Европу, Бразилию, Индию, Китай плыли каравеллы, нагруженные богатствами Черной Африки и черными рабами. Почти 100 лет, до конца XVI в., Португалия владела океанскими берегами Африки, не подпуская к ним даже близко каких бы то ни было конкурентов, ревниво следя за тем, чтобы никакая другая европейская нация не получила доступа к источникам богатств Африки. Всех, кто пытался проникнуть к африканским берегам, не поступив на службу к португальскому королю, было приказано беспощадно уничтожать, а имущество их конфисковывать в пользу королевской казны.

Только испанские, нидерландские и британские авантюристы порой тайно приближались к побережью Сенегала и Гвинеи, скупая золото у местных жителей. Но горе было тому, кто попадался португальским эскадрам, патрулировавшим воды Южной Атлантики!

Итальянцы не остались равнодушными зрителями колониальных подвигов Португалии. Конечно, итальянские государства не могли подобно Испании выступить вооруженными противниками Лиссабона на путях в Гвинею, Бразилию и Индонезию. Многие итальянские мореходы, ученые и кондотьеры поступали на португальскую службу и участвовали в открытии африканских берегов под красно-зеленым португальским флагом. Венецианец Луиджи Ка да Мосто, открывший острова Зеленого Мыса, генуэзцы Узодимаре, совершивший плавание к устью Гамбии, Антонио ди Ноли с его братом и племянником, участвовавшие в открытии островов Зеленого Мыса, — все они были итальянскими дворянами на службе португальского короля.

Луиджи (или Алвизе) Ка да Мосто плывал к берегам Африки дважды, в 1455—1456 и 1456—1457 гг. В первое путешествие он открыл острова Зеленого Мыса, во второе — достиг реки Казаманса, где установил дружеские связи с местным негритянским населением и путем расспросов собрал ценные сведения о глубинных районах материка. Ка да Мосто был хорошо образован, умен и чрезвычайно наблюдателен. Отчет о путешествиях, написанный им в 1462 г., поражает обилием глубоких и точных замечаний, ярких подробностей и широтой интересов. Он описывает быт населения на территориях нынешних Сенегала, Мали, Гвиней, Гамбии, общественный строй народов волоф и мандинго, торговлю, в том числе работорговлю, религиозные верования африканцев и междоусобные войны, которые вели их вожди. Характерно, что в восприятии этого образованного венецианца нет и тени религиозного фанатизма, которым отличаются записки его португальских современников.

Отчет Ка да Мосто был напечатан лишь через 50 лет после его возвращения из Африки — в 1507 г. Но и тогда он не утратил своей свежести, потому что нигде в европейской литературе нельзя было найти более полных и более современных сведений о Западной Африке. Позднее «Книга мессера Алунсе Ка да Мосто» неоднократно переиздавалась. В то время итальянцы, французы, немцы жадно подбирали все крупицы информации о далеких странах, которые про-

сачивались к ним из морских и придворных кругов иберийских стран. Для итальянцев эти сведения имели особое значение, так как новые географические открытия могли нанести им непоправимый вред, лишив торговой монополии на древних восточных путях.

Итальянский географ Рамузио в XVI в. предпринял грандиозный труд по собиранию и переизданию всех путевых записок, отчетов о дальних сухопутных и морских путешествиях. Опубликованные им книги выдерживали много переизданий, их переводили на другие европейские языки — настолько велика была в тогдашней Италии и Европе вообще тяга к познанию далеких, неведомых стран.

В то же время в XV—XVI вв., как и прежде, итальянские путешественники двигались с караванами через Сахару или Нубийскую пустыню, плыли на арабских судах по Красному морю и Индийскому океану, направляясь в далекие, известные лишь по слухам африканские города.

Как и португальцы, они стремились к двум целям: к богатым городам долины реки Нигер и в христианскую Эфиопию.

В 1447 г. Антонио Мальфанте, вероятно генуэзец, добрался через Сахару до оазиса Туат. В письме, посланном им в Геную, Мальфанте подробно описывает оазис и лежащие к югу от Сахары негритянские страны, где «говорят на 40 различных языках, так что жители часто не понимают друг друга». Эти сведения Мальфанте получил от арабских и еврейских купцов, которых было много в Туате. Они же рассказали итальянцу о природе южных стран, о сонной болезни, о реке Нигер и, конечно, о том, что кое-где у негров серебро ценится наравне с золотом. И еще о том, что «индийцы» из Нубии или Эфиопии живут совсем недалеко от Тимбукту. «Индийские купцы приходят сюда и объясняются с помощью переводчиков. Эти индийцы — христиане и молятся кресту». В эфиопских книгах того времени есть скудные сведения о Западной Африке, но они могли быть получены от арабов. Во всяком случае сообщение Мальфанте очень любопытно.

Через 23 года, в 1469 г., в Тимбукту побывал первый известный по имени европеец — флорентийский купец Бенедетто Деи. Он инте-

ресовался только торговлей, о которой сообщает важную подробность: в Тимбукту «много занимаются торговлей и продают грубое сукно, саржу и рубчатые материи, которые изготовляются в Ломбардии». Следовательно, итальянские товары проникли на Нигер задолго до первых европейцев.

В то время как португальцы строили форт Эль-Мина и посылали посольства в Текрур, Мали и Тимбукту, папская курия в Риме и монашеские ордена в Иерусалиме замыслили посылку специальной духовной миссии в Эфиопию.

О переговорах в Иерусалиме и Риме по этому поводу, о прибытии эфиопских послов и их дальнейшей судьбе мы расскажем в следующей главе. Здесь только отметим, что миссия была все-таки послана в составе «12 ученых, опытных и испытанных монахов францисканского ордена», а попросту говоря, нищенствующих монахов. Среди них находились переводчик Джованни Баттиста из Имолы (иначе Джамбаттиста да Имола), знакомый с эфиопскими христианами по Иерусалиму, нунций Джованни из Калабрии и патер Франциско Сагара, испанец.

Последние двое остались в Эфиопии, но не смогли добиться большого влияния. Позднее Сагара вернулся в Рим и стал генеральным викарием северных областей — можно представить себе, как ненавидели его в этих странах в период начинающейся Реформации!

Что касается Джамбаттисты да Имола, то он в 1482 г. появился в Иерусалиме, продиктовал мемуары о своей поездке в Эфиопию и снова отправился в эту страну с письмом местного католического настоятеля. Другой источник сообщает, что с письмом поехал славянский монах Грифон, но был убит в дороге.

Мемуары Имолы настолько интересны, что их хочется привести целиком. Никогда еще в Европе не получали таких подробных и точных сведений о стране, лежащей в глубине Африканского материка!

«И наконец мы прибыли в Сеуакем (Суакин. — *Авт.*), город на острове, в полумиле от материка, населенный арабами. Сеньору этого

места мы дали, по обычаю, разноцветные одежды, темные одежды и 5 кусков мыла. От этого города можно путешествовать морем до Аканон (Ади-Коно близ Массауа. — *Авт.*)... Этот город принадлежит первосвященнику Иоанну и ведет обширную торговлю... От этого места (Суакина. — *Авт.*) было нам невозможно пойти морем; мы переправились на материк и купили двух верблюдов за восемь дукатов и пошли с доброй охраной к городу, называемому Менна, населенному маврами и принадлежащему султану Суакина. Следует отметить, что все правители в той стране называют себя султанами, т. е. сеньорами. От этого места мы пошли к другому, расположенному между горами и населенному сарацинами и абиссинцами. Там мы оставались 15 дней, так как не нашли подходящих спутников для путешествия в землю абиссинцев. Затем мы выступили в доброй компании и шли 15 дней, взяв в качестве провизии просо, так как весь путь лежал через пустыню.

Наконец, полумертвые, прибыли мы в город, называемый Марья, на границе земель первосвященника Иоанна, и оставались тут 3 дня. Отсюда мы выступили и шли семь дней и пришли к абиссинскому сеньору, называемому Сйонсираве (сеюм Сераве. — *Авт.*), который принял нас в своем доме и дал нам коров и валухов. Здесь мы оставались 3 дня. Далее он отправил нас под охраной до границ его земель. Мы шли 8 дней; он же принял на себя расходы за все в городах, куда мы прибывали, и снабжали нас преобильно. Отведя нас к другому сеньору, называемому Аскади (Асгаде. — *Авт.*), выше-названная охрана вернулась. Этот сеньор поступил с нами, как первый.

Затем мы выступили без охраны и, путешествуя 3 дня без передышки, достигли города того абиссинца, который был с нами...

В течение всего этого путешествия мы не могли достать вина для питья, только воду и мед, да пиво, сделанное из зерна и проса.

Отсюда мы двинулись далее и путешествовали 15 дней, проводя каждую ночь за умеренную плату (возможен также перевод «в подходящих помещениях». — *Авт.*). Наконец, мы прибыли к великому

абиссинскому сеньору, называемому Тегримакона (Тигре-макуанен. — *Авт.*), у которого мы не искали аудиенции. . .

Мы продали верблюдов как по причине их усталости, так и по причине великих дождей, которые препятствуют движению на верблюдах. И мы купили двух мулов за 15 дукатов.

Покинув это место, мы путешествовали 12 дней и достигли Церкви Короля. В ней он был похоронен в эти дни. В этой церкви — она называется Геннет Гиоргиос, т. е. церковь святого Георгия, и так же велика, как церковь святой Марии делли Анджели, — мы увидели большой украшенный орган в итальянском стиле, и все мы были удивлены. . .

Мы оставались тут 30 дней, так как не смогли переправиться через Нил¹, который широко разлился из-за дождей и плохой погоды. Переправившись через реку, мы путешествовали 10 дней и достигли двора великого царя первосвященника Иоанна, который был в месте, называемом Берар (Дабра-Берхан. — *Авт.*).

При этом дворе мы нашли итальянцев, людей доброй славы: мисер Габриэль, неаполитанец; мисер Джакомо ди Гарцони из Венеции; мисер Пьетро да Монте из Венеции; мисер Филиппо, бургундец; мисер Гонсальво, каталонец; мисер Джоане де Фиеско (Джованни ди Фиески), генуэзец; мисер Ильяс из Бейрута, который прибыл туда с папскими письмами. Все они жили там уже 25 лет.

А после 1480 г. прибыли туда мисер Джуан Дардино из Венеции, племянник Никколо да ле Карте, моего дорогого друга и честного человека доброй славы, римлянин Кола ди Росси, который изменил свое имя на Джорджи, Маттео из Пьемонта, мантуанец Никколо, мисер Никколо Бранкалеоне, венецианец, вышеупомянутый брат Джоане из Калабрии и Баттиста из Имолы².

Я спрашивал этих людей, зачем они пришли в эту чужую страну? Они отвечали: «Чтобы найти самоцветы и драгоценные камни!» Но

¹ Для Имолы всякая африканская река — Нил!

² Последний — сам Джамбаттиста да Имола. Вместе с ним перечислены итальянские участники миссии.

коль скоро царь не разрешил им вернуться, они всем недовольны, хотя были щедро награждены и снабжены царем, каждый в соответствии с его рангом.

Тогда я спросил об устройстве страны и ее обитателях. Они сказали мне, что дома и жилища их сделаны из тростника, обмазанного глиной внутри и снаружи. И в названной стране не было домов из тесаного камня, за исключением того, что каждый царь при вступлении на престол строил церковь, в которой его хоронили. Царь хранил свою сокровищницу в пещерах под сильной охраной.

В этой стране много золота, мало зерна, нет вина. Она имеет очень большое население — грубый народ, неотесанный и некультурный. У них нет стального оружия для войны. Их стрелы и копья из тростника. Царь выходит на поле боя в сопровождении не меньше чем 200 или 300 тыс. людей. Каждый год он сражается за веру. Он не платит никому из тех, кто выходит с ним на поле боя, но снабжает их всем необходимым для жизни и освобождает этих воинов от всех королевских налогов. И все эти воины вербуются, записываются и клеймятся на руке царской печатью.

Никто не носит шерстяной одежды, потому что у них ее нет, а вместо нее носят полотняную. Все, и мужчины, и женщины, ходят босыми. У них всегда много вшей. Они слабосильный народ, и недеятельный, и легко утомляющийся, но гордый. Они ревностны в вере и пылкостью духа превосходят других христиан».

В сообщении Имолы все очень важно и интересно; но, может быть, самое любопытное — это упоминание итальянцев, а также француза Филиппа из Бургундии, каталонца Гонсальво и ливанца Ильяса из Бейрута, находившихся в Эфиопии с 1456—1457 гг., упоминание писем папы, доставленных Ильясом в то же время, описание органа итальянской работы в церкви Геннет-Георгис!

Не следует удивляться тому, что император Эфиопии не разрешал европейцам вернуться на родину. Он считал, что их знания нужны его собственной стране, и поступал в духе феодальных представлений о правах и привилегиях личности.

Такая же судьба постигла и первого португальца, которому удалось достигнуть Эфиопии.

Характерно, что прибыл он сюда не на португальском судне вокруг Африки, а с караванами и на кораблях мусульман.

В начале 1487 г. король Португалии вызвал к себе своего придворного Педру ди Ковильяна, человека умного, мужественного и хорошо знавшего арабский язык. Вместе с Ковильяном явился некий Афонсу ди Пайва, также говоривший по-арабски. Этим людям король поручил труднейшее задание: отправиться в Индию, в государство «первосвященника Иоанна», и предложить ему союз с Португалией. После возвращения на родину им было обещано щедрое вознаграждение.

И вот два португальских дворянина сошли с корабля в Александрии и направились с караваном в Куссейр, египетский порт на Красном море. Отсюда на арабском судне они прибыли в Аден, город на крайнем юге Аравии, где до них не бывал ни один португалец.

Что же делать дальше? Пройдена уже самая трудная часть пути, до Индии рукой подать, но в какую из Индий следует направиться? В те времена говорили о Восточной Индии — Индии в собственном смысле слова, об африканской Индии — Эфиопии, о дальней островной Индии — Индонезии. В какую же из этих Индий послал их король?

Педру ди Ковильян принимает решение: Афонсу ди Пайва останется в Адене (видимо, тот плохо переносил путешествие), сам же он разведет страны, расположенные на берегах Индийского океана. Он, действительно, побывал в Южной и Средней Индии, оттуда отправился в Восточную Африку, посетил города Софала, Кильва, Малинди, достигнув на юге современного Мозамбика, а из Малинди прибыл в Аден. Здесь он узнал, что Афонсу ди Пайва уехал в Каир. Немедленно Ковильян отправился в столицу Египта, но не застал своего товарища в живых: Афонсу умер в Каире незадолго до приезда Ковильяна.

Теперь Педру ди Ковильян считает себя вправе вернуться

в Португалию. Он побывал в Индии и африканских странах, никогда не посещавшихся его соотечественниками. Никакого государства «первосвященника Иоанна» он здесь не нашел, но зато собрал богатые сведения политического и торгового характера. Но в это время он узнает, что его разыскивают какие-то евреи, ведущие торговлю в Португалии: рабби Авраам и сапожник Иосиф. Ковильян встретится с ними и узнает, что они являются агентами короля, посланными вслед за ним. Евреи осторожно передают Ковильяну секретные королевские письма, где придворному-путешественнику дается новое задание. Во-первых, он должен с помощью Иосифа написать отчет о своем первом путешествии; во-вторых, в сопровождении Авраама отправиться в персидский порт Ормузд и разведать здешнюю торговлю. Исполнив все это, Педру ди Ковильяну надлежит направиться в Эфиопию, где, по сведениям, полученным в Португалии, находится подлинное царство «первосвященника Иоанна».

Отважный португальский дворянин выполнил все эти поручения и сумел проникнуть в Эфиопию. Здесь он получил аудиенцию при императорском дворе, причем тогдашний император Александр «принял его благосклонно и обещал ему скорое и столь желанное возвращение» — как рассказывает португальская хроника Жуанна ди Барруша. Однако в 1494 г. Александр погиб, убитый шальной пулей в своей столице (о его смерти повествует эфиопская хроника). Новый император Наод, сочинявший религиозные гимны (их издал и перевел на русский язык Б. А. Тураев), задержал Ковильяна в Эфиопии, женил его на знатной девушке и подарил ему поместье. Когда в 1520 г. португальский посол Родригу ди Лима прибыл в столицу Эфиопии, он еще застал Ковильяна в живых и пользовался его услугами как переводчика с португальского языка на амхарский. Посол сообщил, что Педру ди Ковильян имел большое влияние при дворе императора. Однако и на этот раз Ковильяну не было разрешено вернуться на родину, и он умер в Эфиопии.

Известно, что этот замечательный путешественник послал португальскому королю три донесения о виденных им странах. К сожалению

нию, сохранились только отрывки одного из них, переданного с евреем Иосифом: «Португальские корабли, если они пойдут вдоль западного берега Африки на юг, должны достигнуть южной оконечности этого материка, а затем могут идти в Восточном океане по своему выбору в Софалу и к Лунному острову (Мадагаскар)».

Еще до того как письмо Ковильяна было получено в Лиссабоне, сюда вернулась эскадра Бартоломеу Диаша, которой удалось обогнуть мыс Доброй Надежды, выполнив первую половину задачи, предложенной Ковильяном. А в 1498 г., когда Ковильян утратил всякую надежду вернуться на родину, эскадра Васко да Гамы вышла в Индийский океан и приступила к его покорению, топя арабские и индийские суда, захватывая города, которые посетили ранее лазутчики португальского короля. Но Педру ди Ковильян так и не дождался обещанной награды.

Восьмисотлетний период от образования Арабского халифата до начала Великих географических открытий был эпохой расцвета феодализма. Эта формация почти безраздельно господствовала в Европе, Азии, Северной Африке. Ближний Восток — вся Северная Африка и Передняя Азия от берегов Атлантического океана до Курдистана, Ирана и берегов Индийского океана — стал территорией единого языка и единой культуры — арабского языка и арабской культуры. Арабо-мусульманская цивилизация распространилась и далее на восток, север и юг — до Поволжья, Индии, Восточной Африки. Арабский мир создал одну из величайших цивилизаций в истории человечества. Поэтому в описываемую эпоху арабы, во-первых, выступали главными партнерами народов Тропической Африки в торговле и обмене культурными ценностями, во-вторых — главными посредниками между ними и цивилизациями внешнего мира, в-третьих, внесли наибольший вклад в обогащение самобытных африканских цивилизаций культурными достижениями неафриканских народов. Террито-

рия Тропической Африки, вошедшая в постоянный контакт с цивилизациями Евразии — Северной Африки, в описываемое время значительно возросла по сравнению с предыдущими эпохами. Во многом это было заслугой арабов и берберов Северной Африки, но главное состояло в том, что у самих африканских народов, обитавших южнее Сахары, появилась устойчивая потребность в контактах с внешним миром.

В Тропической Африке в средние века развивался феодализм. Вся широкая полоса саванн, плодородных, обильно орошаемых нагорий и речных долин, протянувшаяся от Аденского залива до Атлантического океана и от песков Сахары до густых экваториальных лесов, была поделена между большими и малыми феодальными государствами, пересечена караванными путями, на которых располагались торговые города. Общества этого района мира, кроме лесных и горных племен на юго-западе и юге, составили часть мировой системы цивилизаций. Отдельные группы этих обществ были больше связаны с арабами, чем между собой, несмотря на дальность расстояния и трудности сообщения через Сахару и Индийский океан. Исламизация многих стран Тропической Африки является другим показателем значения арабо-африканских связей.

Южнее экватора в описываемый период возникли молодые цивилизации банту: в районе Великих африканских озер, в междуречье Замбези и Лимпопо, в Катанге, в низовьях реки Конго. Пока они были еще очень мало связаны между собой и с внешним миром. Главным связующим звеном между этими цивилизациями, с одной стороны, и мировой системой цивилизаций — с другой, являлись выросшие на берегах Индийского океана суахилийские города. Особенно велико было их значение до появления на берегах Гвинейского залива португальцев, т. е. до начала колониального грабежа Юго-Западной Африки Португалией.

До поры до времени политические бури, потрясавшие Европу и Азию, не затрагивали Тропической Африки непосредственно. Монгольское нашествие, крестовые походы, появление турок на Ближнем

Востоке ощущались здесь лишь постольку, поскольку это касалось политики и торговли арабских государств. Радикальные перемены принесла эпоха географических открытий, когда африканские берега стали доступны для флотов европейских держав, пытавшихся закрепиться в отдельных местах побережья. В XVI—XVII вв. европейцы и турки, открывшие для себя ближайшие к океанским берегам глубинные районы Африки, пытались подчинить их своему политическому влиянию. В основном эти попытки окончились провалом, но они сыграли свою роль, так как выводили из вековой изоляции все большее количество африканских стран. В этот период цивилизации Тропической Африки достигли наивысшего расцвета. Последовавшие затем два века особо интенсивной работорговли в Африке почти повсеместно явились эпохой упадка, в лучшем случае — эфемерного роста княжеств и общин, игравших роль посредников в работорговле. Исследование Африки в этот период продолжалось медленно нараставшими темпами как европейцами, так и выходцами с Ближнего Востока. Среди тех и других были представители народов России: таджики и другие уроженцы Средней Азии, армяне, грузины, украинцы, русские, латыши, эстонцы. История их проникновения в Тропическую Африку в общих чертах отражает развитие контактов этой части мира с цивилизациями Азии и Европы.

СОСНА И ПАЛЬМА

Что знали об Африке в Средней Азии в средние века?

Ранние сведения о контактах жителей Средней Азии с Африкой нам не известны, хотя можно определенно сказать, что выходцы из Средней Азии в Египте и оазисах Сахары встречались нередко. Арабский географ IX в. ал-Йакут сообщает, что в сахарском городе Завила живут хоросанцы — выходцы из Хоросана — области, разделенной теперь между Туркменией, Ираном и Афганистаном. Завилу арабы называли пограничной с неграми землей, потому что непосредственно к югу от нее обитали негры-тибу. В самом городе кроме арабов, берберов и хоросанцев жило много негров. Местные купцы вели караванную торговлю африканскими рабами, которых продавали в Египет и страны Средиземноморья. Вероятно, из Завилы хоросанцы регулярно проникали в страны Центрального Судана, в современные республики Нигер, Чад и Мали.

На территории современного Судана первые выходцы из Средней Азии появились в 750 г. Это были, как и в Завиле, хоросанцы. В то время в Арабском халифате была свергнута династия халифов Омейядов, место которой заняла династия Аббасидов. Оставшиеся в живых сыновья последнего омейядского халифа Мервана II бежали в Африку. Один из них обосновался в северо-западной части материка и в соседней Испании, где образовал новый халифат и основал новую династию халифов. Два других сына Мервана II, Абдаллах и Убейдаллах, в сопровождении своих сторонников из числа арабов и хоросанцев направились в Нубию. Здесь им предложили в течение трех дней покинуть территорию государства, которое не желало из-за незадачливых претендентов на халифский престол ссориться с могущественным соседом.

И вот оба омейядских принца со своими спутниками поспешно отправились в страну беджа (Нубийская пустыня, населенная кочевыми племенами беджа). В дороге арабские и хоросанские беглецы страдали от жажды, палящего тропического зноя и всех невзгод плохо подготовленного перехода через пустыню. Вдобавок ко всему

прочему местные племена совершали на них нападения, и спутники Омейядов с оружием в руках пробивали себе путь. Убейдаллах погиб от руки воина беджа или от солнечного удара — неизвестно. Вместе с ним навеки остались в пустыне многие его спутники.

Сохранилось предание о том, что предводитель похода Абдаллах шел под конец пешком, с трудом переставляя ноги по раскаленным от солнца камням. В сумке его хранился большой драгоценный камень, завернутый в тряпицу. «О, если бы вместо него у меня было бы верховое животное!» — воскликнул исстрадавшийся принц.

Оставшимся в живых беглецам удалось выйти на берег Красного моря в местности Бады, на границе Судана с Эфиопией. Отсюда они сумели переправиться на корабле в Аравию. Вряд ли хоть один из хоросанских спутников Омейядов остался на суданской земле, разве только в качестве пленного. И может быть, кочевники-беджа продавали хоросанских рабов в то же время, когда хоросанцы торговали чернокожими рабами.

Иногда рабы попадали в города Средней Азии, где они особенно ценились в знатных домах. Среднеазиатский вельможа XI в. Кабус пишет в своей книге «Кабус-намэ» в разделе о покупке рабов: «А нубийцы и абиссинцы болес всех лишены недостатков, абиссинцы лучше нубийцев, ибо в похвалу абиссинцев много передается изречений со слов пророка, мир над ним!»

Нубийцы и абиссинцы-эфиопы исповедовали христианство. В Средней Азии они, как и рабы-язычники из негритянских стран, принимали ислам — религию своих хозяев. Многие из них становились ревностными последователями пророка и даже заслужили славу святых.

В начале нашего века востоковед Владимир Туманский открыл в Средней Азии неизвестное географическое сочинение X в. Оно было написано на персидском языке, возможно уроженцем Средней Азии, и озаглавлено «Пределы мира». Здесь оказались чрезвычайно интересные сведения о Нубии и Эфиопии, о народах Нубийской пустыни, побережья Восточной Африки, современных Мали, Нигера и Чада.

В «Пределах мира» мы находим замечательно точное описание физического типа негров Западного Судана: «Верхняя часть их тела короткая, нижняя — длинная. Они тонки, толстогубы, имеют тонкие пальцы и большие лица».

Великий Авиценна (Абу Али ибн-Сина), прозванный «эмиром всех наук», также интересовался физическими особенностями негроидов. Вот что он пишет, основываясь не только на литературных данных, но также и на личных наблюдениях: «Жаркие пояса Земли делают кожу черной, а волосы курчавыми и ослабляют пищеварение. Поскольку испарение там очень значительно, а влаги мало, к их обитателям быстро приходит старость, как, например, в Эфиопии. Обитатели ее в своей стране дряхлеют к тридцати годам, и сердца их очень пугливы вследствие растворения пневмы. Жители жарких поясов Земли тонки телом. . .»

Авиценна был самым блестящим, но отнюдь не единственным представителем средневековой среднеазиатской науки. В Балхе, столице Хоросана, образовалась собственная школа географов, во главе которой в начале X в. стояли Абу Зейид ал-Балхи и верховный визирь Хоросана ал-Джейхани. В своих трудах, написанных по-арабски и по-персидски, представители балхской школы касались и «чудес Африки». Направление школы, как и всей среднеазиатской географии, было математически-астрономическим.

Еще раньше, в середине IX в., в мусульманском мире прославились два ученых: математик и астроном Абу-л-Аббас Ахмед ибн-Мухаммед ал-Фергани, родом из города Ферганы, и математик, астроном, географ и историк Мухаммед ибн-Муса ал-Хорезми, родом из Хорезма. В своем главном астрономическом труде «Основы науки о звездах» ал-Фергани упоминает истоки Нила, Нубию и ее столицу Донголу, Эфиопию и ее столицу Джарима (Гарима). Сведения об этих странах ал-Фергани мог почерпнуть не только из арабской литературы, но и устным путем, частью при дворе Багдадского халифа, которому он служил, частью в соседнем с Нубией Египте, куда он был послан в 861 г. халифом для устройства

ниломера — специального сооружения для регулярного измерения уровня Нила.

Ал-Хорезми сообщает больше сведений о странах Тропической Африки. В своем сочинении «Картина Земли», написанном, как и труды Авиценны и ал-Фергани, на арабском языке, он приводит географические координаты почти всех известных тогда арабским ученым стран и городов Африки — от Ганы до верховьев Нила.

Намного больше сведений об африканских народах и странах у другого, еще более прославленного хорезмийца, великого ученого-энциклопедиста Абу-р-Рейхана ал-Бируни. Математик, физик, химик, ботаник, зоолог, физиолог, географ и историк, ал-Бируни оставил фундаментальные по своему времени исследования в каждой из этих наук. Еще задолго до Коперника он предположил, что Земля вращается вокруг Солнца. Кроме родного хорезмийского языка (ныне вымершего) он изучил персидский, арабский, сирийский, древнееврейский, согдийский и даже греческий и санскрит — древний язык Индии. Он желал постигнуть мудрость всех народов мира.

Вместе с Авиценной, с которым ал-Бируни дружил и переписывался, он знаменует золотой век среднеазиатской науки (конец X и первая половина XI в.). И подобно Авиценне политические неурядицы и деспотизм всю жизнь преследовали ал-Бируни. Завоеватель увез ученого в Индию, затем бросил его в тюрьму. Но и здесь великий хорезмиец продолжает научные занятия. Строгость его метода поражает. «Что касается месяцев других народов, — пишет ал-Бируни, приводя подробные сведения о календаре греков, римлян, персов, согдов, хорезмийцев, харранцев, коптов, евреев, древних и современных ему арабов, разных христианских сект Ближнего и Среднего Востока и других, — а именно: индийцев, китайцев, тибетцев, тюрков, хазар, эфиопов и восточноафриканских зинджей, — то, хотя названия некоторых из них установлены нами, мы воздерживаемся упоминать их, пока нам не удастся изучить их полностью».

Ал-Бируни подробно описывает растения и животных Африки, ее минеральные богатства, сообщает географические координаты афри-

канских стран. Понутно он дает интересные сведения об их торговле, быте и занятиях жителей.

Вот, например, что он пишет о Софале Зинджей (современный Мозамбик): «В Софале Зинджей есть медь крайне высокого качества, которая в огне не чернеет, а приобретает цвет павлина; когда к ней добавляют свинец, то она становится подобной бронзе. Она поддается ковке в отличие от желтой меди, не терпящей этого. . .

Лучший вид гематита (железной руды) — зинджий (зинджский) — очень черный и такой блестящий, что поверхность его кажется белой; переписчики Корана применяют его для лощения золота на рукописи. . . Говорит автор книги «Формы климатов», что рудник гематита находится в горе ал-Мукаттам и ее окрестностях в Египте. Если это так, то он назван зинджий только из-за цвета. . . В Софале Зинджей есть золото очень красного цвета. Его находят в виде округлых кусочков наподобие бусин в земле чернокожих, обитающих западнее Софалы. Добывают его те, кто проникает сюда. . . Об этом рассказывают всякие басни. . . Купцы это золото отмывают и прокаливают в огне ради предосторожности, ибо рассказывают, что один купец взял в рот кусок такого золота и тут же умер. . .»

Далее подвергаются критическому разбору все рассказы о сборе золота в Юго-Восточной Африке.

А вот что сказано о жемчуге Северо-Восточной Африки: «Кульзумский жемчуг (по имени египетского города Кульзум) добывают из мертвых раковин, когда волны выбрасывают их на берег. Они загнивают в воде, затем солнце нагревает их, гниение усиливается, и они наполняются червями. А искатели находят эти раковины высохшими, и жемчуг в них обычно бывает пустой и сильно изъеденный. . . Свинцовый цвет преобладает у кульзумского жемчуга, и этот же цвет встречается также у дахлакского (по имени эфиопского острова Дахлак), хотя здесь раковины добывают при нырянии, а не подбирают в мелкой воде. Тем не менее дахлакский жемчуг одного цвета с кульзумским — свинцового, по той причине, что у них одно море и одна земля. . . В глубоком море (у берегов Сомали). . . также имеются

жемчужные ловли. Ал-Кинди... хвалит жемчуг за белизну, величину и красоту, а если бы жемчуг там был круглый и обкатанный, то эти жемчужные ловли превосходили бы все остальные». Далее сообщается о качестве жемчуга Восточной Африки.

Незадолго до смерти ал-Бируни, в 1046—1050 гг., в Египте и стране беджа побывал знаменитый хоросанский путешественник, поэт и прозаик Насир-и Хусрау. Родом из юго-восточного Хоросана в нынешнем Афганистане, он большую часть своей жизни провел в Мерве (теперь Мары в Туркмении). В возрасте сорока с лишним лет Насир-и Хусрау отправился в путешествие, во время которого посетил Иран, арабские страны и небольшой уголок Тропической Африки, населенный беджа. В Египте хоросанский путешественник прожил почти пять лет. Отсюда он совершил четыре паломничества в Мекку, трижды через египетский порт Кульзум на Красном море, а последний раз — через Асуан, пустыню беджа и Айзаб. Во время этого путешествия он познакомился с темнокожими кочевниками-беджа. Последние годы своей жизни Насир-и Хусрау прожил в горах Памира, занимаясь литературной и педагогической деятельностью. Его книга о путешествии «Сафар-намэ», написанная на персидском языке, содержит не имеющее себе равных по яркости и глубине описание Египта и других стран. В ней есть интересные сведения о торговле в районе Асуана и Айзаба, о движении верблюжьих караванов между этими городами, о беджа и других жителях африканских стран.

Самым младшим из этой плеяды среднеазиатских писателей, путешественников и ученых был Тахир ал-Марвази, уроженец Мерва. Большую часть своей долгой жизни (около 100 лет, приблизительно с 1030 по 1130 г.) он прожил в родном городе, но тем не менее много путешествовал по Ирану и арабским странам, где пополнял свое образование. Тахир ал-Марвази известен как замечательный врач, зоолог и особенно ветеринар. Он жил в Мерве при дворе туркменского сельджукского султана, леча людей и животных. В 1085 г. он вылечил султанского слона, чем списал себе особую милость монарха. Свое главное и единственное дошедшее до нас сочинение

Тахир посвятил зоологии. Оно называется «Природа животных» и написано на арабском языке. Вместе с тем Тахир говорит о человеческих расах, рассматривая человека, животных и растения как разные классы существ, представляющих единую органическую природу. Он стремился найти общие природно-географические закономерности, связывающие весь органический и неорганический мир. Этот замечательный среднеазиатский натуралист был отдаленным предшественником А. Гумбольдта.

Подобно современным антропологам Тахир ал-Марвази считал негроидов и монголоидов наиболее разошедшимися расами; по его мнению, тюрки и чернокожие африканцы полностью противоположны друг другу, а другие народы и расы составляют переходные звенья между теми и другими.

«Эфиопы — это раса (буквально — биологический род. — *Авт.*) людей, в которую входят такие виды, как нубийцы, зинджи, и др. . . Так как их земли удалены от умеренных областей, внешний вид их изменился: из-за чрезмерной жары черный цвет кожи стал у них преобладать. А мы уже упоминали ранее, что гармония черт и соразмерность членов тела является следствием умеренности в почве и в атмосфере земли. . .

Среди эфиопов встречаются люди с отталкивающими и неприятными чертами в облике, такими, как пучеглазие, приплюснутые носы, широкие поздри, отвислые губы. . . Все это объясняется их удаленностью от середины населенной части земли и близостью их к жаркому поясу. . . Жара же является самой сильной причиной вытянутости вверх, и от этого рост их стал таким высоким. И так как жара раскрывает и расширяет предметы, она расширяет их души, которые стремятся проявиться вовне; поэтому эфиопов всегда можно видеть веселыми, играющими, смеющимися. . .»

Ссылаясь на сообщения персидских ученых, Тахир ал-Марвази уверяет, что в стране Канем (Северная Нигерия и Чад) растут столь огромные деревья, что каждое из них может укрыть в своей тени 10 тыс. всадников, а два больших дерева укывают даже 30 тыс.

всадников. «Царь их обитает на вершине этих деревьев, и к его жилищу с поверхности земли ведет тысяча ступеней. На обоих деревьях сделаны деревянные жилища, и в них живут слуги царя, его жены, приближенные в количестве 10 тыс. человек. Говорят, что у них растет хлопок, который достигает размеров дерева и на который может взобраться человек. . .»

Разумеется, рассказы о деревьях, на которых устроены целые города, являются преувеличением реальных сведений о действительно огромных деревьях Тропической Африки, таких, как баобаб, и др. Напротив, хлопковое дерево действительно существует, хотя и не имеет ничего общего с хлопком. Семена этого дерева имеют пух, похожий на вату; этой «ватой» в Судане набивают подушки и перины. Она имеет удивительное свойство расширяться от солнечного тепла; если набитые подобным «хлопком» подушки положить на солнце, они вспухают, и такие подушки не надо взбивать!

Наряду с фантастическими рассказами об африканских странах в книге Тахира ал-Марвази имеется и немало полезной информации, например, о жителях современного ему Сомали.

Самое важное — это то, что среднеазиатский ученый стремился найти всем явлениям природы естественнонаучное объяснение.

В те времена отдельные хоросанцы совершали путешествия также в страны Южной Аравии и Восточной Африки, где черпали обильную информацию о жителях Черного материка. Одним из таких путешественников был Абу Али ал-Хафиз ал-Марвази, как видно из его прозвища («исбы»), — уроженец Мерва. Этот хоросанец оказался попутчиком арабского географа X в. Шамс-ад-дин ал-Мукаддаси во время его плавания на корабле по Индийскому океану. Когда судно приблизилось к Адену, Абу Али счел своим долгом наставить неопытного и любознательного араба в торговых делах и предостеречь его от неосторожных спекуляций. При этом хоросанский путешественник-купец ссылался на свой опыт торговли с неграми Восточной Африки.

Перечисленные выше среднеазиатские ученые, писатели и путе-

шественники: ал-Фергани, ал-Хорезми, ал-Бируни, Авиценна, Насир-и Хусрау, Кабус, Тахир ал-Марвази, Абу Али ал-Хафиз ал-Марвази — жили в X — начале XII в.

После них среднеазиатская наука не прекратила своего развития, порой достигая замечательных вершин знания в трудах Улугбека и других ученых. Хотя в их произведениях и есть иногда интересные сведения об Африке, они не имеют самостоятельного значения. Золотой век среднеазиатской географии прошел.

В позднее средневековье жители Средней Азии совершали дальние путешествия, в том числе и в Египте, где кыпчаков и туркмен можно было встретить среди мамлюкских воинов и эмиров. В Каире в мусульманском университете аль-Азхар студенты из различных африканских стран учились вместе со студентами из Средней Азии и Азербайджана, часто у профессоров-улемов, уроженцев Средней Азии. Среди них было особенно много таджиков. Иногда образованные таджики попадали и в страны Африки южнее Сахары. Так, в XVI в. в Судане, в Сеннарском султанате, преподавали мусульманское право и другие науки два улема, происходивших из Самарканда: шейх Мухаммед Абу-Махмуд ас-Самарканди, прозванный Великим, и шейх Абдаллах ибн-Саид ас-Самарканди. Первый из них прославился также как составитель генеалогий суданских арабов; второй продолжал его труды в области генеалогии. В XVII в. мы находим одного образованного таджика в соседней Эфиопии.

Бухарец в Эфиопии XVII в.

В 1647—1649 гг. в Гондар, тогдашнюю столицу Эфиопии, прибыло посольство йеменского имама. Во главе посольства стоял знатный вельможа, поэт и ученый аль-Хасан ибн-Ахмад аль-Хайми аль-Кавкабани. Вернувшись на родину, он написал книгу о своем путешествии в Африку с пышным, в средневековом арабском вкусе названием «Сад для взора и веселья мыслей о диковинках путешествия»

Может быть, самая поразительная из этих «дикивинок» — встреча арабского посла с неким уроженцем Бухары, которого звали Мухаммед ибн-Муса. Этот человек именуется «шерифом», т. е. потомком пророка Мухаммеда, и «мулязимо», т. е. неотлучно пребывающим при особе его императорского величества (в современном арабском языке слово «мулязим» стало означать всего-навсего «лейтенант»).

Сначала йеменские послы поклонились в ноги императору Эфиопии. Далее аль-Кавкабани рассказывает: «И когда мы взглянули на царя, мы обнаружили, что он уже сошел с трона и сел на землю, дабы оказать почесть нам и уважение нашему имаму. Правило, известное ему, таково, что он не сходит с трона при прибытии посла. Однако это была высочайшая степень почета и того, на что мы могли рассчитывать, и самого лестного рода почесть. Далее, каждый посол не садится перед ним иначе, как с его разрешения; и не дает разрешения царь. И вот уже приготовили переводчика-шерифа. Он говорит, что он из потомков Хусейна, сына Али, — да будет доволен им аллах! — из земли Бухара. И он мулязим царя. Он принял христианство. И этот шериф знает арабский язык наилучшим образом и выражается на нем изысканнейшими оборотами. И прямо стоял он перед царем, излагая наши и его речи. И спросили мы о здоровье, и был благосклонно встречен вопрос, и еще любезнее осведомился он об имаме — мир ему! — и детях его братьев с огромнейшей любезностью. Затем мы начали беседу вопросом о письме имама, которое находилось у нас в руках, и он потребовал его от нас, чтобы слушать чтение его одним из людей его величества... А мы отвечали, что письмо с нами и его сопровождает дар имама — мир ему! — царю, и передача его и передача подарка состоится на другой аудиенции, не на этой, что является общеизвестным правилом. И отвечал нам шериф-переводчик, прежде чем довел это до сведения царя, что «Здесь правила не те, что у вас, и они заключаются в том, что посол, подобный этому вашему посольству, приносит дар свой с собой при самом прибытии». И мы сказали ему.

«Передай царю то, что мы ему сказали: да простит он нас за наше невежество в отношении его». И передал шериф то, что мы объяснили ему относительно прощения нас. Затем он сказал нам: «Итак, в каком помещении хотите вы поселиться: в жилищах христиан или в жилищах мусульман? А там для мусульман отведен в городе особый конец»».

В другом месте своей книги аль-Кавкабани снова упоминает бухарца: «...и был послом нашим к царю, чтобы испросить его разрешения на это, шериф Мухаммед ибн-Муса аль-Бухари (т. е. бухарец. — *Авт.*) вышеупомянутый».

Судя по сообщению аль-Кавкабани, этот знатный и образованный бухарец достиг в Эфиопии весьма высокого положения. Он являлся переводчиком императора при официальном приеме йеменского посольства, ходатаем по делам послов перед императором; он авторитетно поучает посла, держится независимо и с достоинством. Аль-Кавкабани прямо называет его мулязмом императора. Трудно сказать, какому придворному чину в Эфиопии (точнее, в Гондаре) соответствует это звание. Во всяком случае в Йемене XVII в., порядки которого были главной семантической моделью для аль-Кавкабани, мулязмы были чем-то вроде камергеров или адъютантов имама.

Этот бухарец, очевидно, с детства владел персидско-таджикским и узбекско-чагагайским языками. Арабский язык он знал настолько хорошо, что привел в восхищение ученого йеменца, филолога и поэта, чистокровного араба. Вероятно, амхарский язык он также изучил в совершенстве. Возможно, знание чагатайского языка позволило ему стать переводчиком и при сношениях с турками. Поэтому понятно, какую ценность представлял он для гондарского двора.

Однако известные источники не позволяют опознать бухарца среди исторических лиц Эфиопии. Дело в том, что, приняв христианство, он переименовал имя. Остается лишь пожелать, чтобы специалисты по истории и генеалогии Средней Азии помогли установить личность знаменитого бухарца по среднеазиатским источникам.

Закавказье и Африка

Одна из наименее изученных проблем африканистики — связи народов Тропической Африки с народами Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии. В сущности в этом плане систематически, да и то недостаточно полно изучались лишь русские путешествия XIX — начала XX в. Однако армяне и грузины установили тесные связи с народами Северо-Восточной Африки еще со времен средневековья, а единичные контакты существовали и раньше.

Древние греки с уверенностью утверждали, что эфиопские воины, находившиеся на службе египетских фараонов, поселились некогда в Колхиде. Эта легенда не подкрепляется историческими фактами, хотя абхазский ученый Дмитрий Гулиа в 20-е годы нашего века написал специальную книгу в защиту родства абхазцев с эфиопами. Член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдерогге выдвинул гипотезу, согласно которой в основу армянского алфавита легло слоговое эфиопское письмо.

Церковная легенда рассказывает, что Месроп Маштоц, изобретатель армянского алфавита, позднее принял участие в создании двух других алфавитов Закавказья, в основу которых было положено армянское письмо. Совместно со своим учеником грузином Джа-лаем Месроп Маштоц изобрел грузинский алфавит, а в соавторстве с другим учеником, родом из кавказской Албании (Азербайджан), создал старый албанский алфавит, ныне забытый. Таким образом, если гипотеза Д. А. Ольдерогге подтвердится, можно будет говорить о связях трех национальных культур Закавказья с культурой Эфиопии. Однако большинство ученых считает, что в основу армянского, а следовательно, грузинского и закавказско-албанского алфавитов легло древнее арамейское письмо, некогда широко распространенное на Ближнем Востоке, в том числе и в Армении.

Как бы то ни было, наука пока не располагает бесспорными доказательствами столь древних связей народов Закавказья и Тропической Африки. Сведения о последней были получены в Закавказье

из библейской, новозаветной и греческой литератур, произведения которых переводились на древнеармянский (грабар) и старогрузинский языки. Отсюда в основном черпали свои знания об Африке средневековые армянские географы.

В знаменитой «Географии» Псевдо-Моисея Хоренаци (VII в.) говорится об истоках Нила, Аксумском царстве в Эфиопии, блеммиях Нубийской пустыни и о Восточном Судане. Другой армянский географ VII в. подробно описывает благовония, производимые в Тропической Африке: мирру, ладан, камедь, — диких животных: слонов, в том числе белых, носорогов, жирафов, пантер, обезьян. Вместе с тем он причисляет к ним такие фантастические существа, как четвероногие с головой женщин, кабанов, дышащих пламенем, и саламандр, гасящих огонь. В средние века были очень популярны рассказы о подобных «чудесах природы».

Вообще же в средневековых армянских географиях сведения об Африке очень скудны и путанны. Например, в сочинении Псевдо-Вардапета Вартана (XIV в.) упоминается о стране Хабашестан (Абиссиния), столица которой — город Эфиопия (на самом деле Абиссиния и Эфиопия — одно и то же).

В раннее средневековье, до VII в., когда в Армении и Эфиопии существовали могучие государства, игравшие заметную роль в тогдашней мировой политике, армяне были гораздо лучше осведомлены об этой африканской стране. Византийский историк Прокопий Кесарийский рассказывает, что в 539 г. армянские послы пугали персидского шаха союзом Византии с Аксумом¹. Они говорили шаху о его главном враге императоре Юстиниане: «Не заключил ли он союза с царством эфиопским?» — и далее упоминали владения Аксума в Аравии, ближайшие к Персидской державе.

Первым армянином, причастным к истории Судана и Эфиопии, был Нарсес Камсар Персармен, знаменитый полководец Юстиниана. В 540 г. Нарсес запретил языческие богослужения Исида и Осирису

¹ Аксум — столица Аксумского царства в Эфиопии (II—IX вв.), распространившего свою власть и на соседние страны.

в храме этих богов на острове Филэ, на границе Египта с Нубией (см. выше). Заккрытие храма, на месте которого вскоре была открыта церковь, должно было помочь распространению христианства в Судане. И действительно, через несколько десятилетий все нубийцы и часть беджа приняли эту религию. Однако Нарсес этого не дождался: в 543 г. он погиб на родине, подняв восстание против Византии. Через столетие арабы захватили Египет и отрезали нубийцев от Византии и других христианских стран, кроме соседней Эфиопии. Таким образом, эти две африканские страны, Нубия и Эфиопия, оказались в изоляции от единоверных им государств Европы и Закавказья. Впрочем, имеются сведения о том, что большая группа армян-монахов бежала от наступающих мусульман из Палестины в Египет и здесь нашла приют на крайнем юге страны, на границе с Нубией. Возможно, они поддерживали связь с нубийскими христианами.

Те жители стран Закавказья, которые владели арабским и персидским языками, могли почерпнуть сведения о Тропической Африке из произведений арабской и персидской литератур; в VIII—XIII вв. эти литературы переживали период бурного расцвета. Кроме того, в раннее средневековье было время, когда Армения и Азербайджан находились под властью арабов и даже в Тбилиси пребывал арабский правитель. Что касается связей Закавказья с Ираном, то они общеизвестны. Поэтому арабская и персидская среда долгое время служила главным передатчиком информации об Африке для народов Закавказья. Христиане Армении и Грузии особенно интересовались своими единоверцами в Эфиопии и Судане, где в средние века процветали христианские государства.

Ранние связи армян и грузин с эфиопами

Иерусалим и Александрия были, вероятно, первыми городами, где армянские путешественники и богомольцы встретились с чернокожими африканцами.

В 1086 г. Египет посетил армянский патриарх Григорий. В Александрии был устроен богословский диспут, на котором, выражаясь современным языком, было установлено полное единство мнений армянского и коптского духовенства. Радость египетских христиан не имела предела. «В тот день, — пишет местный летописец, — распространилась между всеми весть о согласии коптов, армян, сирийцев, эфиопов и нубийцев относительно православной веры».

Очевидно, эфиопские и нубийские паломники и купцы присутствовали на диспуте или по крайней мере находились в Александрии; и они радовались вместе со всеми своими коптскими и сирийскими единоверцами.

Позднее в Египет прибывает множество армян, а с XIV в. в этой стране бывали даже армянские визири. Египет наравне с Палестиной стал с этого времени местом частых контактов армян с Эфиопией и Нубией.

В конце XII в. появилась книга армянина Абу-Салиха на арабском языке. В ней содержатся уникальные сведения об Эфиопии и Нубии того времени. Сам Абу-Салих в этих странах не был и всю информацию о них получил в Египте — частью из арабской и коптской литератур, частью устным путем.

В XII в. в Палестине образовались эфиопская и нубийская религиозные колонии, состоявшие из постоянно живших в Иерусалиме священников и монахов, а также паломников, ежегодно приходивших на поклонение «святым местам». Эти колонии поддерживали тесные связи с подобными же религиозными колониями армян и грузин, а также с местными армянскими купцами. Позднее армяне даже обязались оказывать поддержку эфиопам в Палестине и бесплатно их кормить.

В XVI—XVIII вв., в период расцвета Османской империи, армяне-григориане достигли в Иерусалиме чрезвычайно почетного положения, соперничая с католиками и православными. Все остальные христианские секты были оттеснены на задний план. Африканские

христиане-монофизиты пользовались покровительством армян, которые придерживались общих с ними религиозных догм. В 1461 г. армянский католикос (патриарх) в Константинополе провозгласил себя главой всех монофизитских церквей Востока: не только армянской, но и сиро-халдейской, коптской и эфиопской, а также грузинской, хотя она являлась православной, а не монофизитской.

Со своей стороны грузинское духовенство в Иерусалиме стремилось поддерживать контакт с эфиопским духовенством. Нередко грузинская и эфиопская общины «святого града» действовали совместно.

Так было в 1510—1513 гг., когда в ответ на пиратское нападение венецианцев и родосцев на египетский флот мамлюкский султан Египта Кансух ал-Гаври приказал арестовать католическое духовенство в Иерусалиме, а также венецианских консулов и других европейцев, находившихся в портах Египта и Ливана. Венеция укрепляла связи с Персией для совместной войны с мамлюками (черкесами, абхазцами и выходцами из Золотой Орды и Туркмении, захватившими власть в Египте, Сирии и Палестине). Французский король Людовик XII, с которым Кансух вел переговоры, выражал недовольство преследованием своих единоверцев в «святой земле». Конфликт был улажен благодаря вмешательству грузинской дипломатии. Царь Грузии, противник Персии и турок, направил в Каир посольство. В результате успешных переговоров грузинские и эфиопские священники получили от султана важную привилегию: для богослужения у «Гроба господня» они входили в церковь Воскресения свободно и беспопластно на зависть грекам и другим христианам, вносившим входную плату мусульманским «сторожам». Целый год грузины и эфиопы одни пользовались этой привилегией.

Проникали ли в период раннего средневековья, до XV в., жители стран Закавказья в Тропическую Африку? Возможность этого не исключена, однако все известия об армянах и грузинах в Нубии и Эфиопии до XV в. носят легендарный характер.

Итальянский академик Энрико Черулли в своем докладе, прочи-

танном в 1963 г. во Флоренции¹, приводит серию легенд о связях средневековых христиан азиатского Востока с их единоверцами в Эфиопии. Среди легенд, на которые Э. Черулли обращает внимание историков, есть эфиопские материалы о национальных армянских святых Рипсима и Гаянэ, о которых будет сказано ниже, и одна грузинская легенда. История ее сложна и очень типична для средневековых христианских литератур как Эфиопии, так и Закавказья. Греко-египетский писатель раннего средневековья Кирилл Скифопольский написал биографию («житие») своего учителя александрийского патриарха Кириака. «Житие св. Кириака» было переведено с греческого языка на арабский, затем с арабского на грузинский. Грузинский перевод был обнаружен французским ученым Жераром Гариттом в редкой грузинской рукописи IX в. И вот здесь-то, в рукописи IX в., Кириаку приписан поступок, о котором не говорит более ни один источник: вскоре после 479 г. он якобы назначил некоего грузинского монаха из Иерусалима епископом-митрополитом Эфиопии. Во всяком случае эта легенда говорит о том, что в IX в. образованные грузинские монахи, которые перевели «Житие св. Кириака», испытывали интерес и симпатию к далекой Эфиопии. Сам перевод был, очевидно, совершен в Иерусалиме, и, возможно, переводчики встречали здесь, у «Гроба господня», своих эфиопских братьев.

Другую легенду передает византийский писатель XV в. Георгий Франк. Он уверяет, что в 1450 г. встретил в Грузии некоего старика грузина, по имени Ефрем, который рассказал ему о своих приключениях в стране макробиев, т. е. в Нубии. Однако все эти приключения оказались заимствованы из популярного в средние века романа об Александре Македонском.

Еще менее правдоподобна легенда о том, что в середине века армяне через Египет и Нубию переселились в Эфиопию и основали собственное княжество на озере Хайк.

¹ Академик Э. Черулли любезно прислал экземпляр своего доклада автору этих строк.

Само название этого озера сравнивали с самоназванием армян («хайк»), однако на языках Эфиопии оно значит просто «озеро».

Несомненно одно: и в Армении, и в Грузии издавна существовал интерес к двум христианским странам Африки.

Хождение Эвостатевоса

В начале XIV в. завязываются прямые сношения Эфиопии с армянами.

Знаменитый Эвостатевос (Евстафий), зачинатель крупнейшего социально-религиозного движения в средневековой Эфиопии, совершил в начале XIV в. путешествие на север — в Нубию, Египет, Палестину, королевство Кипр и Армянское царство в Киликии. В Александрии Эвостатевос встретился с армянским патриархом и решил непременно погостить в его стране. Он действительно поселился в земле армянской, умер здесь и был якобы похоронен самим армянским патриархом. Эфиопское «Житие Эвостатевоса» сообщает много интересных и достоверных сведений о киликийской Армении, даже о браках армянок с крестоносцами-франками.

В Александрии Эвостатевос встречался также со светскими вельможами «страны армян»; одного из таких вельмож рисует «Житие Эвостатевоса». Здесь армянский феодал изображен в виде гордого и воинственного князя, окруженного воинами.

«Город армянский» (Тарс) произвел сильное впечатление на эфиопского путешественника. В «Житии» с некоторым преувеличением говорится, что стены города имели 80 локтей вышины и 40 локтей ширины. Был у армян и собственный порт на Средиземном море, откуда суда следовали на Кипр. Вместе с Эвостатевосом в Армению прибыли его ученики из Эфиопии. Они вернулись на родину после смерти учителя и основали знаменитый монастырь Дабра-Марьям, ставший главным центром нового социально-религиозного учения — евстафианства.

Последователи Эвостатевоса начали переводить с арабского на

язык геэз «жития» армянских святых. В XIV в. было переведено «Житие св. Григория», крестителя Армении, затем «жития» армянских мучениц Рипсимы и Гаянэ (эфиопская церковь до сих пор празднует их дни: трижды в год — день св. Григория, один раз в год — день Рипсимы и Гаянэ).

Среди материалов, опубликованных Э. Черулли, есть до того неизвестное «Житие Рипсимы». В течение веков оно служило одним из немногих источников по истории армян в христианской Эфиопии. Вот оно в переводе на русский язык:

«Арсима (Рипсима) и 26 мучеников

Царь Армении Деритадес (Тиридат, иначе Тигран III), язычник, поклонялся солнцу и камням, и деревьям, и творениям искусных людей. И жил там Теодорос, вельможа священнического рода, женатый на Атносьяне из того же рода. Они молили господу дать им детей. Брат их Ладьос был епископом Цезареи и тоже молился за них. Так у Теодороса появилась дочь Рипсима. В двенадцать лет, по обычаю, отец помолвил ее с кем-то из священнического рода. А у Деритадеса был доверенный человек, по имени Талмивос (Птолемей?), наместник Сирии от Дамаска до Цезареи и вплоть до Евфрата. Он преследовал христиан, заключал их в цепи и порол и отправлял для окончательного приговора к Деритадесу.

Рипсима читала священные книги и видела ангелов, готовивших мученические венцы. Она пришла к Талмивосу и увещевала его отпустить на свободу христиан. . .

(Талмивос отправил ее к царю Армении вместе с 26 другими христианами. Рипсима воодушевляла их в тюрьме, а когда их бросили на растерзание диким зверям, львы, леопарды и медведи не тронули мучеников, но поклонились им!)

Деритадес дал пощечину Рипсиме, но его пощечину поглотила земля. . . Царь вошел к Рипсиме, когда она молилась. «Что это за колдовство?» Говорит Рипсима: «Бог не даст армянам умереть в грехе. Явится муж, великий церковник, через 9 лет после смерти

Рипсимы, совершит чудеса, всех окрестит, построят церкви во имя Марии и святых. . .»

Царь пошел в театр («таятрон») и молился. Затем пришла Рипсима, и статуи замычали коровами, прося царя удалить Рипсиму от них. . . Царь вернул ее в темницу. Рипсима же молила господя, чтобы разверзлась земля и поглотила идолов (73 бога и 23 богини), разбив их головы и члены. . .»

(Далее рассказывается о новых спорах между Рипсимой и царем, после которых Тигран, не в силах переубедить христианку, приказал ее казнить. Рипсима была обезглавлена вместе с 26 своими единомышленниками, имена и общественное положение которых указывает «Житие»).

Эфиопский читатель мог почерпнуть отсюда некоторые сведения не только по истории Армении и ее культуре, но и по географии. Так, родная область Рипсимы названа Киликией, или Азией; во времена Эвостатевоса и его учеников это была наиболее богатая и культурная часть Армении. Разумеется, средневековый эфиопский читатель представлял себе царя Тиграна, его наместника, солдат, родителей Рипсимы, дьяконов и монахов наподобие соответствующих персонажей из современной ему Эфиопии. Древних армянских жрецов он отождествлял с чернокожими африканскими колдунами, а «дьяволов Армении», проклинаемых Рипсимой, — с божествами языческой Африки.

Поразительна одна деталь рассказа: языческое святилище армянского царя названо театром. Разумеется, это слово мало что говорило средневековому эфиопскому читателю, не знавшему роли царя Тиграна III в развитии армянского театра, для которого он сам писал пьесы, и никогда не видевшему царского святилища с колоссальными статуями богов, богинь и обожествленных царей, расположенных уступами на террасах подобно римскому или греческому театру. . .

Далеко не вся информация, заложенная в «Житии Рипсимы», доходила до рядового эфиопского читателя, даже в совершенстве

владевшего древнеэфиопским языком геэз, на котором составлен приведенный выше текст. Однако, несмотря на это, любой эфиопский христианин, слушая рассказ о мученичестве Арсимы (Рипсимы), проникался любовью к ней и ее народу, к далекой Армении.

Свидетельством этой любви служит гимн в честь Рипсимы, сложенный неизвестным поэтом на языке геэз¹. Не в силах передать сложную рифму и ритм подлинника, ограничусь посильным переводом первого тристишия:

На глыбе золотой воздвигнут дом ее,
Который ветры колебать не в силах.
Блаженная Арсима
 во имя Иисуса
 основы их скрепила!

На острове Дак посреди озера Тана была воздвигнута церковь, посвященная «блаженной Арсиме», рядом возник женский монастырь, который со временем стал одним из самых популярных мест паломничества в Эфиопии.

Армяне в средневековой Эфиопии

В XV—XVI вв. в Эфиопию попадают первые армяне. В середине XV в. здесь жил армянин Геворк, иначе абба Гиоргиос, написавший книгу эфиопских гимнов в честь богородицы. В 1512 г. эфиопский император Лебна-Денгель направил другого армянина, Матевоса, послом к португальскому королю Мануэлю. Путешествие Матевоса продолжалось девять лет (1512—1520). Он побывал в Индии при дворе португальского вице-короля, в Лиссабоне и Риме. Это

¹ Древнеэфиопский текст и итальянский перевод гимна опубликованы в упомянутом выше докладе Э. Черулли. Кроме того, еще в 1901 г. португальский эфиопист Эстебан Перейра издал эфиопское «Житие св. Григория, крестителя Армении».

был первый эфиопский дипломат в Европе. Его рассказы о далекой африканской стране были записаны историографом короля Мануэля Дамианом ди Гоишем (иначе де Гозсом). Гоиш включил сообщение Матевоса об Эфиопии в свое письмо к архиепископу Упсалы, тогдашней шведской столицы. Это письмо вызвало сенсацию. В Швеции его переписывали, а в Антверпене издали уже на следующий год после написания (1514 г.). Впервые образованное общество Европы, переживавшей эпоху Возрождения, получило столь достоверные сведения об Эфиопии, и они были оценены по достоинству.

Дальнейшие судьбы Матевоса и Гоиша были печальными. Эфиопский дипломат сумел вернуться в Эфиопию, но умер почти сразу же после прибытия. Дамиан ди Гоиш в это время продолжал свою литературную деятельность. Он внимательно изучал все поступающие в Лиссабон материалы об Эфиопии и проникался все большей симпатией, а затем и пылким восхищением этой страной. В своих литературных трудах, напечатанных за пределами Португалии, Гоиш не скрывал симпатии к обычаям и верованиям эфиопов. Это навлекло на него подозрение в ереси. Им заинтересовалась святейшая инквизиция. И вот разразился удар: папа запретил как еретические книги Дамиана ди Гоиша, а инквизиторы бросили его в тюрьму, в которой он и скончался.

В XVI—XVIII вв. европейские путешественники и миссионеры встречали в Эфиопии множество армян, принимавших активное участие в политической жизни страны. Через них поддерживалась связь Эфиопии с Арменией. В Эчмиадзине известный русский ориентолог Б. А. Тураев обнаружил фрагменты эфиопских рукописей XIV—XV вв. Это редкие образцы ранней эфиопской литературы. В самой Эфиопии в XVI—XVIII вв. делались попытки изучать армянский язык, очевидно, с помощью находившихся там армян. В двух рукописях Британского музея сохранились следы такого изучения — списки армянских слов с переводом на язык гезз.

При содействии находившихся в Эфиопии армян и сторонников учения Эвостатевоса в XVII—XVIII вв. в Эфиопию попадают армян-

ские священники. Местные патриоты пытались противопоставить их западным миссионерам и египетским коптам, составлявшим высшую церковную иерархию. В конце XVII в. в Эфиопии был даже один епископ из армян; по его словам, император Йоханнес (Иоанн) I (1667—1682 гг.) намеревался пригласить в страну митрополита-армянина вместо коптского митрополита, присылаемого, по обычаю, из Египта. У Йоханнеса был мастер-армянин, наладивший в Эфиопии производство пороха; своему искусству он обучал эфиопов.

При дворе императора Иясу (Иисуса) I (1682—1704 гг.) важную роль играл армянин Элияс (Илья): он выполнял дипломатические поручения эфиопского императора при дворе сеннарского султана (в Судане). Наиболее известен третий эфиопский дипломат-армянин — Мурад Челеби, который более 50 лет своей жизни отдал служению Эфиопии на дипломатическом поприще. Этот замечательный человек, несмотря на все превратности судьбы, прожил 102 года. В 1700 г. он был послан императором Иясу I во Францию ко двору Людовика XIV.

Армянские путешествия конца XVII — начала XVIII в.

В царствование Иясу I в Эфиопию и Судан совершают путешествия многие армяне. Одним из них был архимандрит из Харбарды Аствацатур, по прозвищу Тымбук. Возможно, самое прозвище Тымбук было дано ему в честь знаменитого тогда города Тимбукту в африканской империи Сонгай. Аствацатура сопровождал чтец из Тигра-накерта, по имени Авегик Багдасарьян, оставивший чрезвычайно интересное описание путешествия. Он рассказывает о главных провинциях Эфиопии — Амхаре и Тигре, а также, и это особенно ценно, об окраинных областях Агау, Галла, Энарья, Аусса, о турецких владениях на севере Эфиопии и на востоке Судана, о кочевых племенах Нубийской пустыни, эфиопских и сахарских иудеях, неграх-гумуз и др. Бедность кочевого племени абабде (в Восточном Судане) осо-

бенно поразила Аветика. Будучи весьма наблюдательным, он довольно точно описывает расовый тип различных африканских народов, их одежду, обычаи, религию, политические условия, торговые пути и города.

Чрезвычайно интересно описание Восточного Судана — Донголы, Сеннара, Корти и других княжеств. В Корти Аветик застал еще христианское население и действующие церкви; следуя далее на запад, Аветик и Аствацатур посетили государство Дар-Фур (теперь западная провинция Судана) и территорию современной Республики Чад, куда европейские путешественники проникли только в XIX в. Отсюда армянские путешественники направились в Текрур, как тогда называли мусульманские страны Западной Африки. Возможно, город Тимбукту послужил крайним пунктом в Западной Африке, которого достигли архимандрит Аствацатур и Аветик Багдасарьян. Текрур описан кратко, но выразительно: «Царем у них арап, имя ему Султан Махмет; у него 40 сыновей. Во время нашего пребывания в этой земле он убил одного из сыновей из-за одной своей жены. Народ Текрура статен, красив лицом и весьма храбр. Если за всякого другого раба предлагают 50 пиастров, то за раба из этого народа — вдвое больше. По происхождению они арапы, магометане по вере, но дружелюбно расположены к армянам. Покрой платья у них, как у османских турок».

Оброненное вскользь замечание, что в Западной Африке жители дружелюбно относятся к армянам, позволяет предположить, что армянские путешественники и до Аветика посещали Западный Судан. Вероятно, отсюда, из Тимбукту, Аствацатур и Аветик через Сахару направились в Марокко. Свою книгу церковный чтец из Тигранакерта заканчивает так: «Вот описал я вкратце земли, которые видел я и обходил сам, и представил здесь в качестве географического очерка. Кто увидит сей труд и прочтет его и спишет, пусть не забудет о моем труде! . . .» Однако интереснейшие записки Аветика Багдасарьяна остались забытыми и до сих пор не используются учеными-африканистами.

Примерно в то же время, что и архимандрит Аствацатур, в Судан и Эфиопию совершил путешествие другой армянский церковный иерарх, архиепископ Ованес. Его путевые записки также очень интересны, хотя и уступают книге Аветика. Ованес, как и Аствацатур, посетил тогдашнюю столицу Эфиопии город Гондар, получил аудиенцию у императора Иясу I, затем через Судан вернулся в Египет и оттуда переехал в Италию. В Сеннаре Ованес вручил местному султану грамоту, полученную им от эфиопского императора. Приняв ее, султан Баади встал со своего трона и возложил грамоту себе на голову, выражая почтение императору Эфиопии. Суданские воины, окружавшие своего царя, также встали со своих мест. Султан Баади выделил для гостей особого чиновника, который сопровождал архиепископа Ованеса до самой границы Египта.

Армянский историк А. Г. Туршян напал на следы деятельности в Эфиопии еще одного армянина — Товмаджана. В первой половине XVIII в. он был казначеем эфиопского императора и знал страну лучше любого из своих европейских современников. Товмаджан оставил интересные мемуары, дважды изданные в Венеции на армянском языке, но не переведенные ни на один из языков Европы и поэтому оставшиеся неиспользованными в африканистике¹.

Об отношении к армянам в Эфиопии XVIII в. свидетельствует следующий исторический эпизод, о котором рассказывают эфиопские хроники. В течение большей части XVIII в. страной правил энергичный и мудрый рас² Микаэль. Он пережил шестерых императоров, которые были марионетками в его руках. Один из них, по имени Солмон, был отравлен, процарствовав всего несколько дней в мае 1779 г. Митрополит-абуна, императрица-мать и вассальные цари, князья и султаны устраивали бесплодные заговоры против раса, но

¹ Проблеме армяно-эфиопских связей в средние века и в новое время А. Г. Туршян посвятил свою кандидатскую диссертацию, защищенную в 1947 г.

² Рас — эфиопский феодальный титул.

всегда терпели поражение. Грузинские источники называли Микаэля царем Эфиопии, да он и был им в действительности.

Летом 1769 г. на раса Микаэля было совершено покушение. Резиденция раса в тогдашней столице Гондаре находилась вблизи императорского замка-дворца. Совершая суд, рас был хорошо виден из окон замка. Однажды Микаэль сидел на помосте суда и вершил правосудие. Карлик-слуга стоял рядом с ним и веером из перьев страуса отгонял мух с лица и век престарелого вельможи (расу Микаэлю было тогда больше 80 лет; умер он в 1781 г. 88 лет от роду). Вдруг в одном из окон замка блеснул огонек выстрела, и карлик, выронив из рук веер, упал к ногам раса, смертельно раненный пулей.

Расследование показало, что стрелял один из императорских солдат, родом армянин. Убийца бежал под покровительство митрополита, но был выдан расу Микаэлю по требованию государственного совета. Однако мудрый вельможа ограничился тем, что приказал под конвоем доставить этого человека в портовый город Массауа и немедленно выслать его из Эфиопии. Будь на месте преступника не армянин, а эфиопский солдат, его ждала бы жестокая казнь.

Покушение на жизнь самого могущественного человека в Эфиопии не изменило отношения эфиопов к армянам. Когда в 1770 г. в Гондаре находился знаменитый шотландский путешественник Джеймс Брюс, он встретил при дворе императора молодого армянина.

Грузины в Эфиопии

Кроме армян в средневековую Эфиопию попадали иногда и выходцы из Грузии. Грузины («курз») упоминаются в эфиопском религиозном сочинении XV в. «Книга чудес Марин». Эфиопы называли грузин также людьми пояса; они часто встречались с ними в Палестине.

Летописец эфиопского императора Галавдевоса (1508—1540 гг.) сообщает, что «приходили к нему люди из Грузии» («Квердж»). Очевидно, имеются в виду грузинские мастера-ремесленники, которых

приглашал Галавдевос в Эфиопию, как и ремесленников из других христианских стран. Были у этого императора и армянские мастера. Летопись гласит: «Он воздвиг в одном городе высокую и красивую колонну. На ней были изваяны из золота и серебра изображения, а на вершине был положен дорогой камень мрамор. Он также построил дворец, красивый и украшенный золотом и дорогим камнем снаружи и внутри. Он окружил его длинной стеной. И все это создали искусные сирийские и армянские художники и мудрые франки и египтяне. . .»

Кроме сообщения о том, что в строительстве царского дворца, а также двух церквей и специальной голубятни были заняты грузинские и армянские строители, очень интересно описание высокой колонны. Обычай воздвигать обелиски исчезли в Эфиопии еще за 1000 лет до Галавдевоса, да и само описание говорит об иноземном, европейском влиянии. Это был, вероятно, прекрасный памятник в стиле Возрождения, и остается только пожалеть, что он не сохранился до настоящего времени. Не сохранились и те постройки, о которых сказано выше, вернее, они были разрушены в том же XVI в., а их остатки до сих пор не выявлены и не исследованы.

В феврале 1966 г. доцент Тбилисского университета В. Г. Мачарадзе обнаружил в Центральном архиве древних актов два документа XVIII в. на грузинском языке. Это были доклады поручика грузинской артиллерии Манучара Качкачишвили (в России его называли Максимом Качкачовым), адресованные известному князю Г. А. Потемкину.

В 1785 г. Качкачишвили был послан грузинским царем Ираклием II с дипломатическим поручением в Египет. Здесь он прожил весь 1786 год, ведя переговоры с местным правительством и встречаясь с эфиопским представителем. Грузинский и эфиопский дипломаты беседовали о своих странах, а также о Турции, Британской Ост-Индской компании и России, могущественной покровительнице грузин. Два дипломата при благожелательной поддержке египетского правителя Ибрагим-бея составили план сближения России с Эфиопией,

который должен был начаться с обмена посольствами. Самым курьезным в этих переговорах было то, что они велись без участия России.

После многих приключений в 1787 г. Качкачишвили прибыл в Россию и написал свои два доклада, сохранившиеся в Центральном архиве. Планы Качкачишвили интересны сами по себе; не менее интересны сообщаемые им сведения об Эфиопии и Судане.

Центральным пунктом проекта М. Качкачишвили была ставка на антитурецкое движение в Египте. Во главе страны в то время находились предводители так называемых мамлюков — воинов-рабов, захваченных в плен в Европе и Азии и затем проданных в Египет. Они-то и возглавили движение коренного населения страны за полное отделение от Турецкой империи.

Национальный состав мамлюков, как уже указывалось, был довольно сложен. Порой среди них пресобладали татары или туркмены, порой черкесы. Мамлюкские полки формировались частично по национальному признаку, и если среди полковых командиров мы встречаем венгра или чеченца, то почти наверняка можно сказать, что под началом каждого из них служили его земляки.

В то время как Манучар Качкачишвили находился в Египте, правителем этой страны был уже упомянутый Ибрагим-бей, в котором Качкачишвили признал бывшего крестьянина из кахетинского села Марткоби, по имени Абрам Ширджикашвили. Он стоял во главе правящей группы мамлюкских беев, считавшихся как бы побратимами. Их было 18 человек, из них 12 грузин и один абхазец, кроме того, один черкес, два чеченца, румын и один украинец из Бахмута (ныне Артемовск), которого называли в Египте Касум-беем. Кешубы, младшие командиры мамлюкского войска, также были в большинстве грузины, абхазцы, уроженцы Северного Кавказа или украинцы.

Мамлюкские бен-грузины оказывали широкое покровительство своим землякам, вольно или невольно попадавшим в Египет. Они приглашали в эту страну своих родственников, предоставляли им высокие посты, выкупали из рабства пленных грузин и порой даже снабжали их средствами для возвращения на родину.

Путешествие азербайджанского ученого

Около 1838 г. Эфиопию и Судан посетил азербайджанец Зейн аль-Абидин аш-Ширвани, уроженец города Шемахи. Юность его прошла в Ираке, где он получил мусульманское образование, изучил арабский и персидский языки. С 17 лет Зейн аль-Абидин начал путешествовать: побывал на родине и в других странах Закавказья, Передней и Средней Азии, Индию прошел до границ Тибета, а из африканских стран посетил Египет, Судан и Эфиопию. Здесь он собрал интересные данные о местных мусульманах. Свои путешествия образованный азербайджанец описал в автобиографии на персидском языке, которая хранится в Ленинграде, но до сих пор не издана.

Зейн аль-Абидин побывал в Дар-Фуре в последний период независимости этого государства. В то время основная часть Судана уже была завоевана Египтом. Среди офицеров было множество уроженцев Западного Кавказа — черкесов, абхазцев, а также обращенных в ислам грузин. Был даже отряд мингрелов. Среди чиновников находилось немало армян (сам премьер-министр Египта был армянин).

Армяне и грузины в Эфиопии в XIX—XX вв.

К 1867 г. относится появление в Эфиопии армянской религиозной миссии. Армянские католиконы Исайя Иерусалимский и Богос Константинопольский направили письма знаменитому эфиопскому императору Теводоросу (Федору) II (1855—1868 гг.). Письма были доставлены в тогдашнюю столицу Эфиопии послами патриархов: армянским архиепископом Сааком и священником Димотеосом. Димотеос, который прожил в Эфиопии два года, оставил интересное описание своей миссии. Оно переведено на французский, английский и немецкий языки.

В XIX—XX вв. в Эфиопии находились (и находятся по сей день)

многие десятки и сотни армян — торговцев, ремесленников, различных специалистов. В 1927 г. в Аддис-Абебе была построена армянская церковь и открыта небольшая армянская школа. Чтобы представить себе роль армян в жизни Эфиопии, достаточно напомнить, что музыка эфиопского национального гимна написана армянином (Налбандяном), а первое в Эфиопии спортивное общество, созданное в 20-х годах, целиком состояло из армян и называлось «Аракс».

Кроме того, в XIX — начале XX в. в Эфиопии действовало несколько грузин, осетин и лакцев из Дагестана. Самым знаменитым из них был доктор Мерабишвили, который около 1860 г. стал придворным врачом эфиопского императора. Доктор Мерабишвили (иначе Мераб) оставил интересный труд по народной медицине и этнографии Эфиопии. В настоящее время ученые Тбилиси и Аддис-Абебы изучают наследие Мерабишвили.

Несомненно, далеко не все документы, рассказывающие о связях армян и грузин с народами Тропической Африки, обнаружены в настоящее время. Часть из них ждет своего опубликования, другая часть издана лишь на армянском или грузинском языках и осталась неизвестной африканистам. Но то, что известно сегодня, свидетельствует о весьма заметном вкладе народов Закавказья в установление контактов Тропической Африки с внешним миром.

Абрам Петров Ганнибал

Имя Абрама Петровича Ганнибала известно всем, но большинство знает его лишь как прадеда великого русского поэта. Между тем африканский предок Пушкина сам по себе заслуживает внимания. Так думали, в частности, его современники — первые немецкие биографы Ганнибала; к этой же мысли пришли и ученые сегодняшней Африки (например, Ричард Панкхёрст — профессор Университета имени Хайле Селассие I в Эфиопии).

Ганнибал был, несомненно, одним из самых образованных людей тогдашней России. Карьера его поистине удивительна. В детстве

слуга-«арапчонок», он смог благодаря своим способностям достичь звания генерал-аншефа артиллерийских и инженерных войск, равного которому не достигал больше ни один африканец. География странствований Ганнибала также необычна: Африка, Турция, Россия, Литва, Франция, снова Россия, Сибирь, границы Китая, Украина, Латвия, Эстония, Финляндия... Кто из жителей Африки XVIII в. увидел столько различных стран, прошел такие расстояния? И всюду: в России, Франции, Германии — Ганнибала высоко ценили.

Детство

По словам Ганнибала, он был сыном правителя города Логон в Эритрее и родился в конце XVII в.¹ Его отец поднял восстание против турок, но был разбит и вынужден покориться. Он выдал заложником своего малолетнего сына от самой младшей из 30 жен. Звали мальчика Ибрагим, или Абреха.

Одна подробность, запомнившаяся Ганнибалу, наводит на размышление: всех братьев его приводили к отцу связанными, и лишь он не был связан. Это слишком напоминает содержание пленных перед продажей их работорговцам.

Маленький заложник или раб попал в Стамбул в гарем турецкого султана. Здесь он пробыл год и три месяца. Затем Ибрагима послали в Россию в подарок Петру I.

Юный африканец занял при царе должность полуслуги-полусекретаря. Петр имел привычку записывать свои мысли на аспидной доске, а мальчик-эфиоп переписывал их на бумагу. Уже та быстрота, с которой Ибрагим выучил русский язык и русскую грамоту, говорила о его способностях. Они были немедленно оценены; сам Петр стал обучать его математике.

¹ Лучшая из современных биографий А. П. Ганнибала написана М. Вегнером. Это интересное исследование давно уже стало библиографической редкостью (см. *М. Вегнер. Предки Пушкина. М., 1937, стр. 315*).

В 1707 г. Ибрагима крестили. Крещение состоялось в литовской столице Вильнюс. Крестным отцом был Петр I, крестной матерью — польская королева Христина-Эбергардина. Высокие крестные — залог блестящей карьеры. Мальчик Ибрагим (или по-русски Абрам) был определен барабанщиком в гвардейский Преображенский полк, где сам император был бомбардиром. Однако, если бы не его блестящие способности, молодой эфиоп стал бы только офицером, служа в каком-нибудь дальнем гарнизоне.

Франция

В 1717 г. Петр взял Ибрагима с собой за границу. Прибыв во Францию, Петр оставил Абрама Петрова (как называли теперь Ибрагима) в Париже для изучения инженерных наук. Рассказывали, что император дал ему следующее прощальное напутствие: «Если попадешь в тюрьму за долги — не выкуплю, а будешь прилежно учиться — не оставлю».

Но Абреха был не из тех людей, кто попадает в тюрьму за долги. Несмотря на очень скромные средства и нерегулярную выплату стипендии, Ганнибал ухитрился собрать прекрасную по тем временам библиотеку — не менее 400 томов. Здесь были книги по математике, фортификации, философии, истории, художественная литература.

В 1719 г. прямо со школьной скамьи он отправляется «на практику» — на театр военных действий. Франция тогда воевала с Испанией. Ибрагиму не повезло: он был ранен в голову и взят в плен. Вернувшись из плена, Ибрагим поступает снова волонтером во французскую армию, но теперь не в артиллерию, а в инженерные войска. В то время французские военные инженеры были лучшими в мире, так же как артиллеристы и математики. Ибрагим прошел хорошую практику военно-технических наук. Она ему открыла путь и для дальнейшей учебы.

В Меце по идее знаменитого инженера Вобана была открыта Артиллерийская школа, где изучались математика, баллистика, инженерные науки, архитектура. Принимали в нее только французов или

иностранцев, состоящих на французской службе. Как волонтер французской артиллерии и инженерной роты, Абрам Петров имел право поступить в это учебное заведение, что он и сделал. Учился он так успешно, что уже в начале 1722 г. окончил Артиллерийскую школу и получил чин лейтенанта французской армии. Рассказывают, что его покровителем и руководителем был знаменитый герцог Бельфор.

Так темнокожий бедняк в чужой стране сумел приобрести научные и технические знания.

Петербург и Сибирь

В том же 1722 г. Абрам Петров получил приказ вернуться в Россию. Пришлось прервать учебу и ехать в Петербург. Снова путешествие через всю Европу в недавно основанную северную столицу. Здесь он получил назначение в гвардейский Преображенский полк, но теперь уже не барабанщиком, а поручиком бомбардирской роты. Ему было приказано также обучать молодых русских саперов. Привлекали его и к переводам с французского на русский язык, к военно-инженерным работам: он занимался укреплениями Кронштадта и Риги.

В 1725 г. умер Петр I. Престол заняла Екатерина I. Абрам Петров был назначен учителем математики наследника престола. В новой роли обнаружились не только его математические и педагогические, но и придворные способности. В 1726 г. он преподнес Екатерине I сочиненную им книгу по инженерному искусству. По воспоминаниям современников, это был учебник, одно из первых сочинений подобного рода на русском языке.

Ганнибал входит в придворный кружок княгини А. П. Волконской. Его составляли молодые аристократы, недовольные правлением Меншикова — известного сподвижника Петра I и фаворита императрицы. После смерти Екатерины I Меншиков остался фактическим правителем при юном императоре Петре II. Он расправился с оппозиционерами, особенно сурово с Ганнибалом, который мог быть опасен как учитель юного императора. Абрам Петров был сослан

в Сибирь, в Селенгинск, на русско-китайской границе. Считалось, что молодой инженер должен составить план реконструкции местной крепости, хотя фактически это была ссылка. В конце ее он был арестован, но освобожден в связи с воцарением новой императрицы Анны Иоанновны.

Три года Ганнибал пробыл в Сибири. В 1730 г. он был послан в Эстонию, в город Пярну, руководить инженерными и фортификационными работами.

Эстония

Начинается новый, эстонский период жизни Абрехи. Ему уже давно исполнилось 30 лет. Все худшее, казалось, позади. Петербург не слишком к нему благоволит, но рано или поздно к власти придут друзья. Он майор (чин по тем временам не малый!), прекрасный инженер и артиллерист. После ссылки и ареста Абреха, вероятно, испытывал сильнейшую потребность любви, семейного счастья. И вот в конце 1730 г. Абрам Петров приезжает на время в Петербург. Очень поспешно он женится на столичной красавице Евдокии Диопер — дочери грека, капитана русского флота. С молодой женой Абреха возвращается в Пярну. Однако брак оказался неудачным.

Тогда же (или несколько раньше) Ибрагим сближается с красивой и образованной немецкой девушкой Христиной-Региной фон Шебарх — дочерью капитана местных войск. Она самоотверженно идет на тайную связь с женатым африканцем. Не позже начала 1732 г. Ибрагим узнает, что ему предстоит стать отцом, и начинает хлопотать об отставке, напоминая о своем иностранном происхождении.

Это ему удастся сделать только в 1733 г. при содействии фельд-маршала Миниха, друга и покровителя Ибрагима. В отставке Ибрагим пробыл восемь лет. За это время он обвенчался с Христиной. В эти годы он принял фамилию Ганнибал в честь знаменитого африканского полководца.

В 1741 г. Абрам Ганнибал возвращается на службу. В Эстонии,

в городе Ревеле (Таллин), он восстанавливает и реконструирует крепости, поскольку Россия готовилась к войне со Швецией. В том же году престол захватила Елизавета I, и у власти оказались друзья Ганнибала.

Признание

С этого времени служебная карьера и личная жизнь Ганнибала протекают вполне благополучно. Он исправно продвигается по службе и в 1759 г. становится генерал-аншефом (один из высших чинов Российской империи). Сенат присваивает ему дворянский герб, императрица Елизавета дарит большое имение (село Михайловское, где так любил бывать его правнук А. С. Пушкин). Были у Ганнибала и другие, благоприобретенные имения; он показал себя экономным и рачительным хозяином.

Ганнибал становится во главе инженерных войск России, строит и реконструирует крепости, каналы. Его назначают на почетные должности: директором укреплений столицы, директором Ладожского канала (построенного при его участии), членом комиссии по определению русско-шведской границы.

В этот самый блестящий период своей жизни Ганнибал сыграл выдающуюся роль в развитии образования в России. Еще в 1723—1726 гг. он обучает русских фортификаторов, саперов, артиллеристов математическим, специальным наукам и руководит их практическими занятиями. Теперь он стремится поднять научную подготовку в открытых к тому времени военных школах. По инициативе Ганнибала в 1752 г. артиллерийская и инженерная школы были объединены, улучшено и расширено преподавание различных дисциплин. В 1754 г. Ганнибал ввел здесь изучение гражданской архитектуры. Впервые в России рождается высшее техническое образование. И не без участия Ганнибала в конце XVIII в. создается парадоксальное положение: в то время как университет прозябал, число студентов уменьшалось, в военных училищах давалась хорошая общая и специально-техническая подготовка.

В 1762 г. Ганнибал получил отставку. Официально он ушел со службы по возрасту, но обстоятельства отставки до сих пор полностью не выяснены. Однако он остался авторитетным специалистом: в 1765 г. императрица Екатерина II обратилась к нему с рескриптом, желая знать мнение старого инженера о проекте канала Петербург—Москва (Мариинская система каналов). В следующем году его награждают орденом Александра Невского — одним из высших орденов Российской империи.

Говорят, в этот период Абреха думал о возвращении на родину, однако старший сын отговорил его от этого предприятия.

Умер Ганнибал 13 мая 1781 г. в возрасте 82 лет, всего на несколько дней пережив Христину. У них было 11 детей. Старшие сыновья стали высшими офицерами: один из них, Иван Абрамович, прославился в морских боях при Чесме и Наварине. Правнук Абрехи Ганнибала А. С. Пушкин отчасти унаследовал внешность и характер своего прадеда и гордился им не меньше, чем своими предками из русской аристократии.

Новое о Ганнибале

В 1962—1963 гг. были обнаружены новые архивные материалы о Ганнибале. Историк-литературовед И. А. Малованов нашел документы, свидетельствующие о том, что в 1752—1756 гг. и позднее Ибрагим Ганнибал выполнял ряд ответственных поручений русского правительства как специалист по фортификации и артиллерии. Филолог Э. С. Паина обнаружила заявление Ганнибала об отставке от 1762 г., из которого ясно, что отставка не была добровольной. Очевидно, Ганнибал был удален в результате закулисной борьбы. В феврале 1964 г. в газетах появилась заметка историка Д. Мушниковой об «Иркутской летописи». В этой хронике оказались сведения об Ибрагиме, как относящиеся ко времени его сибирской ссылки, так и к его предшествующей и последующей судьбе. Год смерти в «Летописи» дан с ошибкой: 1782. Это известие, как и следовало ожидать, пришло в Иркутск с большим опозданием. Характерно, что сибирский

летописец весьма интересовался незаурядной личностью Ганнибала, с которым свела его судьба.

Можно надеяться, что в дальнейшем будут обнаружены новые факты из жизни этого замечательного человека.

Первые встречи русских с африканцами

Для читателей следует сразу же сделать оговорку: автор не собирается касаться сюжетов, которым посвящены многочисленные советские работы — старым и новым путешествиям русских людей в Египет и египтян в Россию, а также русским экспедициям середины XIX — начала XX в. в страны Африки южнее Сахары. Нас интересуют сейчас другие, более ранние встречи русских людей с африканцами, притом лишь с народами Тропической Африки.

Смоленский архимандрит Агрефений был, по-видимому, первым русским, который наблюдал большую группу темнокожих африканцев. Но Агрефений встретил их в 1370 г. не на родине и даже не на территории Африканского материка. Характерно, что эфиопских христиан Агрефений называет хабежами, как и более поздние русские, украинские и сербские паломники.

Самые богатые письменные источники по истории Эфиопии и Судана опубликованы в двухтомном капитальном труде Энрико Черулли «Эфиопы в Палестине. История эфиопской общины в Иерусалиме». Здесь собрано и проанализировано свыше 200 сообщений об эфиопской религиозной общине в мировом центре христианства. Авторы этих сообщений жили в разное время и в разных странах, писали на разных языках Европы, Азии и Африки. Большинство известий очень кратки, другие более подробны; в целом они дают картину многосторонних связей трех христианских народов Африки — коптов, нубийцев и эфиопов — с народами неафриканских стран до Ирландии и Московской Руси включительно. Особенно полно представлены западноевропейские и эфиопская литературы. Из русских

авторов в двухтомный свод Черулли вошли только трое: архимандрит Агрефений, «купец Трифон Коробейников» и Авраам Норов.

Трифон Коробейников, несмотря на свою характерную фамилию, был не купцом, а приказным дьяком. Выдвинулся он в годы царствования Ивана Грозного. В 1582 г. Трифон Коробейников ездил с дипломатическим поручением в Стамбул; в 1593—1594 гг., при царе Федоре Иоанновиче, Коробейников совершил новое путешествие на Восток, не только в Стамбул, но и в Иерусалим и на Синай. Здесь он снова успешно выполнил поручения царя и по возвращении в Москву, следуя заведенному порядку, написал соответствующий отчет. Однако не этот отчет, а совсем другое сочинение получило вскоре известность под названием «Хождение купца Трифона Коробейникова в Святую Землю».

Автором его был старший современник дьяка небогатый купец Василий Позняков. Родом из Смоленска, Позняков торговал в Москве в середине XVI в. Здесь он познакомился с православными восточными прелатами, приезжавшими в Москву за царской милостыней: александрийским патриархом Иоакимом, патриархом антиохийским Иоакимом и синайским архиепископом Макарием. При их возвращении на Арабский Восток Василий Позняков вызвался их сопровождать. В 1558 г. все они двинулись в путь, и вот перед смоленским купцом, любознательным и благочестивым, открылись теплые страны, бурные моря, яркие и шумные города, «святые места» Востока. В конце 1559 г. Позняков прибыл в Египет — единственную африканскую страну, которую он посетил, а весной следующего года, на пасху, вступил с караваном паломников «во святой град Иерусалим».

На пасхальном богослужении в Храме гроба господня Василий Позняков наблюдал службы коптов и эфиопов. Древнейшая коптская литургия, сохранившаяся неизменной с первых веков христианства, произвела весьма невыгодное впечатление на русского паломника:

«А кофти во свое пение, как козлы, гласуют, биют молотком в билце или в камень, аки трещоткою».

Эфиопская литургия описана Позняковым в следующих выражениях: «...дивно же видехом... в церкви еретиков бесящихся и неистовство их... Хабежи же ходят вокруг Гроба господня, и есть у них бубны великие; и ходят вокруг гробницы, и бьют по тем бубнам, и скачут, и пляшут, яко бы скомораси; а иные назад пяты идут и скачут. И дивахомся божию человеколюбию, како терпит: не мочно бе человеку и на торжище таковая беснования видети. Сих же окаянных видехом в церкви тако круг Гроба божия бесящихся».

Как бы то ни было, Позняков очень точно описал священные молитвенные пляски эфиопских христиан. Упоминает он христиан Африки и при описании праздника Небесного огня в Иерусалиме:

«...за два часа до вечера прииде солнце в великую церковь в непокровенно место. И станет луч от солнца на кресте... И узре патриарх тот луч... возьм Евангелие, и кресты, и хоругвь, и свеща безо огня... И затем идет веницейский игумен Внифатий (родом хорват.— *Авт.*), и живет на Сионе со фрязы (западноевропейцы.— *Авт.*); и за ним армянской игумен со армяны; и затем идут кофти и хабежи...»¹

Примерно через полстолетие после того как в России появились первые, пока еще рукописные экземпляры «Хождения Василия Познякова», эту книгу приписали московскому дьяку Трифону Коробейникову. С таким авторством она стала необычайно популярна, переписывалась и переиздавалась типографским способом. Еще в начале XX в. Лев Толстой отмечал популярность «Хождения» среди яснополянских крестьян.

Авраам Сергеевич Норов представлял собой очень заметную фигуру в николаевской России — крупный филолог, эллинист и славист, одно время министр просвещения. В 1835 г., на пасху, А. С. Норов совершил паломничество в Иерусалим, где был с почетом встречен турецкими властями и местным православным и армянским духовен-

¹ Х. М. Лопарев. Хождение купца Василия Познякова. — «Православный Палестинский сборник», т. VI, вып. 3 (18), 1887, стр. 42—43.

ством. Всю пасхальную страстную неделю русский министр провел в Храме гроба господня, молясь вместе с православными и наблюдая богослужение других сект. «Я засыпал при протяжном пении латинцев (католиков. — *Авт.*) или под звуками тимпанов сириан и абиссинцев».

Об африканских христианах он говорит немного: «Три главные нации обладают Храмом святого гроба: греки, латинцы и армяне. Копты, сириане и абиссинцы малочисленны и пользуются ограниченными правами. Поклонники (т. е. паломники. — *Авт.*), желающие говеть, заключаются на всю страстную неделю во Храм святого гроба... Взор европейца оскорбляется множеством чалмоносцев; но это христиане коптские и абиссинские». «Монастырь абиссинцев во имя св. Марка есть укромное жилище малого числа представителей этой нации. Должно сказать к чести армян, что они содержат их за свой счет. Абиссинцы принимают иудейское обрезание и подобно якобитам вместо крещения клеймят на теле горячим железом кресты. При папе Клименте VII они изъявили желание принадлежать Римской церкви».

Свое путешествие в Палестину А. С. Норов описал в книге «Путешествие по святой земле в 1835 году». Роскошно изданная в Петербурге в 1838 г., а затем переизданная, книга появилась в немецком переводе в Лейпциге в 1862 г. Написанная умно и ярко, она приобрела популярность во всех странах, где читали по-русски или по-немецки. В своде Черулли цитируется немецкий перевод книги А. С. Норова.

Все приведенные выше известия интересны не только теми сведениями, которые они содержат об эфиопской и коптской колониях в Иерусалиме, но и как документы о первых встречах русских людей с африканцами. Нетрудно заметить, что с течением времени в России непрерывно повышался интерес к Африке. Вместе с тем менялось отношение к своеобразным культурам африканских народов.

Для Агрефения «хабежи» — один из многих «еретических» народов; Василий Позняков возмущается их священными плясками; Ав-

раам Сергеевич Норов, признавая, что «непривыкший взор европейца оскорбляется» тюрбанами африканских христиан, старается понять их самих и богатую событиями и культурными ценностями историю их стран.

Неужели эти три паломника были единственными русскими, которые оставили свидетельства об африканских христианах в Палестине? Есть ли в старой русской литературе другие памятники, также упоминающие об африканских христианах в этом мировом центре христианства? Интуиция подсказывала, что такие материалы должны существовать, притом очень многочисленные. И вот в 1964—1966 гг. начались поиски, не законченные и до настоящего времени. Пока что удалось выявить свыше 50 документов, большей частью уже опубликованных, но еще не известных африканистам. Кроме того, в библиотеках Киева, Львова и Москвы собрано около 20 украинских сочинений, упоминающих об эфиопских и египетских христианах (о них см. главу «Украинцы в Африке»). Свод Черулли можно дополнить также несколькими десятками армянских и грузинских документов, оставшихся ему неизвестными.

Еще за 100 лет до Василия Познякова Иерусалим посетил русский купец, гость Василий (1446 г.). Он упоминает коптское («куфидское») богослужение в церкви Гроба господня, однако об эфиопском умалчивает.

В том самом 1560 г., когда Василий Позняков молился в этой церкви, иерусалимский патриарх Герман слезно писал русскому царю: «...многие здесь у святого Гроба носят митры: армяне и хабези (эфиопы. — Авт.) и прочие; одни только мы ее не носим...» Намек, как говорится, ясен.

В одном из экземпляров «Хождения купца Трифона Коробейникова» оказалась приписка. В ней рисуется образ чернокожего африканца («мурина»), «несущего дрова в бремя велие», надрываясь и выбиваясь из сил.

Через столетие после Василия Познякова, в 1651—1652 гг., в Москве появились сразу три новых произведения паломнической лите-

ратуры. Все они упоминают об эфиопах и коптах в Иерусалиме. Одно из них написал грек Гавриил Назаретский, попавший в Москву с Украины, где он совершал богослужение перед самим Богданом Хмельницким. Другое сочинение носит колоритное название «Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного дьякона Ионы по реклому Маленького». Этот дьякон-монах из Загорска попал в Иерусалим в 1651 г., сопровождая из Москвы на родину иерусалимского патриарха Паисия. В Москве Паисий просил царской милости. Спутником Паисия и Ионы Маленького до Стамбула был автор третьего сочинения Арсений Суханов.

Это был один из самых выдающихся людей тогдашней России. Сначала архидьякон, затем настоятель монастыря, критик и сподвижник патриарха Никона, Арсений Суханов был крупной фигурой в русской православной церкви. Правительство неоднократно использовало дипломатические таланты Суханова. В 1636 г. он участвовал в русском посольстве в Грузию. Его паломничество в Иерусалим было на три четверти дипломатической миссией; по пути в Палестину на Украине, в Молдавии, Турции и Египте он вел официальные и полуофициальные переговоры с правителями государств и патриархами. Позднее, в 1654 г., он третий раз отправился на Восток, по приказу патриарха Никона.

В книге о своем путешествии в Иерусалим Арсений Суханов очень точно и обстоятельно пишет об африканских христианах:

«...во всей церкви (св. Георгия. — *Авт.*) по местам идут из города Иерусалима богомольцы православные... А ивери (грузины. — *Авт.*) на своем месте; копты и хабежи на одном месте праздновали за один, а хабежский престол (эфиопский алтарь. — *Авт.*) стоял порожень... Армен не было... армяне не праздновали рождества Христова в тот день... Утреню хабежи с коптами служили, а обедню хабежи на своем престоле особно пели... Правее маронитов, у стены, есть церквица невелика. Держат то место хабежи, люди черные, иже от великой Эфиопии христиане».

В Музее редкой книги при Государственной библиотеке имени Ленина в Москве хранятся два редчайших издания. Одно из них озаглавлено так: «Проскипитарий святых мест святого града Иерусалима, на греческом языке написал критянин Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году; с греческого на славянский диалект перевел чудовский монах Евфимий в 1686 году». Этот памятник древней письменности был открыт и опубликован в XIX в. известным славистом епископом Леонидом Кавелиным. Хотя греческий текст книги был издан в Италии, в свод Черулли он не попал, равно как и некоторые армянские документы, также напечатанные в Венеции.

В этом сочинении эфиопы и копты упоминаются несколько раз. Самый интересный отрывок я привожу ниже (в русском переводе со славянского): «...абиссинцы совершают богослужение позади святого Гроба, где Христа одевали в порфиру; они совершают обрезание, говоря, что делают это в честь обрезания Христа, а также обряд крещения. Они празднуют субботу, говоря, что этим соблюдают древний обряд, и для причастия употребляют кислое тесто, и о своем исповедании говорят с великим благоговением. Музыкальные инструменты их — тимпаны. И в субботнее богослужение они, ударяя в тимпан, ликуют и часто вращают гортань свою так и этак, «взвизывая и на небо». Когда в псалмах встречается имя сатаны, трут землю ногами, попирая его. Суть еще индиане, эфиопляне, ниновите (нубийцы) и инии; их же за краткословие оставляю».

Другая книга, сохранившаяся в Москве в единственном экземпляре, издана в 1800 г. под заглавием «Путешествие во Иерусалим Саровския общежительныя пустыни иеромонаха Мелетия в 1793 году и в 1794 году». Здесь африканским христианам уделено больше внимания, чем в любой другой паломнической книге XVIII в., за исключением, может быть, записок украинца Василия Григоровича-Барского.

Мелетий, человек довольно образованный, владел греческим и французским языками, много путешествовал и немало читал. Говоря

об «индианах», он сообщает об астраханской колонии индийцев, известной ему по личным впечатлениям. В Астрахани же он встречался с армянами. «Хампесов» (абиссинцев) и «эфиоплян» Мелетий считал двумя разными африканскими народами; возможно, он отличал тиграев — северных эфиопов — от ахмарцев — народа, живущего в средней части страны.

Вот что рассказывает этот русский паломник об африканцах: «Копты — народ африканский и азиатский... Они исповедания евтихианского и с крещением своим купно обрезаются; впрочем, на обедни употребляют хлеб квасный... В бытность мою в Иерусалиме поп у них был эфиоплянин; из трех дьяконов были один эфиоплянин, другой аравитянин, третий египтянин.

Хампесы, или абиссинцы, есть народ африканский и соплеменный эфиоплянам. Они имеют у себя царя и составляют пространное государство... Пост перед пасхою содержат равно с яковитами, коптами и эфиоплянами осминедельный. Впрочем, на обедне своей употребляют хлеб квасный. Жертвенника, как выше сказано, в великой церкви не имеют, но вне [ее] в пристроенной к оной востокополуденной стене храма, в прегражденном от коптов приделе, совершают свою службу...

Эфиопы суть народы африканские и жители страны, называемой внешнею, или полярною, Эфиопиею. Они от внутренних эфиоплян, или негров, по виду своему отличны. Вера Христова в них насаждена св. апостолом Матфеем; но в VI ст. купно с египтянами, абиссинцами и прочими тамошними народами уклонились в евтихиевы и других ересиархов заблуждения, сохраняя притом и жидовские некоторые обряды с обрезанием. В Иерусалиме собственного храма не имеют, но попы и дьяконы рода их служат у коптов и абиссинцев».

Мелетий весьма любознателен и стремится познакомиться поближе с христианами Африки. Скоро он проникается горячим сочувствием к этим беззащитным и неимущим людям. О положении эфиопских паломников и монахов в Иерусалиме красноречиво говорят два следующих эпизода, описанных Мелетием:

«...того же числа (6/17 марта 1794 г. — Авт.) на понедельник нашей третьей, яковитов же четвертой, седмицы поста, в которой они отправляют службу Христу, бедный хампес (эфиоп. — Авт.), пребывающий некие дни внутри церкви у коптов, поставил над Гробом господним на армянском месте свечу на ночь, и сам, приседя на притворе в востокополуденном углу, молился. Кадиловозжигатель, францисканский арап (араб. — Авт.), пришед внутрь для осмотра своих светильников и увидевши хампесову свечу, схватил и выбросил вон. Хампес, вскочив, ухватил арапа, сей же оного, и, тако схватясь, начали биться, кричать и ругать друг друга. На крик их сошлись все живущие в церкви греки, армяне и копты. Греческий прежний слепой скевофилакс присоветовал францисканцам наискорее бьющихся разнять, дабы не слышали турки, и поутру послать в монастырь к начальнику, чтобы он турков попросил отпереть врата и хампеса из церкви вывести. Посему так и исполнили. Но хампес, выходя из церкви, довольно ругал и проклинал францисканов»¹. Далее говорится о том, что «сей же бедный человек» уже однажды перенес побои от францисканского монаха в церкви, куда пришел помолиться. Характерно, что никто не заступился за бедного чернокожего паломника!

Другое происшествие не менее красочно свидетельствует об издевательском отношении к эфиопским христианам со стороны более богатых святош, собравшихся вокруг «Гроба господня».

«22 дня, — рассказывает Мелетий, — сидя я с монахами в братской трапезе у окошка и смотря на хампесское подворье... вдруг увидел хампесов с коптами, воздвигнувших великую ссору; и первые последних с двора прогнали палками. Сему причина была та, что один из коптов не благочинное у церковной стены учинил дело». Теперь это называется осквернением культового места, а попросту издевательством над чувствами верующих. И такие обиды нищие

¹ «Путешествие во Иерусалим Саровския общежительная пустыни иеромонаха Мелетия». М., 1800, стр. 116 и др.

эфиопы, которые даже свою скудную пищу получали по милости армян, должны были сносить постоянно!

Некоторые сообщения Мелетия имеют самостоятельную ценность и для истории Эфиопии. В патриаршем монастыре он встретил одного молодого эфиопа, принявшего православие. Однако речь идет не о единичном факте, как можно подумать. Но позднее записки других русских путешественников заставили иначе оценить это брошенное вскользь замечание.

Есть у Мелетия и редкие для того времени описания эфиопского подворья в Иерусалиме, эфиопской часовни, эфиопского и коптского богослужений. Другие замечания бросают свет на характер общения паломников разных наций. «Когда я на пасху, после литургии выходя из церкви, остановился посмотреть, как армяне, копты, хампеси и сирияне, яко единого исповедания люди, один за одним, делая литию, обходили место снятия господня... Скажу теперь, какие роды людей вселенской единоверной нашей братии... составляли совокупно празднество (пасху. — *Авт.*). Греки... арабы палестинские, египетские и сирийские; египтяне; хампесы; славяне разных пород: болгары, сербы, россияне, малороссияне и прочие; волохи, молдавцы (т. е. все вообще румыны. — *Авт.*); грузины; сирияне, или халдейцы, и армяне».

Не ограничиваясь случайными наблюдениями, Мелетий заводит знакомство с коптским дьяконом, «который был родом эфиоплянин», расспрашивает его о коптской обрядности, богослужебных книгах, получает от него для исследования рукопись, написанную частью по-коптски, частью по-гречески (т. е. очень старинную!), и подробно, почти научно ее описывает!

В настоящее время книга о путешествии Мелетия почти забыта, однако в XIX в. ее высоко ценили русские и украинские знатоки паломнической литературы.

Мелетий был самым значительным, но далеко не единственным русским паломником в Иерусалим, писавшим об эфиопах и коптах. Интересные заметки оставили русские Иоанн Лукьянов (1701 г.), Андрей Игнатьев (1707 г.), серб Симеон Симеонович (1748 г.), также

не попавшие в свод Энрико Черулли. В первой половине XIX в. о коптах в Палестине писали братья Вешняковы (1804 г.), крестьянин Кир Бронников (1820 г.), грузинский князь Авалов (Авалишвили) (1820 г.), А. Н. Муравьев, побывавший в Палестине дважды — в 1830 и 1849—1850 гг., М. П. Погодин, записки которого не изданы до сих пор, и др. Авалов и А. Н. Муравьев уделили некоторое внимание и эфиопам, у которых Авалов приобрел ценные старинные рукописи на языке геэз.

Во второй половине XIX — начале XX в. Иерусалим посетило множество русских паломников, здесь появились русские резиденты, была устроена гостиница, налажено регулярное сообщение с Одессой. Паломничества, прежде сопряженные с реальными опасностями, стали теперь видом туристической прогулки. Вместе с тем Иерусалим перестает быть главным центром контактов русских с африканцами. Все чаще русские путешественники-исследователи появлялись в самой Африке. Однако в середине XIX в. Иерусалим играл выдающуюся роль в развитии русской африканистики.

В 1844 г. в этот город прибыл епископ Порфирий Успенский, человек очень образованный и энергичный; впрочем, в то время он не был еще епископом. 10 лет с перерывами (1844—1848 и 1850—1854 гг.) прожил П. Успенский в Палестине, ежедневно наблюдая здесь колонии африканских христиан. Оставленные им записки (дневник, письма, докладные записки и пр.) являются, может быть, самым ценным материалом об эфиопах в Иерусалиме для всего XIX в.

Одно из собранных им сообщений об Эфиопии особенно интересно: «Еще в конце прошлого (XVIII. — *Авт.*) века в столице Абиссинского царства Гондаре поселились греческие купцы... Тамошнее православное общество... решилось послать и послало в [греческий] монастырь Саввы Освященного, что близ Иерусалима, несколько абиссинских монахов с тем, чтобы они выучились там греческому языку и богослужению и возвратились назад рукоположенными. Это было около 1820 года. Абиссинские иноки прибыли в обитель св. Саввы. Здесь их крестили. Но к сожалению, все они скончались в этой

знойной расселине. Однако один из перомонахов саввинских о. Иоасаф (поныне здравствующий¹) выучился у них говорить по-абиссински». Вот еще одно аналогичное известие: «Саввинский монах из русских, о. Савва, ветхий старец, но румяный², говорил, что в св. обитель его прислали четыре[x] абиссинц[ев] для крещения».

Эти два документа (письмо и запись в дневнике) заставили меня вспомнить молодого эфиопского монаха, который в 1794 г. находился в том же «патриаршем монастыре» св. Саввы. Характерно, что Мелетий в этой связи говорит об «абиссинцах, принявших православие», а Порфирий Успенский начинает описание событий с конца XVIII в. Очевидно, православные из Эфиопии приезжали в монастырь не один раз, а несколько, в течение длительного времени. Понятны теперь и те связи, которые поддерживал с Эфиопией александрийский православный патриарх; проводниками их были греческие купцы в Гондаре.

Между прочим, в монастыре св. Саввы в конце XVII — начале XIX в. всегда проживали украинские монахи, сюда регулярно приходили украинские паломники, слал свои дары гетман Мазепа, заказывались панихиды по умершим украинцам. Можно предполагать, что саввинские монахи-украинцы поддерживали контакт со своими эфиопскими собратьями, когда те находились в монастыре. Жаль, что ни один из них не оставил об этом записей!

В Иерусалиме Порфирий Успенский завел дружбу с игуменом эфиопских монахов; они часто ходили друг к другу в гости и подолгу беседовали. От игумена и другого эфиопского монаха, по имени Абед-Марьям, Успенский получал информацию об их родине, в том числе о текущих политических событиях. В то же время образованный епископ начал систематически изучать всю изданную тогда литературу об Эфиопии, особенно о религии и государственном строе

¹ Написано в 1851 г.

² Монах из русских отставных солдат. О нем кроме П. Успенского писали А. С. Норов, А. Уманец и другие путешественники.

этой страны. Позднее, поселившись в Киеве, П. Успенский издаст целую серию работ по эфиопскому христианству, основываясь не только на французских, немецких, английских и греческих источниках, но и на информации, собранной им в Иерусалиме.

Когда в середине XIX в. Иерусалим стал ареной особенно острой дипломатической борьбы между сильнейшими державами — Англией, Францией и Россией, вопрос о «святых местах» Иерусалима стал поводом к Крымской войне.

П. Успенский, находясь в Палестине в предвоенные годы, отчаянно боролся с английским влиянием, проводником которого был известный путешественник епископ Гобат. П. Успенский рьяно проводил религиозно-политический курс своего правительства, но нередко действовал на свой страх и риск. Так, он склонял архиепископа Синайского к посылке миссионеров в Эфиопию.

Эфиопский игумен в Иерусалиме был таким же прожектером, как и его русский друг. Однажды игумен поведал ему свою мечту: «...по старинному пророчеству, известному в христианской Эфиопии, русский царь Иоанн овладеет Константинополем и вместе с абиссинским королем Федором разделит власть над всем Востоком, женившись на его дочери».

Позднее в Эфиопии появился человек, выдававший себя за этого долгожданного Федора. Однако эфиопский монах имел в виду, очевидно, Федора II, тогдашнего императора Эфиопии.

В мае 1854 г. П. Успенский покинул Иерусалим не по своей воле, затаив горечь и разочарование. Вместе с ним из Палестины уехали его ученики, изучавшие здесь восточные языки. Один из них, Фрументий Иорданский, родом эфиоп, был выкуплен Успенским из рабства, крещен им и воспитан. Эфиопский игумен давал Фрументию уроки родного языка, другие науки Фрументий изучал под руководством самого Успенского и его учеников, русских и украинских семинаристов.

Подводя итог своей многолетней деятельности в Палестине, П. Успенский записал в дневнике: «...абиссинцы, сириано-иаковиты и копты видели во мне своего заступника. Армяне уважали меня.

Латинянам я был не по нутру. Английский епископ Гобат чуждался меня, но и я не хотел знакомиться с ним. . .»

А жаль! П. Успенский, первый русский эфиопист, мог бы многому научиться у этого знаменитого путешественника и ученого.

Научная и педагогическая деятельность Порфирия Успенского началась еще в Иерусалиме. Из Палестины он увез не только немалый багаж научных знаний, но и коллекцию греческих и эфиопских книг, икон, свитков, часто очень редких и древних. Они составили основу киевского собрания эфиопских рукописей. В Киеве П. Успенский продолжил занятия по изучению христианской Африки, составившие целую эпоху в русской и украинской эфиопистике.

Афанасий Никитин и Василий Гагара

Первым из русских путешественников, проникших в Африку южнее Сахары, был знаменитый Афанасий Никитин. В 1472 г. на обратном пути из Индии он сделал вынужденную остановку в современном Сомали. Вот как рассказывает об этом сам тверской путешественник: «И плыл я в таве (арабском судне. — *Авт.*) по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут все люди воскликнули. . . «Боже. . . здесь ты судил нам погибнуть». И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божисей благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили».

Под «землей Ефиопской», согласно словоупотреблению того времени, подразумевается вся вообще Черная Африка. И путь, которым прибыл в Африку Афанасий Никитин, и место, которое он посетил, были весьма необычны для ранних русских путешественников. Вплоть до середины XIX в. соотечественники Афанасия пропикали в пределы Тропической Африки через Египет, поднимаясь вверх по Нилу.

Первым из них был, вероятно, Василий Яковлевич Гагара, уроженец Плеса-на-Волге, торговый человек из Казани. В 1634 г. он отправился в паломничество по «святым местам» Востока. Целых «два года и три недели» (1635—1637) провел Василий Гагара в Египте, скитаясь по церквам и монастырям. Видимо, ближе к концу этого срока он побывал в Нубии, где тогда еще оставалось христианское население и сохранялись христианские святыни. Только в таком смысле можно понять слова Гагары, что он исходил в Африке «и Коптскую, и Эфиопскую земли».

Иван Лукьянов

Иногда сведения о Тропической Африке приносили в Россию путешественники, побывавшие только на севере материка. В 1701 г. в Палестину и Египет совершил паломничество Иван Лукьянов, старообрядческий священник из Москвы. В Палестине он видел богослужение коптов и эфиопов («хабежей»), а в Египте получил следующие сведения об истоках Нила:

«Нил-река будет с Волгу шириною, а бежит быстра и мутна, а воды пить нельзя ни по косму образу; а так наливают в сосуды, да миндальные ядра кладут, так вода отстоится и хороша станет. А Нил-река три месяца мутна бывает; потом и очищаться станет. В Великой Эфиопии, когда у нас бывает зима, а у них лето, от нас к ним солнце де забежит — так у них в месяцах в тех лето бывает; а когда настанет месяц май, так у них станет зима становиться, а от них к нам солнце в северные страны зайдет. Как у них май, июнь, июль — зима, морозы, снега глубокие; а когда настанет август месяц, у них бывают дожди и зима пойдет долой. Так та вода поляя пойдет во Египет, Успеньев день, и идет мутна три месяца...» Эти слова следует понимать так: истоки Нила находятся в южном полушарии, времена года в Европе и южной половине Африки полярны, и в августе — сентябре в районе истоков Нила идут дожди и тают снега. Все эти сведения он получил в Египте, но понял их в духе народных

русских представлений, что вполне логично для малообразованного россиянина.

Вообще все повествование Лукьянова отличается простодушием и непосредственностью. Вот продолжение рассказа об Африке и Ниле: «...и идет мутна три месяца, и рыба не ловится в те поры; а исчистится в ноябре; тут уж лов рыбной пойдет. В реке Нилу рыбы много зело, а рыба все тарань, иной мало. В [городе] Рахите по Нилу зело садов много и финников; финники не дороги — фунт копейка сушеных...

По Нилу-реке до Египта такие комары сильные, что сказать нельзя; невозможно быть без полога, единой ночи не уснешь без полога, а когда мы пришли, так нас комары обьели, так рожи наши стали что пьяные, угреваты, друг друга не опознаешь, а на них (рожах) знаку никакого нету, хошь их и едят».

О. И. Сенковский

Только в 1821 г. состоялась первая русская научная экспедиция в Нубию. Впрочем, русской можно назвать ее лишь с оговорками.

Вероятно, многие читатели встречали в работах по русской литературе первой половины XIX в. псевдонимы «барон Брамбеус», «турецкий критик Тютюнджи-оглу» и другие, принадлежавшие известному тогда литератору О. И. Сенковскому. И лишь немногие знают, что этот человек являлся одновременно ученым-востоковедом, знатоком 20 восточных и западных языков, профессором Петербургского университета.

О. И. Сенковский, белорус по матери и рождению, поляк по отцу и культуре, родился в 1800 г. в родовом имении на границе Литвы и Белоруссии. Среднее образование он получил в Минске, высшее — в Вильнюсском университете. С детства Сенковский говорил на польском, белорусском и основных европейских языках; в гимназии и университете он изучил русский, латинский, древнееврейский, арабский языки, позднее, живя на Востоке, — турецкий, персидский, новогреческий и др.

В 1818 г. восемнадцатилетним юношей он отправился в длительное путешествие на Восток. Здесь он провел три года (главным образом в Египте). Весной 1821 г. в сопровождении мальтийца-слуги молодой путешественник отправился из Египта на юг, в только что завоеванный египтянами Восточный Судан. И господин, и слуга были одеты по-восточному, говорили между собой по-арабски, маскируясь под северных африканцев. Кстати сказать, в 1822 г. экзаменовавшие Сенковского крупнейшие ученые Петербурга признали его лучшим знатоком арабского языка, чем они сами.

Трудно сказать, как далеко на юг проник Сенковский. Свои записки об экспедиции в Судан он озаглавил так: «Отрывки из путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии». Под Верхней Эфиопией, возможно, подразумевался район Хартума. Напечатанные почти одновременно в 1822 г. на французском и русском языках (по-русски их отредактировал писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский) записки Сенковского имели определенное научное значение, так же как и привезенная им копия надписи нубийского царя Силко (VI в.). Русские читатели впервые познакомились с почти совершенно неизвестным им Суданом, его природой, поселениями, обитателями.

Позднее в знаменитом журнале Сенковского «Библиотека для чтения» появилась его «Нубийская повесть Эксамбул», где в какой-то мере отразились суданские впечатления писателя.

Встречи в Египте

В Палестине и Египте русские путешественники видели не только эфиопских паломников и нубийских крестьян, но и негров-рабов.

В некоторых списках «Хождения Трифона Коробейникова» есть сравнение грешника с негром-рабом, который пытается поднять непосильную ношу: «Яко же и мы подобны оному муруну, несущему дрова в бремя велие, иже покушашеся понести и не можаше, и сие

множицею творя; тако же и мы грешнии не облегчаем бремене греховного покаянием».

В 1830 г. Н. В. Муравьев, встречавшийся до этого с эфиопами в Палестине, наблюдал в Египте конные полки, составленные из рабов-негров и пубийцев.

В 1834—1835 гг. А. С. Норов совершил путешествие в Египет и Нубию. Южнее Асуана он впервые увидел деревни Тропической Африки. Ранее в Иерусалиме он наблюдал эфиопских христиан. Третья встреча с Африкой произошла на невольничьем рынке в Каире:

«Базар черных издавна устроен в так называемом Хане Гафар, огромном здании с обширным внутренним двором. Невольники, расположенные разными группами, занимают весь этот двор; перед каждою группою видны продавец и покупатели. На террасах, которые расположены этажами кругом этого двора, есть особые отделения или ложи, назначенные для более достаточных купцов; в этих душевых ложах сидят под занавесками другие группы несчастных, под надзором равнодушного *джеллаба*, купца, сидящего на ковре и курящего трубку. Все это стадо людей обоего пола, в котором вы часто видите матерей с грудными младенцами или беременных, пригнано из глубины Африки, в наготе и рубищах... Абиссинские невольники резко отличаются от прочих красотою и правильностью лиц...

Я был однажды глубоко тронут, завлекшись любопытством на такое зрелище; несчастная абиссинка, полная прелести, будучи, вероятно против воли, из корысти ее властителя, принуждаема к самой неистовой пляске, и исполняя данные ей приказания, с лицом принужденно веселым, вдруг залилась горькими слезами...»

Украинцы в Африке

Розігрався щось вітрець мій рідний.
Став палкий пеначе той Хамсін,
Запальний рвачний Сахари син, —
Чи давно ж покинув край мій бідний?

Леся Українка

В давню годину як Ніл народився в пустині...

Леся Українка

Ети стихи написаны в Египте. Египет был первой африканской страной, где появились украинцы.

Паломники

Первым киевлянином, посетившим берега Нила, был игумен Даниил, прозванный Паломником. Он прибыл на поклонение «святым местам» христианства в Африке. В дальнейшем паломники из Киевской Руси и Украины шли «следами Данила». Так называлась одна книга, изданная во Львове в начале нашего столетия («Як-то Русь ходила следами Данила». Львів, 1907).

Особенно участились паломничества украинцев в Египет начиная с XVIII в. Монахи Макарий и Селиверст из Новгорода-Северского прибыли сюда в 1705 г. Они посетили Александрию и Рахит, наблюдали праздник разлива Нила, орошение полей каналами и удивлялись плодородию земли, приносящей два урожая в год. Из африканских растений внимание наших путешественников привлекла финиковая пальма, из животного мира — «птахи очень великі, называеми страуси». В 1706 г. Макарий и Селиверст оказались в Иерусалиме, где также встретили африканцев — коптов и эфиопов.

Впервые коптов в Палестине упоминает анонимный украинский «Путник о граді Іерусалимі», написанный между 1597 и 1607 гг. Позднее о них говорят Ипполит Вишенский (1707—1709 гг.), иеромонах Варлаам из Киево-Печерской лавры (1712 г.), Василий Григорович-Барский (1723—1747 гг.), Серапион Множинский (1749 г.) и другие, более поздние паломники. Черниговский иеромонах Ипполит Вишенский впервые в украинской литературе сообщает об Эфиопии, Тропической Африке, из состава которой особо выделяет «Агавешську землю» (Абиссинию). Макарий и Селиверст первыми на Украине писали о «хабежах» (абиссинцах, т. е. эфиопах).

О том, насколько трудным и опасным делом для украинцев были в те времена даже путешествия в Иерусалим, не говоря уже о Египте, видно из записок Серапиона Множинского, монаха Матроининского монастыря близ Чигирина. Греки советовали Серапиону скрыть свою национальность, не называться ни русином (украинцем), ни москалем (русским), чтобы не быть принятым за шпиона, а выдавать себя за болгарина или серба. Посещение дальних стран, городов, равных которым не было тогда «в нашей Малороссии», и «святых мест», знакомых по книгам с детства, щедро вознаградило Множинского за все перенесенные в пути невзгоды. В Иерусалиме он также видел «хабежей, или абесинов».

Безусловно, самым выдающимся из украинских путешественников XVIII в. был Василий Григорович-Барский. Сын небогатого киевского торговца, он не имел средств для путешествий, но жажда увидеть чужие страны преодолела все препятствия. В юности Василий Барский учился в Киевской академии, где слушал лекции знаменитого Феофана Прокоповича, в то время ректора Академии. В 1723 г., будучи совсем юным студентом, Барский отправляется в путешествие, которому суждено было продлиться четверть века! Молодой киевлянин, надеясь получить образование, поступил во Львовскую иезуитскую коллегию, но был изгнан оттуда как православный.

Желая продолжить образование за границей и повидать чужие страны, он через Закарпатье, Венгрию, Австрию, Словению пешком прибыл в Италию, обошел всю эту страну, в Венеции изучал греческий язык, затем в течение нескольких лет странствовал по Греции, Сирии и Палестине, трижды побывал в Египте, в ливанском городе Триполи продолжил занятия литературным греческим языком, на Кипре сам преподавал латинский язык, в Антиохии стал монахом и приближенным патриарха Сильвестра, жил в Константинополе и вернулся на Украину через Болгарию и Румынию. Ему довелось пережить морские штормы и землетрясение, дважды в Палестине его грабили до нитки, нередко он целые дни голодал и не имел крова над головой. И лишь один месяц, вернувшись в Киев, Василий Бар-

ский провел в родном доме. Он умер, не успев занять кафедру преподавателя греческого языка в Киевской академии.

Зная греческий, латинский, арабский и до известной степени итальянский и турецкий языки, Барский свободно общался с населением, получая сведения, которые не могли бы собрать другие путешественники. Примкнув к каравану мусульманских паломников, он посетил Дамасскую мечеть, закрытую тогда для европейцев.

Барский живо интересовался памятниками старины. В Египте он описал обелиск Клеопатры и колонну Помпея, в других странах — древние и средневековые архитектурные сооружения. Наибольшее впечатление на него, как и на современных людей, произвели до сих пор загадочные колоссальные сооружения Баальбека (в Ливане): циклопический храм и терраса из гигантских каменных плит. «Какови тии биша людие и какови имеаху храбрости и како толь безмерную тяготу возносоша на сицевую висоту!»

Василий Барский подробно описал свои путешествия, снабдив их переводами с греческого. Книга его называлась так: «Пешеходца Василя Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное». Долгое время не могли найти средства на издание рукописи; однако она вызвала такой интерес, что киевляне переписывали ее от руки. Только в 1778 г. рукопись была издана, притом не на Украине, а в Петербурге, и позднее выдержала несколько переизданий.

Василий Барский подробно описывает Нижний Египет и сообщает о колониях коптов во всех городах Палестины. Несколько раз упоминает он и Абиссинию. Однако об эфиопских христианах в Палестине Барский не говорит ни слова. Впрочем, слово «эфиопы» не сходит с его уст, но так он называет... арабов-бедуинов!

В общем в XVI—XVIII вв. украинцы знали из африканских стран главным образом Египет, особенно Нижний, а из стран Тропической Африки имели смутное представление лишь об Эфиопии.

В силу исторических причин на Украине в XVIII в. не могло появиться даже зачатков научной египтологии, арабистики или африканистики.

Первые эфиописты

Первым украинским ученым-семитологом был Симон Тодорский. После окончания Киевской академии он был послан для продолжения образования в немецкие университеты Галле и Йены. Здесь под руководством знаменитого немецкого семитолога Михаэлиса он изучил древнееврейский, сирийский, арабский и «халдейский» (т. е. древнеэфиопский) языки, а также греческий язык и богословские дисциплины. В 1738 г. Тодорский вернулся на родину с блестящим дипломом, подписанным Михаэлисом, где отмечались его исключительные познания в семитских языках. В течение четырех лет Симон Тодорский преподавал в Киевской академии немецкий, греческий и еврейский языки¹, но в 1742 г. был вызван в Петербург для того, чтобы стать домашним учителем закона божьего наследника престола и его жены, будущих императора Петра III и императрицы Екатерины II. Позднее Симон Тодорский был назначен архиепископом в Псков, где и умер в 1754 г.

Это был типичный представитель украинского «потерянного поколения» XVIII в., сделавший придворную и церковную карьеру, но не оставивший после себя научных трудов и научной школы, которые бы соответствовали его замечательным талантам и знаниям. И все же это был первый украинский эфиопист.

В XIX в. на Украине зарождается научный интерес к Эфиопии, появляются новые ростки эфиопистики. В 1810 г. типография молодого Харьковского университета выпускает «Грамматику» И. Орна-

¹ В Киевской духовной академии, первой высшей школе на Украине, преподавали с этого времени следующие языки: старославянский, латинский, греческий, древнееврейский, немецкий. Среди профессуры имелись лица, знакомые также с арабским, сирийским и турецким языками.

товского, где впервые упоминается эфиопский язык. Но только через пять лет первый украинец, известный просветитель Закарпатья Михайло Лучкай, начинает изучение языков Эфиопии и Египта: амхарского, геэз и коптского. Характерно, что делает это он за пределами родины, в одном из культурных центров Европы.

Михайло Поп, принявший фамилию Лучкай по родному селу Вельки Лучкы, родился в 1789 г. Ему посчастливилось получить образование в Ужгороде, Надъваране (теперь Орадия в Румынии) и в Вене. В Вене скромный украинский студент в 1812—1816 гг. изучает богословие в униатской семинарии «Барбарэум».

В течение 10 лет после окончания семинарии Лучкай служит архивариусом Мукачевского епископства в Ужгороде — центре украинской мысли в Закарпатье. В 1826 г. он получает заманчивое приглашение: стать капелланом в городе Лукке — столице одноименного итальянского княжества. Правителем Лукки оказался украинец-униат; его охранял от революции отряд украинцев; их-то духовные нужды и должен был удовлетворить отец Михаил Лучкай. Из Лукки Лучкай совершал поездки по другим городам Италии.

В 1830 г. вышел из печати его главный труд по украинскому языку: сравнительная грамматика старославянского и украинского языков (собственно карпатских говоров). В следующем году Лучкай возвращается в Ужгород, где становится настоятелем униатской церкви; умер он в 1843 г.

История Карпатской Руси — главный исторический труд Лучкай, — написанная по латыни, была завершена незадолго до его смерти, но до сих пор не опубликована. Несмотря на это, местные украинские историки широко использовали этот труд, не имеющий себе равных по фундаментальности.

В Ужгороде в мои руки попала старинная тетрадь небольшого размера, без обложки¹. На первой странице — надпись на русском

¹ Эту тетрадь любезно предоставил мне доцент кафедры истории Ужгородского университета Я. И. Штернберг, который спас ценную рукопись для науки.

языке: «Сей словарь и алфавит написал в 1815 году в Вене Михаил Лучкай и подарил библиотеке Мукачевского епископства в 1817 г.»¹.

С удивлением я рассматривал тексты, написанные попеременно по латыни и эфиопским алфавитом; иногда мне удавалось прочесть слова и целые выражения языка геэз, иногда я не мог понять языка, вероятно амхарского, которого почти не знаю. Кое-где в качестве близких примеров в словаре встречались арабские слова, но написаны они неумело, слева направо, а не справа налево, как надо. Эфиопские буквы также иногда были начертаны неразборчиво или неверно.

Вот как описывает эту тетрадь Т. Л. Тютрюмова, опытный ленинградский эфиопист: «...в ней содержится не только алфавит и словарь, но также текстовый материал (молитвы), образцы предложений, краткие фонетические комментарии и числительные языка геэз. Так, на обороте первого листа приведена молитва «Отче наш» на коптском языке, написанная эфиопскими буквами, и краткий комментарий к ней на латинском языке. Лист второй содержит молитву «Отче наш», но на амхарском языке. Затем также следует текст (параллельный) на латинском и амхарском... Второй и третий листы содержат молитву «Символ веры» («Верую») на амхарском языке. С середины третьего листа идут... около десяти амхарских предложений, близких по синтаксису к языку геэз... На листах четвертом и пятом представлен краткий словарь (около 50 слов) языка геэз... На пятом листе... приведены также числительные языка геэз... Далее на четырех листах дается алфавит языка геэз... К алфавиту... приложена таблица сравнений произношения букв языка геэз с буквами других языков: арабского, английского, французского и венгерского. Заканчивается алфавит таблицей дифтонгов языка геэз с краткими фонетическими комментариями к ним».

¹ Впервые об этой рукописи упоминает чешский ученый Франтишек Тихий.

Откуда Лучкай черпал материалы для своих занятий по языкам Эфиопии, установить не удалось.

В октябре 1964 г. Т. Л. Тютрюмова в соавторстве с Я. И. Штернбергом сделала о рукописи Лучкая доклад на I Всесоюзной конференции по семитским языкам.

К сожалению, никто из биографов Лучкая не смог ответить на вопрос: «Сохранял ли закарпатский просветитель интерес к Эфиопии в итальянский период своей жизни, когда Италия была главным центром эфиопистики в Европе?»

В 1829 г., когда Михайло Лучкай находился в Лукке, в Харьковском университете было введено преподавание языка геэз. Курс его читал по латыни немецкий ученый Б. А. Дорн. Хотя в Харьков он приехал всего 24 лет от роду, к этому времени он у себя на родине, в Германии, уже защитил докторскую диссертацию по эфиопской филологии. Дорн больше известен как арабист и знаток других восточных языков и литератур. Его лекции слушал известный украинский историк Н. И. Костомаров. В 1836 г. Дорн перебрался в Петербург, и брошенные им зерна эфиопистики и арабистики на Украине погибли, не дав ростков.

В 1861 г. в Киеве обосновался первый русский эфиопист Порфирий Успенский, о котором говорилось выше. Здесь он напечатал свои главные работы по эфиопскому христианству, здесь он собрал коллекцию эфиопских рукописей, пополненную теми, которые были вывезены им из Палестины. В то время в Киеве определенно пробудился интерес к Эфиопии и Нубии, заметный в изданиях Киевского университета и духовной академии.

К тому времени возросло число путешественников как из Западной, так и из Восточной Украины, посетивших Иерусалим с его колониями африканских христиан и Египет. Однако только во второй половине XIX — начале XX в. украинцы появляются в странах Тропической Африки. Большинство украинских путешественников попадали сюда в составе русских экспедиций. Самыми выдающимися из них были Е. Ковалевский и А. Булатович.

Е. П. Ковалевский

Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен...

Он дорог был и там, в земле чужой...

Ф. И. Тютчев.

Памяти Е. П. Ковалевского

Егор Петрович Ковалевский родился в 1811 г. на Харьковщине в мелкопоместной семье.

Окончив университет, Ковалевский поступает на службу в Петербург, в департамент горных дел, но уже в следующем 1829 г. уезжает в Сибирь.

Спустя несколько лет в результате случайной встречи с одним высокопоставленным иностранным гостем и удачно выполненного поручения Е. П. Ковалевский становится скорее дипломатом, чем инженером. Его посылают за границу, он сопровождает иностранных представителей в поездках по горным предприятиям России. Черногория, Румыния, Стамбул, Средняя Азия, Монголия, Китай — вот далеко не полный перечень стран, где побывал Е. П. Ковалевский.

В 1846 г. перед инженером-дипломатом открылась редкая возможность отправиться в наиболее опасное, но и наиболее интересное из всех совершенных им путешествий. В Россию прибыли египетские инженеры, присланные для ознакомления с работой русской золотодобывающей промышленности. Е. П. Ковалевскому было поручено сопровождать их на Урал, а вслед за тем появился план отправки русской инженерной миссии в Судан, принадлежавший тогда Египту.

В конце 1847 г. миссия была полностью укомплектована. В нее вошли кроме Е. П. Ковалевского два мастера с уральских золотых приисков: штейгер Бородин и золотопромывальщик Фомин, а также ботаник и этнограф Д. Ф. Ценковский. В самом конце декабря 1847 г. экспедиция прибыла в Каир, крупнейший город Африки.

Нил, величайшая из рек Африки, одна из полноводнейших рек

мира, истоки которой еще не были открыты. Колесный пароход под зеленым египетским флагом шумно, но медленно движется вверх по реке. На берегах, между обрывистыми скалистыми горами, где начинается пустыня, и водами Нила, неширокой полосой лежит весь Египет, древнейшая, удивительная страна. К воде спускаются египетские деревни, тесно застроенные домами из нильского ила, над ними поднимаются рощицы финиковых пальм и сикомор, зеленеют поля. Их сменяют небольшие города с базарами и мечетями, а порой и коптскими церквами, в том числе знаменитый своими танцовщицами Эсне... Наконец показался и Асуан, самый южный из городов Египта.

Здесь экспедиция пересаживается на дахабии — нильские барки, мало изменившиеся с тех пор, как они перевозили каменные блоки и статуи для храмов эпохи фараонов. На дахабиях путешественники поднимаются вверх по реке от I порога. Начинается Нубия — ворота в Тропическую Африку. Пересечен Северный тропик, Тропическая Африка готовит первую встречу северянам.

В дневнике, который аккуратно ведет Ковалевский, появляются записи о нубийцах. Это древний народ, в жилах которого течет кровь мероитов и негроидов. Они испокон веков занимаются земледелием, переняв у соседей-египтян систему орошения полей. Нил и солнце дважды и трижды в год совершают чудо плодородия: с небольших полей, протянувшихся узкими лентами вдоль реки, нубийские крестьяне ежегодно снимают по два-три урожая.

«В Египте и Нубии, — записывает Ковалевский, — поражает путешественника сильная растительность: в одно и то же время он видит яркую зелень, цветы и плоды, и все это круглый год... Жатва поспевает скоро: для ячменя, например, нужно менее двух месяцев от посева, пока он совсем созреет». Однако поля нужно постоянно поливать, перед каждым посевом земля должна быть вспахана и снова орошена. Зато периода жатвы практически нет, он разбит на множество разновременных действий. «Нубийцу нужно немного, и он обыкновенно пользуется пищей прямо с поля. Тут у него поне-

множку всего, и во всякое время что-нибудь поспело: или бобы, или ячмень, или горох, чечевица, дурра...» Никогда раньше Ковалевский не наблюдал, чтобы хлебные растения шли в пищу прямо с полей, а ведь такой хлеб во много раз витаминознее того, который едим мы.

Е. П. Ковалевский был достаточно образован и опытен, чтобы отчетливо сознавать: при существовавших в то время в Судане колониально-феодальных порядках не могло быть и речи о прогрессе земледелия.

Уже четверть века грабили страну «турки» — разноплеменный сброд завоевателей, обосновавшихся прежде в Египте, а затем подчинивших себе Судан. Тяжела участь земледельцев Нубии, у которых большую часть урожая отбирает паша — наместник провинции, сборщик налогов или местный феодал, а то и просто прохожий солдат. Но ничто не может сравниться с участью негров, живущих на юге; «турки» и вспомогательные нубийские отряды угоняют стада коров, конфискуют запасы зерна, крадут детей, молодых девушек, а нередко уводят в рабство все население деревень, кроме дряхлых стариков и тех, кто пытается защищаться с оружием в руках: этих ждет смерть от пули или сабли.

За пять дней плавания от Асуана путешественники трижды встречали большие дахабии, полные чернокожих рабов, отправляемых на продажу в Египет.

В городке Короско экспедиция останавливается. Здесь Нил круто поворачивает на запад и к нему выходят два караванных пути. В Короско непременно останавливались караваны, направляющиеся в Египет с рабами и слоновой костью. Эти товары перегружались на дахабии, а грузы и путешественников из Египта пересаживали с барок на верблюдов, ослов и лошадей. Отряд Е. П. Ковалевского также выгружается на берег и снаряжает караван, в котором одних верблюдов было около сотни. Проводниками и погонщиками верблюдов становятся кочевники из чернокожего племени абабде. Они, подкрепившись горстью проса и запив его глотком прогорклой воды из

бурдюка, в состоянии тринадцать часов подряд шагать с караваном, и так много дней подряд! Мало того, на привалах абабде не валяются на землю от усталости; подходя к ночлегу или колодцу, они выбегают вперед, поют и пляшут, дурачатся, как школьники. Нет, даже в Казахской степи и в Кызылкумах Ковалевский не видел таких примеров выносливости. И это в одной из самых безжизненных пустынь мира!

«Сначала на пути были признаки жизни: дерево-другое акации, но, боже, что это за дерево! Только полусохшие ветки да иглы; ворон, вьющийся над караваном, но и тот к вечеру вернулся назад; пещера, в которой видны следы гиены, но и гиена недолго жила в этих безводных местах. На другой день пустыня явилась во всем ужасе разрушения и смерти. Остовы верблюдов и быков попадались на каждых десяти шагах, иногда чаще; ни червяка, ни мухи, ни былинки: как будто здесь и не было никогда жизни! Низменные, отдельные, разбросанные, до половины занесенные песком горы имели совершенное подобие могил. Расположенные на безбрежной равнине, они придавали ей вид кладбища... Небо так же пусто, как земля, еще пустынное ее, потому что горизонт шире».

Вода в бурдюках стала совершенно отвратительной на вкус и на запах. Жара удушающая, но абабде шагают бодро: «Разве это жара? Сейчас еще зима, хотя и на исходе. То ли будет летом!»

У городка Абу-Хамеда караван вышел на берег Нила. Далее, над берегом великой реки, караван двинулся на юг и через четверо суток прибыл в городок Бербер, где экспедиция снова пересаживается на дахабии и при попутном ветре 20 февраля достигает Хартума.

После Кермы, Напаты, Мероз, Донголы, Собы и Сеннара Хартум стал седьмой по счету столицей этой древней страны. Самый молодой, многолюдный и разноплеменный город Судана, выросший за четверть века турецкого владычества.

На улицах бредут пешком, едут на конях, ослах и верблюдах суданские арабы всех племен, нубийцы, негры-рабы, европейские тор-

говцы и миссионеры, копты-писаря, чиновники-турки. Очень много солдат регулярных и иррегулярных войск: негритянская пехота из южных племен, египетские стрелки, конные магрибинцы, мингрелы, албанцы, славяне Балканского полуострова, татары берегов Черного моря, множество черкесов и абхазцев и сравнительно небольшое число настоящих турок. Ковалевский слышит славянскую речь: это босняки, говорящие по-сербски, и помаки, родным языком которых является болгарский или македонский. Сквозь щель в глинобитном заборе путешественник видит кучку почти совершенно голых, истощенных людей, связанных попарно, — это рабы, недавно пригнанные с юга. Среди них расхаживают два смуглых араба с бичами — это геллябы, надсмотрщики в караванах рабов; геллябами называют и работоторговцев.

В Хартуме экспедиция пробыла всего два дня, захватила дополнительное снаряжение и двинулась на юг, в золотоносные области Судана.

На другой день после выступления из Хартума маленькая флотилия достигла развалин Собы — города, который процветал еще в глубокой древности, а в средние века был столицей христианского царства. Жители Хартума безжалостно уничтожали развалины Собы, растаскивая их на кирпич.

А вот и Сеннар — городок, состоящий из лачуг, едва насчитывающий 25 тыс. жителей; четверть века назад он был столицей могущественного султаната фунгов, распространивших свою власть на большую часть Судана. Турки разрушили султанат, сожгли и разграбили город, перенесли столицу в Хартум — и Сеннар, имевший в лучшие времена стотысячное население, больше никогда не смог подняться над уровнем второстепенного провинциального городка.

На смену степной растительности приходит влажный галерейный лес — заросли тростников, деревьев, переплетенных лианами, кишачи дикими животными, птицами, змеями. С берега слышны рычание львов, крики обезьян, рев бегемотов, хохот гиен. День за днем дахабин плывут на юго-восток. «Все те же низменные берега, порос-

шие чащей; за ней, поодаль, деревенька или кочевье арабов, которых засуха переселила на берега Нила».

Наконец флотилия барок достигла городка Россейрес, где реку преградил еще один порог. Снова погрузив снаряжение на выючных животных, экспедиция двинулась к подножию гор Коссана — конечной цели путешествия. В городке Кери Е. П. Ковалевский посетил огромный склад снаряжения для добычи золота, созданный по приказу египетского хедива Мухаммеда-Али. Сюда были доставлены из Европы огромные запасы ртути, платиновые тигли, теодолиты и другие приборы стоимостью сотни тысяч золотых рублей. Частью разбитые, частью разрушающиеся от климата, они приходили в полную негодность. Инженерная миссия должна была найти золото, промышленные месторождения, построить фабрику для его промывки и очистки и организовать добычу. В короткий срок она с честью выполнила свою задачу, и оставшиеся целыми и неразворованными запасы правительственного склада в Кери были пущены в дело. Египетские инженеры Мухаммед-Али и Дешури, проходившие в свое время практику на Урале, вместе с Ковалевским и русскими мастерами успешно заведовали первой в Тропической Африке золотопромывальной фабрикой¹.

Хотя работа по сооружению фабрики велась днем и ночью, Е. П. Ковалевский находил время проводить разнообразные научные исследования. Он изучал геологическое строение края, записывал исторические предания о временах Сеннарского султаната, расспрашивал арабских купцов о народах, обитающих в лесах и саваннах Юга, о загадочных племенах, живущих на вершинах окрестных гор, превращенных ими в настоящие крепости, о реках, колодцах и рынках, увиденных купцами в далеких южных и восточных областях.

¹ Позднее, в 1904 г., русский инженерный отряд наладил добычу золота в эфиопской провинции Уоллега. Как показал в одной из своих работ советский африканист Л. Е. Куббель, это были первые случаи технической помощи европейской страны государствам Тропической Африки.

У Ковалевского созревает план совершить экспедицию в верховья реки Тумат, куда еще никогда не ступала нога европейца. «Турецкий» правитель области долго противился этой идее своего беспокойного гостя, но в конце концов согласился предоставить охрану и проводников.

13 марта отряд численностью свыше тысячи солдат выступил в поход. На вершинах гор загорелись сигнальные огни: жители решили, что многочисленное «турецкое» войско вышло на охоту за рабами. Но странный командир, ехавший впереди него, строжайше запретил захватывать в плен людей, а также открывать огонь без своего специального приказа. Все же солдаты не могли удержаться от того, чтобы не брать в плен всех оказавшихся на их пути местных жителей, которые, конечно, стремились спрятаться или убежать при их приближении. Е. П. Ковалевский же под разными предлогами всех их отпускал на волю.

В пути он производил геологические, географические и этнографические наблюдения и, между прочим, открыл новый золотоносный район. Все больше путешественник убеждался в том, что на картах неверно обозначены истоки Нила. Теперь он мог обосновать гипотезу, что истоки великой реки следует искать значительно юго-западнее, чем думали прежде (эта гипотеза подтвердилась в результате дальнейших исследований).

Дойдя до самых границ Эфиопии, экспедиция повернула назад. Но она не была единственной; Ковалевский и его спутники совершили еще несколько путешествий в окрестные горы и долины золотоносных ручьев.

В одной из поездок они оказались в небольшой крепости Дуль, где тогда находился один из наиболее известных «турецких» офицеров Судана — Омар-ага. Он командовал здесь наемным отрядом «арнаутов», в котором осталось не так уж много настоящих албанцев, а больше греков, турок, татар и славян Балканского полуострова. Сам Омар-ага оказался родом с черногорско-албанской границы. Вечером в его доме собрались заброшенные в Африку славяне: черно-

горцы, сербы, хорваты, босняки, говорящие на общем для них всех сербохорватском языке, одетые в одинаковые югославские свитки, похожие на украинские. Среди них сидел украинец, который в молодости сам бывал на Балканах и любил этот край. Ковалевский заметил среди круглых тростниковых хижин, где жили африканские солдаты, несколько мазанок — «несколько домиков, сбитых из глины, выбеленных начисто, с соломенной крышей, которые напоминали мне наши малороссийские хаты... Передо мною мелькали сербские свитки: Осман-бей потчевал ракией; все это наше, родное, славянское!..»

В апреле 1848 г. Ковалевский и оба русских мастера в сопровождении целого отряда войск двинулись в обратный путь.

Ковалевского интересует прошлое Судана. Чтобы увидеть основные памятники старины, Ковалевский избирает обратный путь в Египет по левому берегу Нила. Он посещает Старую Донголу, одну из двух (наряду с Собою) столиц средневековой Нубии. На крутых берегах и плодородных островах Нила он видит еще не исчезнувшие следы христианского средневековья: полуразрушенные или превращенные в мечети церкви, «укрепленные на неприступных горах монастыри, обведенные толстыми стенами из необожженного кирпича», развалины замков, служивших резиденциями воинственным христианским и мусульманским феодалам, высеченные в скалах пещеры, где проводили остаток жизни отшельники-монахи, взирая с высоты на оставленный ими суетный мир в зеленой долине Нила...

С памятниками средневековья мирно соседствуют архитектурные сооружения древности, некоторые из которых были воздвигнуты более трех с половиной тысяч лет назад: храмы, построенные египтянами Среднего и Нового Царств, расширенные и реконструированные позднее нубийскими царями Напаты и Мероэ; в некоторых храмах сохранились фрески христианского периода, изображающие троицу, богородицу и святых, перемежку с древними языческими барельефами. Останки древних царей покоятся в своеобразных величественных пирамидах, похожих и в то же время непохожих на

древнеегипетские. На севере страны, куда заходили армии фараонов, высятся на прибрежных скалах древние египетские крепости, сложенные из массивных каменных блоков; здесь жили чиновники-жрецы и командиры наемных греческих, сардинских, карийских отрядов, которые подобно «туркам» XIX в. держали в повиновении крестьян и кочевников древнего Судана.

Во время перехода через пустыню Бейюда Ковалевский тяжело заболел. Чуть живого его принесли на руках в Мероэ. Отсюда частью на барках, частью на лошадях путешественники вернулись в Асуан. Снова Египет, Палестина, Сирия, Украина, Петербург.

Здесь Ковалевский читает научные доклады о своем путешествии, пишет докладные записки царю и в 1849 г. публикует книгу, выдержавшую множество изданий: «Путешествие во внутреннюю Африку». Кроме собственных наблюдений, автор использовал для нее материалы петербургских библиотек, неопубликованную рукопись уже упомянутого азербайджанского путешественника Зейн аль-Абидина, вероятно, в пересказе открывшего ее Ханыкова, беседы с Порфирием Успенским, которого Ковалевский посетил в Иерусалиме. Ковалевский создал одну из самых интересных книг об Африке, появившихся когда-либо на русском языке. К сожалению, она более ста лет не переиздавалась, и все ее прежние издания стали библиографической редкостью.

А. К. Булатович

Самые необычные приключения в Африке выпали на долю А. К. Булатовича.

Потомок старинной и богатой украинской семьи, выпускник Царскосельского лицея, лейб-гусарский офицер, Александр Ксавьеревич Булатович вел обычную для тогдашнего Петербурга светскую жизнь: был великолепным наездником и неоднократно получал первые призы на скачках, прославился он и как непобедимый фехтовальщик. И, вероятно, мало кто знал об интеллектуальных интересах этого молодого и блестящего гусара.

И когда он в 1896 г. отбыл в Эфиопию с отрядом Русского Красного Креста, это объясняли жаждой приключений¹. Однако даже из африканских дневников Булатовича видно, что он искал не просто новых впечатлений, а нового мироощущения, более возвышенной жизни, чем та, которую он вел в Петербурге. Таким образом, крутой поворот жизненного пути был подлинным началом духовных исканий Булатовича.

В марте 1896 г. пароход с отрядом Красного Креста отчалил из Одессы и вскоре вошел в залив Теджуры. По берегам залива расположились форты французской колонии Сомали. В столице колонии, городке Джибути, отряд выгрузил снаряжение и людей; отсюда через Данакильскую пустыню начинался караванный путь в Эфиопию. Пока собирался в дорогу караван, Булатович вызвался доставить в Харар правителю Восточной Эфиопии расу Маконнену (двоюродному брату тогдашнего императора Эфиопии Менелика II и отцу ныне царствующего императора Хайле Селассие I) известие о прибытии отряда, чтобы заблаговременно подготовить его встречу на эфиопской территории и устройство госпиталя. Впервые в жизни гусар сел на верблюда, и через 90 часов почти непрерывной езды (потратив на отдых всего 14 часов) он достиг Харара, покрыв 350-километровое расстояние по горам и пустынным степям! Это был настоящий рекорд, более трудный, чем петербургские скачки.

Рас Маконнен чрезвычайно любезно встретил офицера. Эфиопия имела все основания желать скорейшего прибытия русского санитарного отряда. Только что в битве при Адуа были разгромлены итальянские захватчики, вторгшиеся в северные провинции страны; однако часть оккупированных территорий они сохранили в виде

¹ И. С. Кацнельсон, много сделавший для изучения биографии А. К. Булатовича, писал в 1964 г. (цитирую в переводе с английского и французского изданий сборника «Россия и Африка»): «Булатович, жаждавший новых впечатлений, был после настойчивых ходатайств причислен к этому отряду».

колонии Эритрея¹. В то время итальянский империализм пользовался поддержкой Англии; в противовес ему Эфиопия надеялась на помощь со стороны Франции и России. Император Менелик рассчитывал, что вслед за врачами и санитарами приедет русская дипломатическая миссия, а также военные специалисты (русские отставные офицеры, в том числе полковник Н. С. Леонтьев, уже находились в Эфиопии). Надежды руководителей Эфиопии подогревались и тем, что санитарный отряд сопровождала конная охрана — полусотня донских казаков во главе с атаманом П. Н. Красновым, а также несколько офицеров, одним из которых был сам Булатович.

Вторая причина... Для простых людей Эфиопии она была первой. Тысячи раненных в боях с итальянцами, десятки тысяч больных нуждались в квалифицированной врачебной помощи, которую не могла обеспечить кучка европейских врачей, обосновавшихся в Аддис-Абебе.

Вскоре первый русский госпиталь начал прием больных².

Булатович мало участвовал в работе госпиталя. Он жаждал увидеть глубинные районы страны, все больше захватывавшей его. Наконец начальник санитарного отряда генерал-майор Шведов разрешил поручику Булатовичу предпринять поездку в центральные и западные провинции Эфиопии. Эту экспедицию А. К. Булатович совершил верхом на коне в сопровождении нескольких слуг. Эфиопия раскрылась ему во всем ее неповторимом единстве и многообразии. Каменистые пустыни, горы, красно-зеленое плодородное плато, глубокие долины рек с жирной и пышной растительностью и, наконец, река Баро на крайнем западе страны, уходящая в жаркие низменности Судана. Какое множество народов, в конечном счете

¹ Теперь Эритрея — одна из провинций Эфиопии.

² За полгода пребывания в Эфиопии русские врачи приняли 27 тыс. больных и раненых, произвели 1 тыс. операций. Были подготовлены санитары из местного населения. Позднее отдельные русские врачи и советский госпиталь в Аддис-Абебе продолжили эту традицию.

близко родственных между собой! Адари — народ, населяющий лишь город Харар; правоверные мусульмане — искусные ремесленники и торговцы; сухощавые полуголые данакилы, пасущие верблюдов и коз на бедных пустынных пастбищах; многомиллионный народ галла, распадающийся на множество племен; загадочные алаба и камбатта, государство которых только что завоевано амхарцами; гордые завоеватели амхара — самый культурный из народов Эфиопии; трудолюбивые и воинственные гураге, говорящие на семи разных языках, близко родственных амхарскому и адари, но все же очень своеобразных... Фантастические пляски данакилей; полевые работы гураге и галла, когда мужчины с песней дружно вскапывают землю простыми деревянными кольями, а женщины обносят работников кувшинами с пивом; древняя система орошения; церкви, похожие на огромные шалаши; эфиопское богослужение с гортанным пением, африканским ритмом, священными плясками и ритмичной, первозданной музыкой; пиры амхарских феодалов, где щедрость хозяев воспевают бродячие поэты-певцы, а десятки и сотни солдат одновременно пьют хмельной мед и едят сырое мясо с обжигающе острым перцем...

Глубокой стариной повеяло на молодого путешественника. Булатович сравнивает Эфиопию конца XIX в. с Киевом времен князя Владимира Святославича...

Путешествие, начатое в октябре 1896 г., закончилось в феврале 1897 г. В мае Булатович возвращается в Петербург и в том же году издает свою первую книгу «От Энтото до реки Баро». Написанная на основе путевых дневников, она представляла собой несомненный вклад в географическую науку, тем более что некоторые районы Эфиопии Булатович посетил одним из первых европейцев.

Еще до поездки в Африку он приступает к изучению амхарского языка, а находясь в Эфиопии, быстро в нем совершенствуется. Теперь же в Петербурге молодой путешественник усиленно занимается математической географией, учится обращению с измерительными приборами, картографированию, геологии. Он читает всю лите-

ратуру об Эфиопии на европейских языках, какую только можно было достать в Петербурге. Булатович снова готовится к поездке в эту африканскую страну, чтобы продолжить изучение западных и юго-западных провинций, недавно покоренных войсками Менелика.

И вот в январе 1898 г. путешественник снова в Эфиопии. Навербовав небольшой отряд ашкеров, эфиопских солдат, он ускоренным маршем движется на юго-запад, в Каффу, где собирает свои войска рас Уолде-Гиоргис. Родственник императора Менелика, один из его крупнейших полководцев и вельмож, он получил в управление ряд пограничных областей. По обычаю, рас мог расширить свои владения за счет народов и царств, не покорившихся императору. Только что его отряды завоевали и оккупировали Каффу — большое и сравнительно культурное государство. Достигнув границ Каффы, Булатович вступает в эту удивительную страну и становится свидетелем ее перехода в новую историческую эпоху. Никогда еще Каффа не покорялась чужеземцам, никогда не теряла независимости. Правда, в XV в. она признала власть эфиопского императора и приняла христианство, но позднее снова обрела полную самостоятельность. Последние цари Каффы даже официально отреклись от христианства и установили новую государственную религию — смесь христианских праздников, идей и обрядов с древними магическими культами. Все сношения с иными странами осуществляла только государственная власть и каста купцов, исповедовавших мусульманство. Христиан оставалось немного, и они не смели покидать пределы страны. И ни один иностранец, кроме посла иной державы, не имел права быть допущенным в священные пределы Каффы. Но и послы доставлялись только в столицу и отправлялись обратно, не имея возможности осмотреть страну. Каффу называли африканским Тибетом; она была недоступной и таинственной.

Булатович первым из европейцев получил возможность проехать всю Каффу из конца в конец, свободно передвигаться по ее территории, встречаться с любым из ее жителей, производить научные наблюдения, фотографировать, собирать коллекции, охотиться. В сво-

ем дневнике он аккуратно записывает все увиденное и услышанное. Здесь мы находим массу ценных сведений о быте народа и царского двора, религии и общественном строе Каффы, исторические предания и рассказы о только что оконченной войне, включившей Каффу в состав Эфиопской империи.

В Аддис-Абебе планировали новые походы эфиопских войск на юг и запад. На повестке дня истории стоял вопрос: кто раньше присоединит к своим владениям независимые племена Южной Эфиопии: император Менелик или Британская империя, может быть, уделив какой-то кусок империалистической Италии? Поэтому в пограничных областях Эфиопии готовились четыре военные экспедиции: на юго-восток — сравнительно небольшие отряды эфиопских войск, на юг — армия раса Леоптьева, отставного полковника русской армии, состоявшая из эфиопских полков, донских казаков и сенегальских стрелков под командой французских офицеров, на запад — армия раса Тесеммы, к которой присоединились русские и французские военные советники во главе с полковником Л. К. Артамоновым, на юго-запад — армия раса Уолде-Гиоргиса. Таким образом, Булатовичу предстояло стать одним из многих русских и французских военных советников, распределенных среди эфиопских феодальных армий.

В Бонге Булатович застаёт раса Уолде-Гиоргиса. Дружески принятый могущественным вельможей, гусарский офицер становится его военным советником и — неофициально — начальником передового отряда, обязанностью которого были разведка и определение географического положения эфиопских войск на марше. Это не был даже авангард: авангард, по эфиопской военной традиции, составлял особую колонну под командованием своего начальника — фитаурари. Столь необычная для эфиопской армии должность, на которую был назначен Булатович, давала ему возможность первым вступать на еще не известные территории, не опустошенные войной, производить уникальные научные наблюдения, но вместе с тем подвергаться исключительной опасности. Однажды он, занятый астрономическими

наблюдениями, оказался в гуще боя, под градом стрел и камней; другой раз он отделился от армии и заблудился на территории, занятой врагом; третий раз он едва не был растерзан слоном.

Три с половиной месяца провел Булатович в походе с эфиопскими войсками, прошел с ними 8 тыс. км. За это время он открыл больше неизвестного и пережил больше приключений, чем иной путешественник за целую жизнь.

Булатович первым из европейцев посетил страну Гимирра, населенную особым народом, подвластным сначала царям Каффы, затем Уолде-Гиоргису. Он был одним из первых, кто лично наблюдал и исследовал нилотские племена Юго-Западной Эфиопии: шуро, иде-нич, мурле, туркана, — первым открыл народ маджи, родственник гимирра, но живущий изолированно в горах, среди отсталых нилотских племен.

Кроме того, путешественник, несмотря на свои военные обязанности, регулярно изучал геологическое и гидрологическое строение пройденных им земель, нанес их на карту, собрал ценные этнографические и минералогические коллекции, много фотографировал и непрерывно вел дневник. На основе личного наблюдения он первым опроверг распространенное тогда ошибочное мнение, что река Омо — вторая по величине в Эфиопии — является притоком Нила, и нанес на карту один из главных притоков Белого Нила — реку Собат.

В июле 1898 г. Булатович покидает Эфиопию. Он увозит с собой драгоценные подарки от императора Менелика и раса Уолде-Гиоргиса: золотую саблю, золотой щит и легендарное серебряное копье царей Каффы. Его сопровождает верный Зелепукин и пятилетний негр-итенок Васька, спасенный Булатовичем от смерти и выпестованный Зелепукиным.

По возвращении в Петербург прославленный теперь путешественник делает доклад о своих географических открытиях и результатах научных наблюдений в Русском географическом обществе. Доклад имел большой успех. Царское правительство со своей стороны гото-

вит гусарскому поручику награду: орден Станислава второй степени и производство в чин капитана.

Не знаю, в какой степени такого человека, как Булатович, могла порадовать такая награда. В душе он уже, несомненно, распростился со своей гвардейской карьерой. Всю вторую половину 1898 г. он был занят тем, что готовил к печати дневники своего второго путешествия и готовился к третьему. Эти дневники вышли отдельной книгой в начале 1900 г. под названием «С войсками Менелика II». Это одна из самых увлекательных книг об Африке, когда-либо написанных на русском языке.

В конце книги Булатович поместил словарь некоторых кушитских и нилотских языков Эфиопии; часть из них впервые стали предметом научного изучения.

К сожалению, вторая книга Булатовича, как и первая («От Энтото до реки Баро»), ни разу не переиздавалась.

Сдав ее в набор, неутомимый путешественник в третий раз отправляется в Африку. На этот раз он посещает крайний запад Эфиопии: населенные галла провинции Уоллега и Илу-Бабор, а также пограничную с Суданом мусульманскую область Бени-Шонгуль. Здесь он снова производит ряд астрономических наблюдений, важных для картографирования местности, собирает коллекции, делает ценные заметки по социальному строю, быту, хозяйству и истории Западной Эфиопии. Результатом этой серии наблюдений, а также сведений, собранных в первых двух экспедициях, была интересная статья «О рабстве в Эфиопии и прилегающих провинциях Судана». К сожалению, она не была опубликована ни тогда, ни позднее. Напрасно ждали читатели в России и на Украине третьей книги Булатовича: он больше не готовил к печати своих дневников.

В 1900 г. он был на вершине успеха. В начале года он прибыл в Петербург из своего третьего путешествия. Вскоре вышла из печати его замечательная книга, встреченная с восторгом и учеными, и рядовыми читателями. В запасе у ее прославленного автора еще одна книга — дневники и записные книги, фотографии и коллекции

третьего путешествия в Эфиопию. Поездка в Маньчжурию, предпринятая летом того же года, говорит об избытке сил... Но в 1900 г. Булатович решительно порывает со всей своей прежней жизнью.

По сведениям, собранным И. С. Кацнельсоном, Булатович в 1903 г. оставляет службу в лейб-гусарском полку и становится сначала послушником, а затем принимает пострижение в монахи под именем брата Антония. Между 1906 и 1908 гг. он успел разочароваться в официальном православии и русском монашестве. В эти годы он предпринимает свое четвертое путешествие в Эфиопию. На этот раз он возвращает Васку на родину: мальчик в России страдал ностальгией.

Очень тихо вернулся Булатович из своего четвертого путешествия, и лишь немногие знали о его поездке в Эфиопию. Но вера его в идеалы монастырской жизни, сильно поколебленная в России, Эфиопии и на Украине, еще не была окончательно разрушена.

В 1909 г. он появляется на Афоне, где православные монастыри образовали настоящую «монашескую республику», подлинное государство в государстве. Подавляющее большинство афонских монахов составляли славяне и румыны; среди них 60% принадлежало русским и украинцам, а также другим подданным Российской империи. В «монашеской республике» начались раздоры по религиозным вопросам. Монахи-иностранцы в большинстве склонялись к точке зрения «имяславцев», или номиналистов, которую официальная церковь считала еретической. «Имяславцы» представляли собой одновременно мистическое и реформаторское течение в православии, тесно связанное с общим движением прогрессивной мысли в Российской империи и на Балканах. Булатович решительно стал на сторону «имяславцев». Когда борьба из области религиозно-философских диспутов перешла на поле рукопашных схваток, сказался численный и организационный перевес «еретиков», среди которых было немало отставных военных. В дело вмешались греческие власти и выслали наиболее воинственных монахов-иностранцев, в том числе нашего путешественника и отставного лейб-гусарского офицера.

Сначала Булатович пытался устроиться в Никифоровском монастыре в Петербурге, но теперь отношение правящих кругов к нему резко переменялось. Весьма далекий от революционного движения и вообще от политики, он тем не менее рассматривался в качестве крайне неблагонадежного «подрывателя основ», вождя «афонских бунтовщиков». Синод специально обратился в министерство внутренних дел с просьбой выслать Булатовича из столицы. Петербургская полиция с готовностью пошла навстречу церковным властям, и бывший гвардейский капитан, знаменитый путешественник переходит на нелегальное положение. Некоторое время он живет в городе тайно, ночуя у родных и знакомых. Он и в самом деле становится оппозиционным публицистом, пишет острые памфлеты и статьи, направленные против официальной церкви, полицейского Синода и русской государственно-православной идеологии. В конце концов его арестовывают и отправляют в ссылку на Украину, в его имение Луцыковка.

В 1914 г. Булатович из чисто гуманных побуждений отправляется на фронт в качестве полкового священника. Отец Антоний провел в окопах тяжелую зиму 1914/15 г., оказывая солдатам медицинскую помощь, — еще раз пригодилась подготовка, полученная им в качестве африканского путешественника. Вместе с солдатами Булатович попадает в плен во время немецко-австрийского наступления. В лагере военнопленных он всеми силами стремится поднять дух своих товарищей и устраивает побег из плена. Побег проходит успешно, и все его участники переходят линию фронта. Однако от дальнейшего пребывания в окопах отца Антония освобождают: резкое ухудшение зрения делает его непригодным даже к нестроевой службе.

О последних годах его жизни известно очень мало. Умер он в 1919 г.

Курляндская колония в Гамбии

В устье реки Гамбии на западном побережье Африки (в государстве, которое носит то же имя, что и река) еще сохранились развалины старинного форта. Марево подрагивает над грудой камней,

совсем негрозной теперь, три столетия спустя. Станным и удивительным кажется, что с этих стен когда-то гремели пушки, что пестрые флаги осеяли укрепление, что из-за него боролось в свое время несколько государств.

Но самое удивительное не в этом.

Отложим на минуту карту Африки и возьмем другую карту. Латвийская ССР. На западе республики расположена область Курземе (известна она и под другим названием — Курляндия). В начале XVI в. на этих землях возникло государство Курляндское, просуществовавшее до 1795 г. Из тех, кто занимал герцогский престол в Елгаве (тогда город назывался Митава), самыми знаменитыми были Бирон, с именем которого связан тяжелый период истории России, и другой, менее известный у нас герцог, — Якоб (1642—1681 гг.).

Герцогство было небольшое, но планы Якоб вынашивал обширные. Он создал не такой уж маленький по тем временам торговый и военный флот и нет-нет да и вмешивался в европейские (и не только европейские) дела. Ему помогало, конечно, то обстоятельство, что курляндская династия находилась в родстве с государями, игравшими тогда в Европе важнейшую роль. Якоб женился на сестре курфюрста Бранденбургского, а его крестным отцом был король Англии Яков I. Во время английской революции герцог послал королевским войскам провизии, вооружения и боеприпасов почти на 400 тыс. риксталеров, а когда Карла I казнили, стал помогать его сыну, будущему Карлу II.

Уже к концу 40-х годов XVII в. Курляндия имела торговые договоры с Францией, Швецией, Венецией, Португалией, Испанией. Корабли под флагом, на котором был изображен черный рак на красном поле, можно было видеть во всех крупных европейских портах.

И не только в европейских. Суда, построенные латышскими мастерами, уже в начале 40-х годов начали ходить в Вест-Индию, а в 1652 г. состоялся первый рейс из Вентспилса в Бразилию.

Глядя на другие европейские державы, Якоб пытался следовать их примеру и как колонизатор. В августе 1651 г. он предложил папе Иннокентию X 40 военных судов с 24 тыс. матросов и солдат для поисков новых земель (заметим, что различие вероисповеданий — курляндская династия была лютеранской — нисколько не смущало герцога). 25 октября 1651 г. курляндцы высадились на берегу Гамбии.

Мы потому так подробно рассказываем о всех перипетиях деятельности Якоба, что осуществлял-то свои планы герцог руками латышей, составлявших подавляющее большинство его подданных.

Разумеется, сам он, его министры и все начальство новой колонии были немцами. Но на курляндских кораблях прибыло в Африку немало сынов латышского народа — солдат, матросов, ремесленников, крестьян. Одно из свидетельств того — герцогский указ об освобождении от крепостной зависимости тех, кто пожелает отправиться за море. Известно, что крепостных немцев в Прибалтике никогда не существовало.

Таким образом, проект герцога Якоба привел к тому, что именно 1651 год оказался датой первого контакта латышского народа с Африкой южнее Сахары.

Колонисты стали строить форт на купленном у местного вождя островке в устье реки Гамбии. Затем площадь колонии увеличилась за счет новых участков — уже на материке.

Из Вентспилса и Лиепай пошли к берегам Африки суда с металлическими изделиями, стеклом, глиняной посудой. Немало было в трюмах водки, а также безделушек. Эти товары составляли тогда важнейшие атрибуты колониальной торговли. Колонисты нашли на территории Гамбии золотой песок, отыскиали в реке жемчужные раковины. Все это вместе с воском, слоновой костью, перцем, пальмовым маслом погружалось в трюмы кораблей, ложившихся на обратный курс. Был у них и еще один груз — рабы. Герцог Якоб старался наладить и этот, приносивший огромные доходы, вид торговли.

Маленькое Курляндское герцогство не могло оставить в устье Гамбии большой гарнизон. Решено было создать вспомогательное подразделение из африканцев. Для идеологической обработки новых подданных Якоба прислали двух пасторов.

Есть свидетельства, что между колонистами и местными жителями сложились сравнительно неплохие отношения. Это, пожалуй, легко объяснимо: рядовыми поселенцами — теми, кто сталкивался с африканцами непосредственно, кто жил и работал бок о бок с ними, — были вчерашние крепостные, люто ненавидевшие баронов. Этих людей курляндское дворянство считало принадлежащими к низшей расе. Многие из них и за океан-то поехали, спасаясь от невыносимой жизни на родине. Вероятно, помещики охотно отдавали для экспедиции неугодных им крестьян. А уж среди неугодных были, конечно, бунтари и правдоискатели... Колонизаторов из таких людей, разумеется, не получилось. Они смотрели на африканцев как на товарищей. А такое отношение порождает столь же теплые ответные чувства.

Курляндская колония в Гамбии просуществовала недолго. Вскоре Якоб затеял войну со Швецией и в 1658 г. оказался в плену, где пробыл два года. За это время его африканские владения попали в руки английской Вест-Индской компании. Англичан выгнали из устья Гамбии французские пираты. Случилось это как раз накануне возвращения Якоба в Елгаву, и французы, поразмыслив, решили предложить герцогу... купить у них его бывшие владения. Сделка состоялась, но не успели курляндцы снова занять форт, как на них напал новый враг — Голландия. Оттесненные на материк колонисты вооружили африканцев и с их помощью отвоевали было крепость обратно. Но тут в устье вошел снова английский корабль (1660 г.), и от этого нового удара люди Якоба уже не оправились.

Бурная история курляндской колонии в Гамбии продолжалась в общей сложности совсем недолго. К сожалению, описана она чрезвычайно односторонне. Мы знаем, в частности, многие биографиче-

ские подробности о колониальных администраторах. Известны внешнеполитические акты, связанные с Гамбией. В Государственном историческом архиве Латвийской ССР сохранились многие документы. Но какие следы оставили в народе эти контакты с Африкой, пока неизвестно. Есть, правда, еще один путь — исследование фольклора. Здесь нас могут ожидать любопытные и неожиданные открытия.

Эстонские африканисты

Отдел редких книг и рукописей Эстонской академической библиотеки помещался раньше в подвале дома на старинной таллинской улице Кохту, выходящей по холму Тоомпеа (Вышгороду). Стоило только спуститься по ступенькам вниз, распахнуть тяжелую дверь, и вас встречали в высоком окне острые шпили и черепичные крыши... Ранней весной 1960 г. дни стояли на редкость ясные, даже жаркие. Узенький читальный зал не казался в лучах солнца мрачным и тесным.

В один из таких дней, когда я, сидя в читальном зале, перелистывал старинные миссионерские журналы в поисках африканских материалов, ко мне подошел заведующий отделом Вальдемар Миллер, знаток старой эстонской (и не только эстонской) книги. «Вы вот миссионерские журналы смотрите, — произнес он своим глуховатым баском. — А интересуют вас эстонские миссионеры, побывавшие в Африке?»

Я умоляюще посмотрел на Миллера.

С непроницаемым, как всегда, видом он подошел к книжной полке, достал фолиант в темной обложке (я успел разглядеть на корешке: «Дополнительный том Эстонского биографического словаря») и молча раскрыл его передо мной, указав пальцем на биографию Ханса Игавене Тийсмана (1828—1886 гг.).

Тийсман... В конце 60-х годов работал в Восточной Африке. Написал книги... С трудом одолеваю длинное название «Африкамааыйс...». «Ыйс» значит «цветок». Выходит — «Цветок Африки», и

дальше что-то о девушке из народа галла, попавшей в Европу и умершей там еще в молодые годы. Таллин. 1882 год.

— У вас есть эта книжка?

— Нет, это очень большая редкость. Только в Тарту.

Смотрю дальше. Литературы о Тийсмানে почти нет — всего одна статья академика П. А. Аристэ, опубликованная в 1937 г. Ну, журнал «Ээсти кирьяндус» («Эстонская литература»), конечно, не такая уж редкость. Пауль Александрович — крупнейший лингвист, ученый с мировым именем. Это большая удача. Надо будет ему написать...

А Миллер снимает с полки другой том словаря и показывает мне еще одну заметку. Эвальд Овийр (1873—1896 гг.). Работал в Восточной Африке, у подножия Килиманджаро. Я торопливо, сокращая слова, переписываю к себе в тетрадку оба имени, даты, заглавия. И с надеждой поднимаю глаза на Миллера.

— Есть еще один — Леонхард Блумер, он также был в Восточной Африке. Кажется, составил азбуку какого-то африканского языка. Но уже в XX в... Когда он умер, не знаю. И где, тоже не знаю, — медленно говорит Миллер. — Под Таллином, в Куусалу (я записываю: «Куусалу»), в церкви, хранится какая-то его книжка на этом языке.

— А где их архивы? Они привезли что-нибудь оттуда? Где все это нужно искать?

Миллер разводит руками.

— Ищите...

— Но где же? В Центральном архиве есть что-нибудь?

Миллер молча качает головой. Это точно, он проработал там достаточно долго. Остается один путь: может быть, о миссионерах помнят их собратья по лютеранской церкви? Во всяком случае, это ниточка, которая, возможно, куда-нибудь да приведет. Я захлопываю тетрадь.

— Если что найдете, расскажите, — заключает Миллер. Но эти слова я слышу, уже карабкаясь по каменным ступенькам, ведущим из подвала на улицу.

Консисторию в Таллине найти нетрудно, она помещается рядом с Библиотекой имени Крейцвальда, за знаменитым Домским собором. С улицы Кохту туда идти минут пять.

Генеральный секретарь консистории Аугуст Леппин встретил меня очень любезно. Сам он о миссионерах, правда, не слышал, но посоветовал обратиться к консисторскому библиотекарю пастору Стильверку из церкви Святого духа. «Это можно будет сделать во второй половине дня, — добавил он и снял телефонную трубку: — Куусалу, церковь, пожалуйста».

Пастор в Куусалу подтвердил, что книга Блумера в его церкви действительно есть, а вот насчет рукописей он что-то сомневается. Зато он посоветовал обратиться к родственнице миссионера, живущей в столице. Эта пожилая дама, вероятно, многое помнит о покойном африканисте.

— А далеко Куусалу от Таллина?

— Нет. Туда регулярно ходят автобусы.

Бегу на автостанцию. Автобусы есть, но ехать надо утром, иначе не попасть обратно в тот же день. А время уже близится к вечеру. Значит, Куусалу — завтра, а сегодня — церковь Святого духа. Ее хорошо знают туристы, хоть раз посетившие Таллин. Острый церковный шпиль торчит прямо против ратуши. Нужно только повернуть под арку...

Херберт Стильверк, пожилой худощавый человек, отнесся к моим поискам с большим интересом и сочувствием. Он рассказал, что потомок одного из миссионеров, Овийра, живет сейчас в Таллине, вызвался пройти со мной в библиотеку консистории и показать хранящиеся там книги по африканистике. Но он тут же разочаровал меня: трудов Тийсмана и Блумера в их числе не было.

Наш разговор продолжался на следующее утро уже в помещении библиотеки. Херберт Юрьевич, легко ориентируясь в беспорядоч-

ном на первый взгляд скоплении стеллажей, выносил мне один том за другим (замечу мимоходом, что в их числе оказались книги, которых нет ни в Москве, ни в Ленинграде). Затем он ушел куда-то в дальний угол и, радостно улыбаясь, вышел оттуда с тоненькой книжечкой в оранжевой обложке. «Это эстонский церковный журнал за 1912 год, — сказал пастор. — А вот и статья вашего Блумера».

Статья оказалась короткой, но небезынтересной. Херберт Юрьевич любезно указал мне на самое важное и, видя, что я читаю по-эстонски медленно и с трудом, тут же переводил фразу за фразой на немецкий.

Блумер сетовал на то, что африканцы не питают интереса к христианской религии, что пока ему не удалось окрестить почти никого. Но самое главное, он характеризовал в статье особенности языка тех, среди которых он жил, — людей народа масаи, недостаточно изученного и до сих пор. Так уроженец нашей страны оказался среди самых первых его исследователей. Это было уже открытие.

— Но где же могут быть книги Блумера и его архив?

— Я не востоковед, с этими вопросами сталкивался мало. Но вам бы надо связаться с Уку Мазингом в Тарту. Он ваш коллега-африканист, изучал амхарский язык у Энно Литманна (пастор называл имя крупнейшего немецкого специалиста по языку и культуре Эфиопии). Я покажу вам выпущенный им первый перевод с амхарского на эстонский. Напишите ему.

Я записал адрес и, поблагодарив Херберта Юрьевича, вышел на узкую, вымощенную булыжником улицу Рааматукогу. Теперь в Куусалу! Размеренно пробили часы. . . Увы, время упущено, последний удобный автобус уже ушел. А завтра последний день моей командировки.

И вот я сижу в такси, уносящем меня на восток от Таллина.

Вскоре мы остановились у белой каменной церкви, и через несколько минут я уже входил в дом пастора Салумяэ. Пастор объяснил мне, что Блумер родился на соседнем хуторе Кийу и подарки храму он сделал именно поэтому. Но рукописей африканиста в церкви

нет и никогда не было. Книга же сохранилась только одна — маленькая, в твердом кожаном переплете; она содержала перевод псалмов на язык масаи. . .

Наверное, мне не удалось скрыть разочарования, и пастор Салумяэ стал настойчиво напоминать о престарелой родственнице миссионера:

«Съездите к ней. Она хорошо его знала. Это же в Таллине, недалеко от центра. Знаете улицу Ыле?»

У входа в дом на улице Ыле сохранился старый список жильцов. Фамилию Хакер я нашел сразу. Значит, семья живет здесь с довоенных времен и архив ее мог сохраниться.

Родственница Блумера была, по-видимому, нездорова, и визит незнакомого человека ее вначале даже несколько встревожил. Но стоило мне объяснить, кто я и зачем к ней пришел, как старушка поднялась с постели и начала вынимать одну семейную реликвию за другой. На стол передо мной легли эстонские и немецкие журналы, фотографии, некрологи.

«Возьмите, возьмите это, — с трогательной настойчивостью повторяла она. — Я умру — это в печке сожгут, а вам это для работы нужно».

Даже беглый просмотр журналов показал, что ответы на многие загадки уже у меня в руках. Даты жизни миссионера (1878—1938 гг.); пребывание в Африке (1907—1930 гг.); работа в немецком миссионерском обществе, постоянные наезды в Эстонию, смерть во время одного из них на острове Сааремаа. . . Мелькнуло имя Рихард Рейш и год 1923-й. Оказывается, известный теперь историк Восточной Африки начинал свою исследовательскую деятельность под руководством Блумера!

— У меня и книги его были. Помню, была азбука на языке масаи. Я подарила ее пастору нашей приходской церкви.

Ушел я с улицы Ыле, нагруженный толстой пачкой журналов. Но ни один из них не мог дать мне главного — азбуки. Правда, я знаю теперь, где эту азбуку искать.

«Простите, где находится Вифлеемская церковь?» — мой вопрос, видимо, несколько удивил пожилую таллинку. Впрочем, она добро-совестно растолковала мне, как идти. Увы, церковь была заперта. Наступило утро, последнее утро моей командировки.

На Тоомемаги, не доходя до консистории, я встретил А. З. Леппина.

— Ну как ваши дела?

Я коротко пересказал ему все события вчерашнего дня. Вернувшись в кабинет, он взялся за телефон. Оказывается, букварь попал в церковь при предшественнике нынешнего пастора, все книги которого давно уже переданы в Библиотеку имени Крейцвальда. «Идите туда, поищите, — посоветовал А. Леппин, — а завтра приходите сюда: приедет архиепископ Кийвит, вероятно, он сможет вам помочь».

Увы, последовать этому совету удалось лишь наполовину. Библиотекари с интересом выслушивали мой рассказ, водили меня в один каталог за другим, передавали из отдела в отдел. Выяснилось, однако, что книги в библиотеке нет и, вероятно, не было.

Больше я ничего сделать не смог. Библиотека Академии наук, куда я зашел перед самым отходом поезда, тоже не оправдала моих надежд.

* *

*

Отчитываясь о командировке, я убедился, что мой энтузиазм не пробуждает в слушателях ответного огня. «Прибалтика и Африка, какие тут могут быть связи? Ну, редкие книги западноевропейского издания — это еще куда ни шло. А новые источники. . . Признайся уж, просто хочется еще раз прокатиться в Таллин!» Один товарищ так прямо и высказался. Другие. . . В общем, я понял, что мне еще очень многое предстоит доказать.

Итак, Блумер. Я разложил на столе все его некрологи. Азбука в них упоминалась, но и только. Я взялся за библиографии. Оказалось, что первая работа по языку масаи появилась лишь в 1905 г., что в последующие десятилетия выпущены были только переводы

разных частей Евангелия. Ни одной светской книги за 20—30-е годы вообще не значилось. Кто же ошибается?

Беру каталоги крупнейших книгохранилищ мира. Библиотека конгресса США. Нет. Британский музей. Нет. Национальная библиотека (Париж). Нет!

Но ведь Блумер работал в немецком миссионерском обществе. Вероятно, и азбука была напечатана в Германии. Каталогов крупнейших немецких библиотек в моем распоряжении не оказалось. Зато есть подробнейшая книжная летопись («Дойчес Бюхерфэрцайх-нис») — множество томов, содержащих полный список всей изданной в Германии книжной продукции. Листаю том за томом. Десятые, двадцатые, тридцатые годы. . . Нет!

И в Публичной библиотеке нет. И в библиотеке Академии наук. И в Москве. «Ну как, нашел свою азбуку?» — спрашивают при встречах скептики.

Пишу в Тарту Уку Мазингу. Пишу академику П. А. Аристэ. Пишу, пишу, пишу.

Пауль Александрович сообщил мне интересные данные о других миссионерах (о них немного позже). Уку Мазинг помимо всякой иной помощи (о ней тоже чуть позже) снабдил меня адресом пастора Пыльда, отец которого редактировал миссионерский журнал, печатавший в свое время статьи Блумера.

И вот передо мной письмо из деревни Симуна, написанное аккуратным почерком уже немолодого человека, с чуть старомодной вежливостью. Пыльд-младший хорошо знал букварь Блумера. Он не только читал о нем, он видел его собственными глазами. Более того, у него был экземпляр книги, который сгорел, когда в его тартуский дом попала бомба. Из миссионерской периодики пастор извлек указания на дату публикации букваря — 1925 г.

Значит, книга все-таки существует! Однако, как и в первом случае, я снова прошел по следам погибшего ее экземпляра. . .

Время шло. Я отложил в сторону блумеровские материалы, занявшись пока «делами и днями» других эстонских африканистов. Но

и тогда я старался не изменять правилу — в каждый приезд в Эстонию рассказывать о моих поисках каждому новому знакомому.

Обстоятельства сложились так, что долгое время мои маршруты пролегли в стороне от Таллина. Но история с букварем получила неожиданное продолжение в противоположном конце республики, на самой границе с РСФСР, в курортном поселке Нарва-Ыйэсуу (Усть-Нарва).

Библиотекой в местном доме отдыха заведовала (как заведует и теперь) Хилья Юуриска. Выслушав мой рассказ, она сказала: «Архиепископ Кийвит женат на моей родственнице. Скоро я поеду в Таллин за новыми книгами и, если хотите, спрошу его о книге». Я с радостью согласился.

Через некоторое время в Ленинград пришел ответ, а несколько позднее — бандероль с тремя книгами. Две из них имели чисто религиозный характер. Зато третья...

Вот он, единственный пока экземпляр первого в мире букваря языка масан! 52 страницы. Место издания — Лейпциг, но типография указана африканская — поселок Вугу (нынешняя Танзания). Вот, вероятно, и разгадка того, что книга не попала в немецкую книжную летопись.

Интересная эта книжечка! Религиозного материала в ней почти нет. Автор, начавший свою трудовую деятельность учителем в Северной Эстонии, четко и умело построил свой букварь, богато иллюстрировав его изображениями тех предметов, которые окружали учеников в их повседневной жизни. Включены в букварь сказки, басни, рассказы о животных.

В списке географических названий и имен собственных вдруг бросаются в глаза: «Эстония», «Ревель», «Россия», «Волга», «Полтава»... Из блумеровского букваря маленькие африканцы впервые могли узнать о России и Эстонии, об эстонской столице, о великой русской реке, об украинском городе, под стенами которого были разбиты шведы. Так более 40 лет назад начали проникать в Восточную Африку первые крупницы сведений о нашей стране.

Таким образом, в годы, когда вся энергия миссионеров была поглощена переводами Библии и Евангелия, эстонец Леонхард Блумер создавал букварь для африканских детей, усовершенствовав с этой целью масайскую письменность. Имя его должно войти в историю африканистики и в историю языкознания. Можно добавить, что современные наши лингвисты изучением этого языка пока не занимались. Специалистов по масаи у нас еще нет. А в процессе их подготовки окажется, пожалуй, бесполезным и составленный Блумером букварь.

Поиски этого букваря продолжались примерно два года. Но заполнены они были не только тем, о чем сейчас было рассказано. Как-то одновременно передо мной встал вопрос: был ли интерес Леонхарда Блумера к Африке явлением в эстонской культуре случайным, изолированным или же стал продолжением традиции, на первый взгляд незаметной, но несомненно существовавшей?

История Прибалтики, как и всякой страны, изобилует материалами, вызывающими интерес как у этнографов, так и у историков. Исследователи, о которых я говорю, были не прибалтийскими помещиками, а крестьянами, ремесленниками, сельскими учителями. Это были люди из самой гущи народной, и интерес их к далекой Африке позволяет сделать немаловажные выводы о процессах, которые протекали среди трудящихся масс Эстонии.

Прежде всего пришлось отказаться от мысли, что эстонский крестьянин узнал об Африке сравнительно поздно.

...На тихой улице Ванемуйне в Тарту стоит здание Эстонского литературного музея. Здесь хранится самое полное в мире собрание книг, газет и журналов, опубликованных на эстонском языке, в том числе редкости, сохранившиеся в единственном экземпляре. В читальном зале музея я долго перелистывал пожелтевшие, напечатанные по старинной еще орфографии страницы книги Георга Арвелиуса

«Красивая книга рассказов и поучений...». Из нее эстонские читатели узнали о далекой Африке еще в 1783 г., когда вышла эта книга.

Несколькими десятилетиями позже юный Крейцвальд, будущий корифей эстонской культуры, а тогда еще студент-медик в Тарту, изучал путешествие Лабата по Африке (начало XVIII в.) и антропологические работы об африканцах. Это было не случайно. Выпуская в 1850 г. первый том своих «Картин земли и моря», он посвятил его целиком именно Африканскому континенту.

Но эта книга вышла сравнительно поздно. Крейцвальд еще только получил университетский диплом, когда в эстонской деревне стали появляться маленькие томики «Крестьянского еженедельника». Здесь об Африке рассказывалось уже довольно подробно, и рассказы эти пробуждали у читателей живой интерес к далеким странам.

Среди читателей этих книг был и крестьянский сын из-под Рапла Ханс Тийсман — первый эстонец, нога которого ступила на африканскую землю. Но как долог и труден оказался путь из хутора Туйсу к берегам Восточной Африки!

Ханс очень рано понял, что умение читать, писать и считать — тот предел, который крестьянину перешагнуть почти невозможно. Пока он остается батраком в имении Алу, все мечты его так и остаются мечтами. Нужно было уходить в город.

И вот в таллинской аптеке Бинерта появился новый ученик. Ступки, пестики, порошки, беготня с лекарствами вверх и вниз по узеньким улочкам... В Таллине Ханс утвердился в мысли, что путь в дальние страны для него один. И ведет он не через гимназию, не через университет (о котором даже и мечтать не приходилось), а через миссионерскую школу, где учат бесплатно, да еще кормят и одевают.

Миссионерская школа находилась за границей, в Базеле, получить заграничный паспорт мужчине призывного возраста можно было тогда, лишь внеся в казну 200 рублей. За всю жизнь, сколько Ханс себя помнил, такой суммы у него набраться не могло. После же армии паспорт выдавали бесплатно. И Ханс стал солдатом.

Ему было уже за 30, когда он смог наконец приехать в Базель. Немецким языком Тийсман в то время уже владел, знал он, конечно, пройдя солдатскую службу, и русский. Здесь же, в Швейцарии, начались занятия английским, арабским, суахили. Хансу повезло: преподавателем школы был тогда выдающийся лингвист, один из основоположников суахилистики, Крапф. Сын бывшего крепостного из-под Рапла оказался первым в Эстонии человеком, овладевшим суахили, да и не только в Эстонии, но и во всей тогдашней России.

На африканскую землю Ханс Тийсман (он взял себе еще одно имя — Игавене, по-русски «Вечный») вступил в 1865 г. Высадившись в Момбасе, он направился в глубь страны, став одним из сотрудников миссии в Рибе. Здесь судьба снова столкнула его с крупным лингвистом. Начальником миссии оказался ученик и помощник Крапфа Ребман.

Портретов Тийсмана обнаружить пока не удалось. Мне он представляется кряжистым, светловолосым, молчаливым, упорным... И упрямым, если угодно. Впрочем, в данном случае правильнее было бы сказать — принципиальным.

Из него не получился миссионер. Коллеги из других миссий смеялись над ним: какой же может быть авторитет у человека, если ютится он чуть ли не в шалаше, одет почти в лохмотья, а слуга у него всего один, да и с тем он обращается непозволительно, как будто это и не слуга вовсе, а, скорее, товарищ и помощник. Тийсман органически не мог эксплуатировать чужой труд. За все время пребывания в Африке он ни разу не унизился до того, что мы назвали бы теперь использованием служебного положения.

Ханса нечасто можно было встретить в поселке миссии. Он стремился увидеть как можно больше. Где же довелось ему побывать?

Пишу в Тартуский этнографический музей кандидату наук Арведу Лутсу. Он любезно соглашается просмотреть книжку Тийсмана, единственный экземпляр которой, по-видимому, хранится в другом тамошнем музее — литературном.

Арвед подтвердил, что книга действительно есть, что она невелика по объему и, как ему представляется, ценность в ней имеют лишь две главы с материалами личных впечатлений автора, содержание которых он кратко изложил.

Личные впечатления об Африке 60-х годов прошлого века! Еще один неизвестный источник...

Срочно оформляю заказ по межбиблиотечному абонементу и пишу старому моему другу Льву Суни, доценту Петрозаводского университета. Лева просматривает книгу и делает из нее несколько выписок. Затем уже в Ленинграде мы читаем ее вместе.

Книжечка маленькая, тоненькая, а название длиннейшее: «Цветок Африки, или блаженные дни некой африканской девицы галла Паулины Фатмэ». Таллин, 1882.

Выходит, Тийсман был еще и исследователем народа галла! Он был первым в нашей стране человеком, изучавшим этот народ. Сын крепостного из-под Рапла оказался одним из основоположников этой отрасли африканистики.

В книге приведены любопытные материалы по языку галла. Здесь Тийсман был не только первым в нашей стране. К 1882 г. по языку галла во всем мире выпущено было всего пять названий книг, а диалекты той части народа, среди которой он побывал, стали изучаться лишь в последние 10—15 лет.

Еще страничка... Ноты? Да, запись народной песни. Сомнений нет: Тийсман был первым ученым, записавшим музыкальный фольклор галла.

Но где же все-таки удалось ему добыть все эти материалы?

К сожалению, маршруты его путешествий удалось проследить довольно приблизительно. Сам Тийсман пишет, что побывал в стране галла, употребляя выражение «Kus gaja!». В современном эстонском языке эти слова означают «на границе которого» (или «которой»: грамматического понятия рода в языке нет). Но 100 лет назад это могло означать и «в границах, в пределах которого». Думается, что второе толкование правильное; на это указывают и встречающиеся

несколько раз упоминания о том, что видел сам Тийсман в этой стране.

Смущало меня только одно обстоятельство. В предисловии Х. Тийсман говорит, что книга его — не оригинальное произведение, а перевод, хотя названия оригинала и автора нигде не упоминает.

Вот тут-то мне и пришел на помощь академик П. А. Аристэ. Собственно, он все время мне помогал, и не только письмами. Его единственная работа о Тийсмане (1937 г.) с самого начала очень многое мне облегчила.

Пишу в очередной раз Паулю Александровичу. Отвечает: в эстонской литературе того времени были распространены своего рода переводы-переделки. Автор сводил воедино материал нескольких книг, что-то добавлял от себя и выпускал в свет. Иногда же в таком облики появлялись и оригинальные произведения.

Снова беру книжечку, снова отрываю Леву Суни от работы, снова он переводит то, что мне не удастся понять (а таких мест много, чуть ли не все нужные странички).

Да, в тех двух главах явно личные наблюдения. Остальное, возможно, откуда-нибудь и заимствовано. Но как раз это остальное — самое неинтересное: довольно слащавая история девушки-галла, обращенной в христианство и умершей в Европе совсем еще молодой. А зарисовки быта, описание верований народа, лингвистические наблюдения, нотные записи — все это Тийсман, только он.

...По пустыне идет караван. Мужчины, женщины, дети — все они прикованы к бревну так, чтобы не могли достать рукой друг друга. Пыль, пыль... И надсмотрщик с бичом, горячий коня. Рабов гонят к морю. «Я это видел», — тихо роняет Тийсман.

В то время как другие миссионеры равнодушно смотрели на эту привычную картину, он, сын крепостного, бывший батрак, ощутил и горечь, и боль сердечную... Конечно, чернобородый всадник в чалме не был похож на толстого европейца в хорошем кафтане, подгонявшего батраков в далеком от знойной Африки имени. Но мне почему-то кажется, что слуга с удивлением взглянул на Тийсмана, у ко-

торого вдруг вырвалось непонятное африканцу: «Kuradi kubjas». Кубьяс — значит надсмотрщик, и не было в эстонской деревне более ненавистой фигуры.

Но большая часть двух с лишним лет, проведенных в Африке, прошла среди другого народа, ваньика, в нынешней прибрежной провинции Кении. Тийсман был первым в нашей стране исследователем его быта и культуры, первым знатоком его языка. Этнографическая коллекция по этому народу, собранная эстонским африканистом, была подарена им Историческому музею в Таллине (ныне Исторический музей Эстонской ССР). В музейном каталоге 1873 г. сохранилось ее описание, сделанное самим собирателем.

Читая эти бесстрастные, по-музейному сухие строчки, вдруг останавливаешься. Вот он описывает амулет, предохраняющий от всех бед и напастей. «Не предохраняет он только от мнимых друзей», — заключает Тийсман.

Что могла обозначать эта несколько неожиданная фраза? Деталь музейного описания? Но только ли?

Я сижу в библиотеке Эстонского литературного музея, и научный сотрудник Лейда Лайдвэе приносит мне номера старинных миссионерских журналов. То, что было написано выше о Тийсмане как о человеке, в значительной степени почерпнуто из опубликованных там его писем. Уточняется дата возвращения исследователя — конец 1868 г.

«Если хотите, можно узнать, каков был тираж «Цветка Африки», — предложила Л. Лайдвэе. Результат был совершенно неожиданный: две с половиной тысячи экземпляров! Для эстонской книги в начале 80-х годов это огромная цифра! Значит, книга читалась, ее покупали, ею интересовались. Что же стало с самим автором?

Поиски привели меня на улицу Лийви, в красное кирпичное здание Центрального исторического архива Эстонской ССР. Это не первый мой визит сюда. Каждый раз я прежде всего направляюсь к заместителю начальника, великому знатоку фондов и всего к ним относящегося Оскару Яановичу Варесу. Я вхожу в его кабинет

с целым ворохом вопросов, и Оскар Яанович, молча выслушав меня, двумя-тремя короткими фразами дает нужное направление.

Так было и в этот раз. Но очень скоро я убедился, что почти ничего существенного к биографическим данным, изложенным у П. А. Аристэ, прибавить не удастся.

К чему же пришел Тийсман, вернувшись на родину? Опыт его, знание языков (делавшее его уникальным специалистом), способности и горячее желание приложить их к делу — все это оказалось ненужным. Эстонский крестьянин без университетского диплома, без средств, без связей, он мог рассчитывать лишь на место сельского учителя.

Тийсману, наверное, было о чем рассказать своим ученикам. Но дальние страны продолжали манить его. Денег по-прежнему не было. Пришлось снова искать миссионерскую работу. . .

В архиве я нашел запись о выдаче в 1874 г. заграничного паспорта, «приписанного к имению Алу миссионет (так в тексте. — Авт.) Иогану Ивановичу Тисман». Место выезда указано не было, но в статье Аристэ оно значилось: немецким колонистам в поселке Санта-Крус (Южная Америка) понадобился учитель. Так как паспорт был дан на три года, можно считать, что вернулся Тийсман в 1877 или 1878 г. Что он делал в Южной Америке, в какой стране побывал, пока установить не удалось.

Последние годы Тийсман провел в Рапле, где до конца жизни (умер он в 1886 г.) проработал учителем. Может быть, на месте кто-нибудь помнит его? Может быть, сохранились какие-нибудь материалы?

В Рапле живет краевед Март Тапупере. Написал ему письмо. Увы, это был единственный случай, когда на свой запрос я не получил ответа.

Сейчас, подводя итоги, я вдруг с особенной силой ощущаю, что ведь жизнь-то этого человека сложилась в общем трагически. Какой огромный разрыв между тем, что он мог сделать, и тем, что удалось ему совершить! Тоскливо, должно быть, жилось Тийсману в крошеч-

ном городке среди лавочников и мелких чиновников, снисходительно допустивших его в свою среду только потому, что он все-таки был миссионером. Удивительно ли, что и архив Тийсмана до нас не дошел?

* *

*

В самом начале моих поисков я сделал выписку из Эстонского биографического словаря. Еще один африканист — Эвальд Овийр (1873—1896 гг.). 23 года... Что же тут искать? И надо ли? Что можно успеть за такую короткую жизнь?

Овийр родился в Северной Эстонии, в Ыйэляхтмэ. Небогатая семья. Лейпцигская миссионерская школа... В Африке (городок Маджана у горы Килиманджаро, а затем у горы Меру) ему довелось пробыть около двух лет (1895—1896).

Но оказалось, что этот юноша был талантливым лингвистом. В год его смерти вышел второй том немецкого «Журнала языков Африки и Океании». На его страницах опубликована работа Овийра о глаголе в языке суахили — первая в мировой литературе и сохранившая свое значение до сих пор.

Но может быть, он был еще и этнографом? Старый печатный каталог Исторического музея в Таллине вышел до появления работ Овийра. С нетерпением жду ответа на запрос. Ответ превосходит мои ожидания.

Оказывается, в фондах хранится небольшая коллекция Овийра по народу чагга (в Танзании). Значит, еще раз в этой статье придется употреблять слово «первый». Эвальд Овийр — первый исследователь культуры и быта еще одного народа Африки...

* *

*

Передо мной лежит довольно толстая уже папка. Письма, вырезки, фотокопии, портреты. Оттиски... Еще письма... Все как будто закончено. Не пора ли поставить точку? Нет, еще рано.

Я снова вынимаю из папки письмо У. Мазинга, эфиописта-филолога и поэта. Тартуский исследователь упомянул в нем еще об одном африканисте-эстонце. Это Хенрик Туттар (1878—1946 гг.).

Я испытываю знакомое состояние: снова я стою у начала поисков. Что известно о Туттаре? Автор множества статей и детских рассказов, в том числе и об африканцах. Одно время религиозные и нерелигиозные издания охотно их публиковали. Отыскивались люди, лично знавшие Туттара. Он, как выяснилось, не просто интересовался Африкой, но и сам там побывал.

Взглянем на карту. Та часть Юго-Западной Африки, которая граничит с Анголой, носит название Овамболенд. Вот здесь-то в начале XX в. и появился новый учитель миссионерской школы, уроженец далекой Эстонии. Чтобы занять это место, ему пришлось изучить язык ошиндонга, и он был первым во всей нашей стране, кто изучил этот язык. Почти пятилетнее пребывание Туттара в Африке закончилось трагически. Потеряв жену и ребенка, умерших от какой-то тропической болезни, он вернулся в Эстонию, больной и надломленный.

Шло время. Острота горя притупилась. Туттару снова предложили поехать в Африку, на этот раз в Камерун. Он согласился, изучил еще один язык — дуала. Но все-таки отказался от поездки.

Правда, уже на склоне лет он охотно вспоминал о своем путешествии, любил рассказывать об африканцах, вставляя в разговор африканские слова.

Есть сведения, что Туттар вел дневник. Это обстоятельство интересно не только само по себе. Юго-Западная Африка и сейчас еще входит в число наименее изученных районов континента, поэтому материалы о ней, относящиеся к началу века, имеют уникальную научную ценность. Такой источник заслуживает немедленной публикации, хотя бы в выдержках. Говорят, что архив Туттара сохранился... Но здесь я подхожу вплотную к той части поиска, которая еще не завершена.

Не завершены и поиски новых источников на территории Эстонии. Кто знает, к каким открытиям приведут они! Но уже то, что

удалось сделать, говорит о многом — о том, что вклад народов нашей страны в изучение Африки гораздо значительнее, чем полагали раньше.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что народы советских республик издавна принимали участие в историческом процессе сближения цивилизаций Африки, Азии и Европы. Контакты с Африкой были разнообразны: путешествия и регулярные плавания, посольства, экспедиции, работа отдельных специалистов (часто нашедших в Африке свою вторую родину) и целых миссий, техническая и медицинская помощь и пр. С течением времени сумма контактов возрастала, вместе с тем возрастало их практическое значение.

Результаты этих связей были на первых порах довольно скромны. Народы получали некоторую информацию друг о друге, зафиксированную в географической, иногда в художественной литературе и в изобразительном искусстве. В XIX — начале XX в. в России, на Украине и в Эстонии делаются первые попытки научного изучения языков, истории и культуры африканских народов, появляются первые научные работы: Порфирия Успенского, И. Болотова и др. — об африканских христианах, А. Крымского и И. Ю. Крачковского — об арабской и эфиопской литературах, Б. А. Тураева — по истории Эфиопии, Судана и Египта, А. Розова — по истории средневековой Нубии, В. Матвея — по африканскому искусству и др. Кроме того, в музеях и хранилищах древних рукописей Ленинграда, Москвы, Киева, Эчмиадзина, Тарту были собраны коллекции различных предметов культуры, доставленных из Африки, — материальная база исследований для многих поколений африканистов, лишь в небольшой степени использованная к настоящему времени. В наши дни, когда в Советском Союзе развивается научная африканистика, когда связи с народами Африки приобрели универсальный характер, пришло время по достоинству оценить заслуги наших предков и традицию, переданную ими.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Загадочные рукописи

В 1954 г. шотландский ученый-филолог Дональд Форд разбирал старинные рукописи в библиотеке Эдинбургского университета. Его заинтересовала толстая тетрадь XVIII в. Все буквы латинские; слова, записанные не по сложным правилам английской орфографии, а просто на слух (каждой букве соответствует один звук), были в большинстве английскими, но грамматика предельно упрощена и как-то странно искажена, а общий смысл не всегда ясен. Все больше заинтересовавшись рукописью, Форд определил, что она представляет собой дневник вождя одной из деревень Старого Калабара (страна Ибибио на юго-востоке Нигерии), по имени Антера Дуке. Велся дневник с 1785 по 1788 г. на жаргоне «пиджин-инглиш», где английские слова перемешивались со словами языка ибибио.

Сама идея ведения дневника европейская по происхождению, так же как и тетрадь, письмо и язык записей, однако содержание чисто африканское. Дневник Антеры Дуке — один из ранних образцов европейско-африканского синтеза в литературе Черного континента.

А на севере Нигерии и в соседних странах, в городах народов хауса и сонгай, процветала в то время другая синтетическая литература, арабская по языку, мусульманская по идейным традициям. Самые ранние ее образцы — две хроники: «История исследователя известий о странах, войсках и великих людях», написанная в 1519 г. Махмудом Кати — знатным и образованным представителем народа соннике, и «История черных», написанная в первой половине XVII в. знатным африканцем Абдурахманом ас-Саади, а также библиографический словарь Ахмада Баба — знаменитого ученого начала XVII в. Все три книги появились в городе Тимбукту (Республика Мали), который в XVI—XVIII вв. был ведущим центром просвещения в мусульманской Западной Африке.

Арабская по языку, следующая классическим арабским образцам, литература Тимбукту продолжала традиции арабской словесности, но она содержала и несомненные африканские элементы, опи-

сывая западноафриканскую действительность, употребляя термины, заимствованные из местных языков, приводя африканские исторические легенды. Однако в арабо-африканском синтезе школы Тимбукту первенство принадлежало еще иноземному элементу.

То же самое можно сказать и о литературе Канема-Борну XVI—XVIII вв., основоположником которой был главный имам империи и придворный хроникер Ибн-Фартуа, автор исторической хроники «Войны Канема» — весьма характерное название для произведений этого жанра. Ибн-Фартуа писал, конечно, только на арабском языке, но использовал в своем труде местные исторические предания.

Иное соотношение — в литературе нигерийского джихада («священной войны»), религиозно-политического движения племен фульбе.

В конце XVIII — начале XIX в. в стране народа хауса, которая занимает современные Нигер и Северную Нигерию, происходила реформация африканского ислама, напоминающая Реформацию в Западной Европе. Движущей силой были племена скотоводов-фульбе, к которым присоединились беднейшие крестьяне-хауса; они боролись против общих угнетателей — феодальных правителей местных городов-государств. Идейным знаменем движения стало учение секты кадырийя об очищении ислама от наслоений язычества и о возврате к порядкам времен пророка. В первые годы XIX в. среди проповедников кадырийи выдвинулся знатный фульбе Осман дан Фодио, который организовал народ на борьбу за построение нового общества, основанного на принципах «очищенного ислама». Осман дан Фодио разгромил хаусанских царей и создал огромную империю, религиозным и светским правителем которой он стал в 1808 г.

В годы борьбы и после победы Осман дан Фодио написал множество литературно-пропагандистских сочинений (не меньше 50) на трех языках — фульбе, хауса и арабском. При этом поэмы сочинялись преимущественно на африканских языках, реже на арабском, зато прозаические «наставления» все написаны по-арабски.

Брат Османа Абдаллах, получивший в управление целый султа-

нат, также писал художественные произведения в стихах и прозе на языках арабском и хауса.

Сын и преемник Османа Мухаммед Белло написал не менее 22 сочинений на арабском языке. Несмотря на то что они посвящены историко-географическому и общественно-политическому описанию империи Османа дан Фодио, книги Мухаммеда Белло обладают несомненными художественными достоинствами.

Эти писатели-султаны имели последователей, например своего родственника Заида дан Белло, автора грамматики языка фульбе, а также авторов многочисленных исторических хроник на языках арабском и хауса; перед нами целая литературная школа XIX в., синтезировавшая богатейшую арабскую словесность с фольклором фульбе и хауса.

У Османа дан Фодио есть арабская касыда (поэма в традиционном стиле, известном еще с V—VI вв.), а в поэтическом наследии Абдаллаха обнаружен ее вольный перевод на язык хауса. Одна хаусанская касыда Османа была переведена на арабский язык.

Арабо-африканский литературный синтез воплотился и в форме, и в содержании, и в прозе, и в поэзии нигерийской кадырийи.

В заключение надо сказать, что большая часть литературного наследия этой школы не издана. Только в библиотеке Ибаданского университета (в Западной Нигерии) хранятся сотни неизданных рукописей этой школы. Часть, может быть, даже не найдена.

Совсем недавно были открыты огромные библиотеки при мечетях в городах Республики Мали Тимбукту и Араван. Здесь обнаружены тысячи рукописей на разных языках, особенно на арабском. Они принадлежат местным литературным школам.

Еще более интенсивный и продолжительный синтез литератур происходил на северо-востоке Африки — в Нубии и Эфиопии. В сущности почти все литературные произведения этих стран начиная с I тысячелетия до н. э. несут следы органического слияния местных традиций с разнообразными восточными традициями. С XVII в. в Эфиопию проникают различные западные влияния.

В начале нашего века известный русский эфиопист Б. А. Тураев разбирал рукописи одной из европейских библиотек. И вот перед ним старинная эфиопская молитва. С удивлением ученый убедился, что эта молитва католическая, переведенная с латыни. Несомненно, заключил он, если не переводчиком, то переписчиком текста был «какой-нибудь православный униат XVII столетия» (в то время эфиопская церковь подпала под власть пап).

В другой раз Б. А. Тураев оказался не так проницателен. Его подвела одна удивительная рукопись на языке геэз, вернее, два списка одной книги.

История их такова. В 1902 г. в Национальную библиотеку Парижа поступила богатая коллекция эфиопских рукописей, собранная французским миссионером д'Аббади. Тураев и другие эфиописты немедленно приступили к их изучению.

Состав коллекции был хорошо известен, и каждый ученый твердо знал, какие именно экспонаты выбрать для работы. Две рукописи заинтересовали одновременно Тураева и немецкого семитолога Энно Литтмана (что касается крупнейшего итальянского эфиописта Карло Конти-Россини, то он успел ознакомиться с ними раньше). Предоставим слово Тураеву:

«Среди знаменитой коллекции эфиопских рукописей, собранной покойным д'Аббади, давно уже обращали на себя внимание № 215 и 234, заключающие загадочные «хатата», т. е. «исследования», «вопросы». Первая рукопись на 74 пергаментных листках... написанная новым почерком... заключает в себе два таких «исследования»: первое из них принадлежит Зара-Якобу, второе — Вальда-Хейвату. Относительно первого в своем каталоге д'Аббади говорит следующее:

«Этот учитель, родом из Аксума, излагает здесь свои сомнения во всех религиях, оставляя лишь чистый деизм. В Эфиопии автобиография образованного человека уже сама по себе большая редкость; она еще более примечательна по своей большой наивности, деталям нравов и историческим заметкам...»

Относительно второй части рукописи, принадлежащей Вальда-Хейвату, д'Аббади сообщает, что в ней заключаются лишь обличения темных сторон абиссинской жизни и монашества, что некоторые из ее советов мелочны и что, наконец, книга эта по понятным причинам стоит на дурном счету у гондарских начетчиков.

Рукопись № 234 у д'Аббади описана так:

«...32 листа европейской бумаги... На предпоследнем листе заметка по-латыни, что эта копия снята в Дабра-Таборе в 1853 г. Более сведущий в языке и традициях Эфиопии отец Джусто да Урбино рассматривает эту книгу как подводящую к атеистическому выводу. По крайней мере такова тенденция автора, что в силу отрицания он обнаруживает душу, почти совсем свободную от всех религиозных чувств. В связи с тем что рукопись № 215 является наиболее странным произведением в моей коллекции, отец Джусто, опасаясь, чтобы эта редкая книга не погибла, снял с нее данную копию, которую и прислал мне по почте...»

Я, конечно, — продолжает Тураев, — не мог пройти мимо двух столь своеобразных в эфиопской литературе рукописей «исследований»...

Обратите пока внимание на то, что обе рукописи написаны новым почерком XIX в., отнюдь не XVII, и что копия на европейской бумаге дает более исправный текст «Исследования Зара-Якоба», чем рукопись на пергаменте.

Далее Б. А. Тураев приводит написанное по-латыни письмо Джусто да Урбино к Антуану д'Аббади, в котором рассказывается о находке подлинника рукописи, о том, как было установлено имя автора книги, а также о долгих и бесплодных поисках связанной с нею книги Вальда-Хейвата.

О ее существовании говорится в специальной приписке, помещенной в конце «Исследования Зара-Якоба». Вальда-Хейват, ближайший ученик Зара-Якоба, сообщает читателям о последних годах жизни своего учителя и добавляет: «И я написал другую книгу о премудрости, которой умудрил меня бог и научил Зара-Якоб».

Уже в 1903 г. Б. А. Тураев сделал доклад и написал первую статью об абиссинских свободных мыслителях XVII в., за которой вскоре (1905 г.) последовала еще одна, помещенная в Энциклопедическом словаре. В 1904 г. Тураев издал с превосходным русским переводом переписанный им эфиопский текст «Исследования Зара-Якоба»; почти одновременно Энно Литтман издал в Германии оба «исследования». В 1906—1920 гг. книга Зара-Якоба стала самым популярным в Европе произведением эфиопской литературы. Крупнейшие ученые Германии и Италии упоминали о ней в обзорах эфиопской литературы, посвящали ей специальные статьи; даже в русском журнале «Вопросы философии и психологии» в 1906 г. этому произведению был посвящен пространный реферат. Позднее появился перевод «Исследования Зара-Якоба» на эстонский язык, выполненный с языка оригинала ученым-семитологом и поэтом Уку Мазингом (ныне здравствующим в Таллине).

Познакомившись с «Исследованием Зара-Якоба» и менее известным «Исследованием Вальда-Хайвата», ученые выразили если не сомнения в их подлинности, то крайнее удивление. Как в Эфиопии XVII в. среди фанатизма догматических споров могло появиться столь вольнодумное сочинение?

Энно Литтман писал: «Этот монах был единственным действительно оригинальным мыслителем Абиссинии, насколько нам известна ее литература... В эпоху тридцатилетней войны он высказывал такие мысли, которые в Европе проникли в литературу только во время рационализма». Литтман предположил, что Зара-Якоб находился под влиянием арабской философии.

Кроме Вальда-Хейвата рукописи называли имена других последователей Зара-Якоба, причем фигурировал один и тот же переписчик книги, некий Вальда-Иосиф. Однако никто не заметил, что копия Джусто да Урбино и рукопись на пергаменте переписаны одним и тем же почерком!

Осторожнее всех к этим загадочным рукописям отнесся Карло Конти-Россини, крупнейший знаток эфиопской культуры, истории,

языков. Еще в 1900 г. в работе по истории эфиопской литературы он сформулировал свои первые сомнения. Удивительно, как в Эфиопии XVII в. могли появиться идеи Зара-Якоба; его произведение — какое-то странное исключение. С другой стороны, рукописи называют его учеников — целую школу, о которой нет ни одного упоминания в других исторических источниках. Не правда ли, поразительно?

В 1916 г., когда в Берлине вышла специальная работа, посвященная философии Зара-Якоба, Контти-Россини опубликовал одно эфиопское сочинение, которое пролило совершенно новый свет на ставшее уже знаменитым «Исследование». Контти-Россини издал мемуары эфиопского католического священника Текле-Хайманота, посвященные деятельности католиков в Эфиопии в середине XIX в. Здесь, между прочим, говорится и о Джусто да Урбино:

«Отец Джусто, когда находился в Бсгемдере... купил книгу, в которой заключалось совращающее учение еретиков, называемых «фрамансонами»¹; он сделал с нее много списков и раздавал их своим друзьям. Имя [автора] той книги было Уорке; некоторые из тех, кто видел книгу, говорят, что она была не Уорке, а написана им самим и ложно приписана Уорке».

Контти-Россини сразу вспомнил, что прозвище Зара-Якоба было Уорке, а рукописи «Исследования» попали к Антуану д'Аббади из рук Джусто да Урбино. Ученый пожалел, что не расспросил об этом деле Текле-Хайманота, пока тот был жив (этот эфиопский священник, с которым Контти-Россини был лично знаком, умер в Италии в 1902 г.). Однако стало ясно, что эфиопские читатели книги в 50-х годах XIX в. имели веские основания сомневаться в ее подлинности и даже прямо обвинять Джусто в подлоге.

Контти-Россини тактично воздержался от выводов, которые ставили в самое неловкое положение виднейших ученых. Однако сообщение Текле-Хайманота само по себе ошеломило их.

¹ Т. е. франкмасонами; сравните русское «фармазон».

Б. А. Тураев хотя и с горечью, но мужественно признал свою ошибку. В последнем, посмертном очерке эфиопской литературы он писал, что оба «исследования» «...представляли бы исключительный интерес, если бы в недавнее время один туземный писатель с европейским образованием (т. е. Текле-Хайманот. — *Авт.*) не высказал в своих мемуарах, что настоящим автором этих писаний является не кто иной, как латинский (т. е. католический. — *Авт.*) миссионер, через которого они, действительно, попали в Европу».

В том же 1920 г. Конти-Россини написал о Джусто да Урбино работу, в которой привел важные материалы по его биографии: опубликованные ранее мемуары кардинала Массайи, начальника Джусто в Эфиопии, письма Джусто к его другу Тардуччи и др.

Джусто да Урбино звался в миру Джакопо Куртопасси. Он родился в 1814 г. в области Лукка в Италии. В 17-летнем возрасте, когда умерла любимая им девушка, Джакопо решил постричься в монахи. Теперь он стал называться братом Джусто. В монастыре, как и прежде в школе, он делает огромные успехи в науках. Для продолжения образования Джусто отправляется в Рим, где за полтора года изучает французский и арабский языки. В 1846 г. он вместе с епископом (впоследствии кардиналом) Массайей отправляется в Эфиопию для проповеди католической веры.

Всего за один год он овладел в совершенстве тремя языками Эфиопии: амхарским, галла и геэз. Его познания в этих языках приводили в изумление не только его коллег, но и самих эфиопов. В частности, уже упомянутый Текле-Хайманот писал: «Он изучил амхарский и геэз очень быстро, так что сочинял даже религиозные гимны на этих языках». Часть гимнов, написанных Джусто да Урбино, сохранилась в рукописи, которая находилась в Национальной библиотеке Парижа. Джусто сам признавался, что среди известных ему европейцев не встречал лучшего знатока языка геэз. Последние годы своей жизни он работал над грамматикой языка геэз и геэзо-латинским словарем. Обе работы сохранились в рукописях, до сих пор не изданных. Конти-Россини, ознакомившись с ними, заявил, что

словарь Джусто свидетельствует о его огромных познаниях в древнеэфиопском языке. «Человек скромный, оставшийся почти неизвестным даже специалистам, добросовестный ученый, который займет выдающееся место в нашей науке» — так охарактеризовал Джусто этот крупнейший эфиопист.

Джусто да Урбино был скромнен! Он не желал выходить на передний план, не жаждал славы и почестей в обычном смысле этих слов. В 1852 г. ему предложили сан епископа с тем, чтобы он отправился проповедовать католицизм среди галла; но Джусто отказался под предлогом, что боится этого народа. Начальство не особенно ему поверило и объясняло отказ миссионера его чрезмерной любовью к амхарцам и древнеэфиопскому языку. В этом была доля правды. Джусто да Урбино навеки связал свою судьбу с Эфиопией, стал горячим патриотом этой страны. Вот что он писал Тардуччи:

«Абиссиния лучше Европы, Бегемедер¹ стоит больше Италии. Я не люблю ни Франции, ни Италии, я люблю Абиссинию, мою дорогую вторую родину».

Жизнь Джусто сложилась совсем не так, как он мечтал. Он полюбил девушку — она умерла. С обычной для него страстью Джусто полюбил древнюю эфиопскую культуру и амхарский народ — духовное начальство находило его любовь чрезмерной и опасной, намеревалось перевести странного миссионера дальше на юг, в области, населенные галла. Он чувствовал себя эфиопским патриотом, но вся его деятельность служила целям европейской экспансии в Африке, а он был убежден, что «Эфиопия лучше Европы». Чтение, наблюдения и раздумья сделали Джусто убежденным атеистом, однако по своему положению он должен был не только скрывать свои убеждения, но и проповедовать ортодоксальный католицизм. Всем сердцем тянулся он к эфиопскому народу, особенно к сравнительно образованным дабтара². Но тогдашние эфиопы не могли принять все его

¹ Провинция на северо-западе Эфиопии, где находится Гондар.

² Дабтара — низшее христианское духовенство в Эфиопии, составляющее хор при богослужении.

идеи, не понимали странного европейца. Видимо, за всю свою жизнь этот человек не встретил никого, кто понимал бы его полностью.

И вот случилось то, чего давно следовало ожидать. В 1855 г. эфиопские патриоты во главе с митрополитом Саламой добились запрещения католической пропаганды и изгнания миссионеров. Джусто разделил общую участь, был арестован и выслан в Судан. Он не оставлял надежды вернуться в Эфиопию, но умер по дороге в эту страну, ставшую для него родиной, в апреле 1856 г.

Конечно, по своему знанию Эфиопии, ее истории и древнеэфиопского языка Джусто да Урбино вполне мог написать оба «исследования», но из-за своего положения должен был прибегнуть к мистификации.

Поэтому Конти-Россини решительно предложил изъять «Исследование Зара-Якоба» из эфиопской литературы, как произведение итальянского миссионера.

Знаменитый русский востоковед И. Ю. Крачковский поддержал точку зрения Конти-Россини, но с весьма существенной оговоркой. Он нашел, что итальянский ученый привел в пользу авторства Джусто лишь формальные доказательства; Крачковский дополнил их соображениями психологического характера. Оба они рассматривали «Исследование Зара-Якоба» как философскую исповедь. «И с этой точки зрения, — правильно заметил Крачковский, — было совершенно непонятно, как один и тот же человек мог написать тонкое по психологизму «Исследование Зара-Якоба» и жесткое, как «устав гарнизонной службы», сектантское «Исследование Вальда-Хейвата»».

Крачковский считал, что один и тот же человек не мог написать два столь различных сочинения. Следовательно, «Исследование Вальда-Хейвата» написано другим лицом, отнюдь не Джусто да Урбино. И пока нет удовлетворительного объяснения появлению этого последнего сочинения, остается шанс в пользу подлинности «Исследования Зара-Якоба».

В 1958 г. еще студентом я попытался разгадать эту загадку.

В специальной статье (первой в моей жизни) я предложил взглянуть на оба «исследования» как на изложение философско-политической программы.

Джусто да Урбино стал патриотом Эфиопии и сблизился с представителями средних слоев тогдашнего амхарского общества. Именно к этой прослойке принадлежали сам Зара-Якоб и его последователи. За этими «избранными», постигшими философию учителя, стояли массы народа, неграмотные и суеверные, но воодушевленные патриотизмом, готовые стойко защищать независимость родины от колонизаторов.

Для избранных предназначалась философская исповедь Зара-Якоба, для простых людей — сухой и четкий устав Вальда-Хейвата. Кстати сказать, это имя значит «Сын жизни», что подчеркивает практицизм ученика.

Оба «исследования» требуют преобразования некоторых сторон эфиопской жизни XIX в. Прежде всего надо отказаться от религиозного фанатизма, чтобы сплотить всех эфиопов: православных-монофизитов, униатов-католиков, мусульман, иудеев, язычников — для гражданского мира и усиления национального государства. Нужно отказаться от религиозных обрядов и обычаев, разъединяющих людей. Джусто устами Зара-Якоба и Вальда-Хейвата соглашается признать истинными только веру в абстрактного бога и основные моральные нормы, общие для всех религий. «Исследования» осуждают безбрачие монахов, многоженство, взгляд на женщину как на существо «нечистое»; Джусто призывает относиться друг к другу человечно.

Решительно осуждаются рабство и работорговля, хотя нелегко было феодальному эфиопскому обществу отказаться от использования рабов. Однако Джусто лучше, чем кто-либо иной в Эфиопии, знал, что борьба с работорговлей служила для европейских держав удобным предлогом для вмешательства в дела африканских народов.

«Исследования» выступают против изнурительных постов и обилия церковных праздников, когда работать было запрещено.

Критика вредных обычаев ведется с позиций разума, т. е. здра-

вого смысла. Подобно Стендалю и его героям Джусто являлся учеником французских рационалистов. В то же время он выражал национальные интересы Эфиопии, особенно средних слоев амхарского общества.

Поэтому «Исследование Зара-Якоба» и «Исследование Вальда-Хейвата» нельзя исключать из эфиопской литературы. Впрочем, сами эфиопы отказываются это делать. «Исследование Зара-Якоба» в недавние годы переведено на тиграйский и амхарский языки и ныне нашло отклик в сердцах эфиопской интеллигенции.

И еще по другой причине «Исследование Зара-Якоба» нельзя исключать из эфиопской литературы. Ведь оно является не только исповедью мыслителя и не только философско-политическим сочинением, но и художественным произведением. Написанное в XIX в., оно мастерски рисует жизнь Эфиопии XVII в., которая, впрочем, мало изменилась за 200 лет. В сущности это первая историческая повесть во всей эфиопской литературе.

Образы мыслителя Зара-Якоба, его близких и учеников, врагов и гонителей написаны немногими точными штрихами, и ни один образ не похож на другой. Стиль повести совершенно самобытен, хотя и связан с одной стороны с «исповедями» французских просветителей XVIII в. Мелье и Руссо, и особенно с романом Жорж Санд «Спиридион», а с другой стороны — эфиопскими сочинениями XVI—XVII вв. Это один из самых ранних и в то же время самых ярких образцов эфиопско-европейского литературного синтеза.

Литературные связи Эфиопии с другими странами выяснены далеко не полностью. Каждое новое открытие вызывает удивление, порой восторженное, порой враждебное.

Уже давно обсуждается вопрос о восточных оригиналах некоторых сочинений на языке геэз. Среди них такие всемирно известные произведения средневековой литературы, как роман об Александре Македонском, повесть о Варлааме и Иоасафе и др. Считалось, что все они были переведены на геэз с арабского, за исключением трех-четырех, переведенных непосредственно с греческого. Видимо, с гре-

ческого на геэз была переведена апокрифическая «Книга Еноха», написанная первоначально по-еврейски. И еврейский, и греческий тексты считались утерянными; сохранились только два перевода: старославянский и эфиопский. Сличая их, ученые пытались судить об оригинале, пока в районе Мертвого моря не был найден древнейший еврейский текст «Книги Еноха».

Но вот совсем недавно в одном из отдаленных эфиопских монастырей была обнаружена рукопись XIII в., самая древняя из найденных до сих пор в Эфиопии. Открыл ее неутомимый охотник за древними рукописями Роже Шнейдер, сотрудник Археологического музея в Аддис-Абебе. Книга оказалась переводом известного греческого сочинения, выполненным непосредственно с языка оригинала.

И уже совсем недавно было сделано открытие, значение которого еще далеко не оценено.

В апреле 1966 г. мне впервые удалось познакомиться с замечательным французским ученым Жаном Дорессом, египтологом и эфиопистом. Его имя неоднократно упоминалось в нашей предыдущей книге «Африка еще не открыта», но там речь шла об археологических открытиях Доресса, вернее, Дорессов, потому что постоянной сотрудницей и спутницей ученого была его жена Марианна Христофоровна Доресс, египтолог по специальности.

Однако Жан Доресс не только археолог, но и филолог-востоковед. Его открытия в области коптской гностической¹ литературы явились событием первостепенной важности наравне с открытием свитков у Мертвого моря.

Меня, как и многих других, интересовал вопрос: с каким докладом выступит профессор Доресс на III конференции эфиопистов? В толстой пачке заранее отпечатанных докладов его работы не оказалось. Мое любопытство еще более возросло, когда Марианна Христофоровна Доресс (как вы догадываетесь, русская по происхожде-

¹ Гностика — ересь в раннем христианстве, пытавшаяся сочетать новую религию с древней греческой философией.

нию) сообщила нам тему доклада своего супруга: «Пережитки гностических сочинений в литературе на языке геэз». Но только за час до выступления профессора Доресса мне удалось получить, прямо из его рук, экземпляр этого доклада. И вот я жадно поглощаю абзац за абзацем.

«Издатели некоторых геэзских текстов, таких, как «Книга тайн», или недавно изданных сочинений микаэлитов высказывали мысль, что те и другие сочинения отмечены следами старой ереси восточных гностиков. В общем, они ошибались. В литературе на языке геэз нет ни следов гностических мифов, ни цитат из сочинений еретических сект.

Эфиопия никогда не принимала участия в гностических ересьях. Следы их проникли сюда из средневековых христианских литератур Ближнего Востока, почти полностью очищенных от того, что могло иметь «вредный» смысл. . .

Один из необычайно богатых фондов материалов по истории древних христианских сект — это странная литература, сохраненная фалаша. . . Большинство составляющих ее рукописей есть не что иное, как адаптации коптских апокрифов. Это касается собственно работ, которые, будучи переведены в достаточно глубокой древности¹ на язык геэз, были внезапно отвергнуты официальной эфиопской церковью при падении династии Загве. Несмотря на это, они были приняты фалаша, которые присвоили эти сочинения, выхолостив более или менее неудачно их христианские черты. . .

Некоторые из этих работ через копто-арабские или собственно коптские редакции восходят к гностическим оригиналам».

Далее профессор Доресс анализирует два памятника литературы фалаша: «Апокалипсис Григория» и «Установление субботы». Путем тонких сопоставлений он доказал, что первый из них — сокращенная версия произведений египетских гностиков на арабском языке, а второй — еще более древнего происхождения. Он, возможно, является

¹ Т. е. в раннем средневековье.

переработкой неизвестного пока иудейско-египетского трактата, сочиненного около IV—II вв. до н. э. Позднее трактат был усвоен и обновлен египетскими гностиками, а еще позднее — эфиопскими фалаша. В коптской и византийской литературах сохранились следы этого утерянного сочинения.

Доклад коснулся множества нерешенных проблем. Кто такие фалаша? Эфиопские евреи или «иудействующие» из христиан? Каково происхождение их литературы? Каково отношение гностиков к эфиопским социально-философским движениям, скрывавшимся под религиозной оболочкой?

Для нас в данном случае самое интересное — это факты о связи двух африканских литератур — коптской и эфиопской, восходящие к раннему средневековью. При этом не только эфиопская литература черпала из коптской, но и, наоборот, эфиопская литературная традиция обогащала коптскую. Б. А. Тураев опубликовал гимны на коптском и арабском языках в честь эфиопского «святого» Текла-Хайманота (XIII в.).

Уже приведенные выше факты говорят о колоссальном влиянии арабской культуры на литературы Западного Судана и Эфиопии. Еще большим было арабское влияние на литературу Восточного Судана, где арабский стал родным языком населения. В Восточной Африке, где распространен язык суахили, первые письменные памятники появились на арабском языке (около XV в.). Это были надгробные надписи и исторические хроники. Лишь позднее хроники были переведены с арабского на язык суахили.

Только совокупное влияние литератур Западной Европы можно сравнить с влиянием арабской литературы в Тропической Африке. При этом оно не ограничивалось переводом или копированием письменных сочинений. Параллельно с книгой путешествовал арабский фольклор. На Арабском Востоке популярны анекдоты о поэте Абу-Нуване, который жил в Ираке во времена халифов. Но эти же анекдоты можно услышать в Эфиопии на тиграйском и амхарском языках, в Кении и Танзании — на суахили, в Судане — на арабском

и нубийском языках. Древняя восточная легенда о царе Соломоне и царице Савской обрела новую родину в Африке. В Эфиопии, Республике Чад, Северной Нигерии она слилась с местными легендами о девах-царицах.

В Танзании и на Мадагаскаре можно услышать сказки, впервые записанные древними индийцами в «Джатаках» — легендах о перевоплощениях Будды. А не имевший письменности народ дагон, живущий в горах на юге Мали, называет первых людей Адамом и Хавой (Евой) — библейский элемент через арабов и мусульман Западной Африки проник в космические мифы дагонов.

В XIX в. появились первые африканские газеты на языках йоруба, малагасийском и др.; это был новый плод афро-европейского синтеза.

И наконец, XX век породил богатую африканскую литературу на европейских языках: английском, французском, португальском. Сенегал и Камерун имеют каждый собственные литературные школы писателей, которые творят на французском языке; Гана и Нигерия имеют такие же англоязычные школы, Ангола и Мозамбик — португалоязычные.

Встречи цивилизаций

В числе крупнейших событий последних лет в мире искусства были большие выставки африканской скульптуры, организованные в Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Москве, Берлине.

На выставке, открывшейся в ноябре 1964 г. в Берлинской академии художеств, африканское и океанийское искусство было показано параллельно с работами современных художников, которые, по мнению устроителей выставки, были созданы под непосредственным воздействием «примитивного» искусства.

В конце 1967 г. в Париже, в Музее человека, открылась выставка «Примитивное искусство в мастерских художников». Одновременно была составлена анкета, содержащая вопросы, обращенные к со-

временным художникам с целью выявить их отношение к этому искусству.

Вопрос об отношении к африканскому искусству является частью вопроса об отношении к самобытным культурам, которые складывались вне сферы влияния европейской цивилизации. Это вопрос о том, могут ли быть найдены точки соприкосновения между различными культурами, возможно ли установление подлинного глубокого взаимопонимания между народами разных наций, рас, континентов.

Сейчас, когда процесс развития и углубления контактов между народами имеет глобальный характер и становится все более интенсивным, эти частные вопросы приобретают особый смысл и остроту.

Сторонники превосходства европейской культуры, так же как и приверженцы негритюда, исходя из якобы существующего коренного различия между «культурой черных» и «культурой белых», говорят об особом пути развития африканского искусства, не имеющего, по их мнению, ничего общего с историей искусства других народов. Не прекращаются споры о том, какое место в мировом искусстве занимает искусство народов Африки и какую роль оно играет в современной художественной практике.

А пока идут споры, вопросы решаются самой жизнью, сфера взаимопонимания в области культуры медленно, но неуклонно расширяется.

Уже в начале нашего века сокровища культуры бывших колониальных народов, создававшиеся в течение многих тысячелетий, их великие достижения в области искусства были по достоинству оценены наиболее чуткими и талантливыми из европейских художников и коллекционеров, а живая художественная практика использовала эти достижения, включив их в общее русло художественного развития.

Открытие и признание африканского искусства в Европе долгое время считалось модным увлечением. Впрочем, в определенный период так оно и было. Поверхностное увлечение Африкой, так назы-

ваемое негрофильство, в Западной Европе достигло своего апогея в начале 30-х годов XX в. В то время ювелиры имитируют африканские украшения, джаз становится характернейшим фоном времени, обложки книг и журналов украшаются изображениями африканских масок. Африканскую скульптуру разыскивают и скупают не только ее настоящие ценители и «первооткрыватели» — поэты, писатели, художники, для которых она служит неиссякаемым источником вдохновения, но и обыкновенные коммерсанты, снобы и все увлеченные острой новизны, чем-то вроде спортивного азарта, имеющего единственную цель — быть среди первых. Можно себе представить их удивление и разочарование, если бы они узнали, что первые коллекционеры африканской скульптуры появились в Европе почти пять веков назад, так как кабинеты курьезов, где были собраны подобные вещи, начали создаваться здесь уже в первой трети XV в. Эти небольшие домашние «музеи», хозяева которых показывали гостям всевозможные диковинки природы и ремесленные изделия, вывезенные из заморских стран, просуществовали в Европе до конца XVII в. Среди находившихся там предметов было немало африканских художественных изделий. Художественные изделия африканских мастеров пользовались в то время в Европе большим спросом. Они даже превратились в особый предмет импорта, и португальские торговцы заказывали в Африке всевозможные предметы из слоновой кости, которые наперебой раскупались европейскими королевскими дворами. Основную массу их составляли резные, богато украшенные рельефами кубки, переноски, солонки, ложки, вилки и т. п. Приобретались также и отдельные предметы искусства. Известно, например, что в замке Амбра великого герцога тирольского Фердинанда I хранилось несколько скульптур, вывезенных из Бенина и других мест на западном побережье Африки.

Подобные экзотические диковинки вызывали изумление и восхищение, порой выражавшееся в поэтической форме: Андре Риводо¹

¹ Племянник А. Тирано (1480—1558 гг.), покровителя Рабле.

в стихотворном обращении к своему дяде восторженно расхваливает собранную им коллекцию. Приглашенный знаменитыми дьеппскими коллекционерами братьями Анго на их виллу «Ля Пансе» Франциск I (1494—1547 гг.) восхищается тканями, индийским фаянсом, различными диковинками из страны попугаев (Бразилии), изделиями из слоновой кости, идолами и шкурами диких животных, вывезенными с африканского побережья.

Факты такого рода свидетельствуют о том, что в XV—XVII вв. наряду с различными экзотическими предметами в Европу попадает значительное количество предметов африканского искусства. При этом они неминуемо оказываются в центре внимания, будучи либо специально выставлены для обозрения в кабинетах курьезов, как, например, идолы, либо становясь предметом обихода: кубки, перечницы, солонки и т. п.

Надо думать, что уже в то время появление новых самобытных предметов искусства не могло пройти незамеченным со стороны европейских художников. Трудно сказать, как именно, но можно предположить, что период увлечения экзотизмом должен был отразиться в искусстве. Знакомство с образцами заморской пластики не могло не дать пищу пытливым, ищущим умам той беспокойной, переменчивой эпохи. Было бы нелепо, конечно, искать следы влияния африканской скульптуры в творчестве Лоренцо Гиберти, Донателло или Микельанджело. Но разве не любопытно, что именно в этот период наибольшего увлечения экзотизмом создает свои произведения знаменитый Паоло Учелло — великий новатор своего времени, чья картина «Битва при Сан-Романо» (1456—1457 гг.) оказала не меньшее влияние на дальнейшее развитие живописи, чем 450 лет спустя «Авиньонские девушки» Пикассо. И разве не любопытно, что именно Учелло является создателем линейной перспективы в живописи?

Хорошо известно об отношении художников Возрождения к античности, но почти ничего — об их восприятии неевропейского искусства, хотя мы знаем, что их интересы не ограничивались исключительно греко-римским искусством. Об этом, в частности, свиде-

тельствует то внимание, которое проявлял Леонардо да Винчи к древнеиндийской живописи Аджанты. В том же смысле весьма примечательно высказывание Альбрехта Дюрера в его дневнике, помеченное апрелем 1520 г. и относящееся, по-видимому, к мексиканским так называемым сокровищам Монтесумы. «Никогда в жизни, — пишет великий художник, — я не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти предметы. Глядя на столь поразительные творения, я был изумлен утонченным гением людей чужих стран».

И все же показательным, характерным для этого периода первых контактов, первых встреч Европы с искусством иных цивилизаций были не столько отдельные проявления интереса, сколько то, что этому интересу не хватало глубины внимания, осознанности. Вместе с тем сам факт пробуждения интереса, хотя пока еще и поверхностного, к чужеродным культурным явлениям говорит о многом. Действительно, ничего подобного не могло иметь места в эпоху средневековья, в период абсолютного господства религиозной идеологии.

Возрождение не только расширило кругозор человека, но в известном смысле также вернуло искусству его «языческую» основу и тем самым перевело его в плоскость, в которой будущая встреча стала более возможной.

Этот период первых контактов не оставил глубокого впечатления также и в африканском искусстве, хотя какие-то следы все-таки сохранились. Прежде всего европейское влияние проявилось в так называемой афро-португальской пластике — тех изделиях из слоновой кости, которые изготовлялись африканскими ремесленниками по заказам португальских торговцев. Почти все эти предметы представляют собой странное сочетание местных традиционных композиций с европейскими сюжетами. Общая форма кубков, перечниц, солонок мало чем отличается от аналогичных традиционных изделий. Заменены только отдельные элементы композиции: вместо обычных для африканской скульптуры обнаженных фигурок с типично негроидными чертами изображаются фигуры бородатых людей грозного вида

в европейских одеждах. В них нетрудно узнать португальских солдат, купцов, вельмож, королей.

Художественная ценность этих изделий значительно ниже той, которой обладает современная им да и более поздняя традиционная и придворная африканская скульптура. В них чувствуется твердая, привычная рука ремесленника, но отсутствует вдохновение мастера — смелая линия, яркая выразительность точно найденной формы. Их недостаточная пластичность — следствие примитивно-натуралистического подхода, вообще совершенно несвойственного африканскому скульптору.

Это искусство поверхностно «европосено» не только в сюжетном, но и в стилевом отношении. Естественно, что в таком приглаженном виде, приспособленном к европейским вкусам, оно было более приемлемо для коллекционеров, чем традиционное африканское искусство. Поэтому оно занимало значительно большее место в домашних музеях XV—XVII вв., нежели деревянные идолы, культовое назначение которых затрудняло их приобретение, а непривычный облик и простой материал (дерево) не способствовали их сохранению. И все же от этих коллекций кое-что осталось. Некоторые вещи сохранились в музеях Ульма и Дрездена (старая коллекция Вейдемана). Но мы почти ничего не знаем о том, где и когда они были приобретены. Это обстоятельство затрудняет классификацию большинства подобных вещей, завезенных в Европу и в гораздо более позднее время. Счастливое исключение составляют три каменные статуэтки баконго, находившиеся в коллекции Р. П. А. Кирхера, о которых известно, что они были вывезены из Африки в 1695 г. Считается также, что некоторые антропоморфные сосуды, принадлежащие народности аньи (Берег Слоновой Кости), могли быть завезены в Европу в эпоху Людовика XIV, поскольку известно, что в период его царствования в Версале крестился Аммон Тифу — сын короля аньи.

Постепенно интерес к экзотике, и в частности к Африке, ослабевает. Этот интерес, далеко не всегда бескорыстный, а чаще всего

прямо стимулируемый недостатком в Европе драгоценных металлов, с открытием Америки обращается в сторону Нового Света. Начавшийся диалог между двумя столь различными цивилизациями, казалось, не оставил по себе никаких воспоминаний. «Страна идолопоклонников, забытая богом», теперь уже, по-видимому, мало кого интересует. Мореплаватели устремляются дальше на юг, открывают новые земли, новые морские пути. Эпоха «собираательства», накопления продолжается, и в центре внимания остается то, что обладает лишь очевидной материальной ценностью.

Но в результате этих первых поверхностных контактов неприметно происходят глубокие перемены, которые позднее приведут к серьезным качественным сдвигам.

В течение 15 веков (вплоть до первой трети XVI в.) церковь отказывалась признать идолопоклонников полноценными людьми. Согласно официальной церковной доктрине, африканцы не могли считаться людьми, происходящими от Адама.

В июне 1537 г. в папской булле Павла III обитателям новооткрытых земель было даровано «свойство настоящих людей». Это «признание» церкви положило начало миссионерской деятельности, последствия которой для африканского общества были не менее губительны, чем развитие работорговли, так как она была направлена на разрушение структуры общества, искоренение привычных представлений, регулировавших отношения между людьми. В течение нескольких лет или десятилетий разрушалось то, что создавалось тысячелетиями. Нарушенное равновесие не могло быть восстановлено искусственным образом. Подвергавшиеся полупринудительному крещению, вынужденные молиться чужому непонятному богу и в то же время освобожденные от сдерживающей и дисциплинирующей силы традиционных норм, африканцы уничтожали то священные для них статуи предков, то самих проповедников. В 1491 г. был крещен один из королей Конго — Нзинга, получивший после крещения имя Жуан. Однако восстания против христианизации в его королевстве не прекращались еще много лет и были подавлены только его сыном.

Во многих районах имели место массовые поверхностные обращения в христианство, и результатом миссионерской деятельности того времени часто было лишь то, что на традиционном алтаре некоторых племен среди статуэток предков появились бронзовые и деревянные фигурки христианских святых и распятия, близкие по своему стилю к афро-португальской скульптуре. В это время следы европейского влияния на африканское искусство выразились также в появлении новых сюжетов в придворной бенинской скульптуре (бронзовые рельефы, изображающие португальских купцов, фигурки солдат с мушкетами и т. п.), более органичным и широко распространенным оказался образ матери с младенцем, имеющий, по-видимому, в качестве прототипа изображение богоматери. Трудно сказать, имело ли какое-нибудь влияние на местное прикладное искусство декоративное оформление различных предметов, в частности украшений, завезенных в Африку из Европы в то время.

Новые сюжеты появились не только в африканском, но и в европейском искусстве. Первый из них — изображение Канку Мусы (1307—1332 гг.), императора Мали, в атласе Абрахама Крескеса (1375 г.). Появляются книги о путешествиях в Африку с рисунками на африканскую тему, такие, как, например, книга Д. Лопиша и Ф. Пигафетты о путешествии в Конго (1591 г.), иллюстрированная братьями Брай.

Образы африканцев появляются в живописи и скульптуре. Среди барельефов, символизирующих открытые континенты (церковь св. Якова в Дьеппе, середина XVI в.), Африка изображена в виде негра и негритянки с ребенком (разделяющее их дерево со змеей выражает, по-видимому, тогдашнее представление об африканцах как о людях, находящихся на стадии непосредственно после грехопадения). Изображения чернокожих встречаются также в картинах Ватто, Рубенса, Рембрандта и др. Но может быть, самое замечательное в европейской иконографии — это появление первых воспроизведений африканских художественных изделий, что указывает на известную степень не только интереса, но и прямого признания их

достоинств. К числу самых первых таких воспроизведений относятся иллюстрации в книге «Театрум инструменториум» (1619 г.) брауншвейгского музыканта и музыковеда Михаэля Преториуса.

В XIX в. Африканский континент остается «заповедным полем охоты на чернокожих» (К. Маркс), в центре внимания до 40-х годов находятся новооткрытые земли Океании и Австралии. Это время, когда в Европе мало интересуются историей, культурой, искусством африканских народов. Широко распространено мнение, что африканцы — первобытные дикари и, как таковые, естественно, не имеют ни своей истории, ни культуры.

Войны, ведущиеся с целью захвата рабов, опустошают страну. Одна за другой гибнут древние африканские империи и королевства. Вот как характеризует этот период французский африканист Жан Лод. Это время, пишет Лод, когда «связи между различными государствами (африканскими. — *Авт.*) ослаблены и нарушены постоянной охотой за рабами. Лишенные своих лучших представителей, убитых или угнанных в рабство, социальные объединения распадаются. Атмосфера неуверенности препятствует любой нормальной повседневной деятельности. Изолированные на своей разоренной, обнищавшей земле, подозрительно относящиеся ко всякому иностранцу, они замыкаются в себе. Когда в XIX в. многочисленные европейцы вновь появляются в Африке, чтобы разделить ее между собой, они находят здесь остатки государств, морально и материально разрушенных, — таков итог четырехвековой безжалостной эксплуатации континента, оправдывавшейся дикостью Африки и ее неспособностью к цивилизации.

В обоих случаях встречи европейской и африканской цивилизаций происходили при таких обстоятельствах, что потребовалось морально и интеллектуально узаконить действия, которые не имели никакого отношения ни к интеллекту, ни к морали».

Но с середины XIX в. в связи с начавшейся колонизацией Африки организуются многочисленные экспедиции во внутренние районы континента. В Европу в это время ввозится значительное коли-

чество предметов искусства и ремесленных изделий. Большая часть их находит свое место в музеях этнографии. С 1840 г. такие музеи создаются во многих городах Европы. Часть их возникает на базе материалов, сохранившихся от домашних музеев — кабинетов курьезов. Африканская скульптура — маски и статуэтки выставлены под рубрикой «Культы, религии, обычаи» и рассматриваются исключительно как ритуальные предметы. Их классификацией, изучением занимаются пока только этнографы.

В это время знаменитый немецкий путешественник и этнолог, основатель Берлинского музея народоведения Адольф Бастиан обращается с призывом «приобретать все что можно, чтобы спасти от уничтожения произведения примитивных культур и сосредоточить их в наших музеях». Этот призыв можно расценивать по-разному, в том числе и как призыв к массовому грабёжу, но бесспорно, что «сосредоточение в музеях» было не худшее из того, что угрожало «произведениям примитивных культур». Со второй половины XIX в. в странах Африки начинается массовое уничтожение скульптуры. По указанию европейских миссионеров «идолы»: маски, культовые статуэтки и фетиши — сваливаются в кучи и сжигаются. В таких аутодафе гибнут сотни и тысячи уникальных памятников, исчезает великое искусство, а с ним тысячелетние традиции, питавшие творчество безымянных народных художников. Так, в 1872 г. в Северной Анголе миссионеры полностью уничтожили древнейшие памятники искусства.

Этнографы ничего не уничтожали, но и после них на местах почти ничего не оставалось из того, что было создано древней самобытной культурой. Разными способами изымая все, что их интересовало, вплоть до наиболее почитаемых священных масок и статуй предков, они редко заботились о том, чтобы собрать все необходимые сведения об этих предметах: о времени и месте их создания, назначении и т. п. Результаты таких «полевых исследований» для местных художественных традиций были столь же плачевны, как и последствия миссионерской деятельности. И то и другое привело

к полному исчезновению скульптуры и утрате навыков ее создания у некоторых народностей. Так, в 1880 г. навсегда угасло своеобразное декоративное искусство бена-лула, в первой трети XIX в. — искусство скульпторов фанг, быть может, самое замечательное в Африке.

В 1914 г. со страстным протестом против систематического ограбления Африки выступил голландский этнограф А. Ван Геннеп. «Некоторые экспедиции, — писал он, — такие, например, как экспедиции Лео Фробениуса, вывезли из Западной Африки и Конго тысячи предметов и сделали это так основательно, что местные ремесла многих племен бесследно исчезли. Станный способ делать науку!

И прежде всего мало плодотворный, так как в этих грабежах, организованных с помощью денег и поспешно проводимых, исследователь не имеет ни намерения, ни времени, чтобы изучить специальные институты, обусловившие создание местной продукции».

После открытия полезных ископаемых, в частности золота (Трансвааль) и алмазов (Юго-Западная Африка), приток европейских колонистов в Африку увеличивается. В связи с этим начинается усиленное изучение местных условий.

В этот период исследования этнографов были направлены главным образом на изучение тех факторов, которые имели решающее значение в деле колонизации. Ввозимые в это время в Европу этнографические материалы, в том числе предметы искусства, отнюдь не рассматривались как художественные ценности. Они должны были облегчить изучение африканского быта и служить своего рода наглядным пособием будущим колонистам.

Почему же африканские маски и статуэтки, расцениваемые ныне как непревзойденные образцы пластического искусства и вот уже почти полвека оспариваемые друг у друга крупнейшими музеями мира, составляющие гордость всякой художественной коллекции, характеризовались еще в XIX в. как «грубые поделки дикарей», «приблизительные и неумелые изображения людей, гениев и богов»?

В середине и второй половине XIX в. африканское искусство в Европе не могло быть признано ни теоретически, ни практически. Такое «неприятие» было обусловлено, с одной стороны, научной, с другой — эстетической ограниченностью того времени. По удачному выражению французского африканиста-искусствоведа Жана Лода, «Европа в эйфории своей первой индустриальной революции вырабатывает понятие прогресса, следующего по прямой, бесконечно восходящей линии. Это понятие, взятое из области техники, было непосредственно перенесено в область морали, социальных отношений, искусства. Технический прогресс является условием прогресса морального, развития искусства и литературы. Уровень развития неевропейских цивилизаций определяется по уровню их технического развития».

На неправомерность такого подхода указывал еще К. Маркс во «Введении к критике политической экономии»: «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не стоят ни в каком соответствии с общим развитием общества, а, следовательно, также и развитием материальной основы последнего».

Однако и в наше время это в корне неверное представление о техническом прогрессе как показателе общего уровня культурного развития продолжает бытовать, несмотря на очевидные многочисленные свидетельства того, что завоевания в одной области очень часто сопровождаются отставанием в другой.

Дети манчестерских и уральских рабочих XIX в., так же как сотни тысяч других, принесенных в жертву индустриализации, могли бы сказать, каким «повышением» морального и культурного уровня сопровождался тот технический прогресс, плодами которого так удобно пользуются теперь и с высоты которого иной раз судят о других цивилизациях.

Не правильнее ли было бы предположить, что отставание данного общества в одной области не означает пониженной активности вообще, но указывает на то, что эта активность имеет иную направленность?

Посмотрим, какой была эта направленность в африканском обществе до контакта с европейской цивилизацией.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с историей и культурой африканских народов, — это то, что художественное творчество пронизывает весь быт африканцев и так органично сливается с утилитарной деятельностью, что порой эти стороны невозможно отделить одну от другой. Танцы и пение не являются здесь исключительно привилегией праздника, досуга, они сопровождают различные ритуальные церемонии и полевые работы и даже походы.

Изобразительное искусство также не составляет особой области, изолированной от повседневной деятельности. Утилитарные предметы — это в то же время предметы искусства. Вот, например, вырезанные из дерева человеческие головы, фигуры птиц и животных — их вполне можно принять за мелкую пластику (чем они в известном смысле и являются); оказывается, это детали ткацкого станка. Литые бронзовые, необыкновенно тонко моделированные фигурки черепашек, ящериц, рыб, крокодилов — гири для взвешивания золота. Чаши, различные инструменты, табуретки, подголовники — все это утилитарные предметы большой художественной ценности, а может быть, произведения искусства, имеющие утилитарное назначение? Скорее, последнее. Об утилитарном предмете той или иной художественной ценности можно говорить в том случае, когда при его создании имеется в виду прежде всего хозяйственное назначение, чему соответствует определенная форма. Всем известны, например, обычные, распространенные формы сосудов (чаши, вазы, керамические горшки и т. п.). Такой сосуд может быть покрыт резьбой, рисунком или лепными украшениями. В этом случае перед нами бытовой предмет, имеющий ту или иную художественную ценность. Но можно ли сказать то же самое о керамической скульптуре, изображающей человеческую голову или полную фигуру, чье отличие от обычной скульптуры заключается лишь в том, что верхняя часть фигуры образует крышку, а ее внутренняя полость используется как сосуд? Так вы-

глядит большинство предметов, изготовленных африканскими ремесленниками.

Почти каждый предмет, созданный африканским мастером, получал определенное пластическое решение. Это виртуозное владение скульптурной техникой особенно ярко проявилось в создании масок и статуэток, которые, по признанию крупнейших художников и исследователей, являют исключительный пример скульптуры, говорящей своим особым, чистым пластическим языком. Эта скульптура не мертвый слепок, более или менее точно воспроизводящий модель и вызывающий те или иные ассоциации (литературные, исторические и пр.), но такое же самостоятельное искусство, как музыка или танец, обладающие, как и они, своими собственными средствами художественного выражения — языком пластических ритмов.

Приоритет Африки в скульптуре ныне общепризнан, но может быть, развитие скульптуры не показатель общего уровня художественного развития? Может быть, прав был Бодлер, написавший в 1846 г.: «Скульптура — искусство караибов», — и Леонардо да Винчи, отводивший высшее место в иерархии искусств живописи? Занимает ли живопись какое-нибудь место в развитии художественных традиций на Африканском континенте? Да, и не малое. Этот вид искусства существует в Африке примерно с VIII тысячелетия до н. э. Нигде в мире не сохранились такие огромные «художественные галереи под открытым небом», как те, которые находятся в центральных районах Сахары и в горах Южной Африки.

Благодаря недавним экспедициям А. Лота, Ж. Байу, Р. Грациози, исследованиям А. Брейля, Ван Рит Лове и многих других наскальная живопись и петроглифы Африки стали известны всему миру. Отдельные памятники наскальной бушменской живописи, так же как некоторые фрески Тассили, называют иногда лучшими из живописных произведений, когда-либо созданных человеком.

Как бы то ни было, но за 10 тысяч лет, на протяжении которых существовала наскальная живопись, было создано немало подлинных шедевров искусства, из которых сохранилась лишь малая

часть. (Споры о том, кем именно создавались эти замечательные фрески, не имеют серьезных оснований, поскольку наскальное искусство в Африке в той или иной форме существует повсеместно и очевидно, что его творцами могли быть только автохтонные народы.)

Мы не будем здесь касаться других видов искусства. Напомним лишь, что в основе современной музыки и современного танца немало элементов, имеющих косвенное, а иногда и прямое отношение к афро-негритянской музыкальной культуре. Теперь они уже стали элементами нашего искусства (так же, как это произошло в живописи и скульптуре, о чем мы подробнее будем говорить ниже).

В XIX в. в науке и философии мало кто пытался поставить под сомнение единство эволюционного процесса в рамках одной цивилизации.

В 1885 г. французский историк Р. Андре выдвигает предположение, что искусство народов, находящихся на низкой ступени развития, может достичь относительно высокого уровня. К этому выводу его привело, по-видимому, открытие в 1879 г. пещерной живописи в Западной Европе. В это время появляются теории, согласно которым стиль складывается под воздействием трех факторов: целесообразности, художественной техники и материала — и, таким образом, не стоит в прямой зависимости от уровня технического развития данного общества. Искусство «диких» не обязательно должно быть примитивным — такой вывод делают исследователи первобытного искусства. «Теоретическое признание» африканского искусства, таким образом, было подготовлено несколько раньше, чем оно получило признание на практике. Чтобы понять закономерность этого явления, необходимо обратиться к истории западноевропейского искусства XIX в.

В начале XIX в. во французском искусстве, занимающем в это время ведущее место в Западной Европе, побеждает школа знаменитого живописца Великой французской революции Луи Давида (1748—1825 гг.). Поднявшиеся на борьбу с «ложным вкусом, пусто-

той и несостоятельностью» искусства XVIII в., представители этой школы постепенно переродились в группу ограниченных, облеченных властью законодателей от искусства. Удивительное мужество и твердость, с которыми они отстаивали свои принципы в годы революционного подъема, со временем обратились в косность, ставшую на пути дальнейшего развития искусства. По словам современника, «тирания Давида стала столь же невыносимой, как тирания расиновской трагедии и правила о триединстве».

В 1810 г. Гизо пишет: «Образовалась школа живописи со статуей. Учителя заставляют своих учеников писать, ставя перед ними вместо натурщиков гипсовые фигуры; как же этим ученикам не сделаться серыми, посредственными живописцами?»

Один из таких учителей, бывший в свое время учеником Давида, Герен, однажды сказал: «Если бы я знал, что буду когда-либо обязан писать с натуры, я тотчас же бросился бы в реку».

Повсеместная антикомания, насаждаемая этой академической школой, во главе которой с 1824 г. стал Энгр, окончательно стерилизовала искусство, превратив живопись и скульптуру в нечто вроде наглядного пособия к древней и новой истории. «Эта энгровская школа, — писал один из крупнейших французских живописцев XIX в., Делакруа, — задается странной целью; она стремится поставить живопись в зависимость от антиквариев: это не картины, а претенциозная археология».

Крупнейшим скульптором считался манернейший Канова (1757—1822 гг.) — любимец Наполеона, изваявший, между прочим, кроме статуи самого императора статуи его матери (в виде Агриппины) и его сестры (в виде Венеры).

Как писал в конце XIX в. французский искусствовед Байе, в это время «мы видим искусство дисциплинированным и, так сказать, прирученным. В области художеств, так же как и в других областях, недоверчивый деспотизм Наполеона заглушал дух инициативы. Пришло время явиться новой школе, которая разбила бы оковы условностей и искусственных правил, освободилась бы от чрезмерного по-

клонения прошлому и восстановила бы свободу идей и форм, их выражающих».

Эта скованность, «прирученность» искусства на долгие десятилетия затормозили его развитие, что в свою очередь отразилось на развитии эстетических взглядов эпохи, создав такую питательную среду, в которой все глубокое, оригинальное, подлинно талантливое встречалось в штыки, но зато пышным цветом расцветала академическая посредственность. В это время не может быть и речи о признании какого-либо явления, не попадающего в ту узкую полосу художественного спектра, которой ограничивался кругозор академических законодателей. Невозможно представить себе, чтобы в это время кто-нибудь обратил внимание на деревянных «идолов» и увидел в них произведения искусства, т. е. нечто родственное ослепительно элегантным мраморам Кановы или изысканным великосветским энгровским мадоннам.

Однако новое уже вторглось в художественную жизнь Европы. Вначале в литературе, затем в живописи, музыке появляются течения, которым предстоит в дальнейшем определить характер художественного развития. Виктор Гюго, Теофиль Готье, Альфред де Мюссе утверждают новое направление в литературе. В живописи вслед за Констеблем, Жерико и Делакруа скоро придут художники барбизонской школы, которых сменят импрессионисты.

Со второй половины XIX в. коллекции европейских музеев этнографии значительно пополняются африканскими художественными изделиями, в том числе скульптурой. После разгрома в 1897 г. Бенина английской карательной экспедицией в Европу ввозится большое количество бронзовой бенинской скульптуры.

Изучением ее занялись теперь не столько этнографы, сколько искусствоведы. Бенинская скульптура, несравнимо более однообразная и по своему исполнению менее совершенная, чем большинство народной традиционной скульптуры, тем не менее первой привлекла внимание специалистов к искусству Африки. В это время армия деревянных «идолов» еще мирно покоится на музейных полках. Этно-

графы, занимающиеся их хранением и классификацией, еще не имеют ни малейшего представления о той взрывной силе, которой обладают эти потемневшие от времени куски обработанного дерева.

Круглая скульптура и маски выставляются вместе с различными культовыми и бытовыми предметами и трактуются как «неумелые и приблизительные изображения». Под ними нет никаких экспликаций, в лучшем случае давалось название района или народности, если они были известны, так как большая часть африканской скульптуры завезена в Европу не только без описаний, которые могли бы помочь уточнить тот или иной символ, смысл и назначение отдельных предметов, но часто без точного обозначения места и времени их создания.

В одной из энциклопедий 1898 г. можно прочесть следующую, характерную для этого времени, заметку об африканском искусстве: «У негров, которые, как все расы Центральной и Южной Африки, сильно отстают в области искусств, находят идолов, изображающих людей и воспроизводящих с гротесковой верностью характерные черты африканской расы».

Вначале (а иногда еще и теперь) «примитивное» искусство рассматривается специалистами как некая реликтовая форма наравне с первобытным — неолитическим и палеолитическим — искусством, изучение которого, начатое во времена Дарвина и связанное с вопросами происхождения человека, ставило своей целью проследить последовательные этапы его социального и технического развития. Антропологи рассматривали искусство как акт выделения человека из среды, соответствующий первой стадии эволюционного процесса. Иначе говоря, искусство рассматривается как подсобный материал; в центре внимания находятся вопросы происхождения и развития не искусства, а человека.

В более поздних работах, как, например, в работах американского этнографа Франца Боаса, искусство уже является непосредственным предметом исследования. Однако Боас и его школа, так

же как большинство тогдашних и современных зарубежных этнографов, рассматривают «примитивное» искусство в основном с точки зрения техники и материала, определяя продукт художественного творчества как «копию натуры, модифицированной художником».

Обращение к изучению «примитивного» и первобытного искусства, стимулируемое сенсационными открытиями в Западной Европе и Центральной Америке, создает новую отрасль науки на стыке искусствоведения, археологии и этнографии. Работы Р. Андре, А. Ригеля, К. Ланге, Ф. Боаса и многих других настойчиво привлекают внимание к неизвестным до того загадочным памятникам искусства — созданиям иных эпох и народов.

Вначале исследования археологов и этнографов, позднее искусствоведов мало-помалу способствуют раскрытию смысла и значения отдельных памятников, места и роли искусства в жизни человека. Вместе с тем каждая такая работа в какой-то мере приближала и непосредственное понимание примитивного искусства, постепенно делая эту «вещь в себе» «вещью для нас». Но для того чтобы сделать это до конца, чтобы полностью раскрыть эстетический смысл художественного явления, одних научных исследований недостаточно. С их помощью в самом лучшем случае можно понять структурные особенности, внутренние закономерности, определяющие характер того или иного стиля, — понять как и для чего создавалось то или иное произведение искусства; но сделать это искусство доступным для непосредственного эмоционального восприятия могла только художественная практика. Она шла к этому своим путем, причем, как увидим ниже, вовсе не ставя себе такой цели.

* * *

*

Победа импрессионизма в последней четверти XIX в. значительно расширила эстетический кругозор, открыв и утвердив новые возможности художественного отображения мира. Однако как бы ни

были во многом прогрессивны завоевания импрессионизма, его область тем не менее была довольно ограниченной. Пленэрная живопись означала введение нового компонента — изменчивой воздушной-световой среды. Развитие и углубление новой живописной техники постепенно привело к полному растворению предметов в этой воздушной среде. Исчезает четкость контуров, разрушается плоскость картины. Живописная техника «а ля прима», применяемая импрессионистами для фиксации мимолетных, неустойчивых состояний, оставляет большое место случайностям, что отрицательно сказывается на чистоте и законченности стиля, полновесности художественных образов.

Все это приводит к тому, что в период с 1890 до 1905 г. вся новейшая живопись в той или иной мере является реакцией на импрессионизм.

Отдельные художники и группы, создающие новые направления, стремятся восстановить разрушенную плоскостность изображения, двухмерность живописи. «В анархии эмоциональных ценностей в конце прошлого века, — пишет австрийский живописец Вольфганг Паален, — люди, обратившиеся к искусству как к последнему прибежищу, начинают понимать, что внутренняя природа вещей так же значительна, как и внешняя. Вот почему Сёра, Сезанн, Ван-Гог и Гоген открывают новую эру в живописи: Сёра — своим стремлением к структурному единству, к объективному методу; Ван-Гог — своим цветом, который перестает играть описательную роль; Гоген — смелым выходом за рамки западной эстетики, и особенно Сезанн — решением пространственных задач».

Появление различных направлений в искусстве определяется рядом совершенно новых факторов. Ускоренный темп, в котором теперь происходит зарождение, расцвет и упадок новых течений, способствует большой творческой свободе от признанных образцов, создает большую гибкость вкусов.

В конце XIX в. всеобщая вера во всемогущество науки и техники превращается порой в настоящую наукоманию. В частности, это

приводит к попыткам (не всегда обосновательным) решить назревшие проблемы художественного творчества научным путем. Отсюда сознательные поиски новых средств выражения, приводящие иногда к полному разрыву с традициями, с исторической эволюцией художественных форм, к созданию ложных стилей в искусстве и архитектуре.

В результате эстетического разброда, «анархии эмоциональных ценностей» в конце прошлого века европейское искусство повсеместно являет чрезвычайно пеструю, сложную картину.

Внимание части художников привлекают открытия археологов в Западной Европе, Африке и Центральной Америке, давшие немало нового, иногда удивительно сложного и эстетически совершенного материала.

Стремление проникнуть во внутренний мир неевропейских цивилизаций, постичь источник живительной силы их искусства рассматривалось в то время как один из способов «омоложения» европейского искусства. «Варварство для меня — средство омоложения», — сказал Гоген; правда, он сказал это до своего путешествия в Океанию, до того, как он открыл, а позднее и доказал своим искусством, что он встретился там не с варварством, а с неизвестной до тех пор цивилизацией.

Таким образом, не прихоть моды и не волей случая должно было стать «открытие» и признание африканского искусства. Оно подготовлялось в Европе множеством факторов культурно-исторического, социального и художественного развития, действовавших независимо друг от друга. Важнейшие из них: работы этнографов и организация музеев; появление новых концепций относительно «примитивного» искусства; расширение эстетического кругозора; характер новых проблем в искусстве и новые способы их решения (Сёра, Сезанн, Ван-Гог) и, наконец, начатые Гогеном прямые рейды в мир иных цивилизаций.

Из названных четырех художников последним умирает Сезанн. Дата его смерти (1906 г.) совпадает с началом его особенно глу-

бокого влияния на современных художников. Этот период, имевший огромное значение для творчества таких художников, как Пикассо, Дерен, Брак, Матисс и многие другие, и оказавший серьезное влияние на судьбу изобразительного искусства Запада, был назван позднее историками искусства «сезанновским» или «негритянским» периодом.

В 1906 г. Пикассо начал писать большую картину, названную позднее «Авиньонские девушки». В том же году возвращавшийся с этюдов Вламинк, зайдя в бистро на берегу Сены, вдруг обратил внимание на небольшую скульптуру, стоявшую на стойке среди бутылок. Деревянная скульптура, поразившая его своей необыкновенной пластичностью, оказалась африканской статуэткой. Открытием Вламинка живо заинтересовались Матисс, Дерен и другие художники; в то же время Матисс приобретает несколько африканских масок... С этого момента африканские статуэтки и маски старательно разыскиваются и скупаются художниками и коллекционерами, среди последних много молодых поэтов и писателей, имена которых теперь известны всему миру. В числе нескольких самых первых ценителей африканской скульптуры был и известный русский коллекционер Сергей Щукин, которому наши собрания традиционного искусства обязаны несколькими редкими деревянными статуэтками, поступившими в его знаменитую художественную коллекцию до 1914 г.

Одновременно или даже несколько раньше то же самое происходит в Германии, где внимание молодых художников привлекают большие собрания африканской скульптуры, выставленные в Дрезденском этнографическом музее. Честь этого открытия здесь принадлежит Э. Л. Кирхнеру и нескольким другим немецким живописцам группы «Мост» (современные исследователи считают, что одной из причин обращения немецких художников к африканской скульптуре было их страстное увлечение Гогеном).

Немецкие экспрессионисты по-своему восприняли уроки африканского искусства. С одной стороны, поверхностное знакомство

с «примитивным» искусством провоцирует их на создание довольно туманных теорий относительно «необходимости возврата к инстинктивному творчеству»; с другой — они чаще всего попросту воспроизводят в своих работах африканскую или океанийскую скульптуру, используя ее в качестве элементов натюрморта или заменяя изображение человеческих лиц красочным изображением масок.

Во Франции внедрение новых элементов в искусстве уже с первых шагов было иным. Осенью 1907 г. Пикассо заканчивает «Авиньонских девушек». Освистанная при своем появлении не только прессой и широкой публикой, но и художниками, спустя несколько десятилетий картина стала рассматриваться специалистами как одно из крупных событий в истории западного искусства, причем не из-за ее собственных художественных достоинств¹, но ввиду ее влияния на дальнейшую судьбу западноевропейского искусства.

Эту картину называют иногда «холст-перекресток». Не только из-за того, что в ней скрещиваются и синтезируются существенные элементы различных стилей от Эль Греко и Гогена до Сезанна и африканской скульптуры (причем ярче всего выражено именно последнее — не случайно этот и последующий периоды творчества Пикассо известны как «негритянская эпоха»), но также и потому, что в ней уже можно видеть зачатки многих тенденций, получивших свое дальнейшее развитие в различных направлениях современного искусства, в первую очередь в кубизме.

В задачу настоящей работы не входит сколько-нибудь исчерпывающее рассмотрение всех истоков, а тем более этапов развития

¹ Интересна судьба этой картины. Она так и осталась «картиной для художников», даже после признания тех направлений, которые были столь многим обязаны ей. Она была впервые репродуцирована только через 18 лет после ее создания. Ее отказался приобрести даже В. Уде, скупавший до 1914 г. все работы кубистов, и Канвейлер, ближайший друг Пикассо и коллекционер, приобретавший его работы, первый человек, оценивший ее значение. Она была куплена только после 1925 г. одним портным-коллекционером по совету А. Бретона.

этого течения. Мы обращаемся к кубизму лишь постольку, поскольку именно с ним связано «открытие» и признание африканского искусства.

О судьбе этого направления можно сказать теми же словами, какими говорит один исследователь об африканском искусстве: «Вначале предмет курьеза, третируемое и презираемое, затем приобретаемое и разыскиваемое многочисленными любителями искусства», оно заняло определенное место в истории современного искусства.

В 1907 г. значение «Авиньонских девушек» поняли только два человека: Гийом Аполлинер и Даниель-Анри Канвейлер. Картина шокировала всех, кто ее видел. Ж. Брак, которого Аполлинер привел в мастерскую Пикассо, воскликнул, обращаясь к художнику: «Ты хочешь заставить нас пить бензин и есть паклю!» Но уже спустя несколько месяцев работы Брака неузнаваемо меняются; картины, написанные им в 1908—1909 гг., относятся к самым ранним работам нового направления (причем именно им оно обязано своим названием).

Что же представляло собой это направление, возникшее 60 лет назад сначала в Европе и затем распространившееся во всем мире — от Франции и России до Японии, США и Южной Америки? И почему оно было так тесно связано с открытием африканского искусства и так называемой негритянской эпохой в творчестве пионеров этого направления — Пикассо и других крупных художников?

Прежде всего справедливости ради надо заметить, что в начале нашего века, говоря о «негритянском искусстве», очень часто имели в виду не только африканскую скульптуру, но также и скульптуру Океании, доколумбовой Америки, а иногда даже искусство эскимосов Аляски! Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием специальных исследований, которые могли помочь художникам и коллекционерам разобраться в их приобретениях, с другой — некоторыми общими особенностями «примитивного» искусства. Мы имеем в виду не стилистические особенности, но нечто более глубокое, выражающееся в отсутствии сюжетности — того описательно-повествователь-

ного начала, которое в европейском искусстве вплоть до конца XIX в. составляло основу художественного произведения (можно вспомнить, что еще для Марселя Пруста истинным знатоком искусства был тот, кто мог правильно истолковать, пересказать сюжет картины или скульптуры). Сюжет африканской традиционной скульптуры, так же как океанийской или древнемексиканской, пересказать невозможно. Тот, кто попытался бы это сделать, оказался бы в положении человека, пытающегося передать словами содержание музыкального произведения. Отсутствие «литературной» канвы в произведениях народного традиционного искусства и было одной из особенностей, которые привлекли к нему внимание художников, искавших ключ к решению этой проблемы.

Кроме того, характер нового искусства определялся и тем, что оно возникло на почве протеста против мотива преходящести, изменчивости в искусстве импрессионистов. По свидетельству одного из представителей нового направления, известного французского художника Хуана Гриса, «кубизм задался целью открыть в объектах нечто менее неустойчивое и найти способ изобразить это».

Традиционное африканское искусство удовлетворяло и этому требованию своим безразличием к преходящему, индивидуальному, так же как ко всякому описательству и натурализму. Один из теоретиков кубизма писал в то время: «От прежней живописи кубизм отличает то, что он не является искусством, основанным на имитации, но — на концепции, стремясь возвыситься до создания».

Теперь в центре внимания художников не внешняя видимость изображаемых предметов, но их внутренняя конструкция, не фактура изображаемого, но его структура, не мимолетное состояние, но сущность вещей и явлений (можно сразу заметить, что все перечисленные здесь моменты являются наиболее характерными чертами «примитивного» искусства, и в первую очередь африканской скульптуры).

Теперь художник не довольствуется прямой фиксацией своих переживаний, но ищет способ показать не только то, что видит и

чувствует, но и то, что знает, стремясь раскрыть самое главное в самом существенном.

Не трудно заметить, что в этой новой тенденции в сущности не было ничего принципиально нового, ничего такого, что не соответствовало бы общим целям и назначению искусства. То, к чему в своей живописи каждый по-своему, ощупью приближались Гоген и Сезанн, было до конца осознано художниками следующего поколения. Пикассо, Брак, Грис, Леже, а за ними многие другие художники открыли знаковую систему африканской скульптуры, удивительный, острый и выразительный язык пластической идеограммы, заставляющий зрителя непосредственно воспринимать скульптуру в целом и ее различные детали, весьма далекие от их естественной формы и, как по волшебству, заставляющие видеть человеческое лицо там, где имеет место лишь его отвлеченный пластический символ.

Содержание пластических формул африканской скульптуры далеко не всегда до конца раскрывается непосвященным. Но в данном случае решающее значение имело открытие самого принципа. Значение этого открытия состояло в том, что оно позволяло синтезировать 20 форм в одной, добиваться значительно большей содержательности, насыщенности образа, чем та, которой обладает скульптура, нагруженная подобно свифтовскому герою всей суммой предметов, о которых собирается говорить.

Верно, что для восприятия такого искусства необходима некоторая элементарная грамотность, впрочем, ее освоение отнюдь не требует таких усилий, как обучение чтению, а всего лишь некоторого периода и непредвзятого контакта с искусством такого рода.

В 1914 г. русский художник и искусствовед, автор одной из первых книг об африканском искусстве В. И. Матвей (1877—1914 гг.) писал: «Внешне это искусство поражает многих своими непривычными формами. . . Негр любит свободные самостоятельные массы; связывая их, он получает символ человека. Он не гонится за реальностью; его истинный язык — игра масс, и выработал он его в совершенстве. Игра тяжестями, массами у художников-негров поистине

разнообразна, бесконечно богата идеями и самодовлеющая, как музыка...

Бросается в глаза поразительная самостоятельность в творчестве, богатство и разнообразие в сочетании форм и линий и вместе с тем строгость стиля. Искусство это не имеет себе подобного нигде на земном шаре. Нигде не найти подобного рода пластики... Новое поколение художников благодарит Африку за то, что она помогла им выбраться из европейского застоя и тупика»¹.

В то время когда писались эти строки, во всем мире было, вероятно, всего несколько десятков людей, оценивавших африканское искусство таким образом. Зато 15—20 лет спустя было бы трудно найти художника или историка искусства, который оценивал бы его иначе. Теперь, когда об искусстве Африки написаны сотни книг, когда оно занимает почетное место на стендах музеев всего мира, кажется невероятным, что еще в начале нашего века о его существовании знали только специалисты-этнографы.

Большинство современных исследователей считает, что обращение к африканскому искусству следует рассматривать как результат схождения: в африканской скульптуре европейские художники увидели ключ к решению стоявших перед ними задач. Так ли это? Можно ли считать, что современные художники Пикассо и другие сознательно ставили перед собой эти задачи? Не была ли уже сама постановка проблемы подсказана теми образцами «примитивного» искусства, с которыми они познакомились сначала через Гогена, а затем и сами, непосредственно изучая это искусство народных художников? Такие вопросы ставятся.

Как бы то ни было, но, начиная с Сёра, Гогена, Ван-Гога и Сезанна, определяющей чертой художественного творчества были глубокая неудовлетворенность и страстные поиски новых путей; их итогом явилось создание нового направления, появление которого тесно

¹ Владимир Марков (В. И. Матвей). Искусство негров. Пг., 1919, стр. 36.

связано с именем Пикассо, его «негритянской эпохой» и его знаменитой картиной «Авиньонские девушки». Через 20 лет после ее создания, когда новое направление стало уже принадлежать истории, А. Бретон писал: «Каким чудом этот человек сумел воплотить то, что до сих пор оставалось областью самой высокой фантазии? Какие превращения должны были в нем произойти, чтобы он сумел этого достичь? Позднее исследователи будут ревностно искать, что именно вдохновило Пикассо в конце 90-х годов. Где он бывал? Как жил?»

Бретон был прав: современные искусствоведы потратили немало труда, пытаясь разгадать, что же явилось решающим фактором, определившим тот крутой поворот в творчестве Пикассо, который произошел между 1906—1908 гг. Хотя этот поворот является переходным моментом к той эпохе, которая неслучайно названа негритянской, сам художник много лет спустя отрицал влияние на него африканского искусства во время создания им «Авиньонских девушек». Это недоразумение вызвало необходимость проведения более тщательных исследований. Была сделана рентгенограмма картины, которая показала, что две правые фигуры — самые новаторские и вместе с тем самые «негритянские» — вначале были написаны так же, как и три другие. Теперь можно считать установленным, что переписаны они были после посещения художником в конце 1906 — начале 1907 г. Трокадеро (теперь Музей человека), где он познакомился с африканской скульптурой.

Совершенно новый стилистический элемент, появление которого четко прослеживается в известной картине, получает дальнейшее развитие в последующих работах Пикассо, таких, как «Негритянская танцовщица» (1908 г.) и др. Примерно к тому же времени относятся первые кубистские работы Брака, а позднее и других художников.

С этого времени «L'art nègre» (буквально «негритянское искусство») стало звучать как призыв, на который откликнулись вначале десятки, а затем сотни художников во всех странах. В различных культурных комплексах прошлого и настоящего пытались они найти то, что нашел Пикассо и другие в африканском искусстве.

В далекой Японии пионером нового направления был Х. Кога, в России — Л. Попова, К. Малевич, Н. Гончарова и другие, причем последняя использует в своих работах элементы древнерусского и народного искусства. Мексиканский художник Диего Ривера основывается на изучении древнего искусства своей родины. Уругвайский художник Торрес-Гарсиа и живописец Макс Вебер (США) изучают искусство американских индейцев, А. Рег — индийское искусство, Х. Гикас — искусство Византии и т. д.

Новое течение распространяется вширь, охватывая не только все виды изобразительного искусства, но и литературу, поэзию, драматургию.

На рубеже двух веков и двух литературных эпох стоит интересная и во многом еще загадочная фигура французского поэта и драматурга Альфреда Жарри (1873—1907 гг.), известного не только своим пророческим предчувствием нового человека эпохи вездесущей техники, но и тем, что он был первым, кто понял значение искусства тогда еще никому не известного таможенника Руссо — первого европейского примитивиста. А. Жарри и иногда С. Малларме называют в числе тех, чье литературное творчество оказало некоторое влияние на концепции кубизма. Среди поэтов — современников кубизма, творчество которых было тесно связано с этим направлением, на первом месте стоят имена Г. Аполлинера, П. Реверди, М. Жакоба, Б. Сендрара (интересно заметить, что последний был составителем первой антологии африканского фольклора, вышедшей в Париже в 1920 г.). По свидетельству Пикассо, «это было время, когда живописцы и поэты взаимно влияли друг на друга». Это было интересное, но и трудное время.

Те, кто называют процесс освоения Европой нового эстетического материала «модным увлечением», забывают о длительном периоде глубокого одиночества и жестокой борьбы группы художников и писателей, который предшествовал признанию их искусства и в значительной мере через него — африканского искусства (а позднее искусства Океании, Австралии, доколумбовой Америки и др.). Публика и

пресса со всей силой обрушиваются на художников. Их работы не покупаются. Знаменитый Маршан Амбруаз Волар, скупавший до того большинство картин Пикассо и других, отказывается от приобретения картин художников-кубистов. Их обвиняют во всех грехах, их искусство, по мнению газетных обозревателей, «не что иное, как возврат к первобытному варварству», «отречение от всех красот жизни и унижение природы». 16 октября 1912 г. в «Меркюр де Франс» было опубликовано открытое письмо старейшины муниципального совета Парижа некоего Лампюе к помощнику министра по делам искусств, в котором, в частности, говорилось о том, что после посещения Осеннего салона министр мог только спросить: «Имею ли я право предоставлять общественное здание банде злодеев, которые ведут себя в мире искусства, как разбойники на большой дороге?» Далее задавался вопрос: не является ли долгом правительства взять это дело под свой контроль?

В декабре того же года этот вопрос был поднят в палате депутатов в выступлении депутата Ж. Бретона, который заявил, что считает недопустимым, чтобы национальный дворец служил местом «антихудожественных» и «антинациональных» манифестаций, и предлагал принять против них самые решительные меры, на что социалист Марсель Самба (о котором известно, что он был не только депутатом, но и человеком, неплохо разбиравшимся в искусстве) ответил: «Мой дорогой друг, если картина вам кажется плохой, у вас есть неоспоримое право не рассматривать ее, а идти и смотреть другие, — но не звать жандармов!»

В 1913 г. работы кубистов были показаны на большой выставке в США, в Нью-Йорке. Уже в то время это была страна, загипнотизированная собственными экономическими успехами. В это время здесь повсеместно господствует типично буржуазное отношение к искусству: «здравый смысл» и самоуверенная ограниченность — то отношение к искусству, которое наглядно продемонстрировал один человек, обратившийся к Пикассо с вопросом: «Какую женщину Вы бы выбрали для супружеских отношений: Венеру Милосскую или ту,

что нарисована Вами?» (на что Пикассо ответил: «Я не вхожу в супружеские отношения с нарисованными женщинами»).

Нью-Йоркская пресса, изощрявшаяся в поношении художников, пестрела нелепыми наивными высказываниями по поводу нового искусства. Образцом мещанской ограниченности явилась статья экс-президента США Теодора Рузвельта. «Кубисты, — писал бывший президент, — заслуживают внимания лишь тех, кто занимается разглядыванием цветных загадочных картинок в воскресных журналах. Выбор куба в качестве символа не мотивирован ничем, кроме того что он присутствует в их картинах, так же как и всякие другие геометрические формы, не имеющие никакого отношения к искусству. Нет особого смысла в том, чтобы их называли кубистами, больше чем октогонистами или параллелепипедистами, или кавалерами прямоугольного треугольника, или братьями косинуса, следуя их личным симпатиям. Рассмотрим картину, которая по никому не известным соображениям названа «Обнаженная, спускающаяся по лестнице» (речь идет об известной картине М. Дюшама. — *Авт.*). У меня в ванной комнате есть хорошее покрывало из чистой шерсти, похожее на те, которыми пользуются навахи. С точки зрения кубистов это покрывало должно представлять собой вполне удовлетворительное и декоративное произведение искусства. Так что если кто-нибудь по неизвестным причинам счел бы мое покрывало картиной и дал ему название, например, «Элегантно одетый молодой человек, спускающийся по лестнице», это было бы то же самое, что мы имеем в случае с кубистской картиной».

Постепенное приобщение широкой публики к новому искусству шло параллельно с признанием африканского искусства. В 1915 г. в Германии было издано первое искусствоведческое исследование, посвященное негритянской скульптуре; впрочем, автор этой работы К. Эйнштейн еще не делает различия между скульптурой Африки и Океании. В 1917 г. П. Гийом и Г. Аполлинер издают в Париже первый альбом африканской скульптуры. В 1919 г. в Петрограде выходит книга В. И. Матвея «Искусство негров» — одна из первых работ

об африканской деревянной скульптуре. В последующие годы количество работ по африканскому искусству нарастает, как снежный ком.

До 1914 г. существовало всего лишь несколько коллекционеров — собирателей африканской скульптуры. Наиболее известные из них — П. Гийом, Ф. Фсенеон, Ф. Хавиланд, С. Шукин и несколько других. С 1920 г. во Франции, Бельгии, Германии, США создаются новые коллекции, открываются специализированные галереи.

В 20—30-х годах XX в. организуются большие выставки африканской скульптуры, иногда вместе с океанийской. В 1923 г. одна из таких выставок открывается в Марселе, в 1925 г. — в Лувре (Париж), в 1935 г. — в Нью-Йорке (Музей современного искусства).

Теперь африканской скульптурой, так же как и новым искусством, увлекаются многие — от поэтов и государственных деятелей до портных и кокоток. Это повсеместное признание в определенных кругах принимает явный оттенок модного увлечения. Не удивительно, что накатившаяся волна повального и чаще всего поверхностного увлечения африканским искусством вызывает отрицательную реакцию у некоторых художников, и в первую очередь у его первооткрывателей.

«L'art nègre», звучавшее прежде как дерзкий вызов и как призыв к дерзанию, стало модной темой повседневных разговоров. Золотая жила, найденная и разработанная старателями искусства, разменивалась теперь салонной публикой на медные пятики, брелочки в каждом пустом кармане. Такой дешевый энтузиазм, далекий от подлинного понимания, не мог не восприниматься болезненно теми, для кого это искусство оставалось предметом исследования, источником вдохновения.

Но при всем том начавшийся в 20-х годах процесс широкого, хотя и поверхностного, изучения новых горизонтов в искусстве имел свой скрытый глубокий смысл. Богатства нового эстетического материка были освоены, чужое стало своим, шире раздвинув границы общего.

Процессы взаимодействия, взаимовлияния различных культур происходят постоянно и повсеместно и являются существенными факторами всеобщего культурного развития. Этот процесс, как известно, может быть двусторонним, если в нем участвуют живые культуры, близкие по характеру и уровню развития. Несколько иначе обстоит дело, когда мы встречаемся с культурой исторических или современных народов, развитие которых шло своим самобытным путем. В этих случаях очень часто даже самое внимательное изучение оказывается недостаточным для установления подлинного контакта, в результате которого достижения чужой культуры становятся общим достоянием и получают новую жизнь в русле всеобщего всемирно-исторического развития.

Почти пять веков прошло со времени открытия древнемексиканских цивилизаций; более четырех веков они изучаются учеными всех стран, но до сих пор остаются книгой за семью печатями.

Вспомним, сколько должно было пройти времени, прежде чем были признаны древнерусская живопись, архитектура и народное искусство, хотя древние соборы, иконы и предметы крестьянского быта всегда находились в поле нашего зрения. Но и сейчас, когда пробудился серьезный интерес к этому искусству и уже проделана большая работа по его изучению, мы еще далеки от его подлинного понимания.

Современному человеку трудно себе представить, что восемь—десять веков назад жителю Западной Европы статуя Венеры Милосской показалась бы грубой, вульгарной, примитивной. Неверно думать, что поворот в сторону античности в европейском искусстве произошел внезапно в результате открытия памятников греко-римского искусства. Большая часть этих памятников с момента их создания всегда находилась там, где мы их видим теперь и где их вдруг «обнаружили» восторженные почитатели классики — гуманисты XIV—XV вв.

Встреча цивилизаций не исчерпывается единовременным актом, а является сложным длительным процессом, подготавливаемым в нед-

рах общества. «Встречи» могут быть как угодно часты, но диалог завязывается только тогда, когда для него подготовлена почва, когда в нем ощущается настоятельная внутренняя потребность, выражающаяся в необходимости заполнения некоторого общего или частичного культурного вакуума.

Связь настоящего с прошлым находит отражение не только в прямой преемственности, но также в особом внимании к определенным периодам истории. Следуя импульсам того же порядка, меняются и наши оценки в искусстве.

Для восприятия нового, самобытного всегда необходима какая-то сумма условий; до того как они появятся, мы смотрим и не видим, слушаем и не слышим. Никакие доводы не заставят нас признать совершенным произведение искусства, если эстетические концепции, каноны, по которым оно построено, не стали в какой-то мере нашими.

Что может дать простому зрителю даже самое подробное изложение законов, по которым построена скульптура или картина, если они не вызывают у него никаких эстетических эмоций? Теоретические знания при первом знакомстве ни на йоту не приблизят его к тому непосредственному восприятию-переживанию, которое само по себе является для зрителя мерилom художественной ценности и составляет основу отношения к искусству.

Должно пройти некоторое время, прежде чем мы по-настоящему начнем понимать сложность проблем, оценивать виртуозность и мастерство их разрешения. В процессе освоения инородной культуры теоретические знания постепенно преобразуются в прямые рефлексы. Это значит, что к правильному эстетическому восприятию чужеродных художественных явлений ведет не только специальная целенаправленная подготовка, но также и более или менее стихийные эволюционные процессы общего культурного развития.

«Если амфора отказывается ходить к источнику, она достойна быть осмеянной кувшином», — сказал В. Гюго. К концу XIX в. европейскому искусству угрожала опасность перерождения в фабрику фальшивых парфюмерных красок, изящных декораций, уютно отго-

раживающих человека от реального мира. В известном смысле таким «кувшином» для европейских художников явилось народное искусство Африки, напоминавшее о глубинных истоках, изначальных основах искусства. В то же время оно, по свидетельству самих художников, стало тем «источником вдохновения», откуда на первых порах черпала европейская «амфора» искусства. Этот процесс, несравненно более глубокий, чем то, что называют влиянием, не остался и не мог остаться односторонним. Диалог двух цивилизаций, обогативший европейское искусство новыми методами проникновения в сущность явлений, новыми элементами эстетического отношения к действительности, принес немало нового и самой Африке, особенно ее первому поколению профессиональных художников, работающих сейчас в новых для них областях искусства, таких, как масляная живопись, книжная и станковая графика, монументальная скульптура и современная архитектура. Профессиональное искусство в странах Тропической Африки появилось совсем недавно, но было бы неверно думать, что процесс освоения европейских «культурных залежей» африканцами начался только в последнее время. Он имеет столь же глубокие корни, как и тот, которого мы здесь коснулись.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иллюстрации, использованные для оформления книги

На переплете	Хлопчатобумажная ткань. Народность сенуфо (Берег Слоновой Кости).
На форзацах	Афро-португальская пластика. Слоновая кость.
На титуле	Маска. Дерево. Народность дан (Берег Слоновой Кости).
На шмуцтитулах	Голова большой статуи вождя (фрагмент). Дерево. Народность бембе (Конго). Маска одудуа. Бронза. Бенин (Нигерия). Скульптура из дворца Оба. Дерево. Народность йоруба (Нигерия).

Арабский корабль

Рельеф. Бронза. Бенин (Нигерия)

Статуя. Дерево. Народность
сенуфо (Берег Слоновой

Фигура предка. Дерево. На-
родность мамбила (Каме-

Дверь украшенная резьбой. Деревя. Народности ссифо. (Берез)

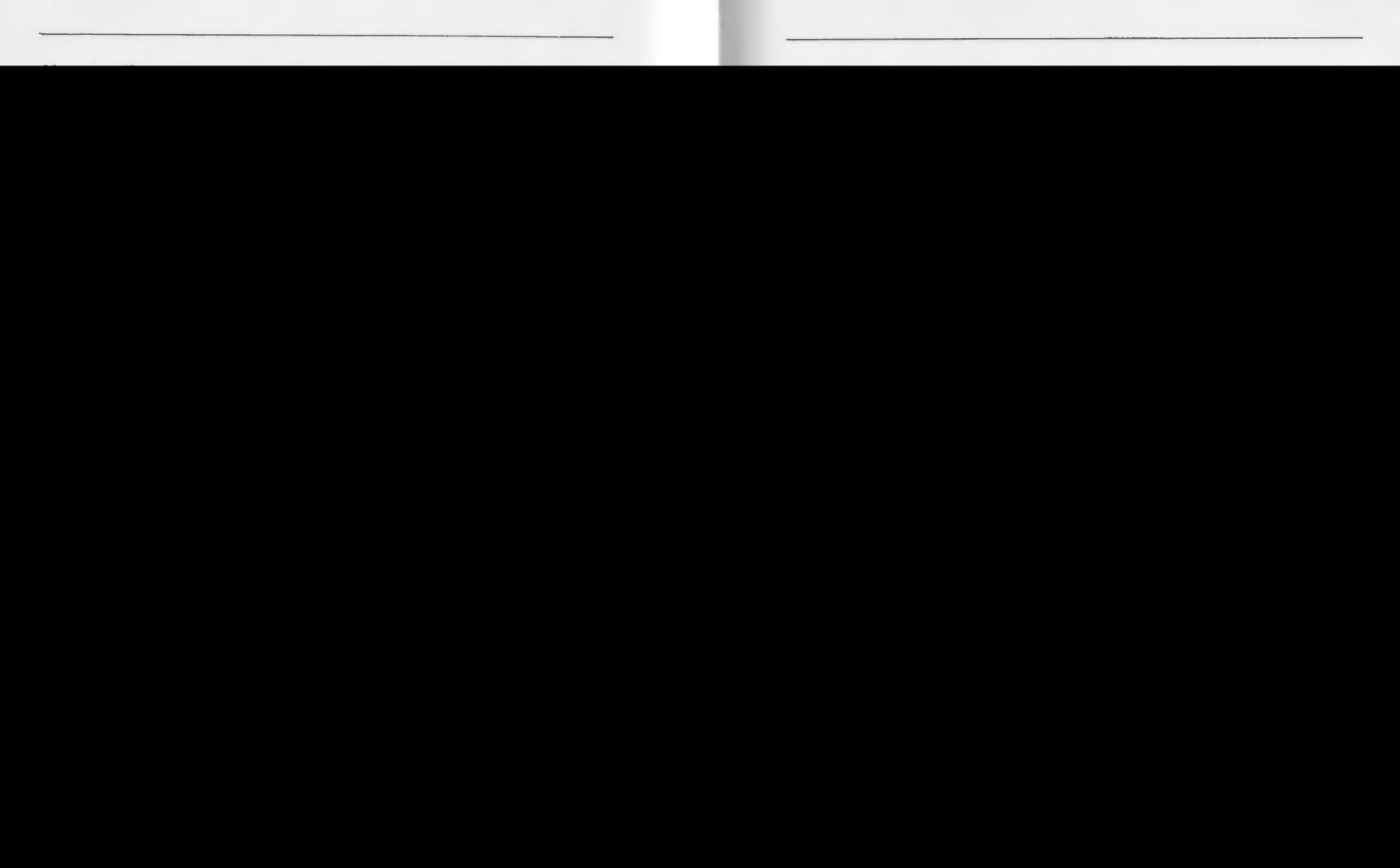
Большая статуя воинов (или охотников). П.

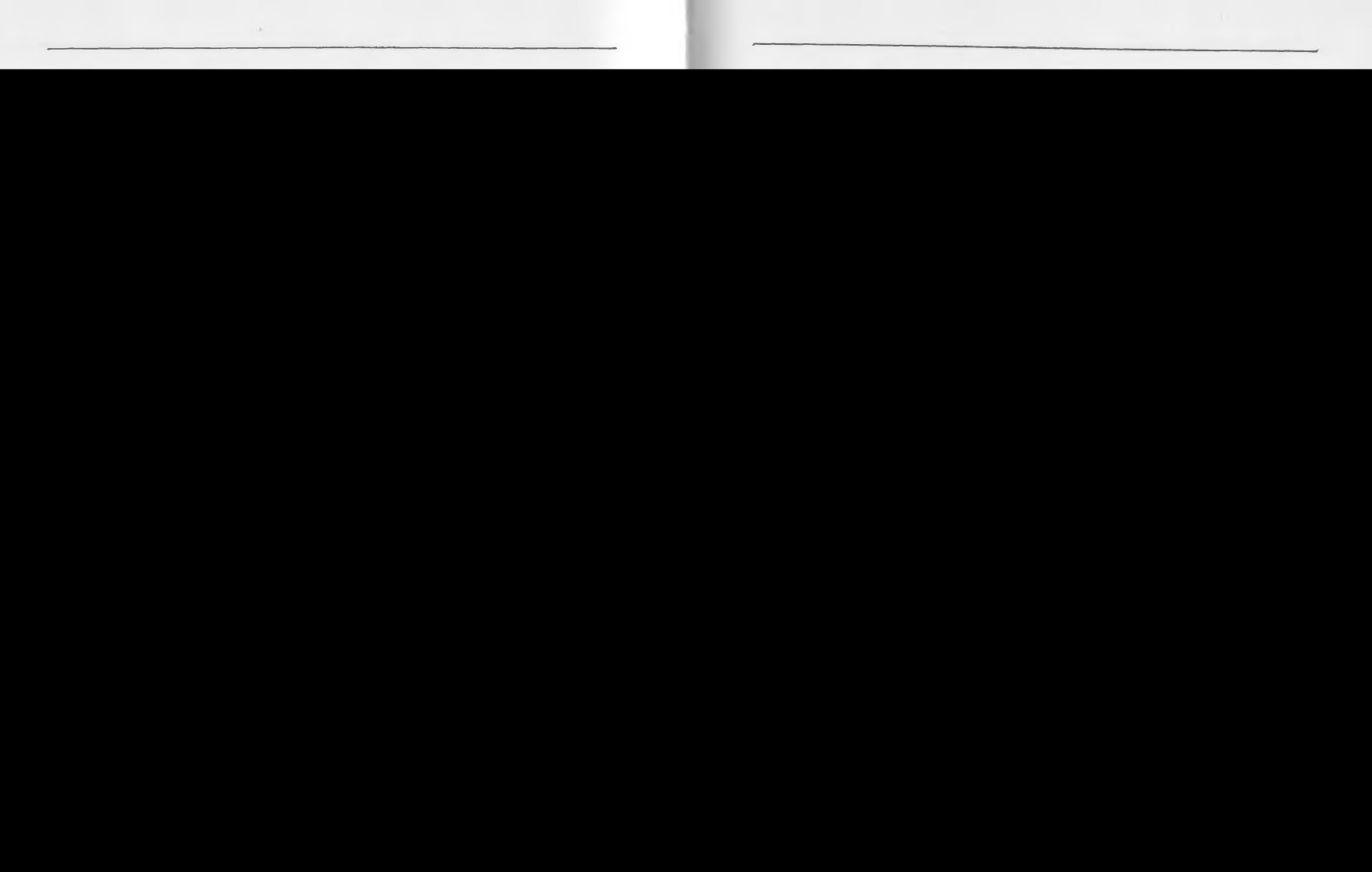
Маска. Дерево. Народность

Солонка. Слоновая кость

Солонка (фрагмент)

Статуэтка (деталь). Дерево

А. П. Черныш. Страница. Черныш.

Москва. Черныш. Черныш. У. П. У.

**Африка: встречи цивилизаций. М.,
А 94 «Мысль», 1970.
416 с. 8 л. илл.**

Эта книга о связях цивилизаций Африки с внешним миром. Она рассказывает о тех, кто первыми проник в сердце Черного континента, об армянских, грузинских, таджикских, азербайджанских, русских, украинских путешественниках, о латышской колонии в Гамбии, об эстонских миссионерах, первыми в мире начавших изучение ряда африканских языков, о первых культурных контактах Африки с народами других континентов.

В книге использованы малоизвестные материалы. Она богато иллюстрирована.

1-6-3

3-БЗ-36-70

9 (М)

**АФРИКА:
ВСТРЕЧИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Редактор

Младший редактор

Оформление художника

Художественный редактор

Технический редактор

Корректор

Г. П. Новикова

Ю. А. Старикова

А. А. Брантмана

А. Б. Бобров

В. А. Кудрявцева

Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 8 июля 1970 г. Подписано в печать 9 ноября 1970 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂, № 1. Усл. печатных листов 18,9 с вкл. Учетно-издательских листов 21,17 с вкл. Тираж 17 000 экз. А 07554. Цена 97 коп. Заказ № 1184.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· МЫСЛЬ ·

97 х 65.